

СМЕНА

Октябрь
2011

Рекс Стаун **Повелительница павианов**

Светлана Алексеевна **Чудный олень
вечной охоты**

ЗНАК КАЧЕСТВА

МОТОРНОГО МАСЛА

«ЛУКОЙЛ-ЛЮКС» – универсальное моторное масло на полусинтетической основе, первое российское масло, получившее официальное одобрение API (США).
Рекомендуется к применению в бензиновых двигателях и дизелях с наддувом последнего поколения. Имеет допуск компании Mercedes-Benz пункт 229.1 и ОАО «АвтоВАЗ» для перспективных двигателей. Лауреат конкурса «100 лучших товаров России».

«ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ» – универсальное моторное масло, предназначенное для применения в умеренной климатической зоне. Рекомендовано в качестве основного сорта для двигателей любых российских автомобилей.

«ЛУКОЙЛ-СУПЕР» – универсальное всесезонное моторное масло с высоким уровнем защитных свойств. Изготовлено с применением присадок фирм Shell, Lubrol, Exxon. Должностно к применению Mercedes-Benz.

«ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК» – полностью синтетическое моторное масло мирового уровня качества с увеличенным сроком замены. Имеет допуск Mercedes-Benz пункт 229.1 и 229.3, BMW Special Oil List и BMW Longlife, Porsche, Volkswagen 502.0 и 505.00 выпуска 1/97.

ДИСТРИБЬЮТОРЫ И ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ДИЛЕРЫ ОАО «ЛУКОЙЛ»

ООО «ЛУКОЙЛ-Адыгея»	385006, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Промышленная, 26	(87722) 2-30-00
ОАО «ЛУКОЙЛ-Архангельск»	164500, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. К. Маркса, 5а	(81842) 2-71-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Астраханьнефтепродукт»	414000, г. Астрахань, ул. Филолетова, 44	(8512) 39-08-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Волгограднефтепродукт»	400048, г. Волгоград, ул. Лесогорокки, 85	(8442) 36-93-44, 39-60-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Вологдаграднефтепродукт»	160035, г. Вологда, ул. Ленина, 13	(8172) 72-97-00
ОАО «ЛУКОЙЛ-Калининграднефтепродукт»	236016, г. Калининград, ул. Куйбышева, 13	(0112) 46-14-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Кировнефтепродукт»	610014, г. Киров, ул. Комсомольская, 89	(8332) 63-16-00
ОАО «ЛУКОЙЛ-Коминьнефтепродукт»	167610, г. Сыктывкар, ул. Интернациональная, 142	(8212) 42-53-00
ЗАО «ЛУКОЙЛ-Нефтепродукт»	101000, Москва, д/ч 302	(095) 917-59-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Пермьнефтепродукт»	614068, г. Пермь, ул. Ленина, 77	(3422) 10-05-70, 10-06-00
ЗАО «ЛУКОЙЛ-Пермь»	614600, г. Пермь, ГСП, ул. Орденикидзе, 4а	(3422) 10-39-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Санкт-Петербург»	197110, г. Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 37	(812) 346-84-00
ОАО «ЛУКОЙЛ-Саратов»	410028, г. Саратов, ул. Рабочая, 22	(8422) 29-15-00
ООО «Торговый Дом «ЛУКОЙЛ»	119121, Москва, ул. Бурденко, 24/2	(095) 753-89-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Тюмень»	625027, г. Тюмень, ул. Республики, 139	(3452) 49-39-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Холдинг-Сервис»	143400, Московская обл., г. Красногорск-5	(095) 753-82-00
ООО «ЛУКОЙЛ-Челябнефтепродукт»	454045, г. Челябинск, ул. Нефтебазовая, 1	(3512) 34-90-00

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ» ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела
литературы и искусства

Шамара Чинина

10 **2001**
октябрь (1644)

Сдано в набор 20.8.2001.
Подписано к печати 19.9.2001.
Печать офсетная.
Заказ № 2307
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
Бумажный проезд, 14.
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.
212-15-07 — для справок.
257-31-37 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
E-mail: smena@gamet.ru
www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"
[www.cron.ru](http://studio.cron.ru) (<http://studio.cron.ru>)
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. № 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"
Отпечатано в типографии
ООО ОИД "Медиа-Пресса".
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию:
257-42-29, 257-41-03
Журнал распространяется
на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 2001.

- 4 *Светлана Алексиевич*
**ЧУДНЫЙ ОЛЕНЬ
ВЕЧНОЙ ОХОТЫ**
Монологи любви

- 56 *Рекс Стаут*
**ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА
ПАВИАНОВ**
Зарубежный рассказ

- 136 *Александр Экштейн*
**ОПЕРУПОЛНОМО-
ЧЕННЫЙ АНГЕЛ**
Остросюжетный роман

- 244 *Александр Елацкий*
**А ЧЕЛОВЕКА
ЖАЛКО...**
Рассказ

- 48 *Светлана
Бестужева-Лада*
ОТ РОЖДЕНИЯ ДО...

- 129 *Илья Рюмин*
КЛОН "В ЗАКОНЕ"

- 192 *Борис Сопельняк*
**ДЕСЯТЬ ЛЕТ — ЗА
ПОЦЕЛУЙ ДОЧЕРИ
ВОЖДА**

- 202 *Сергей Баймухаметов*
ПОБЕДИТЕЛЬ

- 228 *Светлана
Бестужева-Лада*
**УМНЫЕ ТОЖЕ
УЧАТСЯ**

- 235 *Галина Калинина*
**НЕ ОДИН
В ПОЛЕ ВОИН**

- 254 *Людмила Прошина*
**НЕ ОШИБИСЬ,
ВЫБИРАЯ ПУТИ**

октябрь 2001

10

В НОМЕРЕ:

стр. 266

стр. 9

На 1-ой обложке:
Фото FOTO BANK.

32 *Любовь Русева*
**МОСКОВСКИЙ
МЕДИЧИ**

98 *Владимир
Соколовский*
**ДАВИД
ШТЕРЕНБЕРГ**

114 *Наталия Колесова*
МАЭСТРО

258 *Леонид Лернер*
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
В РАЙ**

266 *Ольга Быстрых,
Рамазан Рамазанов*
**ЖАСМИН
С БЕРЕГОВ КАСПИЯ**

45 *Екатерина Козырева,
Анатолий Усов*

Боб Рэндолл
ЗОВ

Автор мистического триллера "Зов" — известный американский писатель, получивший за него премию Эдгара По. Казалось бы, все в семье Ридов идет прекрасно: благополучная американская семья — любящие муж и жена, интересная работа, очаровательная дочурка... Но в один день все резко меняется — в жизнь Сьюзен Рид входит нечто страшное и необъяснимое, сопровождаемое таинственными телефонными звонками...

Юрий Поляков
**ВОЗВРАЩЕНИЕ
БЛУДНОГО МУЖА**

Эту житейскую историю можно было бы назвать просто анекдотом, настолько тривиальна описанная в повести ситуация: муж, жена и... секретарша. Но благодаря мастерскому перу автора, необычно закрученной концовке, анекдот превращается в настоящую прозу.

стр. 114

ноябрь '2001

АНОНС:

The image is a vertical composition with a warm, golden-brown color palette. In the upper portion, two white birds, possibly swans or herons, are perched on a nest of straw. Below them, the face of a woman with long, light-colored hair is shown in a close-up, looking downwards with a soft, contemplative expression. The text is overlaid on the image, with the main title in a large, elegant script and the subtitle in a bold, sans-serif font.

Чудный олень
веч
О

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ

О чем читатель прочтет в этой книге? О том, что все превращается в воспоминание. О том, как интересна жизнь каждого из нас. О том, что без мысли о смерти ничего нельзя понять. О том, как любовь бросает нас в глубь самих себя. О том, что человек не святой и не сатана, посредине — небесное животное. О том, что в любви человек ищет то же, что на войне и в преступлении. О том, что в каждом из нас притаилось два человека — мужчина и женщина. О том, что мы живем среди теней, среди невозможного и несбывшегося. О том, что в любви исчезаешь, как в смерти. О том, что на самом деле происходит между мужчиной и женщиной. О том, что нам недоступна жизнь и память тела. О том, что Христос тоже был мужчиной. О том, что умереть от любви можно и на войне. О том, что каждый может вспомнить то, о чем он не хочет говорить. О том, что в мире все любят друг друга — цветы, деревья, птицы... О том, что никакая техника не освободит нас от того, что мы должны любить, чувствовать, страдать. О том, что нельзя привыкнуть к мысли, что все исчерпывается пределами нашей жизни. О том, что есть мужчины, которые знают: интересно быть женщиной. О том, что есть время любви, и оно течет иначе, чем обычное время нашей жизни. О том, как тоскует человек о бессмертии. О том, что тайна нежна и беспощадна. О том, что боль — это искусство. О том, что маленькая смерть безумно близка. О том, что все русское печально...

С. А.

“Я женщина, светящаяся отраженным светом”

Она: — Он идет и... А иногда, когда я оборачиваюсь, то он парит над травой и не касается ее ногами. Я только так вижу его во сне... Я пребываю в том же состоянии, когда об этом рассказываю... (Замолкает. А затем радостно и торопливо.) Все это звуки, звуки... А музыка — она внутри меня, я ставлю эту пластинку и все возвращается обратно. Стоит лишь закрыть глаза...

Раньше я пугалась ухода, пока не поняла, что ничего не исчезает, не истлевает, все остается. Господи, какая же я счастливая, что это у меня в руках. Я упиваюсь мыслями, я упиваюсь воспоминаниями, я упиваюсь сама собой. Это двуполое существование, какой тут мужчина. Выше невозможно. Дохожу до себя, ловлю эти клочки... Я бываю в отчаянии, недолго, правда. Иду и иду. Есть путь, и я никуда не спешу...

...Мой первый муж... Это прекрасная история. Два года он за мной ухаживал, и два года мы прожили с ним, поженившись. Я очень хотела за него замуж, потому что мне нужно было его целиком, чтобы он никуда не делся. Я вспоминаю это как болезнь... Даже не знаю, зачем он мне так вот весь был нужен. Никогда не разлучаться, все время видеть и устраивать какие-то скандалы, и... секс, секс и опять секс. Он был первым мужчиной в моей жизни. Первый раз это вообще был такой... м-м-м... интерес просто, — что же такое происходит? Еще раз — тоже... и, в общем... какая-то техника... И вот так продолжалось полгода... А ему, вообще-то, не обязательно было, чтобы я это была я, он мог найти и кого-то другого. Но почему-то мы женимся... Мне двадцать два года. Вместе учимся в музыкальном училище. Не помню уже, как это произошло, но я полюбила мужское тело, когда оно тебе принадлежит... Я воспринимаю это значительней, чем одного человека, какое-то космическое явление... Отрываешься от земли, куда-то уходишь... Попытка ухода... *(Неожиданно засмеялась.)* Я люблю любовь... Это была прекрасная история. Она могла продолжаться без конца и могла в полчаса кончиться. Вот... Я ушла. Ушла сама. Он меня умолял остаться. Почему-то решила, что уйду. Так устала от него... Боже, как я от него устала... Уже беременна, у меня пузо... Зачем он? Занимались любовью, потом ругались, потом я плакала, потом опять занимались любовью. Если бы родился ребенок... Наверное, надо было подождать. Но вот я помню, что вышла из дому, закрыла дверь и вдруг почувствовала радость, что я сейчас уйду. Уйду насовсем. Уехала к маме, она жила здесь, в Москве, он примчался ночью и был совершенно сбит с толку: беременная, почему-то все время недовольная, что-то ей еще нужно. Ну, что еще? И я перевернула эту страницу... Была очень рада, что он у меня был, и очень рада, что его больше нету. Моя жизнь — всегда копилка. Было — и кончилось, было — и кончилось... Перевернула страницу... *(И опять засмеялась.)*

Ой, я так красиво родила Аньку, мне так это понравилось. Взвесили — четыре килограмма. “Слушайте, ни одного разрыва. Пожала маму”. Ой, когда ее назавтра принесли... Глаза — одни зрачки, черные, плавают и больше ничего не вижу...

У меня началась новая, совсем другая жизнь. Мне понравилось, как я стала выглядеть. Я стала красивее сразу... Анька тут же заняла свое место, я очень любила ее, но она не была у меня абсолютно связана с мужчинами. Кто-то ее сделал... Зачал... Нет!

С неба... И она росла самостоятельная. Научилась говорить, у нее спрашивают:

- Анечка, у тебя папы нет?
- У меня вместо папы бабуля.
- А собаки у тебя нет?
- У меня вместо собаки хомячок.

Мы с ней вдвоем вот такие... Я всю жизнь боялась... не быть собой. Даже, когда лечили зуб, просила: "Не делайте укол. Не обезболивайте". Мои чувства — это мои чувства, хорошие, больные, не отключайте меня от меня. Мы с Анькой нравились друг другу. И вот такие мы встретили его... Глеба...

Если бы он не был он, я бы никогда еще раз не вышла замуж. У меня все было: ребенок, работа, свобода. Вдруг он... нелепый, почти слепой, с одышкой... Впустить в свой мир человека с таким тяжелым грузом прошлого — двенадцать лет сталинских лагерей, забрали мальчишкой, шестнадцать лет... С грузом того знания... разницы... Это же, собственно, не свобода, я бы сказала. Что это? Зачем? Признаться, что я только жалела? Нет. Это тоже была любовь. Это была именно любовь. *(Говорит больше для себя, чем для меня.)* Уже семь лет без него... И мне даже жалко, что он меня такую, как я сейчас, не знал. Теперь я больше понимаю его, я до него доросла, уже без него. То, что я рассказываю... я опять боюсь... я боюсь, что я буду не я... Иногда страшно... Как в море... В море я любила заплывать далеко-далеко, пока однажды не испугалась — я одна, там глубина, и я не знаю, что там...

(Пьем чай. Говорим о другом. Так же неожиданно, как и кончились, воспоминания продолжаются.)

Ой, эти пляжные романы... Ненадолго. Коротенько. Такая маленькая модель жизни. Можно красиво начать, и можно красиво уйти, то, что у нас не получается в жизни, то, чего бы мы хотели. Поэтому мы так любим куда-то поехать. Вот... У меня две косички, платье в синий горошек, купленное за день до отъезда в "Детском мире". Море... Заплываю далеко-далеко, больше всего на свете я люблю плавать. С утра делаю зарядку под белой акацией... Идет мужчина, мужчина и все, очень обычной внешности, немолодой, увидел меня, почему-то обрадовался. Стоит и смотрит.

- Хотите, я вечером вам стихи читаю?
- Может быть, а сейчас я уплыву далеко-далеко.
- А я буду вас ждать.

Стихи читал плохо, все время поправлял очки. Но был трогателен... Я поняла... Я поняла, что он чувствует... Вот эти движения, эти очки, вот эта взволнованность. Но совершенно не помню, что он читал, и почему это должно быть таким значительным. Чувства — это какие-то отдельные существа — страдание, любовь, нежность... Они живут сами по себе, мы их чувствуем, но не видим. Ты вдруг становишься частью чужой жизни, еще ничего об этом не подозревая. Все происходит с тобой и без тебя...

Одновременно... “Я так тебя ждал” — встречает он меня на следующее утро. И говорит это таким голосом, что я почему-то в этот момент ему верю, хотя совсем не была готова. Даже наоборот. Но что-то меняется вокруг, не уловлю что, каким образом. Мне стало спокойно за то, что со мной будет, это еще не любовь, а просто я услышала... Такое ощущение, что вдруг получила чего-то много-много. Человек услышал человека. Достучался. Уплываю далеко-далеко... Возвращаюсь. Ждет. Опять говорит: “У нас с тобой все будет хорошо”. И почему-то я опять в это верю... Вот... Каждый день он встречал меня у моря... Пьем шампанское: “Это красное шампанское, но по цене нормального шампанского”. Фраза мне нравится. (*Смеется.*) Жарит яичницу: “У меня с этими яичницами интересное дело. Я их покупаю десятками, жарю парами, и всегда остается одно яйцо”. Какие-то такие милые вещи...

Все смотрят на нас и спрашивают: “Это твой дедушка? Это твой папа?”. Я вот в таком коротком платье... Мне двадцать восемь лет... Это потом он стал красивый. Со мной. Почему я? Я была в отчаянии все время. Служить. Другого пути нет. Или лучше не начинать. Русская женщина готова страдать — а что же ей еще делать? Мы привыкли к нашим мужчинам, нескладным, несчастным, такой был у моей бабушки, у моей мамы. Мы другого не ждем, нам это передается. А фантазерки мы жуткие...

— Я тебя вспоминал.

— А как ты меня вспоминал?

— Мне хотелось, чтобы мы с тобою куда-то шли. Далеко-далеко, взявшись за руки. И ничего мне не нужно, а чтобы я чувствовал — ты рядом. Вот нежность такая у меня к тебе — просто смотреть и идти рядом.

Мы провели с ним счастливые часы, абсолютно детские. Хорошие люди всегда дети. Инфантильные. Беспомощные. Их надо защищать.

— Может, уедем с тобой на какой-нибудь остров, там будем лежать на песке.

Это мое... А как вообще должно быть, я не знаю. С этим так, с другим иначе. Ну, как должно быть? Кто это измерит? И где эти весы?.. Вся русская культура построена на том, что несчастье — лучшие университеты, мы в этом выросли. А хочется счастья... Ночью просыпаюсь: что я делаю? Мне было не по себе, и я от этого напряжения... “У тебя все время напряженный затылок”, — замечал он. А как вытянуть, выбросить это из сознания... Что я делаю? Куда я падаю? Там пропасть...

Он напугал меня сразу... Вот хлебница... Как только он видел ... хлеб, он начинал его методично съедать. Любое количество. Хлеб нельзя оставлять. Это пайка. Вот ест и ест, сколько есть хлеба, столько и съест. Я не сразу поняла...

Его пытали зажженным светом... Мальчишка же, Господи... Шестнадцать лет... Целыми сутками не давали спать. Через де-

сятки лет он не мог выносить яркого света, даже яркого летнего солнца. То, что я любила, вот эту утреннюю яркость в воздухе, когда облака еще выше, плывут высоко-высоко над тобой. А у него могла подняться температура... От света...

В школе его били и писали на спине мелом: "Сын врага народа". Директор школы командовала... Детские страхи не пропадают, они сидят в человеке до смерти. Выныривают в тяжелые минуты... Торчат... И я это в нем слышала...

Куда я? Русские женщины любят найти вот этих несчастных. Моя бабушка любила одного, родители выдали замуж за другого. Как тот ей не нравился, как не хотела. Боже! И решила, когда в церкви батюшка с вопрошением обратится к ней: идешь ли по своей воле? — она откажется. А батюшка напился, и вместо того, чтобы спросить, как положено, сказал: "Ты его не обижай, он ноги на войне отморозил". Вот уже, конечно, надо выходить замуж. Так бабушка на всю жизнь получила нашего дедушку, которого никогда не любила. Это замечательная заставка ко всей нашей жизни. "Ты его не обижай, он ноги на войне отморозил". У моей мамы муж тоже был на войне, вернулся разрушенный. Жить с таким человеком, с тем, что он принес в себе, — большая работа, она легла на женские плечи. Никто не написал, нигде я не читала, как трудно жить с победителями. У Глеба в дневниках есть точная фраза: в лагере он понял — в России сидел каждый второй: за арестованного отца, за подобранный на колхозном поле колосок, за опоздание на работу, за недоносительство, за анекдот... Наши мужчины — мученики, они с травмой — или после войны, или после лагеря. Женщина врачует, врачует... Держит мужчину немножко за героя, немножко за ребенка. Спасает. До сегодняшнего дня... Советская империя пала... Теперь у нас — жертвы развала... Оглянитесь, сколько вокруг оказавшихся на обочине, на ходу сброшенных с паровоза — армия сокращается, заводы стоят... Инженеры и врачи на рынках колготками торгуют... Я люблю Достоевского, но он — это же зона. Военная тема в России вечная, у нас никак не получается сказать послесловие... *(Останавливается.)* Давайте передохнем... Еще чай согреем. И тогда дальше... Я должна пройти этот путь от начала до конца. Со своей чашечкой опыта...

(Через полчаса наш разговор возобновляется.)

Наверное, год прошел или чуть больше... Он должен был уже приехать ко мне домой, и я его предупредила, что мама у меня хорошая, а вот девочка не совсем... такая... Как она встретит, не ручаюсь. Ой, моя Анька. *(Хохочет.)* Все тащила к уху: игрушку, камень, ложку... Дети тащат в рот, а она к уху — как звучит! Я довольно рано начала заниматься с ней музыкой, но какой-то тупой ребенок, как только ставлю пластинку, она поворачивается и уходит. Ей не нравилась ничья музыка. Черта композитора: интересно только то, что внутри ее самой звучит. Ну, вот Глеб приехал, очень смущенный, подстригся как-то неудачно, корот-

ко, особенно красив не был. И привез пластинки. Начал рассказывать, как он эти пластинки купил. А у Аньки слух... она не слова слышит, а иначе... эти интонации... Сразу взяла пластинки: "Какие плекласные пластинки". Вот так началась и их любовь. Через какое-то время она меня ставит в тупик: "Как бы его мне папой не назвать?" Он не старался ей нравиться, просто ему было интересно. Они будут любить друг друга больше, чем меня. Оба. И он, и она. Думаю, что это было так. Я не обижалась, у меня другая роль... Вот он ее спрашивает: "Ань, ты заикаешься?" — "Сейчас уже плохо, а вот раньше хорошо заикалась". С ними скучно не было. Значит: "Как бы мне его папой не назвать?" Мы сидим в парке, Глеб отошел за сигаретами, возвращается: "О чем, девочки, речь?" Я моргаю ей — ни в коем случае, глупо же по крайней мере. А она: "Тогда ты скажи". Что остается? Признаюсь ему, что она боится, как бы его случайно папой не назвать. Он: "Дело, конечно, не простое, но если хочется очень, назови". — "Ты только смотри, — серьезно говорит мое чудо, — у меня есть еще один папа, но он мне не нравится, и мама его не любит". Так у нас с ней всегда. Мы сжигаем мосты. По дороге домой он уже был папа. Она бежала и кричала: "Папа! Папа!" На завтра в детском саду всем объявила: "Меня учит читать папа". — "А кто твой папа?" — "Его зовут Глеб". Еще через день ее подружка принесла из дома новость: "Анька, ты врешь, у тебя нет папы. Этот твой папа неродной". — "Нет, это тот был неродной, а это родной". С Анькой спорить бесполезно, он стал "папа", а я? Я — еще не жена...

У меня отпуск. Опять уезжаю. Он бежит за вагоном и долго машет-машет. Но уже в поезде у меня начинается роман. Едут два молодых инженера из Харькова и тоже в Сочи, как я. Боже мой! Я такая молодая. Море. Солнце. Купаемся, целуемся, танцуем. Мне легко и просто, потому что мир прост, ча-ча-ча-казачок и все, я в своей стихии. Меня любят, меня носят на руках, два часа в горы меня поднимают на руках. Молодые мышцы, молодой смех. Костер до утра... Вижу сон. Сон выглядел так: потолок открывается... Небо... Я вижу Глеба... Мы куда-то идем с ним, идем по морскому берегу, а там не отшлифованная волнами галька, а острые-острые камни, тонкие и острые, как гвозди. Я иду в обуви, а он босиком. "Босиком, — объясняет мне, — слышнее". — "Не слышнее, а больнее. Давай поменяемся". — "Что ты? У меня тогда не получится улететь". — И после этих слов он поднимается, складывает руки, как мертвый человек, и таким образом летит, его уносит. Я и сейчас, если вижу его во сне, то именно летящим. Только руки у него почему-то сложены, как у мертвого человека, совершенно не напоминают крылья...

Боже, я сумасшедшая, я никому не должна об этом рассказывать. Все-таки чаще всего у меня ощущение, что я в этой жизни счастлива. Даже когда его не стало. Я пришла на кладбище, и вот я помню, что иду... Он где-то здесь, такая острота счастья, та-

кая — мне хочется кричать. Боже... (Про себя. Неразборчиво.) Я — сумасшедшая... Со смертью остаешься один на один. А он умирал много раз; он репетировал смерть с шестнадцатью лет... "Завтра я буду прах и ты меня не найдешь". Мы подходим к самому главному... В любви я начинаю медленно жить, очень медленно жить... Медленными глотками... У нас сюжетные все эти истории, мы любим продолжения...

Отпуск кончается, я возвращаюсь. Инженер провожает до самой Москвы. Я должна обо всем рассказать Глебу... Прихожу к нему... У него на столе лежит еженедельник, весь исчеркан, обои в кабинете исписаны, даже на газетах, которые он читал... Всюду только три буквы: к, э, в. Большие, маленькие, печатные, прописью. Я спрашиваю: "Что это?" Он расшифровывает: кажется, это все? И вопросительные знаки везде... Как ключи... Ну, вот мы расстаемся и надо это как-то Аньке объяснить. Заехали за ней, а у нее привычка: прежде чем выйти из дому — порисовать! Тут она не успела, сидит в машине и рыдает. А он уже привык к тому, что она такая сумасшедшая, находил, что это талант. Это была уже семейная сцена: Анька плачет, он ей что-то объясняет, а я между ними... Так смотрит, смотрит на меня... (Молчит.) Я поняла: он безумно одинокий человек. (Молчит.) Какое счастье, что я не прошла мимо... Какое счастье! Надо жениться, он боится, потому что был уже дважды женат. Женщины предавали его, они уставали и их нельзя было винить... Я не прошла мимо... И я... Он подарил мне целую жизнь...

Он не хотел, чтобы его расспрашивали... Откровенничал редко, если начинал вспоминать, то какая-то бравада, чтобы это было смешно, зэковское такое, припрятывание за этим всего серьезного. Планочка другая. Например, никогда не говорил "свобода", а всегда "свободка". "И вот я на свободке". Редкое настроение... Тогда так вкусно рассказывал... Я просто чувствовала его радости, вынесенные оттуда: как достал куски шины, привязал их на валенки, и у них был этап, и он так радовался, что у него есть эти шины. Однажды принесли полмешка картошки и где-то на "свободке", когда работали, кто-то дал большой кусок мяса. Ночью в котельной они сварили суп: "И ты знаешь, это было так вкусно! Так замечательно!" Когда освободили, получил компенсацию за отца, ему сказали: "Мы вам должны за дом, за мебель..." Большие деньги. Он купил новый костюм, рубашку, туфли, купил фотоаппарат и пошел в ресторан "Националь", заказал все самое вкусное, пил коньяк, кофе с фирменным тортом. В конце, когда наелся, попросил, чтобы его кто-то в этот самый счастливый момент жизни сфотографировал. "Возвращаюсь уже на квартиру, где жили, — вспоминал, — и ловлю себя на мысли, что счастья не чувствую. В этом костюме, с этим фотоаппаратом... Почему нет счастья? Всплыли в памяти те шины, тот суп в котельной — вот там было счастье". И мы пытались понять... Где же живет это счастье? Лагерь он не отдал бы ни за что, не поменял бы. С шест-

надцати и почти до тридцати лет он не знал другой жизни, и если представлял себе, что вдруг бы не посадили, ему становилось страшно. Что бы тогда было? Вместо этого? Чего бы он не постиг? Чего бы не увидел? Вероятно, того самого стержневого, что и сделало его самим собою. На мой вопрос, "Кем бы ты был без лагеря?", отвечал: "Я был бы дураком и ездил на красной гоночной машине, самой модной". Лагерники редко дружат между собой, им что-то мешает. Что? В глазах друг друга они выслеживают то, что было, им мешают пережитые унижения. Особенно мужчинам. Лагерники к нам в дом редко приходили, он их не искал...

Его бросили к блатным... Мальчик... Что там с ним было, не узнать никому и никогда. Женщина может рассказать об унижениях, а мужчина нет, женщине легче говорить, потому что насилие заложено в ее биологии, в самом половом акте. Она каждый месяц начинает жизнь заново... Эти циклы... Сама природа ей помогает...

Дистрофия третьей степени... Лежал на нарах весь в фурункулах, мок в гное... Должен был умереть, но почему-то не умирал. Умер парень, лежавший рядом, он повернул его лицом к стенке. Спал так с ним три дня. "А этот жив?" — "Жив". Получалось две пайки хлеба. Ужас был такой силы, что утрачивалось чувство действительности, смерть уже не казалась странной. Не пугала. Зима. За окном лежат аккуратно сложенные трупы... Мужских больше...

Домой возвращался на верхней полке. Поезд тянулся неделю. Днем он не слезал, в туалет ходил ночью. Боялся. Попутчики угостят — расплатится. Разговорятся, и они узнают, что он из лагеря.

Он был безумно одинокий человек...

Заявлял теперь всем гордо: "У меня семья". Каждый день удивлялся нормальной семейной жизни, вообще как-то очень этим гордился. Только страх... Но страх воссался, вьелся в него, просыпался ночами мокрый от ужаса: не допишет книгу, не прокормит семью, я брошу... Сначала страх, а затем стыд за этот страх. "Глеб, если ты захочешь, чтобы я ради тебя танцевала в балете, я буду. Я на все способна ради тебя". В лагере он выжил, а в обычной жизни... Рядовой милиционер, остановив машину, мог довести его до инфаркта. "Как же ты остался там жив?" — "Меня в детстве очень любили". Нас спасает количество полученной любви, это наш запас прочности. Я была медсестрой... Я была нянькой... Актрисой... Чтобы он не увидел себя таким, какой он есть, чтобы он не увидел своего страха, иначе он не сможет себя любить. Любовь — это такой витамин, без которого человек не способен жить, у него сворачивается кровь, останавливается сердце. Ой, как много я добыла в себе... Жить, как бежать стометровку... (Молчит. Чуть-чуть качается в ритме каких-то своих мыслей.) А знаете, о чем он просил перед смертью? Единственная его просьба: "Напиши на камне, который будет лежать

надо мной, что я был счастливым человеком. Я столько успел: выжил, любил, написал книгу, у меня есть дочка. Боже мой, какой я счастливый человек". Кто-то чужой услышит или прочтет... Не поверит... Клинический, мол, случай... А он был счастливый человек! Он мне столько подарил... Я стала другая... Какая крошечная наша жизнь... Мне и восемьдесят, и сто, и двести лет мало. Я вижу, как смотрит моя старенькая мама в сад, она не хочет с этим прощаться. Никто не хочет с этим прощаться... Жаль, как жаль, что он такую меня, как я сейчас, не знал... Я его поняла... Я его только сейчас поняла... Он немножко меня боялся, чуть-чуть боялся. Боялся моей женской сути, какого-то... Не раз повторял: "Запомни, когда мне плохо, я хочу быть один". Но... Я не могла... Мне необходимо было следовать за ним ... (Молчит, что-то додумывая.) Жизнь нельзя очистить до смерти, чтобы она была чистая, как смерть. Вот когда человек становится красивым, какой он есть. К этой сути в жизни, наверное, немислимо пробиться. Приблизиться.

... Когда я узнала, что у него рак, я всю ночь лежала в слезах, а утром помчалась к нему в больницу. Сидел на подоконнике, желтый и очень счастливый, он всегда был счастливый, когда что-то менялось в жизни. То был лагерь, то была ссылка, то потом началась воля, а вот теперь еще что-то такое... Смерть как воля... Как перемена...

— Боишься, что умру?

— Боюсь.

— Ну, во-первых, я тебе ничего не обещал. А, во-вторых, это будет не скоро.

— Правда?

Я, как всегда, ему верила. Тут же вытерла слезы и убедила себя, что мне опять надо ему помочь. Больше не плакала... Приходила утром в палату, и тут начиналась наша жизнь, то мы жили дома, а теперь живем в больнице. Полгода еще прожили в онкоцентре...

Не могу вспомнить... Так много говорили, как никогда, целыми днями, а вспоминаются крохи... Отрывки...

Он знал, кто на него донес. Мальчик с ним занимался в кружке Дома пионеров. Написал письмо. То ли сам, то ли заставили: ругал товарища Сталина, оправдывал отца, врага народа... Ему следователь это показал... Всю жизнь Глеб боялся, что тот узнает, что он знает, однажды даже хотел его вспомнить в своей книге, но потом ему передали, что у того родился неполноценный ребенок, и он побоялся — вдруг это возмездие. У лагерников свои отношения с доносчиками... С палачами... Они часто встречались на улице, так получилось, что мы даже жили рядом... Глеб умер, и я рассказала нашей общей подруге... Она не поверила: "Н.? Не может быть, он так хорошо говорит о Глебе, как они дружили в детстве. Плакал на кладбище". Я поняла, что не должна... Не должна... Есть черта, которую человеку опасно переступить...

Все, что написано о лагере, написали жертвы. Палачи молчат. Мы не умеем их различить среди других людей. Вот... А он не хотел... Он знал, что для человека это опасно...

Он привык умирать с детства... Не боялся этой маленькой смерти... Бригады-блатные продавали их пайки хлеба, проигрывали, и они ели битум. Черный битум. И погибали, склеивался желудок. А он просто перестал есть, только пил. Один мальчишка побегал... специально побегал, чтобы застрелили... По снегу, под солнцем... Целились... Стреляли... Весело... Как на охоте... Как в утку... Застрелили в голову, приволокли на веревке и бросили... Там у него страха не было... А здесь нужна была я...

— Что такое лагерь?

— Это трудная работа.

Слышу... Как будто слышу его голос...

— Выборы. Даем концерт на избирательном участке. Я — конферансье. Выхожу на сцену и объявляю: выступает хор. Стоят политические, власовцы, проститутки, карманники, — поют песню о Сталине: “И летит над просторами дальними наша песня к вершинам Кремля”.

Заходит с уколом медсестра: “У вас уже красная попа. Места нет”. — “Конечно, у меня красная попа, я ведь живу в Советском Союзе”. Мы много смеялись даже в последние дни. Очень много смеялись.

— День Советской армии. Я читаю на сцене Владимира Маяковского “Стихи о советском паспорте”. “Читайте. Завидуйте. Я — гражданин Советского Союза”. Вместо паспорта у меня кусок черного картона. Показываю... И вся вохра мне завидует... “Я — гражданин Советского Союза”. Завидуют проститутки, бывшие советские военнопленные, карманники...

Никто не узнает, как это было на самом деле, с чем они уходят. Он был безумно одинокий человек... Я его любила...

Оглянулась у двери — помахал рукой. Возвращаюсь через несколько часов — он уже в коме. Кого-то просит: “Подожди... Подожди...” Потом перестал, просто лежал без сознания. Еще три дня. Мне поставили кровать с ним рядом. Третий день... Уже трудно колоть внутривенные... Тромбы... Я должна разрешить врачам все прекратить, ему не будет больно, он не услышит. И мы с ним остались вдвоем... Ни приборов, ни врачей, к нему никто больше не заходит. Я прилегла рядом. Холодно. Забралась под одеяло к нему и уснула. Проснулась, но не открываю глаза, мне показалось: мы спим у себя дома, открылся балкон... он еще не проснулся... С закрытыми глазами... Открываю — все вспомнила... Тут заметалась... Встала, положила руки ему на лицо: “А-а-ах...” — услышал меня. Началась агония... и я ... так сидела и руку держала, последний удар сердца я послушала. Еще долго так сидела... Позвала нянечку, она помогла мне надеть ему рубашку, голубую, его любимый цвет. Я спросила: “Можно посидеть?” —

“Да, пожалуйста. Не бойтесь?” Никому не хотела его отдавать. Он был моим ребенком, мама с ребенком не боится оставаться... Чего ей бояться? К утру он стал красивый. Исчез с лица страх, ушло напряжение. Вся жизненная суета. И я увидела тонкие, изящные черты. Лицо восточного принца. Вот какой он! Вот какой он на самом деле! Таким я его не знала. Таким он со мной не был. *(Плачет. Впервые за весь наш разговор.)*

Я всегда светила отраженным светом... Могла сотворить, создать... Это была, конечно, всегда работа. Всегда работа. Даже в постели... Чтобы у него получилось, сначала — он, потом — я. “Ты — сильный, ты — добрый, ты — самый лучший. Замечательный”. У меня в жизни не было мужчины, который бы захватил меня так, чтобы я не чувствовала себя нянькой. Мамой. Сестрой милосердия. Я всегда была одинока... Были романы... И сейчас есть друг, но он тоже весь как-то зажат, несчастен, неуверен, потому что такая жизнь, вся наша история. В одной стране выросли — при социализме, а в другой сейчас живем — при капитализме. Опять на руинах. Даже Глеб был смелее, после Магадана... После лагеря... У него был гонор: а вот я выжил! а вот я перенес! я такое видел! Он был гордый. А у этого во всех клетках страх сегодняшний... Еще непонятный, необжитый страх... Ему пятьдесят лет, а надо начинать новую жизнь... Только у меня одна роль... Все та же роль...

И все-таки я была счастлива... Пусть это была трудная работа, но я счастлива, что эта работа у меня получилась... Чаще всего у меня в жизни ощущение, что я счастлива. Стоит лишь закрыть глаза...

“Я — женщина, родившаяся для греха”

Она:— Если бы я умела писать... Нет у меня этих слов нужных... Кто-нибудь скажет, что вся моя жизнь сплошной грех. А с другой стороны, посмотрите, ведь это любовь. Я одариваю собой, своим телом, своей душой, я дарю любовь другим людям, мужчинам. Ах, как я хотела бы залезть в мужскую голову и послушать, что они думают. Так хочу узнать! Постоять где-нибудь за дверью и проникнуться, что говорят не обо мне, а о нас. Я думаю, что самый большой грех не измена, а отказ от познания. Человек боится, отказывается исследовать себя. А это всегда дорога, всегда путь, от одного к другому. Потому что я думаю, вот иногда... Для меня под вопросом: грех это или не грех? Это жизнь. *(Заколебалась, а следом — весело, азартно.)* Но у меня много жизней. Какую вам открыть? Я — хорошая жена, толковый инженер, любимая мама. Какую? Ту потаенную... Я люблю любовь, считаю, что я — гениальная женщина. Я люблю секс. Не любовь порождает секс, а секс — это само по себе увлекательное занятие. Полет! Для меня любовь... Как для кого-то быть писателем или художником. Именно секс для меня любовь. Этот процесс... Праздник тела... Язык тела... Всё душа-душа. А тело? На луну

летают, а собственное тело — механизм или инструмент. Табу. Не дай бог коснуться этого... Гениальных мужчин я не встречала, гениальных мужчин я делала своими руками. Мне неинтересны книжки, потому что я пережила, испытала больше, чем в них написано.

Мое первое воспоминание... елка... и появляется мой папа. Я помню его лицо, колючие усики. Танцуем вокруг елки, дурачимся. А потом он уезжает, исчезает, как во сне. Мечтала, что буду летчиком. Лягу спать и воображаю: какая красивая форма... А фуражка! Папа был летчик. Рисовала в мечтах, как лечу: внизу синее море, а сверху синее-синее небо. Все в синем цвете. Надо вырасти и стать мужчиной. Мой младший брат, наверное, до четырех лет говорил о себе: "Я пошла. Я сделала". Его поправляли: "Не пошла, а пошел". Но он не слышал другого, у нас в доме не было мужчин. Жили мы с мамой и бабушкой. Мать никогда не жаловалась, она — сильная женщина. Я выросла с убеждением, что мужчина не обязательно нужен, без него можно обойтись. Звали дикаркой, потому что я дружила только с девчонками, хотя в первом классе безумно влюбилась в мальчика с нашего двора. Тихонечко-тихонечко его любила и страшно боялась, что кто-нибудь дознается, как я его люблю. Всему учил двор, а не мама. Откуда дети берутся? Примерно так: дяди и тети балуются и... Еще какие-то намеки, но очень быстро все это в голове соединилось и воплотилось в некий порядок. Когда мама посадила меня на стул, решив, наконец, просветить: "Доченька, как у всех девочек..." Я ее тут же успокоила: "Мама, я все давно знаю". Я уже слышала, чувствовала в себе... Вот такое чувство, как будто я беременная, какое-то движение, шевеление внутри меня. Вечером сняла халат... Стала перед зеркалом... Я уже не я... Как-то так необычно, как-то так торжественно. Запомнилось это на всю жизнь. Я ждала своего часа...

Иногда хочется вернуться... В детстве мой сын вместо "вспоминать", говорил "сходить назад". Когда умерла моя мама, он никак не мог понять, почему нельзя "сходить назад" к бабушке. Почему нельзя? Любовь поселяется в тебе, а потом уходит. Покидает. Как душа. Чувства умирают, как люди. Тогда я страдаю, тоскую по своему чувству, жить без любви невыносимо. Моя жизнь не бывает без любви, обязательно кого-то люблю. У меня семья, у меня муж, но недавно я поняла, что не хочу вести с мужчиной быт, ездить вместе в отпуск... "Ты опять не поменял рубашку. Бросил мне грязные носки..." "Ну, конечно, картошка пригорела. Я устал, помолчи". Мне мужчина нужен для полета... Чтобы взлететь... Для меня мужчина — средство полетать. Пусть он будет свободный от меня, а я от него. Если бы не наша жизнь, проклятая наша жизнь: маленькая квартира, безденежье... И быт, быт, быт... Наступает минута, когда хочется все разбить вдребезги... Вдребезги...

В девятнадцать лет выскочила замуж. На первом курсе института. Мы с мужем однокурсники. Жили в общежитии. Наверное, заметили мы друг друга раньше, но до того вечера никак не пересекались, я с кем-то дружила, он с кем-то встречался. После танцев шли по проспекту от парка Челюскинцев, тогда конец города, до общежития пешком, два часа. Даже не целовались. Уже возле моей комнаты, на втором этаже... Уже: пока, пока. “Ты одна?” — спросил, как позвал. — “Сегодня одна”. Слов лишних не было. Все — потом. Сделал он это... Этот процесс... Сделал умело, осторожно, не испугав меня. У него, конечно, уже кто-то был, я не спрашивала, никогда не задаю мужчинам лишних вопросов. Моя политика. Первое ощущение... почти рвоты, тошноты. Физической тошноты. Второй раз... Через час, полчаса... Мне уже это очень понравилось. Хотя получать то, что можно получить от любви, я научилась не скоро. Когда родила первого ребенка... Я долго ждала своего часа... (*Засмеявшись.*) Напишите книгу о кровати. О студенческой кровати, о железной кровати с матрасом, провисающим до пола. До самого пола. Все главное с человеком происходит на кровати, а не на небе. Не в парламенте и не в театре. На кровати он появляется на свет, там занимается любовью и там умирает. Вот вам сюжет...

Влюбилась я... Конечно, тут же забеременела... Я его любила, и он меня любил не меньше, чем я его, но были мы совсем молодые. Он, как мужчина, не созрел. Мальчик. Нам бы встретиться позже, получилась бы идеальная пара. Идеальная. И вот — свадьба! Свадьбу помню, а чувства свои или мысли — нет. Посмотрю сейчас на фотографии, прокручу, как кино. Его мама была против, он у нее единственный, залюбленный. Вырастила одна, без мужа. Ревновала: “Я ее еще не знаю, а уже ненавижу”. Всю жизнь ревнует. А мне уже рожать. Мне страшно, мне плохо. Раз в неделю вызывают “Скорую”. Забирать в больницу приехала старая медсестра:

— Любишь?

— Очень!!

— Родишь красивого мальчика.

— Откуда вам известно?

— От любви всегда красивые дети получаются.

Это — чудо. Из невидимого мира они приходят в видимый, наверное, там, на небе, души сторожат, когда люди любят друг друга и просят на землю. Летают над влюбленными... Но вот проза: через несколько месяцев у меня нервный срыв. От перегрузок, от недосыпания. Каждую ночь муж обещает: “Сегодня ночью я встану, когда он проснется. Ты спи”. Но он не слышал детского плача... Я — одна... А еще — сессия. Надо сдавать экзамены. Он не понимал... Молодой, сильный, он не мог мне помочь, а я думала: если любит, должен помочь. Значит, мало любит, не так любит. Всплыли обиды... Обиды никуда не уходят, они копятся, лежат горбом, и человек ходит с этим горбом. Все припом-

нила... Как ходила беременная... толстая и веснушчатая... И как он исподлобья глядел на меня... С чужим любопытством. Я мало ела, не хотелось есть, но иногда вдруг чего-нибудь так захочется... невольно. Шли по улице... И мне захотелось мороженое. Купили пломбир. Глотала, запихивала его в себя, как ненормальная, текло по пальцам, капало на платье, еще и носовой платок пропал. "Как противно, когда идут по улице и жуют". Тут же безмолвно выбросила мороженое в урну. В горле засел комок. Любовь — капризный цветок. Хищный. *(Словно пробует слово на вкус.)* Хищный цветок...

Пью утром чай и до меня доходит, что так жить нельзя, без любви жить нельзя. Я вынуждена что-то предпринять. Что? Начала убеждать себя, оставалась одна и повторяла часто вслух: "Я люблю своего мужа, он — хороший. Я его люблю". Уже работала, а не училась, ребенок подросток, я похорошела. Открылись какие-то новые чувства, очень зрелые. И он тоже отозвался, почувствовал дом, тепло. Прибегу с работы пораньше, приготовлю что-нибудь вкусненькое. Мы родили второго ребенка... Девочку... Она тоже дитя любви... *(Зазвонил телефон — выход из разговора, причинявшего боль.)*

Кручу-кручу это кино... Так прожили мы два года. Все спокойно, хорошо. Тихо. Но я еще не знала себя... Разум не может оградить нас от несчастий. И от любви. Он способен только совершенствовать технику, комфорт, но не человека, он бессилен в чувствах. Себя я виню. Себя виню лишь в том, что держу его возле себя, видимо, будучи более сильной. Наверное, что-то еще можно было тогда изменить? Не надо ни в чем искать логического конца... Грех или не грех? В любви все законы физики перестают существовать, перестают действовать. Это дальше физики... У него был друг. Часто заходил к нам, звонил. Но я о нем никогда не думала... и чтобы он мне нравился... нет. Друг моего мужа. *(Совершенно неожиданно.)* Иногда охватывает такая грусть. Такая минута, что смерть не кажется странной, я не боюсь смерти. У вас бывает? *(Без перехода продолжает дальше.)* По вечерам мы с мужем часто читали, ляжем — он свое читает, я — свое. Читаем, и он уснул, я смотрю на него, и у меня вдруг пробегают мысль, мгновенная вспышка: Боже мой, если с ним что-то случится, то его место займет тот человек. И представляю его друга, как он здесь лежит, спит. Никаких поводов, никаких взглядов, слов, абсолютно ничего. Подумала так и забыла об этом.

Мой муж в командировке... Звонок. Звонит его друг:

— Привет.

— Привет. Его нет дома.

Молчание.

— А я не ему, а тебе звоню.

Теперь моя очередь молчать. Но я почувствовала, что между нами заработала какая-то связь. Нас понесло... одним течением... Закручивает... Я кладу быстро трубку...

Время проходит, я уже и звонок этот забыла. Дети у свекрови на даче, муж снова в командировке. В Ярославле пускали новый завод, он не появлялся дома неделями. Работа у него всегда на первом месте. Вся кухня — в чертежах, спальня — в чертежах. И так всегда, сколько мы живем вместе. Такие наши мужчины. Всю жизнь они строят Родину, защищают, а мы строим дом. Единственное хобби — раз в неделю баня и волейбол. Расслабиться. Остальное все ему не интересно. Это у женщин любовь может стать всей жизнью, а у мужчин — это часть жизни. Только часть. Заметьте, я никогда не говорю плохо о своем муже, я его берегу. Он — хороший человек. Замечательный. Так вот... Осталась я в квартире совершенно одна, впервые за много лет, и я растерялась от свалившейся на меня свободы. У меня возникло чувство, что сегодня что-то должно произойти, я кого-то встречу. Ничего конкретного, только чувство. Вышла в магазин, и опять это чувство, даже остановилась посреди улицы, стала осматриваться, искать кого-то, кого я должна встретить... совершенно нелепое состояние.... Шла и шла без цели... В конце концов устала, сумка тяжелая, села в метро и вернулась домой. Открыла дверь. Посидела... Развела стирку, уборку.

Телефонный звонок. Друг моего мужа...

— Привет.

— Привет. Его нет дома.

— А я не ему, а тебе звоню. — И скороговоркой, чтобы не успела бросить трубку. — Хочу тебя видеть. Жду в парке.

Подумала — нет-нет, но не сказала — нет-нет. Доубирала, еще какие-то постирушки. Вымыла волосы. В мозжечке сверлит: нет-нет. Перемерила несколько платьев... Блузок... Нет-нет... Кто-то еще звонил, разговаривала, тянула, как могла. Нет-нет... Один час, второй... По дороге в парк заскочила в детский магазин, купила обещанный сыну спортивный костюм. И вернула в парк просто так, в надежде, в полной уверенности, что меня уже никто не ждет. Он ждал три часа. С цветами. Неуклюже как-то обнял. Я увидела себя со стороны: какая-то дура с огромным пакетом (после магазина) и букетом роз стоит посреди парка, а какой-то болван ее обнимает. Вот, наверное, веселая картинка! Взял за руку... Его обручальное кольцо причинило мне боль... Стал говорить... Какие-то необыкновенные, красивые слова...

Мы стали встречаться. Состояние звездное. Гуляем по улицам, по паркам, больше по паркам и ботаническому саду, чтобы никого из знакомых не встретить. С тех пор любовь мне кажется бездомной, у нее нет дома. Два взрослых человека сидели в парке на скамейке, целовались и грели руки в кармане друг у друга. Боже мой! Что со мной творилось. Пела. Ликовала. Я поняла — жизнь продолжается...

Сообщил радостно:

— У меня ключи.

— Какие ключи?

— От квартиры...

А я, на счастье, снова одна: у детей — школьные каникулы, они с мужем в деревне у его сестры, ходят на рыбалку, им хорошо... Поехала по указанному адресу. Встретил вопросом:

— На сколько останешься?

— Посмотрим, — еще не знала.

Пять дней... Пять дней мы не открывали дверь, не отзывались на телефонные звонки, не выходили из дому. Ночь, день, утро — все перемешалось. На улице — дождь, серый дождь. (*Повернула голову к окну.*) Как сегодня. Это был полет над всем, над всем мусором и мелочью жизни. Я впервые узнала любовь. Он поднял меня на такую высоту... Сделал из меня королеву... Поставил на пьедестал... Спали три-четыре часа в сутки. Короткое забытие, очень короткое. И нас снова бросало друг к другу. Когда я приходила в себя, пугалась, что могла бы не прожить эту жизнь, не догадаться, что она существует. Чуть не умерли от голода, в чужом холодильнике разыскали кусок мяса, на балконе сетку картошки и яблоки. Кислые-кислые яблоки. Как во сне вставала, что-то готовила у плиты, пили какой-то чай. Он прихватил с собой бутылку коньяка... коньяк нам не понадобился, вспомнили о нем перед тем, как уже надо было расходиться. Алхимики что-то ищут, вечный двигатель. Зачем искать? Каждый час, два раза в час... И так все двадцать четыре часа... (*Посмотрела на меня весело.*) Обычно прячут, затаивают... А любовь она больше всего из этого... С этим... И мне совсем не стыдно за мою откровенность, за мою бесстыдность, я это пережила, этот взлет. “Я люблю любить!”, — кричала я. “Моя бесконечность” — называл он меня. Это стало моим именем. Я люблю любить... Этот процесс... Этот праздник... Шла цветовая окраска. Солнечно — оранжевые цвета. Бывали ярко-красные. Могли быть зеленые оттенки, но обязательно с добавкой желтого. Радуга во мне. “Почему ты неласковая?” — обижался муж. А мне не нужно “до”, мне нужно “после”, мне оно нужно, чтобы возобновить это все, вылить свою благодарность за счастье. За полет... За то, что я была над землей. Над собой. “Какая ты ласковая. Какая ты нежная”, — слышало мое ухо, слышало мое тело. Я помню, что раньше меня пугали эти... запахи... мне они казались какими-то дикими, неприятными. Скорее — под душ. А тут я их любила, пила их, дышала ими... Умывалась... Омывалась... Я поняла, что они естественные, совершенные. Божественные! Именно этот запах, возникающий в этом процессе... запах желания... Страсти... Запах бушующей природы... Я знаю тайну... Я знаю, что после... когда нечаянно, случайно в комнату, где только что была любовь, зайдут другие, то у них возникает потрясающее настроение, все становится радостными, добрыми. Воздух начинается молекулами любви, ее таинственной материей, образуется кольцо любви. Этот магнит. Один раз в троллейбусе вскочил на подножку

мужчина, стал близко возле меня, и я слышу этот запах... Он только что от женщины. И он догадался, что я догадалась. Мужчина незнакомый, чужой. Мы с ним глянули один на другого как заговорщики...

Мой муж... Он меня такую не сотворил. Иногда мне его жалко, жалко не за то, что я ему изменяю, а что он этого не знает. С ним не случилось. А я слышу... Я слышу запахи любви... Я слышу эти запахи везде, как беременная, я слышу их часто весной, даже в природе. В парке, в лесу. А чем пахнет муж? Это запах дома, кухни, стирального порошка... Что-то еще... Это совершенно другое. А там, где вы встретились для любви, пахнут сигареты, духи... пахнет сама любовь... Помню запах черемухи. Меня ждал на столе букет черемухи. Дикий запах черемухи и запах любви, они соединились... "Мы умрем и нас это не волнует". — "О чем ты?" — удивился он. Раскинул руки, лежал такой счастливый... Можно сутки пролежать на спине... и прожить целую жизнь, пережить массу разнообразных чувств, мыслей. Любовь — долгое-долгое путешествие... Ты путешествуешь по своей душе...

Муж о чем-то догадывался. Но со мной бессмысленно настаивать, я буду молчать, реагирую абсолютным молчанием. Я закрыла для него дверь любви...

Душа отпускается на волю — вот что такое любовь. Она поднимается, она вырывается из нашего наивного и суетного существования. В жизни вдруг появляется смысл, ты прорываешься к некоему вдохновенному, высокому смыслу, который другим образом не постичь. Только любовью. Только в любви. Я неслась в шорах, с закрытыми глазами, не замечала ничего вокруг себя, и он тоже. Все свободное время мы проводили вместе. Как красиво мы собирались жить, обсуждали, как я грезила: куплю себе пушистый халатик и комнатные мягкие тапочки, у нас будет гнездышко, свое гнездышко. А если не получим квартиру, уедем в деревню, он так привязан к своей деревне. Мечтает о ней. Это я поеду в деревню и буду там жить? Я, которая не отличит пшеницу от гречки, а в деревне была один раз, когда из института послали на картошку, тут же схватила воспаление легких и через неделю прикатила назад. Тем не менее примерялась, готовилась. Моя самая сильная, самая высокая, самая яркая... Моя звездная любовь... *(Разговор резко обрывается. Закуривает и успокаивается.)* Я изучила любовь, это моя стихия, но я не изучила мужчин. Любовь — то, чем поступаются прежде всего, первое, от чего отказываются, без чего могут жить. Ромео и Джульетта? Гамлетовские страсти? Это было вчера, когда-то, может быть. Деньги, власть, карьера — вот мужская жизнь. Политика, бизнес. Ошибка, моя ошибка. Верила — через месяц. Через год. Вот дети подрастут. Пойдут в школу. И так семь лет. Если встретила любовь, то надо сразу рубить, отрезать все пути назад. Если бы он нашел в себе силы... Если бы я... Мы были бы вместе. Я тогда еще могла родить ребенка, очень хотела иметь от него ребенка. От та-

кой любви. Через несколько лет заболела его дочь, у девочки — лейкоemia. “Моя бесконечность. Моя...” Но что-то уже хрустнуло... Говорил только о дочери, о врачах... Я превратилась в кабинет психологической разгрузки, но еще не осознала до конца, еще не въехала, что он... ну, что он никогда не уйдет из семьи, никогда не будет со мной. Никогда! Были допросы с пристрастием, он мило молчал. Потом великолепно делал свое дело... Когда я успокаивалась, обещал: “Еще немного. Потерпи”. Такие ласковые руки, зажигали меня мгновенно: “Мы с тобой на одной орбите”. А у меня внутри крик: никогда! Никогда!

Я стала совершенно другая, не могу объяснить, почему. Я стала какая-то шальная: мне надо завести второго любовника... У моих подруг у всех романы, но романы на два-три месяца, редко у кого они длительны. Быстро — разочарование, чувство ошибки или сцена ревности. Это я бегу на длинные дистанции, стайер, у меня всегда — семь-десять лет. Романы серьезные, романы такие взлетные. Но я умираю... Зачем жить, раз умерла любовь? Не хватает воздуха, меня сжигает. Жар... Я тяжело заболела. Пограничное состояние... Чувство края... Я перестала думать... Уже не думала о любви. А дети? Мои дети. И они отступили куда-то, все отошло, абсолютно все. Оглушило жуткое физическое страдание. А потом и боль утихла. Исчезло ощущение своего тела вообще, я существовала без всего. Я была без меня, без моей оболочки телесной. Каким-то образом в меня проник чей-то голос: “Доктор, у нее температура за сорок”. Не спала, не ела, не пила. Мне снится сон: море и причал. Море светится, и я в нем плыву, все пронизанное светом, вдруг оно темнеет, тяжелеет, мне все труднее двигаться... Тут я вижу, что гигантская гора из воды рушится, падает на меня. Из последних сил вырываюсь из этого плена... поднимаюсь наверх... Проснувшись от чьих-то слов: “Кризис миновал. Сейчас она будет с вами разговаривать”, — возле меня сидит мой муж. Первая мысль, но не о нем, а о том... О любви моей... Но уже не так больно, не так безумно больно. Только удивление: Боже мой, такое потрясающее чувство, куда оно делось? И как это возможно?... Потом еще не раз уходила и не раз возвращалась. Пока однажды не позвонила с окончательным решением: “Не жди меня, я больше не приду”. Но еще несколько лет мы с ним встречались... В том же парке... Но уже просто так... Разговаривали. И я каждый раз ждала этой встречи. Готовилась к ней. Я — странное существо... Сумасшедшее... Мы еще долго дружили с ним, как две подружки. Откровенничали. Говорили искреннее, чем когда любили друг друга. Это жизнь. Это моя жизнь, ни на чью не похожая.

Какая-то шальная... Какая-то я другая... У меня новый роман... В один прекрасный день попала я в гости, у одной из моих подруг был день рождения, познакомилась с ее братом. Опять никаких сигналов. Никаких сигналов. Потрепались, разбежались. Через несколько дней он вдруг встречает меня на проход-

ной, возле моего завода. Банальные комплименты, но как-то ничего у нас не клеится, не ладится. Назавтра опять меня встречает, провожает и спрашивает: "Можно я завтра тоже приду?" — "Можно. Но, кажется, у меня начинается грипп, я взяла больничный". — "Как же я не увижу тебя?" И это меня смягчило, тронуло. (*Останавливается.*) Я всегда люблю в температуре, в бреду... Женское занятие — любить, я хотела любить, снова любить. Чтобы — между небом и землей! Красивых мужчин всегда избегала, а он был красивый. Тоже из домашнего стоила. У меня все романы с женатыми, все намного старше. Откуда-то, кажется, из Вознесенского вытряхнул мне формулу любви: два в степени эн плюс единица. Два — мужчина и женщина, эн — то, что между ними происходит, и плюс единица — это чуть-чуть в запасе. Почти иссякли, устали, но немножко отдохнули и у вас впереди еще что-то. Квадратик любви выглядит так — сначала подъем, по восходящей вверх, потом идет планка, а за нею спуск, скатываетесь с гор, с облаков на равнинный участок. В юности мечтал встретить девушку в белом платье, с длинной косой. А встретил в брюках, курила. И это моя любовь? А ведь полюбил. Выполнил обязательную программу, как у меня: мальчик и девочка. "Я ее жалею, — сказал о жене, — но не хочу целовать. Жалею умом". (*Неожиданно для меня о другом.*) Я так скучаю, скучаю по морю, что закидываю голову к небу. Мне нужно море. Я хотела жить у моря. Почему так быстро все кончается? Я думаю, что реальность не то, что было, а то, что я пережила. Так быстро все уходит...

Зимние каникулы. Все разъехались. Я — одна. У меня стояла елка. Горели свечи. Он, я видела, бросается, как в омут, головой в омут. Первый раз это все произошло не в спальне, не решился туда войти, в чужую спальню, это произошло в гостиной на диване. Диван не разложен. Ободрал себе локоть, поранил, и этот шрам, по-моему, остался у него на всю жизнь. А я была спокойная. Наблюдала за собой и за ним, я раздваивалась: одна — взволнованная, чувственная, а другая — смотрит на себя со стороны. Сама делала что-то и сама же за собой следила. В нелепых брюках, домашней кофте, толстых носках. У меня начинался грипп, но еще и нарочно не оделась, не люблю наряжаться для свидания, пусть любят меня мной, а не моей кофточкой. Бросился как в омут... Еще раз все повторилось... И опять кубарем, нелепо. После чего поднялся и как-то очень тепло попытался что-то сказать... И это меня смягчило. Тронуло. ... Если бы еще раз... Но уже торопился, надо было возвращаться в семью. Отдельная тема — время. Время любви течет иначе, чем время нашей жизни. Особенно у любовников. Ушел. Я ждала звонка. Ждала — позвонит с улицы. Молчит телефон. Ну, я понимаю, телефоны-автоматы испорчены. Нет звонка и назавтра. Ждала десять дней. Была очень обижена. Но выяснилось, что зря. Я пытаюсь найти слова... Человек состоит из молекул, но это не объясняет человека,

любовь — из слов, но это не объясняет любви. Я пытаюсь... У мужчин свои тайны: получится — не получится? Встанет или — не встанет. И это приносит им столько страданий. Но почему, когда вспоминаешь, рассказываешь, всегда тоскуешь о чем-то? Почему? О чем-то идеальном? Любовь — это смотреть на небо... Позвонил через десять дней: "Я нашел квартиру. Жду тебя". Чужие холостяцкие квартиры! Вот приходишь туда первый раз... это кошмар какой-то. Все чужое... Чужие вещи, чужие звуки, чужие запахи... Несколько раз побудешь и уже обживаешь, осваиваешь, и потом уже с самой паршивой дырой тебе грустно расставаться. Там уже что-то твое, пусть неулаженное, неустроенное, но твое. Был он очень нежным. Я думала, что мужчины такими не бывают, такими нежными могут быть только женщины. Был ласков. Но ласков телом, руками, а не словами. Он не сказал мне, что любит, не сказал мне, какая я красивая, то есть то, что должна и так хочет слышать женщина. Я поняла, что безнадежно влюбляюсь... Легкий флирт мне не нужен, мне нужно чувство, мне нужна любовь. Уже не спрыгнуть... Не закрыть глаза... Если любовь является, начинается дрожание внутри... Ощущение нематериальное... Появляется страх, что чувство вдруг погибнет... Дождалась через полгода желанных слов: "Я тебя так люблю, что не представляю себе жизни без тебя". Идем после свидания... Такси нет... Довольно далеко от моего дома... По пути клумба с бегониями. Я еще восторженная, я еще там, где мы с ним недавно были, я еще летаю: "Ой! Какие красивые бегонии!" Тут же срывает эту бегонию. Откуда-то выбегает сторож, но посмотрел на нас — и молчит. И я, как девочка, иду с этой бегонией в руках...

Я удивляюсь, каждый раз с восторгом, с удивлением — люблю! Люблю само это слово "люблю". В нем есть что-то из недоступного птичьего языка, никогда не выучить. Как я скучаю по морю, всегда скучаю! Скучаю, как на юге птицы поют, у нас они — тихо, как весенняя вода по траве движется, ручейком, а там — водопадом, тишина взрывается. Люблю день, люблю ночь, люблю свет и люблю темноту. Никогда не избегала света, я не из тех женщин, которые стесняются, боятся освещения, мне нравится любовь при свете, когда он немного приглушен, чуть-чуть убран. Мне нравится любовь днем. И когда наступают сумерки, вещи обволакивает темнотой, ничего не отвлекает внимания. Не хочется видеть, а только ощущать. Я всегда учу мужчину, его всегда надо учить. Я учу его телом, и словом учу, начинаю говорить, какой он сильный, какой необыкновенный. В общем-то, обмана не много, но начинается, конечно, с маленькой лжи. Но очень быстро начинаешь искренне верить в то, что ему шепчешь, потому что делаешь его таким. Вот тут начинается праздник... Этот процесс... Я ему кричу, я ему нашептываю... В нем добавляется какой-то ловкости, умения, огня, надо думать не о себе, а о нем, тогда получишь больше, чем даешь. В этот момент...

В этот... Кто-то молча, кто-то с рыком звериным... Разная сила, ну, это слишком откровенно, разная струя... Кто-то завершает на ходу, кто-то останавливается... Ну, это слишком откровенно... Но — любовь не норма, отсутствие нормы. Я люблю любовь! Эта не прием секса, пируэты позиции, не только темперамент, нет, это гораздо тоньше. Выше. Извлекаешь из себя, из него каскад целый... Это — целая жизнь... Я потом вспомнила, что об этом догадывалась еще девочкой... Знала этот секрет... Мы поехали к маминной подруге, остались у нее ночевать, а перегородки тонкие, фанерные, слышимость великолепная. Просыпаюсь ночью от того, что за перегородкой что-то происходит, и я понимаю, что там происходит. Затаилась. Слышу женский голос, ликующий шепот... как она называет его этот орган, какими удивительными словами, какими радостными. Как ребенка. Совершенно нелепыми... *(Совершенно неожиданно.)* Я ненавижу свою память... Свои слова... *(Когда она это произносит, я вижу, что связь между нами теряется. Она уходит в себя.)* Я люблю любовь, но теперь я не хочу впускать мужчин в свое сердце очень далеко. Когда снова слышу: “Мы будем вместе”, — сразу отвечаю: “Мы вместе не будем”. Зачем лгать? У нас ничего не будет, кроме этих дней. Этих минут. Со мной это было много раз... Много-много... Я владею тайнами многих своих подруг. Начало всегда восторженное, волшебное начало, женщине нужно это летающее, парящее состояние... Как хорошо! Как прекрасно! Одна признается, что увлечена всегда тем, что до этого... Ей обязательно нужен весь джентльменский набор: рестораны, цветы, шампанское. Подарки. А сам процесс этот... неинтересен. Для нее это концовка. Другая готова ехать за возлюбленным на край света. С милым рай в шалаше. У еще одной — с начальником роман. Большой, серьезный роман. Многолетний. Ну, и что? В конце концов расстались. Вот, пожалуй, только сейчас об этом подумала... Я подумала, что у всех закончилось ничем, всех мужчины предали. Но мне уже нельзя сделать больно, мне уже все равно. Умней всех поступают пчелы, они держат трутней для оплодотворения, а потом выгоняют из улья. Так и я к этому пришла постепенно. Выработала иммунитет, чтобы не страдать. Мою любовь разрушали те, кого я любила. Мужчины разрушают это в нас, а мы разрушаем в них. Недавно я увидела... Из окна троллейбуса я увидела... Мою любовь... Шел по проспекту, уже постаревший, тяжелый. Троллейбус стал, моя остановка, но я проехала мимо, даже обрадовалась, что не вышла, и мы не встретились. Я знаю, что дети его выросли, у них свои семьи, он живет с нелюбимой женой, лежит с ней в постели. Тоскует! Я знаю. Я в этом уверена! Уверена! Терплю терплю, а потом взрыв. Разлетается.

Мне было бы интересно знать, что думают обо мне мои любовники, какие у них чувства? Они для меня — загадка. Больше всего мужчина боится, что ты на него посягаешь, держится за свою свободу. Теперь у меня все поставлено на свои места: “Радость

моя, ты меня не бойся. Ты мне не нужен на всю жизнь. Я не собираюсь за тебя замуж”. Теперь я сама выбираю. Не они меня, а я. Вижу, что я ему нравлюсь: “Будешь ты”. А другому, которому я тоже нравлюсь, клянется мне в любви, отвечаю: “Прости, ты не будешь”. (*Посмеиваясь над самой собой.*) Я — дешевая любовница. Материальную сторону отбросила, отказалась напрочь. Эти шампунки, эти лифчики, эти трусики. Жене шубку — тебе лифчик. Поэтому у меня прочная защита: мне ничего не нужно, кроме любви. Подружка: “А что он тебе подарил?” — “Ну, это меня не трогает”. — “Ой, ну что ты? Как это так? Мне на 8 Марта принес бутылку шампуня”. Как великолепно. А мне ничего не надо, кроме любви. Моя жизнь — это пять мужчин. Пять романов. Всегда хочется взлететь еще раз. К этой ноте приближаться...

Прихожу со свидания. Порхаю, летаю, свечусь. Забегает подруга, и она после свидания. Открывается дверь — и встречаются две пары сияющих глаз. Я — на нее, она — на меня... Это демонстрируется перед зеркалами. Начинаем хохотать... Прекрасно понимая... Появляется муж. Я начинаю тут же играть, закрываюсь от него. Вечером, когда мы остались одни, он спросил: “Ты когда-нибудь любила?” Хочу промолчать. Смотрит на меня серьезно. Хочу промолчать. Смотрит. И я отвечаю, и сама удивляюсь тому, что говорю, что произношу вслух: “Один раз в жизни. Мальчика из параллельного восьмого “б” Димку Скворцова”. Не спала ночь. Меня потрясло, меня потрясло то, что я сказала правду... Наверное, такую любовь я и ищу... Всю жизнь ищу...

“Я — мужчина уже не для войны”

Он: — Я бы не смог открыться незнакомому человеку, я могу об этом говорить только с самим собой. Но вчера... Вчера я похоронил друга...Его привезли из Чечни... (*Останавливается.*) Не хочу о войне...

Человек же слепой, без тайны — слабый. Слова поднимаются, слова цепляются друг за друга, но это дыхание чего-то иного, стоит человеку узнать любовь, как он узнает все, всю правду. С одной стороны, вариации на одну и ту же тему, а с другой — стояние перед загадочной вещью, люди, у которых это есть или было, их ни с кем не спутаешь, то есть это материально и нематериально одновременно. Фотография в тумане... Но никто не говорит сегодня о любви. Говорят о войне, о политике... Другой жизни у нас скоро не будет, всегда среди крови и руин. Всегда. А мне нравится быть с собой... И всегда это о себе знал, даже в детстве. Маме жаловался, что мне на ухо кто-то шепчет, она водила к врачу: все ли в порядке с моими ушами, то есть уши были нормальные, а я сам с собой беседовал, что там внутри у меня происходит. Мне всегда интересно с собой, интереснее, чем с другими. Никакое это не убежище и не игра, а рабочая мастерская, я хочу узнать свою жизнь, я сижу на этом острове. И если эту нитку вытянуть, то есть признаться, что все сказки на наших глазах рассу-

пались, старые и новые, ни одной не осталось, я хочу быть участником хотя бы собственной жизни. Я открываю мир по опыту в себе и мне — неинтересно надеть солдатскую шинель, эти глупые сапоги и взять автомат. Стоять на баррикаде и размахивать флагом, нести чей-то портрет... неинтересно... Я — мужчина уже не для войны. Хотя я догадываюсь, что война и любовь — это как бы из одного костра, то есть это одна ткань, та же материя. Человек с автоматом или тот, кто на Эльбрус взобрался, кто воевал до Победы, строил социалистический рай, — все та же история, тот самый магнит и то же самое электричество. Вы понимаете, о чем я? Я говорю о человеческой тоске, чего-то человек не может, чего-то нельзя купить, выиграть в лотерею, получить по наследству, оно есть или его нет, случилось или не случилось. А он этого хочет... Тоскует... И не разберётся как? Где? То есть все это со мной было...

Это почти рождение... Начинается с удара... Когда человек приходит в сознание, он говорит себе: ну вот, наверное, я об этом думал, я это видел. А все ли он вспомнил, что с ним было? То есть никакой формулы из этого не получится, одна синтетика, копия. Вы понимаете, о чем я? Иногда во мне желание пройти по земле просто так, как проходят растения и животные. Беспамятно. Просто так. А, может, любовь нам дана, чтобы не страшно было умирать? То есть прыгнуть и достать... Или не надо эти тайны разгадывать, а просто с ними жить? Просто жить...

Первый день... Прихожу к своему знакомому, у него компания, у вешалки в прихожей снимаю пальто, кто-то идет с кухни и надо пропустить, оборачиваюсь — она! — у меня произошло короткое замыкание, как будто во всем доме выключили свет. И вот все. За словом обычно в карман не лезу, а здесь просто сел и сидел, даже ее не видел, долго-долго смотрел как будто сквозь нее, как в фильмах Тарковского: льют из кувшина воду, она льется мимо чашки, затем кто-то ме-е-е-дленно поворачивается с этой чашкой. Рассказываю дольше, чем это произошло. Молния... В этот день что-то такое узнал, что все остальное стало неважным, даже особенно не разбирался, а, собственно, зачем, оно так прочно, случилось и все, упало на меня откуда-то. Ее пошел провожать жених, у них, как я понял, скоро намечалась свадьба, но мне было все равно, я собрался домой и ехал уже не один, ехал с ней, она уже поселилась во мне. Любовь начинается, когда... вдруг тебя нету, ты расплавляешься в ком-то или в чем-то, и это чувство длится, распространяется во все стороны, протяженность почти физическая, оказываешься в ином пространстве, то есть ты ничего не понимаешь, и нет никаких шансов понять, и не сотрешь резинкой с бумажки. Все вдруг другого цвета... Голосов больше, звуков больше... Утром проснулся с мыслью, что мне надо ее найти, а я не знаю ни ее имени, ни ее адреса, ни ее телефона, но уже все произошло, что-то главное в жизни со мной уже произошло... Человек прибыл... Вы понимаете, о чем я? Нет? Ни-

чего нельзя объяснить, из того, что с нами было. Даже простейшее... Ничего нельзя словить словами. И то, что было, и то, что будет. Просто мы привыкли к мысли, что мы знаем прошлое... Было или не было, может, и не было, просто кинолента крутится, прокутилась.

Знаю такие моменты в своей жизни, которых как бы и не было, например, два года в армии, недавно сидел и пытался вспомнить казарму, своих друзей, это было совсем недавно, у меня даже остались фотографии, но все высыпалось, как песок, смылось. Есть такие вещи, которые не высыпаются, их надо взять с собой. А все остальное... Армии не помню, но служил у нас прапорщик, он воевал в Афганистане, напьется и рассказывает... Как после первого боя сел на песок и стал орать: "Я есть! Я живу!" Качается и орет, их десять человек из двадцати осталось, каждого второго уже завернули в целлофан, и за ним вслед все закрыли уши руками и заорали: "Я — есть! Я — живу!" Это было... Но почему я вдруг об этом? Я же о другом, как проснулся на второй день... Ни имени, ни адреса... Человек всегда ребенок, когда это происходит... Как в детстве... В детстве сядешь возле мамы, и она тебя понимает и понимает, что ты это понимаешь, то есть мистика, которая возвращается в особенные минуты. (*Восклицает.*) Нашел! Вот моя мысль... Любовь — свобода... Любить — быть свободным...

Второй день... Я купил розу... Денег практически не было, поехал на рынок и купил самую большую, какую там нашел, розу. Там же выследила меня цыганка: "Дай, милоч, погадаю. По глазам твоим вижу..." Убежал. Зачем? Я и сам уже знаю, что тайна стоит в дверях... Тайна, таинство, покрывание... Первый раз ошибся квартирой — открыл мужик в свисающей майке, увидел меня с розой, замер: "Бля!" Поднимаюсь на следующий этаж... Через цепочку выглядывает странная старушка в шляпке: "Лена, к тебе". Потом она играла на фортепиано, рассказывала о театре, бывшая актриса. Говорили больше всего про кота, в доме жил большой черный кот, то есть домашний тиран, который почему-то меня сразу невзлюбил, а я старался ему понравиться. Тайну можно пережить, когда тебя нет, во время происхождения тайны ты как бы отсутствуешь. Вы понимаете, о чем я? Не надо быть космонавтом, чемпионом или героем, ты можешь все испытать в обыкновенной двухкомнатной квартире — двадцать восемь квадратных метров, совмещенный санузел, среди старых, как декорации в провинциальном театре, вещей. Двенадцать часов ночи, два часа... Мне надо уходить, а я не понимаю, почему я должен уходить из этого дома... Больше всего это похоже на воспоминание, как будто все вспомнилось, долго ничего не помнил, а теперь все вернулось ко мне... Я соединился... То есть тайна, она же доступна, как предметная вещь, как ваза, например, но чтобы что-то понять, должно быть больно, очень больно.. Когда-то в юности попробовал читать Цветаеву и ничего не понял, у нее сло-

ва звучат, произносятся как заклинания, в них мощность прикорневая. А как понять, если не болит, надо чтобы — больно, больно...

...Первый раз что-то о женщине мне объяснили в семь лет, мои друзья, возраст примерно такой же, запомнил их радость, что они знают, а я не знаю, вот мы сейчас тебе все растолкуем. И начали рисовать палочками на песке...

В четвертом классе пригласил девочку в кино. Ели мороженое...

То, что женщина что-то другое, я почувствовал в семнадцать лет, не через книжки, а через кожу, ощутил близко от себя что-то бесконечно другое, огромную какую-то разность и пережил потрясение, что это другое. Что-то там, внутри, в женском сосуде спрятано, мне недоступное, загадочно мерцающее. Во сне... Только в снах мелькают догадки, когда открываешь глаза, они исчезают... Не остается никаких доказательств...

Представьте себе солдатскую казарму... Воскресенье, нет никаких занятий, двести человек, двести мужиков, затаив дыхание, сидят и смотрят аэробике, то есть на экране девушки в туго обтягивающих костюмах... Мужики, как истуканы с острова Пасхи, сидят и смотрят. Если ломался телевизор, это катастрофа, того, кто виноват, могли убить. Вы понимаете, о чем я?

Третий день... Встал утром и не надо никуда бежать, вспоминаешь, что она есть, она нашлась. Тебя отпускает тоска, хотя ты еще помнишь цепкие корни тоски и того ужаса, которые настигали тебя всюду. Ты обнаруживаешь вдруг свое тело... Руки, губы... У них своя память. Обнаруживаешь за окном небо и деревья, почему-то все близко-близко, до тесноты внутри приблизилось к тебе. Так бывает только во сне... И откуда-то мысль, что в телах деревьев и людей много общего, телесного, что в том мире тоже много любви, неизвестной нам. Ночь дарит человеку свободу, она говорит: смотри, я все ненужное закрою, я закрою своим прочным покрывалом все лишнее. Остается одна любовь...

По объявлению в вечерней газете мы нашли немислимую квартиру в немислимом районе на краю города. Во дворе по выходным отдыхающие пролетарии с утра до вечера крыли матом, стучали в домино и играли в карты на бутылку водки. Но это было там, за стеклом...

Я не хочу идти и умирать... Я не хочу умирать ни за Родину, ни за идею, ни за великую геополитику, ни за нефть. Хочу жить. Жи-и-и-ть! Просто жить. Что, этого мало? (*Затянувшееся молчание.*) Вчера похоронил друга... Лейтенант милиции... Привезли в закрытом гробу... И не открыли... Очередная кавказская кампания... А я не хочу ни воевать... ни умирать... Заговорил об этом с отцом, он посмотрел на меня глазами, полными страха... как на преступника... Он любит меня, но его ранят мои слова, они разрушают его мир... (*Снова молчит.*) Вы понимаете, о чем я? Счастливых людей, кроме моей трехмесячной дочери, я нико-

го... никого не встречал... Она смотрит на мир, как, наверное, смотрит на него цветок. Или птенец. Почему мы не завидуем растениям и птицам? (*Немного с досадой на себя.*) Хотел о любви... А рассказал? О войне...

Сад времени

Она: — Я женщина смешная... Люблю до сих пор бантики, ленточки, веселые коробочки, праздники, которые придумываю и нахожу сама, открытки со зверюшками разными, что-то в выражении их глаз напоминает меня. “Чудо в перьях... Фиалка в проруби...” — дразнят друзья. И — резюме (одна из моих подруг):

— Любка, когда ты помрешь, на твоём камешке будут написаны четыре буквы.

— Какие?

— Ду-ра!

А теперь: “Здравствуйте естественно и серьезно”, — как приветствует меня один из моих знакомых. Жду вашу книгу... Для меня самое интересное (неисправима!) — читать книги о любви, чтобы кто-то где-то обмолвился о том, что происходит и у меня, со мной. Даже в интервью с известными актерами, писателями, политиками ловлю, вычитываю об этом. Любовь — целый Монблан посреди моей жизни, маленькой, обычной жизни. Без нее я исчезаю. Состояние, пластика, — все другое. Из шуток друзей (в дружбе мне тоже везло): “Любка, приведи кого-нибудь, чтобы сразу можно было влюбиться. Стихи не пишутся. Ты же можешь”. Это дар, безусловно, но выглядит всегда это как болезнь. Чудесное сумасшествие! И у всех одинаково. Даже у принцессы Дианы... А у Ленина и Инессы Армад? У диктатора Муссолини? Хотя бы раз в жизни случается это с каждым. Обязательно! Непременно! Самая великая история — это история мужчины и женщины. История любви. Я думаю, что важно, когда любишь ты, переполняешься, переливает через край, и ты со всеми делишься, раздаешь, светишь. Вот говорят: “Когда я была молодая”, а я совсем недавно была молодая, я еще вчера, в прошлом году была молодая. Я поняла, что счастливая была... Сердце волнуется, колотится, беснуется...

Я помню, какой был наш первый вечер, как тихо снежинки падали, я помню, как мы шли по заливу Амурскому, какой был воздух хрустальный... И — тишина, какой больше никогда не слышала. Помню, как он побежал по льду, а там лунки, днем корюшку ловили, я за ним, удержать, он сейчас провалится, тогда вместе. Ну, что-то такое, детство, глупость. Но в ту минуту так не кажется. Как я могу сказать, что такое любовь? Это где-то на кончике мысли, на краешке. Не поймает. За что я люблю солнце? Как это выскажешь? Я жила во Владивостоке, преподавала в школе русскую литературу и русский язык, а он приехал туда в командировку. Из Москвы. Было это под Новый год. Прибегаю в

школу, ребята елку наряжают, подходит он и обращается к кому-то рядом, к своему знакомому, а я вдруг обиделась: "Что же вы не здороваются?" И он как-то посмотрел мимо и ничего не ответил. С каменным лицом.

А на новогоднем балу пригласил меня танцевать, и мы с ним уже не разлучались. Ты встречаешь человека, которого никогда в жизни не видела, с этой встречи все начинается. Прикосновение. Какие-то невидимые знаки, коды, частицы, флюиды, кто-то утверждает, что запахи, и люди находят друг друга, догадываются, что это — он или она, а каким чудом — я не отвечу, никто не ответит. Вот я сразу поняла, еще не успели познакомиться, узнать, как зовут, кто, откуда, а уже включилась связь. Ну, ни с того, ни с сего это возникло, само из себя, даже никаких снов у меня не было, никаких предчувствий. Бабушка в детстве подсказывала: птица должна в стекло стукнуть... Знак с небес... Он тут же уехал, через три дня, в Москву. Звонил каждый день, писал каждый день. Потом приехал насовсем. У него был чемоданчик маленький и все, а у меня даже маленький диванчик. Я знаю, что такое — счастье... Утром поворачиваешь голову к окну и видишь много-много бликов, то, что между ветками деревьев, как между строк читаешь. То, что непереводаемо. Я сейчас вспоминаю те дни... те годы... Как мне открылось потрясающее количество звуков, красок, много света, вспоминаю, как я видела, сейчас так не вижу. Язык ничего не передает, у нас мало средств, мы так поверхностно живем. Когда слушаю музыку, когда читаю стихи — я все равно в отчаянии, они ничего не передают. Там нет того освещения...

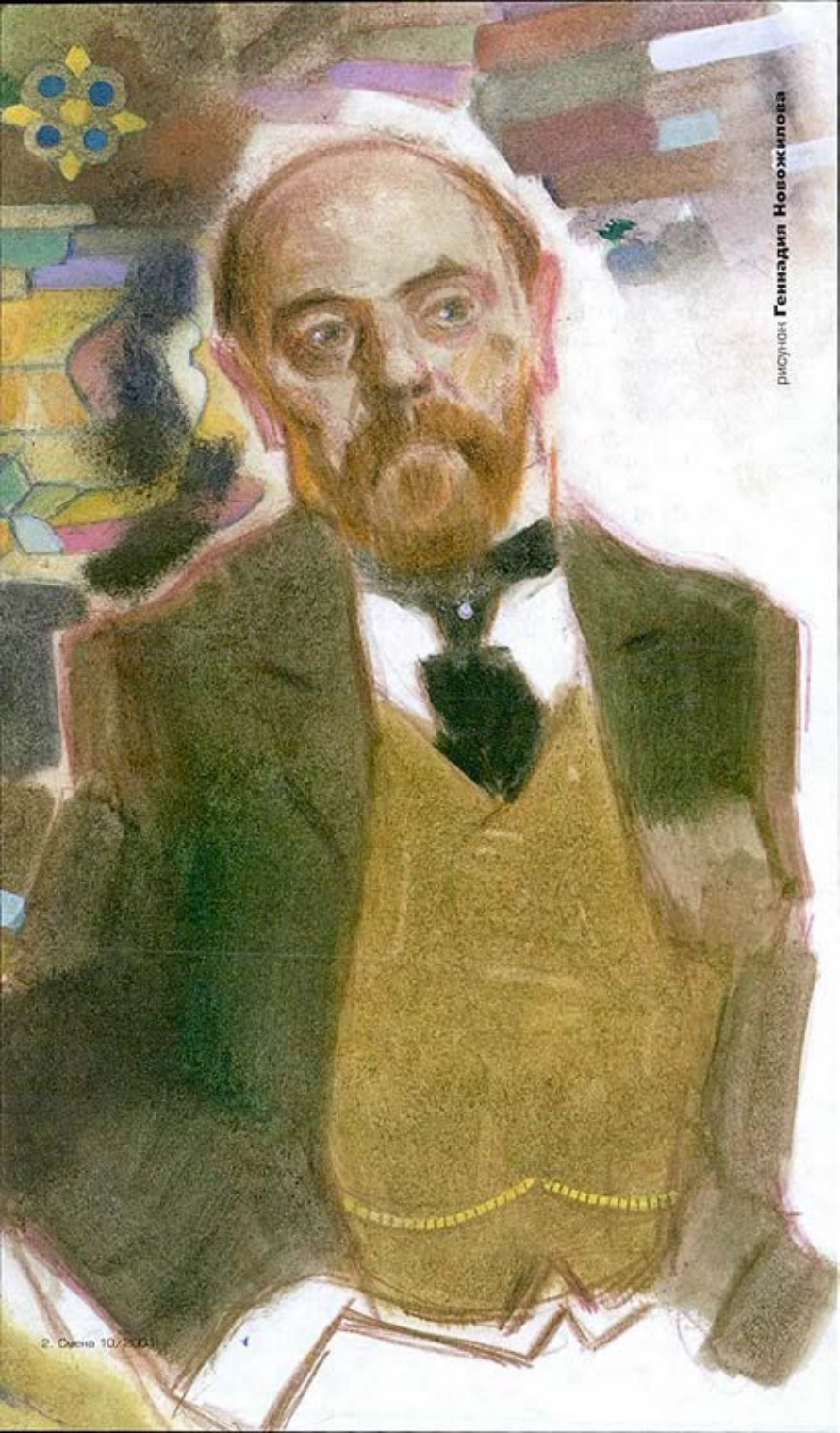
Мне необходим этот свет... Без любви я высыхаю, задыхаюсь... Но не всегда получается, чаще не получается. Обрывается... Что-то остается, но это уже надо иначе называть. Потому что двое детей: варишь суп, жарешь котлеты, а на что купить сыну пальто. Дочери ботинки? Очки? Денег не хватает. Институт, где муж возглавлял отдел, закрыли. Идти торговать на базар? Не умеем. А как хочется красивый импортный лифчик! Шелковые трусики. Любовь — это Жар-птица, за ней не угонишься, ее никогда не словить, вроде бы вот-вот, ан, нет. Мне всю жизнь хотелось тех снежинок, тех новогодних свечей, мне всегда потом этого не хватало. Бежать по льду залива Амурского, взявшись за руки. И все-таки я не хотела бы никого другого, только вот его, моего мужа... Мою семью... Судьбу не объяснишь... А любовь нельзя к земле приближать... Вот как иконы пишут... ■

МОСКОВСКИЙ

МАФАИЦА

Любовь РУСЕВА

— Знаю ли я Савву Ивановича? Да ведь это — отец второй, добрая душа, другого такого не будет. Плакали мы горько, когда его взяли под арест. Все служащие сложиться хотели, внести, кто сколько может. Чтобы только вызволить его, сочувствие супруге их выразили, две тысячи человек подписалось... Вот какой человек это был! — Начальник мастерских Ярославской дороги во время показаний едва сдерживал слезы.

— Я помог Савве Ивановичу петлю на шею надеть... — закончил свой рассказ инженер и писатель Гарин-Михайловский. — Мы плохо понимаем, кого взяли судить и осуждать. Это Фауст из второй половины гетевской трагедии, где он создает жизнь на необитаемом острове.

Свидетели не произнесли ни одного слова осуждения, но считали, что главному подсудимому надо поставить памятники на Театральной площади в Москве, в Донецке, Архангельске и Мурманске.

— Из Мамонтова создали кумира там, где не было даже пьедестала! — гремел прокурор Курлов в обвинительной речи.

Сам промышленник — подсудимый в своем последнем слове сказал:

— Вы, господа присяжные заседатели, знаете теперь всю правду. Так все здесь было открыто. Вы знаете наши ошибки и наши несчастья. Вы знаете все, что мы делали и дурного, и хорошего, — подведите итоги по чистой вашей совести, в которую я крепко верю.

“Это был удивительный процесс, — писал редактор “Русского слова” Влас Дорошевич. — Человек обвиняется в преступлении с корыстными целями, а на суде, если и говорилось, то только о его бескорыстности... Было ясно и каждую минуту только и говорилось, что Мамонтов, увлекаясь общественным значением предприятий своих, потерял на них все свое состояние и погубил своих близких. А его обвиняют в корыстолюбии...”

“Бенефисом Мамонтова” назвали нашумевший процесс современники.

Савву Ивановича оправдали, но вышел он из застенка нищим. Его разорили полностью: отобрали два дома в Москве, все земли и дело, его коллекцию картин русских художников продали за бесценок с молотка, а декорации Частной оперы и уникальные партитуры на 30 000 рублей уклали.

Закончив с грехом пополам классическую гимназию, Савва Мамонтов стал студентом Петербургского университета, но тут же перевелся в Москву на юридический факультет. Впоследствии он вспоминал: “...посещал я лекции с большим интересом, но и с большим вольнодумством. Я очень интересовался анатомией и посещал анатомический театр и товарищеские собрания в фотографии Федотова, тоже студента, как и я. Признаться,

собрания эти были вздорные и руководились студентами, наивными революционерами”.

Но больше всего Мамонтова интересовал театр. Он стал членом драматического кружка знаменитого Островского. Как-то Александр Николаевич поставил “Грозу”, в которой сам исполнял роль Дикого, а Кудряша — Мамонтов. Спектакль посетил отец, желавший убедиться, насколько серьезно увлечение сына театром. Постановка произвела на Мамонтова-старшего сильное впечатление. Савва с удовольствием наблюдал, как отец, сидя на первом ряду, украдкой смахивал слезу со щеки.

Решение глава семьи принял сразу же, однако, совершенно неожиданное для сына. “Утром отец позвал меня в кабинет, — писал в воспоминаниях Савва Иванович, — и дал прочесть письмо, полученное из Петербурга, где у него были хорошие связи. Письмо говорило: “У вас есть сын Савва в университете, убедите его, иначе может быть очень плохо”.

— Ну, вот ты и допрыгался, голубчик, завтра ты едешь в Баку.

Мамонтов являлся членом фирмы “Закаспийское торговое товарищество”. Вместе с Кокаревым он участвовал в первых нефтяных промыслах в Баку и в устройстве товарных факторий во всей Персии. Савва подчинился воле отца, но восточный климат плохо отразился на его здоровье. Он заболел и вынужден был долго лечиться. Иван Федорович, желая убить двух зайцев, послал сына в Милан, где тот не только должен был пожить в благоприятном климате и окрепнуть, но и овладеть методикой торговли шелком. Нареканий со стороны предпринимателей не было — юноша оказался способным и добросовестно выполнял все ему порученное. Но основное время и вся душа молодого человека отдана была искусству. Савва серьезно занимался, шаг за шагом постигая итальянскую школу вокала. Маэстро ежедневно ставил голос русского ученика. Мамонтов изучал оперные партии и собирался выступить с басовыми партиями в “Норме” и “Лукреции Борджиа” на сцене одного из миланских театров, но срочно был вызван в Москву для прощания с умирающей тетушкой. Вероятно, испугавшись, что сын вернется не купцом, а певцом, отец не разрешил ему вернуться в Италию.

Иван Федорович дал сыну необходимый капитал для основания дела, и Савва Иванович открыл на Ильинке торговлю итальянским шелком. Отец убедился в деловых способностях сына и стал вводить его в курс своих дел — главным было железнодорожное строительство Троицкой дороги, которую решили продлить до Ярославля. Иван Федорович являлся держателем контрольного пакета акций компании.

Савве исполнилось 23 года, когда он познакомился и полюбил умную и рассудительную 17-летнюю Лизу Сапожникову —

кузину знаменитого Станиславского. Сочетание сильной воли с искренней и глубокой религиозностью привлекали к этой девушке всех. Не случайно с такой любовью о ней отзывались Серов, Венецианов, Нестеров, Антокольский, Поленовы, Островский. 25 апреля 1865 года их повенчали в Сергиевской церкви сельца Киреево. В Москве молодые люди поселились в двухэтажном доме на Садовой (напротив Спасских казарм), который приобрел для них Мамонтов.

Большая семья Мамонтовых жила дружно. Иван Федорович придерживался патриархальных взглядов и желал жить под одной крышей со всеми детьми. Смерть его переживали тяжело. Дело перешло к сыновьям, затем к ним присоединились и подросшие внуки. Но основная ответственность пала на плечи Саввы Ивановича. Он был увлекающейся и страстной натурой, и отдавал много сил железнодорожному делу.

Но от судьбы не уйдешь. Душа Мамонтова принадлежала искусству. Одни его считали прирожденным артистом, другие — ваятелем. Антокольский, с которым сблизился Савва Иванович, признавал в нем талант скульптора и занимался с ним лепкой. Живя в Риме, они каждый день занимались лепкой в мастерской Антокольского. В период знакомства Мамонтова с Антокольским скульптор отчаянно нуждался в деньгах. Савва Иванович вырвал его из нужды, предложив кредит в 2 000 рублей в счет будущей скульптуры Петра I. Это было только началом того гражданского подвига, которым меценат обессмертил свое имя. Почти все свои баснословные доходы Мамонтов тратил на искусство, на содержание нуждавшихся художников, композиторов и певцов.

В 1870 году Савва Иванович приобрел имение Абрамцево. В этом доме и собирались впоследствии выдающиеся представители творческой интеллигенции. Именно с этим домом связаны крепкие узы дружбы художников и композиторов, именно он объединил цвет национальной русской культуры и сплотил его представителей в кружок, прочно вошедший в нашу историю под названием “Мамонтовского” или “Абрамцевского”. Серов, Репин, Поленов, Коровины, Врубель и многие другие творили здесь. Именно здесь родились многие шедевры отечественного изобразительного искусства.

Для Васнецова знакомство с Саввой Ивановичем явилось счастливой удачей. “Наше ясное солнышко — Виктор Михайлович Васнецов, — писал Крамской. — За него я готов поручиться, если вообще позволительна порука. В нем бьется особая струнка, только что нежен характером, — ухода, поливки требует!” “Уход и поливку” обеспечил Мамонтов, который сразу же оценил талант молодого художника. Савва Иванович заказал ему три картины, предназначенные для украшения стен казенных учреждений. Причем сюжеты не навязывал. Васнецов

нарисовал “Ковер-самолет”, “Побоище” и “Три царевны подземного царства”.

— Пиши, пиши, Виктор Михайлович, — подбадривал Мамонтов. — Это именно то, что надо.

Меценат предложил правлению Донецкой железной дороги купить “Ковер-самолет”, но оно отказалось. Творчество художника вызывало тогда критику и смех у “знатоков” искусства. Мамонтов сам купил картину, которую повесил в большой столовой в московском доме. Васнецов продолжал работать над другими полотнами. Весной 1881 года он закончил над ними работу, а также над “Аленушкой”. Работы были выставлены на Передвижной выставке. Вместе с ними появилось там и “Утро стрелецкой казни” Сурикова. Работы художников пресса встретила в штыки. Раскритиковали их и Стасов, и Аксаков. Последний в газете “Русь” обвинил Сурикова в антиисторичности, а картины Васнецова назвал “лубочными картинами, хотя и намалеванными масляными красками на саженом холсте, но все-таки ничего общего с искусством не имеющих”.

После таких рецензий, естественно, Правление дороги отказалось от покупки картин Васнецова. Их приобрели братья Мамонтовы.

Феноменом русской культуры явилась Московская частная русская опера (“Мамонтовская опера”), которую основал на свои деньги Савва Иванович. С ней связана деятельность композиторов Василенко, Ипполитова-Иванова, Калинникова, Рахманинова, Римского-Корсакова; художников Васнецовых, Врубеля, Коровиных, Левитана, Малютина, Поленова, Серова, Сомова, Чехова, Янова.

Театр пропагандировал творчество русских композиторов и лучшие произведения зарубежной классики. На его сцене получили своеобразную трактовку оперы “Иван Сусанин”, “Руслан и Людмила”, “Русалка”, “Каменный гость”, “Князь Игорь”, “Демон”, “Хованщина”, “Борис Годунов”, “Снегурочка”, “Орлеанская дева”, “Мазепа” и многие другие.

Особое значение меценат придавал постановочной и режиссерской работе, он являлся первым в практике русского оперного театра режиссером-мыслителем и режиссером-воспитателем. В искусстве исполнителя вокальное мастерство сочеталось с большой драматической выразительностью. Эстетическая направленность частной оперы наиболее полно выразилась в творчестве Федора Ивановича Шаляпина, который получил признание именно здесь. С именем выдающегося певца связан вот этот период мамонтовской частной оперы.

Так уж повелось у Саввы Ивановича — рядом, рука об руку, шагали два его детища: строительство Северной железной дороги и опера.

В 1894 году министр финансов Витте пригласил Мамонтова совершить путешествие по Двине до Архангельска и вдоль берега еще никому неизвестного края — Мурмана. Пораженный красотой русского Севера Савва Иванович шлет восторженные письма жене и друзьям. “Воздух чудный, берега живописные, но селений немного, и Двина, вероятно, шире Волги и очень красива. Будь, например, Коровин работающий человек, он бы в одну летнюю поездку сделался бы знаменитостью, он плакал бы от восторга, смотря на эти чудные тона, на этих берендеев. Какая страшная ошибка искать французских тонов, когда здесь такая прелесть”.

Мамонтов мечтал, чтобы стены вокзалов его новой дороги украшали пейзажи русского севера, чтобы люди научились заново видеть то, что примелькалось с детства. Он отправляет туда Серова с Коровиным. Этюды этих художников были выставлены зимой на выставке и имели большой успех.

Покоренный природой Севера, Мамонтов мечтал создать русскую Норвегию. Для этого необходимо было проложить железные дороги. Савва Иванович предложил казне купить Донецкую дорогу и получил встречное предложение: приобрести Невский завод, производящий паровозы, вагоны и суда, который находился в запущенном состоянии. Мамонтов согласился. Для модернизации завода он перевел на его счет деньги Московско-Ярославско-Архангельской дороги, тем самым в кассе последней образовалась брешь. Чтобы ее заполнить, Мамонтов добился концессии на сооружение компанией ветки Петербург — Вологда — Вятка, сулившей высокую доходность.

Зимой 1894-95 годов Савва Иванович по делам строительства Северной дороги находился в Петербурге. В Панаевском театре он послушал оперу “Демон” и был поражен не главным исполнителем, а молодым, высоким, худым певцом, голос которого был еще не отшлифован. На следующий день Мамонтов познакомился с Шаляпиным. Завороженный силой его голоса и красотой тембра, меценат попросил его что-нибудь спеть. Уезжая, Савва Иванович говорил Коровину:

— Шаляпин — это настоящая сила. Какой голос! В консерватории не учился, хорист, певчий. И кто знает, не сам ли он консерватория? Вы заметили, Костенька, какая свобода, когда поет? Жаль, что раньше про него не сказали мне. Контракт подписал с Императорской оперой. Неудобно мне его сейчас оттуда забирать. Ну, да ничего. Ему там, пожалуй, петь не дадут — он ведь, говорят, с норовом, ссорится со всеми. А мы бы с вами поставили для него “Вражью силу”, “Юдифь”, “Псковитянку”, “Князя Игоря” — хорош бы Галицкий был...

Ученик сапожника и токаря, писец и грузчик Шаляпин познакомился с музыкальной грамотой, участвуя в церковных хорах. С 1890 года гениальный певец поступил на профессию-

нальную сцену, но за 6 лет дирекция Императорских театров так и не обратила внимания на его талант. Петербургские газеты ругали Федора Ивановича, называли “музыкально невежественным молокососом”. Артисты вторили, что надо работать. Но никто не говорил как, над чем и с кем работать.

Летом 1896 года Мариинский театр уехал на гастроли. Шаляпина не взяли. Мамонтов пригласил его на летние месяцы выступать с его театром на Нижегородской ярмарке. В Нижнем тогда о Шаляпине никто не слышал. Именно здесь начался настоящий путь того Шаляпина, который станет певцом всех времен и народов. Поначалу, зная характер Федора Ивановича, Мамонтов не вмешивался в его репетиции, он позволил себе только одну реплику во время прогона оперы “Жизнь за царя”:

— Федор Иванович, ведь Сусанин не был боярином.

Замечание не понравилось певцу, но с этой реплики Мамонтов начал обучение Шаляпина. Премьера превратилась в фурор, в ложу мецената вошел Витте и поздравил его с неожиданной находкой. Но следующие выступления Шаляпина подверглись критике в прессе. “Прямо не верилось, смотря на Мефистофеля, что это тот самый г. Шаляпин, который пел Сусанина. Куда девалось умение показать голос, блеснуть лучшими сторонами!.. по сцене ходил по временам очень развязный молодой человек, певший что-то про себя... В сцене с Мартой он вызывал смех, но что было грустно, смех повторился во время размахивания крыльями плаща в сценах перед церковью”.

Мамонтов молчал. Это был второй урок восходящей звезде. Шаляпин настолько был расстроен провалом, что решил уехать. Но Савва Иванович не позволил, а пригласил его на выставку, где висели два полотна Врубеля. Меценат восхищался ими, а певец недоумевал:

— Да что же тут хорошего?

Промышленник терпеливо объяснял необразованному молодому человеку, почему понравившийся ему пейзаж с барышнями и кавалером — дрянь, а непонятные картины Врубеля — настоящее и большое искусство.

— Как же так, Савва Иванович, ведь пейзаж, тот, с яблоками, такой, что и на фотографии так не выйдет.

— В том-то и дело. Фотографии не надо. Скучная машинка. Молоды вы еще, Феденька, мало видели. Придет срок — поймете. Чувство в картине Врубеля большое. Вот в чем истина искусства. Учтите это и для себя. В искусстве нужно чувствовать и искать. Искать и искать беспрестанно. И беспрестанно идти вперед. Остановка в искусстве равносильна смерти. Вы это поймете со временем. Между прочим, Врубель написал совершенно замечательного демона. Это то же, что Мефистофель. Его Демон вселенски печален и вселенски красив. Вы Гете читали?

После той разгромной статьи Мамонтов вплотную занялся обучением Шаляпина. Он назначил певцу отдельного капельмейстера, требовал начинать день с вокальных упражнений, что оскорбило артиста Императорских театров. Но результаты за кратчайший срок были настолько потрясающи, что Шаляпин почувствовал — у него появился настоящий учитель. Мамонтов открыл для него “благородство ровного, спокойного пения”, научил ставить звук на верхних нотах, осмысливать фразировку, выработал у певца безупречную дикцию, избавил от привычки дать “звучок”.

— Это музыкальная пошлость, Феденька, отсебятина.

За тот летний сезон Шаляпин исполнил 35 партий, но пора было возвращаться в Петербург.

— Частная опера, Феденька, ждет тебя в Москве. Перебейся к нам. Там и Коровин, а кроме него — Врубель, ты еще полюбишь его. Там — Поленов, Серов, Васнецов. Право, переезжай.

— А неустойка?! Три тысячи шестьсот рубликов. — Шаляпин махнул рукой.

— Я бы мог дать тебе шесть тысяч в год и контракт на три сезона, — предложил Мамонтов.

Но Шаляпин не сразу согласился — уйти из Императорского театра в Частную оперу казалась ему абсурдом, хотя он понимал, что именно в мамонтовской труппе он получал необходимые знания и навыки. Правилась ему и дружелюбная атмосфера, царившая в труппе. Шаляпин впоследствии вспоминал, как ему было тяжело на столичной сцене после выступлений в Нижнем Новгороде. “Как удушливый газ отягчали мою грудь все эти впечатления. Запротестовала моя бурная натура... Махнул я рукою... забрал все мое движимое имущество и укатил в Москву к Мамонтову”.

В Частной опере по-настоящему раскрылось исключительное дарование Шаляпина. За три года работы он создал много партий — в том числе, Сусанина, Бориса Годунова, Грозного, Сальери. Здесь он восполнил пробелы своего общего и музыкального образования, общаясь с группой выдающихся художников, с артистами Малого театра, с историком В.О. Ключевским. Особое влияние на него оказал дирижер оперы и композитор Рахманинов.

22 сентября 1896 года Федор Иванович впервые выступил в Московской опере Мамонтова. Савва Иванович продолжал пестовать своего любимца.

— Я духа отрицания хочу играть иначе, чем в Нижнем, — сообщил певец промышленнику. — Мне нужен другой костюм.

— Ради Бога! Идемте в магазин Аванцо, посмотрим гравюры.

В своих воспоминаниях Всеволод Саввич Мамонтов писал о восприятии пения Шаляпина всемирно знаменитым художни-

ком Андреасом Цорном, которого пригласил в Россию его отец. “Я сидел в ложе с Цорном — отец, по своему обыкновению, хлопотал на сцене — и отлично помню, какое потрясающее впечатление произвел на Цорна Шаляпин своим Мефистофелем, в то время еще по-поленовски блондином.

— Такого артиста и в Европе нет! Это что-то невиданное! Подобного Мефистофеля мне не приходилось видеть! — неоднократно повторял восхищенный Цорн”.

Настал день, когда Мамонтов сказал своему любимцу:

— Феденька, вы можете делать в этом театре все, что хотите! Если вам нужны костюмы, скажите, и будут костюмы. Если нужно поставить новую оперу, поставим новую оперу.

— У меня “Рогнеда” готова, князь Владимир.

— А будет еще и Галицкий в “Князе Игоре”.

— Это здорово!.. Но знаете, Савва Иванович, о чем я думаю? Я думаю о Грозном.

— Грозного? А где у нас Грозный? В “Псковитянке”? Это очень скучно... впрочем, воля цезаря — закон. Дерзайте, Феденька! С вами и я готов рисковать.

И началась работа, начались поиски, начались муки творчества.

— Ключ к царю Иоанну искать надо в сцене встречи с дочкой боярина Токмакова, — советовал Мамонтов. — Не там, где Грозный грозный, а там, где нежен, влюблен. Это очень выгодная сцена, Феденька.

Но у Шаляпина получалось жалкое подобие царя — какой-то ханжа. Он никак не мог найти нужный тон реплике “Войти аль нет?” в сцене перед хорами Токмакова. А именно эта фраза задавала тон всему спектаклю. Федор Иванович чувствовал — опять тоска и скука на сцене. Оперу снова не примут. Певец не выдержал, нагрубил режиссеру, разорвал партитуру и убежал в гримерную. Послали за Мамонтовым, тот нашел любимца с распухшим от слез лицом.

— Давайте-ка начнем репетицию сначала, — предложил меценат, выслушав сетование певца.

— Войти аль нет? — и снова скучно, снова тоска.

— Феденька! Ведь это царь говорит: “Войти аль нет?” здесь надо подтверже. Хитринка и ханжа у вас в Иване есть, а вот Грозного нет.

И снова:

— Войти аль нет? — Теперь в маленькой фразе звучала сила, деспотизм и ханжество.

На сцене стоял сам Грозный. Поваяло истинной Россией. Это был блистательный успех, и работа над другими партиями продолжалась.

— Тебе, Феденька, следует пойти к Василию Осиповичу. Он тебе и Галицкого представит, как живого, и о Грозном наговорит повесть временных лет, — советует Мамонтов.

Ключевский встретил певца приветливо.

— Слушал и видел вашего Грозного. Согласен. Кое-что мне, грешному, открылось, чего не знал. — Глаза историка смеялись.

— Вот за Бориса Годунова взялся. Помогите, Василий Осипович. С Грозным было проще, — чувствуя свое невежество, мямлит Шалапин.

— Грозный — проще. А Годунов — зеркало. Он ведь слуга. Слуга! Царем, даже сидя на троне, только притворялся. Слуга привычен отражать образ Хозяина. Вот уж и сам стал Хозяином, а все равно отражает. Иное дело Шуйский.... У Пушкина в "Годунове" ключевая фигура — Варлаам. Варлаам пьет, но он — большая умница. Историю творят самозванцы. Годунов ведь тоже самозванец, а терпеть Варлааму. Ему надо исхитриться в очередной раз пережить Годунова, как пережил Грозного, пережить самозванца, как пережил Годунова... До истины дотянуть, до истинного, до справедливого царя, до счастья России...

И снова работа, спектакли, орации... "Какой великий талант! И такому-то человеку всего двадцать пять лет!" — писал Стасов.

— Нынешний сезон для тебя, Феденька, право, великий, — сказал как-то певцу Мамонтов. — Послезавтра ты у нас Сальери, еще через недельку — Борис Годунов. Частная опера — это твой театр. Сокровищница открыта, бери любую драгоценность, являй белому свету. Пусть горит, сияет к общей радости. Главное, русское не забывай, не обходи. Тебе все подвластно в музыке, но ты из рода Антея: оторвешься от родной земли — потеряешь силу.

Современники имели право на утверждение, что Шалапина создал Мамонтов. Тем большее было для предпринимателя, мецената и учителя предательство ученика. Когда Савва Иванович был арестован, певец покинул труппу и перешел в Императорский театр. Оно и понятно — Частная опера существовала до тех пор, пока ее содержал Мамонтов. А чем закончится разбирательство — не известно. Вслед за Шалапиным ушел и Коровин. Савва Иванович никогда не простил предательства ни одному, ни второму. Когда впоследствии художник заболел, он послал в клинику справиться о его состоянии. Коровин написал своему благодетелю письмо: "Благодарю, дорогой Савва Иванович! Здоровье мое, слава Богу, теперь лучше. Я вменяю — не верьте газетам. Устал от всяких гадостей, принимаю абсолютный покой. Ваш Константин Коровин". На этом листочке Мамонтов написал: "Гадости, конечно, утомляют, а потому делать их не надо".

Даже по мнению судебных деятелей процесс над Мамонтовым явился делом какой-то непонятной интриги. В то время

возник ожесточенный конфликт между двумя министерствами: финансов и юстиции. Министр последнего — Муравьев, узнав о переводе денег из кассы железной дороги на Невский завод, решил расправиться с Мамонтовым.

Савву Ивановича арестовали и повели пешком под конвоем через весь город — от дома на Садово-Спасской до Таганской тюрьмы. Спустя несколько дней он обратился с прошением отпустить его до суда, обещая не мешать следствию. “Мне невыносимо преждевременное тюремное заключение по состоянию моего здоровья: мое сердце и припадки грудных болезней требуют постоянной заботы и присутствия около меня преданной мне личности. В тюрьме это невозможно. Я ее не перенесу”.

Не отпустили. Власти потребовали залог в 5 миллионов. Таких наличных денег не было ни у родственников, ни у друзей. Только спустя пять месяцев хлопоты музыкантов и художников увенчались успехом: тюрьму заменили домашним арестом. Несмотря на плохое состояние здоровья, сердечные приступы с потерей сознания Савва Иванович в заключении неустанно работал: днем он лепил бюсты своих охранников, а по вечерам переводил “Дон-Жуана” — “давно собирался, наконец, нашел время”.

Пока Савва Иванович находился под арестом, все акции дороги были переданы казне, по дешевой цене их скупили многие из тех, кто организовал эту травлю.

После освобождения Савва Иванович поселился на Бутырках в мастерской, поскольку дом его был опечатан. Но и разорившийся Мамонтов продолжал поддерживать художников.

Труды и заслуги Мамонтова оценены были позже, во время первой мировой войны, когда в 1915 году были основаны жизненно важные порт и город Мурманск (тогда Романов-на-Мурмане). В связи с этим в газете “Русское слово” Влас Михайлович Дорошенко опубликовал статью “Русский человек”, благодаря которой Мамонтов снова сделался знаменитостью. “Два колодца, в которые очень долго плевали, пригодились. Интересно, что и Донецкой, и Архангельской дорогой мы обязаны одному и тому же человеку. “Мечтателю” и “Затейнику”, которому очень много в свое время доставалось за ту и за другую “бесполезные” дороги — С.И. Мамонтову...”

Построить две железные дороги, которые оказались Родине самым необходимым в самую трудную годину. Это тот самый Мамонтов, которого разорили, которого держали в “Каменщиках”, которого судили. Оправдали. А на следующий день к которому многие из его присяжных явились с визитом: засвидетельствовать свое почтение подсудимому.

И как с благодарностью не вспомнить сейчас “Мечтателя”, “Затейника”, “московского Медичи”, “упрямого” старика

С.И. Мамонтова. Он помог Родине в трудный год. Есть пословица у нас: кого люблю, того и бью. Должно быть, мы очень “любим” наших выдающихся людей. Потому что бьем мы их без всякого милосердия”.

Со временем из старых друзей, оставшихся в живых, Мамонтову верны были Поленов, Васнецов и Серов. Пожелал познакомиться с разоренным меценатом и Горький. “У меня к Вам просьба, — писал Станиславский Мамонтову. — Вами интересуется очень Горький (писатель), который будет у меня завтра обедать. Не соберетесь ли Вы? Мы всей компанией отправимся в наш театр смотреть “Грозного”. Может быть, и Вы присоединитесь к нам”.

Станиславский и Мейерхольд часто советовались с Саввой Ивановичем, пригласили его поучаствовать в работе студии на Поварской. В 1907 году Римский-Корсаков рекомендовал директору парижского театра “Опера Комик” в качестве консультанта для постановки “Снегурочки” Мамонтова. До самой смерти этот человек интересовался жизнью искусства, поддерживал — сколько было возможно — талантливых людей.

Умер Савва Иванович Мамонтов 6 апреля 1918 года. Похороны были чрезвычайно скромные.

— Кого хоронят? — поинтересовался на Ярославском вокзале рабочий железнодорожник.

— Мамонтова.

Путеец снял шапку, перекрестился и, вздохнув, сказал:

— Эх, буржуи, такого человека похоронить не можете как следует!

Похоронили его в Абрамцевской часовне. На сороковой день в Художественном театре творческая интеллигенция отметила память этого замечательного человека. Многие выдающиеся люди говорили тогда о значении Саввы Ивановича для искусства.

Надо думать, значение это не утрачено и не забыто нашей памятью и сегодня. ■

Екатерина КОЗЫРЕВА

* * *

*Камыш вокруг, а посредине чаша
Тревожно тяготеющего льда,
Непуганая здесь воронья стража
Предупреждает не ходить сюда.
И снова тишь... но камыша волненье
Как будто говорит, — лишь заступи за край —
И оборвется нить стихотворенья,
Любовь и жизнь, и ад ее и рай.*

ГЛАГОЛЫ

*Роковая любовь убивает.
Божье Слово она не убьет:
В Нем веселое имя сверкает,
Белым парусом в море сияет,
Тройкой мчится, тоску разгоняет.
Баснословно года продлевает
И звездою полей все мерцает!
И в луче белым платьем поет.*

* * *

*Быстро закружились золотые,
Золотые веретена сна:
Буквы, строчки, точки, запятые
Унесла высокая волна.
Но Слова, как сквозь рыбацьи сети,
Проникали — и волна к волне —
Повторялись притчи о запрете...
Оставались навсегда во мне.*

* * *

*Там осень поздняя приникла к небосводу,
И женщиной стоит на берегу.
Пусть Бог тебе простит ее свободу —
Унынье, увядание, тоску.
Она сама уходит. Бесконечна
Под взорами та и другая твердь.
Ей все равно... Но потрясает вечно
Трагедией рождение и смерть.*

НЕЛЬЗЯ

*А для меня из слов твоих высоких,
Из всех волнующих, любимых, одиноких,
Всех выше стало строгое — нельзя:
Любви ни действовать нельзя, ни забавляться,
Ни убивать нельзя, ни убиваться...*

*Но и тебе нельзя, нельзя, нельзя
В мой заповедный мир, как тень, являться,
Быть может, лишь затем, чтоб посмеяться...
Нельзя! Моя душа — не веник,
Будь милостив в сравненьях, современник!*

* * *

*Во мгле мерцает звездочка несмело,
Уснула ночь и дальние леса,
К проливу льнет песчаная коса...
И только ты забыться не сумела.*

*Все помнишь неподаренные розы,
О, их шипы острее всех гвоздей!
Я не сдержала стон среди людей,
А в одиночестве вдруг пересохла слезы.*

*Не унимается обида сердца злая.
А мне казалось, что его я знаю.*

ВОРОНА

*Вьет гнездо ворона, вьет и вьет
И красивых песен не поет,
Вся она от клюва до хвоста
Материнской устремленностью чиста.*

*Не дворянское гнездо пусть у нее,
Но свое среди ветвей жилье —
Чтобы солнце освещало да не жгло,
В дождь и ветер чтоб хранить тепло,
Чтобы кошка не достала воронят.*

Не проста ворона, хоть и говорят.

ВОПРОСЫ

*Притворствоваться?! Ненужная забава
При истинном влечении любви.
Когда в ней наслажденье и отравы,
И слезы одинокие твои.
Потворствовать? Кому — тебе, ему ли?
Переступить обоим не дано,
Того, чего еще не обманули
Ни страсть, ни охлажденье, ни вино.
Покорствоваться? Кому же ты покорно,
Ты, сердце, неподвластное уму,
Которое решается упорно
Спротивляться чувству своему?*

* * *

*Нет, в жертву я не принесу
Тех дней спокойно молчаливых,*

*И безмятежных, и счастливых,
Как колокольчики в лесу.*

*В шумливой жизни городской
В любви нашла я непокой,
В благоговении... отраву..
Одно и выстрадала право —
Молиться с горькою тоской
О бедной девочке, о той,
С душой застенчивой и чистой.*

*Так отблеск солнца с тенью мгливой
Встречается в глуши лесной.*

Анатолий УСОВ

*Я запретил себе любить
и полюбил.
Зарекся больше не звонить
и позвонил.
Простил измену, дал обет,
но ты молчишь.
Позвал тебя в остаток лет —
ты не спешишь.
Связала мудрости тоска
иль груз забот?
Иль женской логики металл —
прямой расчет?
Доверье к чувствам потеряв,
презрев мечты,
К иллюзий тихим берегам
уходишь ты.
Но берег у реки крутой,
и нету дна.
Как ни обманывай себя,
а жизнь одна.
Я зарекался не звонить,
но все ж звоню.
Я запретил себе любить,
и вновь люблю.*

* * *

*Бывают дни или минуты,
Когда спрессована вся жизнь,
От пустяка зависят судьбы
И воспаряют круто вниз.*

*Ничто не важно для решений,
И нет для чувства нужных слов,
Из этих редкостных мгновений
К тебе слагается любовь.*

от рожде

Продолжаем публикацию о значении имен, их тайном смысле и влиянии на судьбу и характер человека.

Между прочим, знаете ли вы, дорогой читатель, что одно только звучание имени дает большое количество информации о его носителе? Ведь имя может звучать благозвучно, ласково, возвышенно, приятно, а может — настораживающе, сухо, устрашающе и даже зловеще. Эта так называемая "музыка имени" тоже определяет судьбу человека.

Так что, давая имя новорожденному, обязательно подумайте и о том, приятно ли будет окружающим его произносить. То есть о том первоначальном впечатлении, которое ваши сын и дочь произведут, называя свое имя. Иногда это не менее важно, чем иметь привлекательную внешность. Итак, имена, начинающиеся на буквы "Л" и "М".

ЛАРИСА. Имя происходит от названия древнегреческого города Ларисса, другое толкование — от латинского слова "лярус", означающего "чайка".

В детстве Лариса — замкнутый ребенок, незаметный на фоне активных, стремящихся выделиться сверстниц. Взрослая Лариса часто полностью посвящает себя работе и любимому делу. Она, как

правило, богато одаренная натура, может добиться больших успехов в лингвистике, филологии, программировании. Беззаветно любит детей и может быть прекрасным воспитателем в детском саду. Дети сразу чувствуют ее мягкость и доброту.

Лариса многое принимает близко к сердцу, легко ранима. Имея слабый характер, она мо-

НИЯ ДО...

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

жет стать любовницей женатого мужчины, а потом не сможет найти в себе силы разорвать эту связь. Выйдя замуж, не пытается заниматься перевоспитанием своего мужа, принимает его таким, какой он есть со своими недостатками.

В интимных отношениях Лариса — нежная, тонкая, чувствительная женщина. Терпимо относится к не всегда справедливому к ней отношению. Единственным событием, способным вынудить Ларису пойти на разрыв в браке, является неверность мужа. Верная в супружеских отношениях, она относится к изменам с отвращением, поэтому способна на быстрый развод, хотя будущее одиночество доставит ей много неприятностей.

Слабое место — почки, в остальном здоровье ее не беспокоит.

Счастливым будет брак с Арнадием, Афанасием, Георгием, Максимом, Юрием. Лучше воздержаться от брака с Борисом, Григорием, Иваном, Эдуардом.

ЛИДИЯ. Имя происходит от названия Лидия — области в Малой Азии.

С детства Лидия очень любопытна, обязательно хочет все увидеть и все услышать. Производит впечатление излишне суеверного ребенка, но это связано с тем, что она боится сделать что-то не так и услышать упрек в свой адрес. Старается держаться ближе к старшим, наибольшим авторитетом для нее является мать.

Лидия довольно энергична, но силы свои тратит в основном на бесполезные разговоры по телефону, обсуждение второстепенных проблем.

Доброжелательна, способна к сопереживанию, может утешить добрым словом, но редко окажет реальную помощь делом и конкретными поступками. В работе Лидия надежна и не задает лишних вопросов. Находится на хорошем счету у начальства. Чаще всего выбирает профессию, связанную со сферой обслуживания.

Лидия стремится создать семью с человеком, который относился бы к ней с уважением, смог бы понять ее интересы. Замуж выходит, как правило, удачно.

Много времени уделяет ведению домашнего хозяйства, неус-

танно трудится над благоустройством своего дома. Тщательно обдумывает покупку каждой вещи. Муж ценит Лидию за работоспособность, привязанность к дому, хозяйственность и чистоплотность.

У Лидии слабые легкие, часто бывают головные боли. Она быстро утомляется и тяжело переносит бессонницу.

Удачным будет брак с Алексеем, Мансимоном, Михаилом, Сергеем, Эдуардом. Мало вероятен счастливый брак с Василием, Глебом, Львом, Иваном, Кириллом.

ЛЮБОВЬ. Имя происходит от старославянского слова, означающего любовь.

Маленькая Люба постоянно находится в обстановке доброжелательности и обожания, ей не составляет труда быть постоянно в центре внимания. Человек, общаясь с Любой, хочет улыбнуться и сказать ласковое слово своей собеседнице.

Люба с детства отличается особым обаянием, рано начинает конкетничать. В конфликтных ситуациях способна уступить, но только до определенного предела. В школе учится средне, у нее могут быть плохие отметки, но это ее не беспокоит, так как надеется, что в ее дальнейшей жизни знания не будут играть существенной роли.

Люба рано станет посещать салоны красоты, ателье мод, домашняя работа у нее энтузиазма вызывать не будет. Больше всего ей подходит специальность косметолога, архивного работника, фармацевта.

Любовь никогда не испытывает недостатка в поклонниках, что

существенно затрудняет ее стремление сделать безошибочный выбор. Не надеясь на себя, может воспользоваться услугами гадалок или попытаться узнать судьбу по гороскопам. Возможность удачного брака при таком подходе к замужеству может быть небольшой, и первый брак часто бывает неудачным. В одиночестве остается недолго, в повторном браке делается более покладистой.

Любовь подвержена стрессам, которые, однако, делают ее более мягкой и терпимой.

Удачно отношения могут сложиться с Алексеем, Александром, Виктором, Геннадием, Константином, Юрием. Маловероятен удачный брак с Борисом, Игорем, Станиславом.

ЛЮДМИЛА. Это славянское имя, означающее "милая людям".

Людмила с раннего детства осваивает навыки ведения домашнего хозяйства. Свои обязанности по дому выполняет старательно, любит создавать уютную обстановку. Любимый предмет в школе — домоводство, обладает хорошими музыкальными способностями. Взрослея, Людмила становится более самолюбивой, больше внимания уделяет своей персоне, чтобы всегда быть на высоте.

Может добиться хороших результатов в искусстве и в деятельности, требующей умения находить контакт с людьми.

В замужестве Людмила в полной мере проявляет свои способности в ведении домашнего хозяйства. Она замечательно готовит, проявляя в процессе пригото-

вления кушаний изобретательность. Дети всегда выглядят нарядно. Муж может временами проявлять неудовольствие чрезмерной самостоятельностью Людмилы, и по этой причине в отношениях могут возникнуть серьезные осложнения. В случае развода Людмила не падает духом и настойчиво пытается снова выйти замуж.

Здоровье почти железное, но иногда бывает нарушена циркуляция крови, а это грозит варикозным расширением вен.

Счастливым брак возможен с Александром, Андреем, Дмитрием, Евгением, Кириллом, Ильёй. Следует быть осторожной с Егором, Николаем, Степаном, Эдуардом.

ЛЕВ. Имя происходит от латинского слова "лео", означающего "лев".

В детстве Лев — это спокойный и даже несколько флегматичный мальчик. Он не плачет по мелочам, в среде своих сверстников не задирается, но сдачи дать может любому.

Настойчиво добивается поставленной цели. В характере преобладают доброта и душевность. Благодаря своим личным качествам со временем занимает неплохое положение в обществе.

Лев с особым вниманием относится к слабым и беззащитным, он всегда готов прийти на помощь старикам, детям, больным. Обладает терпимостью и гибкостью, умеет отказаться от желаемого. Но границы сдержанности Льва не беспредельны, после ряда замечаний и предупреждений может последовать сильная вспышка гнева.

В женщинах Лев больше всего ценит верность и доброту. Придает большое значение сексуальным отношениям. В юношеские годы любвеобилен. Выпивает от случая к случаю, но алкоголиком становится крайне редко. К сексу относится очень серьезно, видя в нем средство поддержания здоровья.

Счастливым брак ждет Льва с Анной, Викторией, Ольгой, Ириной, Тамарой, Полиной, Элеонорой. Скорее всего, ему не подойдут Лидия, Марина, Онсана.

ЛЕОНИД. Имя происходит от Леонидас, которое образовано из двух слов: "леон" и "идея", буквально "сын льва".

С детства внимательно следит за своим здоровьем. Требователен в выборе пищи. Небольшую ссадину обязательно смажет йодом и сделает повязку. Даже при небольшой температуре обязательно будет придерживаться постельного режима. Его самолюбие не позволяет, чтобы его считали менее достойным тех, с кем он учится.

В выбранной специальности Леонид добивается значительных успехов. Он может стать классным водителем, широко известным журналистом или государственным деятелем. В любом коллективе у него складываются хорошие отношения с коллегами и с руководством.

Леонид способен быстро приспособливаться к обстановке, умеет улаживать конфликты, обладает гибкостью. В нужный момент способен проявить твердость и принципиальность.

Вообще Леонид очень мнителен и добрая часть его заболева-

ний — плод воображения. Серьезное внимание следует обратить только на сосуды, из-за них могут быть частые головные боли и головокружения.

Женщине, владеющей кулинарным искусством, не составит труда покорить Леонида, так как путь к его сердцу лежит через желудок. Жене Леонида надо помнить о том, что он болезненно воспринимает критические замечания в свой адрес, и поэтому не стоит прилюдно упрекать его. Не откажется провести вечер за бутылкой хорошего вина, но в нетрезвом состоянии у него может появиться чувство ревности.

Удачным ожидается брак с Аллой, Анной, Валентиной, Верой, Людмилой, Натальей, Полиной. Трудной может оказаться семейная жизнь с Галиной, Жанной, Инессой, Любовью, Татьяной.

МАЙЯ. В греческой мифологии — Богиня весны.

Маленькая Майя — любимица родителей. Быстро начинает понимать, что для того, чтобы добиться желаемого, надо быть послушной и примерно вести себя. После достижения желаемого может стать равнодушной и невнимательной.

Упорство и настойчивость не в характере Майи. Если отношения с учителями не складываются, то она теряет интерес к учебе, но если учителя будут хвалить ее хотя бы изредка, то воодушевленная Майя в учебе будет одной из лучших.

В более старшем возрасте становится заметным стремление быть первой, появляется категоричность в высказываниях. Она может сделать неплохую карьеру

и стать руководителем большого коллектива, где царит дисциплина и где среди подчиненных не принято обсуждать свою начальницу.

Майя быстро находит себе мужа. Она подвижна, общительна, легко увлечается. Любит красивые вещи, поэтому мужу придется смириться с тем, что жена часто будет настаивать на покупке дорогой одежды, мебели, и из-за этого придется постоянно влезать в долги. Майя ревнива, способна устроить мужу сцену даже в присутствии чужих людей. Неуступчива в том, что касается ее личных интересов. Не согласится играть роль безропотной невестки в отношениях со свекровью, что может вызвать серьезный конфликт в семье.

Майе следует обратить внимание на желчный пузырь, а для этого вполне достаточно правильно питаться.

Удачным будет брак с Виктором, Вадимом, Денисом, Павлом, Степаном. Лучше воздержаться от отношений с Владиславом, Егором, Никитой, Федором, Эдуардом.

МАРГАРИТА. Имя происходит от латинского слова "маргарита" — жемчужина.

Маргарита с детства отличается самостоятельностью и имеет свое собственное суждение по любому вопросу. Излишне прямолинейна; может сказать все, что думает, чем иногда ставит в неловкое положение отца с матерью. Эти качества сохраняются у Маргариты на всю жизнь, хотя повзрослев, она начнет понимать, что надо стараться сдерживать свои эмоции.

Во время учебы сразу проявляется хорошее логическое мышление, любимым предметом будет математика, может добиться неплохих результатов, играя в шахматы. Умна, сообразительна, не лишена и хитрости. Отношения с ровесниками носят нормальный характер. Выбирает профессию учителя, инженера, может стать неплохим руководителем.

В отношениях с мужчинами Маргарита нетерпелива. Ей хочется получить все и сразу. Она может выйти замуж за первого понравившегося человека и испытать после этого серьезное разочарование. Сильно переживает свои ошибки.

Уверенно чувствует себя в мужском обществе и может давать мужу повод для ревности. Домашнее хозяйство, приусадебный участок не вызывают положительных эмоций. Но, если необходимо, способна приготовить впечатляющий ужин и превосходно принять гостей. К детям относится заботливо.

Маргарита много времени отдает спорту, но с возрастом начинает жаловаться на сердце.

Хорошо могут сложиться отношения в браке с Арнадием, Геннадием, Вениамином, Всеволодом, Эдуардом. Большие сложности ждут ее в браке с Виталием, Владимиром, Иваном, Кириллом.

МАРИЯ. Имя имеет древне-еврейское происхождение. Существует несколько значений имени — горькая, любимая, упреждающая.

Маша — добрая, нежная, спокойная девочка. У нее самое любимое занятие — побыть нянькой

для маленьких детей. Очень ранима, тяжело переживает даже небольшое замечание в свой адрес. В то же время в ее характере присутствует твердость, достоинство, способность постоять за себя. Действия ее иногда носят импульсивный характер. Ответственно относится к учебе в школе и всегда старательно исполняет домашние обязанности. Сверстники ценят ее за трудолюбие, способность проявить сочувствие.

Взрослая Мария излучает вокруг себя тепло, ласку, внимание. Она всегда готова помочь попавшему в беду человеку.

В браке верна, но чтобы отношения с мужем были более теплыми и искренними, необходимо иметь в семье хотя бы одного ребенка. Мария — очень преданная мать, отдает всю себя детям. Дети отвечают ей взаимностью, всегда выступают на ее стороне. У Марии хорошие отношения со свекровью, если она старая и немощная женщина, если же она здоровая и не нуждается в уходе, то возможны сложности. Тяжело переживает неверность мужа.

Склонна к полноте. Слабые места — желудок и женские органы.

Высока вероятность удачного брака с Анатолием, Александром, Виктором, Григорием, Валентином, Евгением, Иваном. Сложными отношения будут с Борисом, Вячеславом, Кириллом, Эдуардом.

МАРИНА. Имя происходит от латинского слова "маринус" — морской.

Марина — это знающий себе цену человек, а если она красива,

то эта самооценка может быть излишне завышенной. Способна подчинить свои эмоции рассудку, поэтому все поступки совершает расчетливо и обдуманно.

Марина с раннего детства становится объектом поклонения: мальчишки постоянно обращают на нее внимание, стараются познакомиться с ней, назначают свидания. Повзрослев, Марина становится еще более очаровательной. Мужчины беззащитны перед ее таинственными чарами.

Ищет в браке спокойствия и материально обеспеченной жизни. Мужу придется постоянно уделять много внимания Марине, ей нужно восхищение, комплименты, цветы. Если такие знаки внимания будут отсутствовать, то может появиться напряженность в брачных отношениях. Марина не прощает измен мужа, готова пойти даже на полный разрыв брака.

На кухне способна продемонстрировать чудеса кулинарного искусства и поразить гостей изысканностью приготовленных кушаний. В отношениях с детьми импульсивна: то стремится переделать с детьми все дела, то оставляет их подолгу одних. В основном выбирает профессию медсестры, врача, инженера, парикмахера, актрисы.

Марина подвержена заболеваниям кишечника и половых органов.

Удачными отношения в браке будут с Антоном, Валентином, Владимиром, Денисом, Михаилом, Сергеем. Неудачен брак, скорее всего, с Анатолием, Борисом, Георгием, Николаем, Станиславом.

МАКСИМ. Имя происходит от латинского слова "макси-

мус", что означает "величайший".

В детстве Максим не доставляет родителям и учителям никаких хлопот. Он хорошо учится, у него нормальные отношения со сверстниками. Читает разные книги, с удовольствием ходит в театр на детские спектакли.

У взрослого Максима может не все ладиться. Ему не хватает волевых качеств, уверенности в себе, упорства и напористости. Он лишен "пробивных" способностей и к тому же имеет привычку во всем сомневаться. Но несмотря на эти недостатки, Максим открытый к общению человек. Он доброжелателен, всегда готов оказать помощь.

Стараясь увидеть в человеке только хорошее, Максим плохо различает хороших людей от плохих. Не ставит перед собой цели сделать карьеру, но, увлекшись каким-нибудь делом, может добиться значительных результатов.

Максимы успешно работают строителями, кузнецами, фотокорреспондентами, учителями. Могут быть политиками.

Максим рано начинает обращать внимание на девушек. До вступления в брак уже имеет большой опыт общения с женщинами. Терпелив и не будет торопить жену, когда она надолго задержится перед зеркалом. Способен перенести и нервный срыв у жены, вызванный неприятностями на работе. Но терпением его не следует злоупотреблять — оно не безгранично.

Любит общаться с детьми. С родителями жены отношения складываются благополучно. В браке верен.

У Максима очень развит инстинкт самосохранения. Слабые органы — почки, мочевыводящие пути, простата.

В спутницы жизни подойдут Виолетта, Зинаида, Лидия, Маргарита, Нина, Раиса, Светлана. Мала вероятность хорошего брака с Антониной, Любовью, Ольгой, Юлией.

МИХАИЛ. Имя происходит от древнееврейского имени **Микаэль**, что означает **"равный, подобный Богу"**.

С мальчином Михаилом у учителей и родителей проблем, как правило, не бывает. Он старается все делать хорошо и вовремя. Может участвовать в спортивных играх вместе со своими друзьями и петь в детском хоре.

Михаилу свойствен логический склад ума. В незнакомой обстановке ориентируется быстро. Болезненно воспринимает критические замечания. Он может получить любую специальность: учителя, юриста, тонаря, водителя. Из Михайлов получаются хорошие

руководители самого высокого уровня. Удастся им карьера и на военной службе.

Михаил легон в общении, незлопамятен. Любит возиться с кошками и собаками. С удовольствием проведет время на садовом участке.

В женщине Михаила привлекают мягкость и отходчивость. Очень добр в отношениях с детьми, не может ни в чем им отказать. С вниманием относится к родителям, ухаживает за ними, напризы старинов его не раздражают. Пьет мало. За столом ведет себя свободно, много шутит, любит петь песни. Опынев, становится сентиментальным.

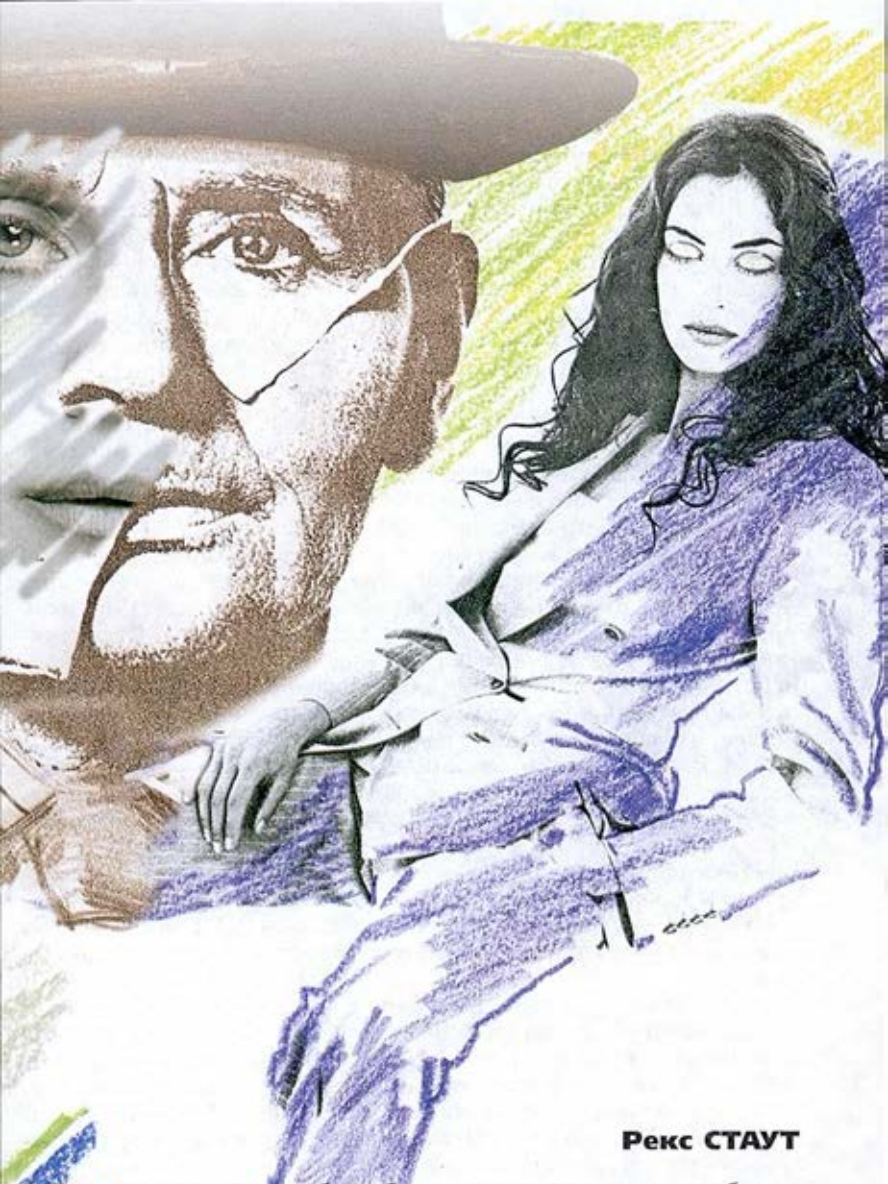
Михаил, в принципе, устойчив к болезням, но должен следить за сердцем и системой кровообращения. В зрелом возрасте возможны проблемы со зрением.

Брак будет удачным с Верой, Еленой, Елизаветой, Мариной, Ниной, Наталией, Раисой, Тамарой, Эльвирой. Семейная жизнь может не сложиться с Елизаветой, Оксаной, Ольгой, Софией. ■

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ПАВИАНОВ

РИСУНОК **Виталия Федорова**

Рекс СТАУТ

В тот день у меня была большая запарка, и лишь избыток природного благоразумия не дал мне выйти на свежий воздух и немного отдышаться. Я лишь изредка спускался в кабинет, тщательно прикрывал за собой дверь в коридор и устраивался в кресле, взгромоздив ноги на стол. А потом закрывал глаза и делал дыхательные упражнения.

Я дал маху дважды — когда Билл Макнаб, заядлый цветовод и издатель “Газетт”, предложил Ниро Вулфу как-нибудь

пригласить в гости членов Манхэттенского клуба любителей цветов, чтобы они полюбовались его орхидеями, я должен был предвидеть, что мне сулит это мероприятие. Когда день был назначен и приглашения разосланы, мы с Вулфом условились, что Фриц и Сол будут встречать гостей в прихожей, а я, Теодор и сам Вулф — развлекать их в оранжерее. Кабы меня не подвел здравый смысл, я бы решительно воспротивился такому раскладу, но не сделал этого и в итоге полтора часа толкался в толпе гостей Вулфа, раскланиваясь и рассылая во все стороны псевдовосторженные улыбки.

Все было бы еще ничего, найдись среди гостей такие, созерцание которых радовало бы глаз. Спору нет, вступить в Манхэттенский клуб любителей цветов весьма непросто, но, похоже, критерии отбора там очень отличаются от моих. Мужчины, впрочем, были вполне заурядные, ничего особенного. Но женщины! Они льнули к цветам с какой-то изуверской нежностью, а все потому, что цветы не могли ответить им взаимностью.

Одна, правда, оказалась довольно миленькой, но всего одна. Мне пришла охота заглянуть в неотапливаемую часть оранжереи, тут-то я и увидел эту девицу в конце коридора. С расстояния в десять ярдов она казалась более-менее привлекательной, а когда я сумел, лавируя среди цветоводов, подобраться к ней, чтобы ответить на вопросы, если они у нее возникнут, то убедился, что глаза не обманули меня: девица метнула на меня быстрый косой взгляд, и я понял, что она без труда отличит мужчину от цветка. Она молча улыбалась и протискивалась сквозь толпу в обществе своих спутников — двух мужчин и дамы не первой молодости. Чуть погода я предпринял еще одну безуспешную попытку приблизиться к девице, а потом, опасаясь, что улыбка намертво приклеится к моей физиономии, решил на самовольную отлучку, чтобы передохнуть. Я бочком подобрался к торцу отапливаемого отделения оранжереи и юркнул в дверь.

Насколько я помню, а память у меня неплохая, в старом особняке Ниро Вулфа на Западной 35-й улице еще никогда не собиралось столько народу. Я забежал в свою спальню за сигаретами, потом спустился этажом ниже и заглянул в коридор, дабы убедиться, что спальня Вулфа на замке. Затем проверил, как Фриц Бреннер и Сол Пензер справляются с приемом и проходами гостей, и отправился в кабинет.

Прошло минут восемь или десять, я успел расслабиться и немного отдохнуть, когда вдруг открылась дверь, и девица вошла в кабинет. На этот раз она была одна. Пока она закрывала дверь, я успел вскочить и любезно проговорить:

— А я тут сижу и размышляю, удастся ли...

Увидев ее лицо, я осекся. На первый взгляд, лицо как лицо, но на нем читалась тревога. Сделав несколько шагов, девица упала в желтое кресло посреди комнаты.

— У вас найдется что-нибудь выпить? — спросила она.

— Конечно. — Я достал из бара бутылку виски.

Ее руки дрожали, но она не расплескала ни капли и осушила бокал в два приема.

— Еще? — спросил я.

Девушка покачала головой. Ее блестящие карие глаза подернулись поволокой, и она вдруг устремила на меня долгий пыливый взгляд.

— Вы Арчи Гудвин, — сказала она.

Я кивнул.

— А вы, надо полагать, египетская царица.

— Я — повелительница павианов, — объявила девушка. — Они-то и научили меня говорить. — Она поискала, куда бы поставить бокал, и я забрал его у гостя. — Посмотрите, как у меня руки трясутся, — проговорила она.

С этими словами повелительница павианов вытянула руку. Я мягко пожал ее, взяв в ладони, и заметил:

— У вас немного расстроенный вид.

— Мне необходимо увидеться с Ниро Вулфом, причем немедленно, пока я не передумала, — сказала она, не сводя с меня глаз. — Я влипла в препоганейшую историю, но могу выпутаться, если уговорю Ниро Вулфа мне помочь.

Я ответил, что едва ли она сумеет встретиться с Вулфом до окончания приема. Гостья огляделась и спросила:

— Сюда могут войти?

— Нет, не могут.

— Можно мне еще глоток?

Я сказал, что сначала ей нужно успокоиться, и девушка не стала возражать, но поднялась и налила себе сама. Я нахмурился, сел и принялся наблюдать за ней. Должен признаться, девушка производила несколько странное впечатление. Едва ли она состояла в клубе любителей цветов. Снова опустившись в кресло, она посмотрела на меня и задумчиво проговорила:

— А может, вам рассказать?

— Многие так и делают, — скромно ответил я. — Ладно, рассказывайте.

— Ну что ж... Меня могут обвинить в мошенничестве.

— Да? И чем вы занимаетесь? Передергиваете в канасту?

— Я не о шулерстве, — нервно кашлянув, сказала девушка. — Напомните мне как-нибудь, чтобы я поведала вам историю своей жизни. О том, что мой муж погиб на войне, и мне пришлось опуститься до мошеннических трюков. Ну, что, распалила я ваше любопытство?

— Еще как распалили. Так чем же вы занимаетесь? Хищениями орхидей?

— Нет. Раньше я думала, что плохо быть бедной и нечестной, но однажды мне пришлось убедиться, что не все так про-

сто. Жизнь сводит с разными людьми, иногда попадаешь под их влияние. Два года назад я и трое моих партнеров вытянули сто тысяч долларов у одной зажиточной особы. Могу рассказать, как мы это сделали, даже назвать имена. Едва ли облапошенной даме придет в голову откровенничать.

Я кивнул.

— Жертвам шантажа это не свойственно.

— Я не вымогательница!

— Прошу прощения. Мистер Вулф не устает повторять, что я то и дело опережаю события.

Девушка кипела от негодования и, похоже, не слушала меня.

— Вымогатель куда хуже мошенника. Но не в этом дело. Беда мошенника в том, что собратья по промыслу толкают его на гадкие поступки, даже если он не хочет их совершать. Когда-то у меня была подруга, близкая подруга, если только мошенник может иметь друзей. Но ее убили. Стоило мне рассказать все, что я знаю, и убийцу поймали бы, но я тряслась от страха и молчала. В итоге он и поныне на воле. Но ведь погибла моя подруга! Похоже, я опустила на самое дно.

— Возможно, — ответил я. — Ведь я вас почти не знаю и не могу сказать, что с вами будет после двух бокалов виски. Может быть, вы развлекаетесь, водя за нос частных сыщиков.

Девушка пропустила мои слова мимо ушей.

— Я давно поняла, что совершила ошибку, — продолжала она, словно читая театральную монологию. — И около года назад решила начать новую жизнь...

— Понимаю, — кивнув, вставил я.

— Но в декабре мы провернули одно хорошее дельце, и я уехала развлекаться во Флориду. А по дороге познакомилась с одним типом. У него была зацеплена клиентка, и сейчас я ею занимаюсь. Мы вернулись сюда только неделю назад. Этот человек... — Она умолкла. Девушка выглядела совершенно подавленной. И дело было не только в тревоге, которую она испытывала.

— Я вам говорю безо всяких преувеличений, он мне противен, — продолжала она. — Впрочем, это касается только меня. Сейчас я попытаюсь объяснить, как попала сюда и почему сожалею об этом!

У меня не было оснований сомневаться в ее искренности, даже если она репетировала эту сцену перед зеркалом, добиваясь полной достоверности.

Девушка уставилась в пространство.

— Если бы я не пришла! Если бы не встретила его! — Она взволнованно подалась ко мне. — У меня есть один недостаток: я соображаю либо слишком быстро, либо слишком туго. Как только я поняла, что увидела знакомого, мне надо было отвернуться, но я этого не сделала, и он все прочел в моих глазах. Я была потрясена и глядела на него, думая, что не узнала бы этого человека, будь он без шляпы. И тут вдруг он взгля-

нул на меня и понял, что случилось. Ну, да было уже поздно. Я прекрасно владею собой и сохраняю невозмутимое выражение лица при любых обстоятельствах, но сегодня это оказалось мне не под силу... Моя неловкость была заметна. Миссис Орвин даже спросила, что со мной. Только после этого я постаралась взять себя в руки, а когда увидела Ниро Вулфа, решила поговорить с ним. Разумеется, при всем честном народе этого сделать нельзя, но потом вы вышли, и я, отделавшись от своих спутников, поспешила за вами. — Девушка попыталась улыбнуться мне, но сумела соорудить только какую-то жалкую гримасу. — Мне стало немного легче, — с надеждой в голосе произнесла она.

— У нас хорошее виски, — сказал я. — Вы так и не сообщите мне, кого именно узнали?

— Нет. Я расскажу это только Ниро Вулфу.

— И тем не менее, вы решили довериться мне. Ладно, поступайте, как считаете нужным. Но чего вы рассчитываете добиться, рассказав обо всем Вулфу или кому-либо другому?

— Я смогу обезопасить себя, и этот человек не навредит мне.

— Почему?

— Испугается. Ниро Вулф предупредит его, что я все рассказала, и если со мной что-то случится, он будет знать, кто это сделал. То есть, Ниро Вулф будет знать, и вы тоже.

— Мы будем полезны вам, только если узнаем имя и адрес этого таинственного человека, — сказал я, пытливо разглядывая девушку. — Надо полагать, парень и впрямь еще тот, раз сумел так застрашать вас. Кстати, если уж мы заговорили об именах, как вас зовут?

Она издала какой-то странный звук, отдаленно похожий на смех.

— Марджори вам нравится?

— Ничего. Но какое имя вы носите сейчас?

Девушка заколебалась.

— Да полно вам! — воскликнул я. — Вы же не в безвоздушном пространстве, а я, как-никак, сыщик. Мы записали имена всех гостей.

— Синтия Браун, — сказала она.

— Вы пришли вместе с миссис Орвин? Она и есть ваша "клиентка", которую вы зацепили во Флориде?

— Да, но с этим покончено, — девушка взмахнула рукой. — Я вышла из игры.

— Понятно. И все же — кто тот человек, которого вы узнали?

Синтия покосилась на дверь, обвела взглядом кабинет и спросила:

— Нас могут услышать?

— Нет. Вторая дверь ведет в переднюю, где мы временно устроили гардероб, а стены кабинета звуконепроницаемые.

— Все должно получиться так, как я задумала, — проговорила она, понизив голос. — Но я была не до конца откровенна с вами.

— От мошенницы я иного и не ожидал. Попробуйте еще раз.

— Я хочу сказать... — Она закусила губу. — Дело не в страхе за свою шкуру. Разумеется, я боюсь, но Ниро Вулф нужен мне не только для того, чтобы обеспечить мою безопасность. Мне надо поговорить с ним о том убийстве... Но он не должен упоминать моего имени... Я совсем не хочу объясняться с полицией, особенно сейчас. Если Вулф не сможет выполнить это условие... Или вы полагаете, что сможет?

Я почувствовал, как вдоль позвоночника пробежала легкая дрожь. Такое со мной случается очень и очень редко. Стараясь не допустить, чтобы мой голос сорвался, я строго взглянул на девушку:

— Вулф возьмется за дело, только если вы заплатите ему. Вы располагаете какими-нибудь доказательствами?

— Я видела его.

— Видели сегодня?

— Нет, давно, в тот день, когда навестила подругу, о которой говорила вам. — Синтия сцепила руки. — Я как раз собиралась уходить. Дорис была в ванной. Я подошла ко входной двери, и тут кто-то вставил ключ в замок с наружной стороны. Дверь открылась, и вошел мужчина. Увидев меня, он застыл на месте. Это была моя первая встреча с “сахарным папочкой” Дорис. Она, понятное дело, не хотела нас знакомить. Поскольку у него был свой ключ, я, естественно, решила, что он задумал сделать ей сюрприз, и поспешно ушла, успев сообщить ему, что Дорис в ванной. — Синтия умолкла, ее руки чуть расслабились, потом снова плотно сжались. — Учтите, если надо, я всегда смогу откеститься от своих слов. Выйдя от Дорис, я отправилась в бар, а потом позвонила ей спросить, не изменились ли ее планы из-за прихода “сахарного папочки”, и будем ли мы обедать вместе. Трубку не сняли, и я вернулась к Дорис. Позвонила в дверь, но никто не открыл. В доме нет ни лифтера, ни консьержа, и спросить было не у кого. А наутро горничная Дорис обнаружила ее тело. Газеты сообщили, что Дорис была убита накануне. Наверняка это сделал “сахарный папочка”! Но о нем ни слова не написали, никто не видел, как он выходил из дома. И я, подлая малодушная девка, даже не пикнула!

— И сегодня “сахарный папочка” вдруг появился тут, среди любителей орхидей?

— Вот именно.

— Вы уверены, что он вас раскусил? Догадался, что вы узнали его?

— Да. Он пристально смотрел на меня, и его глаза...

Зазвонил телефон. Я подошел к столу, снял трубку.

— Алло?

— Арчи! — раздался раздраженный голос Ниро Вулфа. — Куда ты, черт возьми, пропал? Немедленно возвращайся!

— Я приду чуть позже. Беседую с возможным клиентом.

— Тоже мне, нашел время! Приходи сейчас же!

Он бросил трубку. Я последовал его примеру и повернулся к возможной клиентке.

— Мистер Вулф зовет меня наверх. Вы можете подождать здесь? И что сказать миссис Орвин, если она спросит о вас?

— Что я занемогла и уехала домой.

— Хорошо. Прием скоро кончится. В приглашении сказано: с половины третьего до пяти. Если захотите выпить, угощайтесь. Под каким именем записался сегодня ваш подозреваемый?

— Я не знаю...

— Как он выглядит?

Синтия пристально посмотрела на меня и покачала головой.

— Подождите. Сначала послушаем, что скажет Ниро Вулф.

Наверное, она прочла что-то в моих глазах, или ей так показалось. Во всяком случае, девица подошла и взяла меня за руку.

— Вам я больше ничего сообщить не могу. Извините. Я знаю, что вы честный человек, и вам можно доверять. Впервые за многие годы я разговариваю с мужчиной, не таясь. Мне... — Она заколебалась, подбирая слова. — Мне это весьма и весьма приятно.

— Взаимно. Зовите меня просто Арчи. Но вы должны дать мне словесный портрет.

По-видимому, эта мысль не показалась ей весьма приятной.

— Нет. Пусть сначала Ниро Вулф скажет, что готов взяться за дело.

В оранжерее почти никого не осталось. Когда я присоединился к горстке гостей вокруг Ниро Вулфа, он метнул на меня взгляд, полный холодного бешенства, и я был вынужден выдавить улыбку. Слава Богу, было уже без четверти пять, и, если гости внимательно читали пригласительные открытки, скоро прием закончится.

Читали они не очень внимательно, но меня это уже не волновало: я был занят другими размышлениями. Теперь гости действительно интересовали меня, во всяком случае, один из них, если он еще здесь.

Первым делом надо было выполнить поручение Синтии. Подойдя к троице ее спутников, я вежливо спросил даму:

— Миссис Орвин?

— Да, это я.

Миссис Орвин была невелика ростом и весьма дородна, с круглым одутловатым лицом и узенькими глазками.

— Арчи Гудвин, — представился я. — Здешний служащий.

И умолк, не зная, что еще сказать. На мое счастье, в разговор встрял один из ее спутников.

— Моя сестра? — угрожающе спросил он.

Итак, речь идет о брате и сестре. На мой взгляд, братом он был неплохим. Постарше меня, но ненамного. Рослый, поджарый, с тяжелым подбородком и пронизательными серыми глазами.

— Моя сестра? — повторил он.

— Наверное. Вы...

— Полковник Перси Браун.

Я снова повернулся к миссис Орвин.

— Мисс Браун просила передать вам, что ушла домой. Я угостил ее выпивкой, и это, похоже, помогло, но все-таки ей неможется, и она решила уйти. Велела извиниться за нее.

— Но она совершенно здорова! — вскричал полковник. Мои слова почему-то обидели его.

— Как она себя чувствует? — спросила миссис Орвин.

— Следовало налить ей втрое больше, — подал голос второй мужчина. — Или отдать всю бутылку.

Судя по его тону и выражению лица, он не считал нужным беседовать с прислугой, то есть со мной. Он был много моложе Брауна и очень похож на миссис Орвин. Вероятно, родственник.

Она тотчас подтвердила это, сказав:

— Прикуси язык, Юджин! А вам, полковник, пожалуй, стоило бы сходиться и узнать, что с ней.

— Едва ли в этом есть нужда, — с преувеличенно мужественной улыбкой ответил полковник. — Уверяю вас, Мими.

— С ней все хорошо, — подтвердил я и пошел прочь, думая о том, что в языке уйма слов, значение которых требует уточнения. Назвать эту грузную матрону с узенькими глазками Мими было по меньшей мере оригинально.

Я бродил среди гостей и был живым воплощением любезности. Я полностью полагаюсь на чутье, поскольку у меня не было специального счетчика, сигнализирующего при соприкосновении с убийцей. А ведь изобличение убийцы Дорис Хаттен было бы достойно отображения в моем блокноте!

Синтия Браун не называла фамилии убитой, но мне было достаточно и имени. Когда произошло убийство, а было это месяцев пять назад, в начале октября, газеты, по своему обыкновению, подняли большой шум. Дорис Хаттен была задушена ее собственным белым шелковым шейным платком с узором в виде текста Декларации независимости. Место преступления — уютная квартира на пятом этаже дома на одной из Западных 70-х улиц. Платок, которым убийца стянул ей шею, был завязан узлом на затылке. В радиусе мили не нашлось ни одного подозреваемого, и сержант Перли Стеббинс из отдела по расследованию убийств признался мне, что его

ведомство вряд ли когда-нибудь выяснит, кто оплачивал квартиру убитой.

Я настроился на самый подозрительный лад и продолжал бродить по оранжерее. Некоторые мои подозрения оказались чересчур нелепыми, что выяснилось в ходе беседы с пробудившим их человеком, когда я хорошенько пригляделся к нему. На это понадобилось много времени, но я не сомневался, что, если Синтия была со мной откровенна, скоро мы будем знать все подробности дела. Проклятый холодок в позвоночнике по-прежнему давал о себе знать.

Пробило пять, пошел шестой час, и толпа гостей поредела. В половине шестого оставшиеся, наконец, уразумели, что их время кончилось, и потянулись к лестнице. Я все еще был в оранжерее и вдруг заметил, что остался один, если не считать какого-то господина, поглощенного изучением горшка с довианами, который стоял на северном стеллаже. Господин меня не интересовал, я уже оценил его и вычеркнул из списка подозреваемых: он явно не тянул на убийцу. Но, когда я посмотрел в его сторону, он вдруг резко нагнулся и взял горшок с цветками в руки. Мышцы у меня на спине напряглись. Это был чистой воды рефлекс, но я уже осознал, чем он вызван. Большие пальцы незнакомца очень характерно сошлись на горловине горшка. Даже при полном пренебрежении к чужому имуществу не следует братья за пятидюймовый горшочек так, словно собираешься вытрясти из него душу.

Я с опаской приблизился к гостю. Он держал цветочный горшок в нескольких дюймах от своих глаз.

— Прекрасный цветок, — с лучезарной улыбкой проговорил я.

Незнакомец кивнул и наклонился, чтобы поставить горшок на место, но продолжал крепко держать его. Я огляделся. Похоже, в оранжерее остались только Ниро Вулф и горстка гостей, в том числе миссис Орвин с ее спутниками и Билл Макнаб, издатель "Газетт".

Когда я вновь повернулся к незнакомцу, он выпрямился и, не удостоив меня ни единым словом, зашагал к выходу.

Я последовал за ним вниз по лестнице, едва не наступая ему на пятки. Наконец мы оказались в просторной прихожей, почти безлюдной, если не считать женщины в каракулевой шубе, уже готовой выйти на улицу, и Сола Пензера, который скучал у двери.

Разумеется, вешалки в гардеробе были свободны. Мой подопечный сразу увидел свое пальто и шагнул к нему. Я обогнал его, чтобы помочь одеться, но гость не обратил на меня внимания, даже не потрудился покачать головой. Я почувствовал себя уязвленным.

Он вышел из гардероба в прихожую. Я шел в шаге позади него. Когда он направился к двери, я сказал:

— Прошу прощения, но мы спрашиваем у гостей имена, не только встречая их, но и провожая тоже. Назовите, пожалуйста, ваше.

— Что за ерунда? — резко отозвался уходящий гость, после чего взялся за ручку и толкнул дверь.

Поняв, что я не стал бы интересоваться именем этого парня без серьезных оснований, Сол подошел ко мне, и мы вместе проводили гостя глазами, дождавшись, когда он преодолет все семь ступеней крыльца и спустится на тротуар.

— Пойти за ним? — шепотом спросил Сол.

Я покачал головой и уже собрался было что-то буркнуть, как вдруг у нас за спиной раздался сдавленный женский крик, негромкий, но полный неподдельного ужаса. Мы с Солом резко обернулись. Из гардероба выбежали Фриц и какой-то гость, а из кабинета в прихожую пулей вылетела женщина в каракулевой шубке. Она что-то невнятно бормотала, и Сол с зычным рыком вспугнутого тигра бросился к ней. Я рванулся с места еще быстрее. Мне понадобилось всего восемь шагов, чтобы очутиться на пороге кабинета, и еще два — чтобы оказаться внутри.

Увидев распростертое на полу тело, я сразу понял, что это Синтия Браун. Впрочем, узнал я ее только по одежде, ибо искаженные смертным страхом черты, вывалившийся язык и выпученные глаза сделали лицо совершенно неузнаваемым. Я опустился на корточки, сунул руку под лиф ее платья и замер. Сердце не билось.

Поднявшись, я подошел к телефону, набрал номер и сказал подоспевшему Солу:

— Никого не выпускай и ничего не трогай. Впустишь только доктора Уолмера.

После двух гудков трубку сняла ассистентка и соединила меня с доктором Уолмером.

— Док, это Арчи Гудвин. Приезжайте немедленно. Задушена женщина. Да, именно так — задушена!

Положив трубку, я взялся за телефон внутренней связи и позвонил в оранжерею. Вскоре раздался резкий раздраженный голос Ниро Вулфа:

— Алло!

— Я в кабинете. Пожалуй, вам стоит спуститься сюда. Возможный клиент, о котором я упоминал, лежит у меня под ногами. Это женщина, и она задушена. Я вызвал Уолмера, но ей уже не поможешь.

— Ты не шутишь? — спросил Вулф.

— Нет. Спуститесь и посмотрите сами, а потом я отвечу на ваши вопросы.

Вулф бросил трубку. Я достал бумажную салфетку, оторвал краешек и прикрыл рот и ноздри Синтии.

Из прихожей донеслись голоса, и один из гостей прорвался в кабинет. В тот миг, когда раздался крик, он был в гардеробе с

Фрицем. Коренастый широкоплечий мужчина с мрачными пронизательными глазами и огромными, как у гориллы, руками. Он начал говорить еще с порога, причем весьма сердито, но умолк, как только подошел поближе и взглянул на пол.

— О, нет, только не это, — хрипло выдавил он.

— Увы, сэр, — ответил я.

— Как это случилось?

— Мы не знаем.

— Кто она?

— Мы не знаем.

Он с трудом оторвал взгляд от Синтии и посмотрел на меня. Я восхитился его выдержкой. Зрелище, как-никак, было жуткое.

— Тот человек у дверей не выпускает нас.

— Это вполне объяснимо, сэр. Вы сами все видите.

— Да, конечно, — ответил он, не сводя с меня глаз. — Но мы ничего не знаем об этом убийстве. Меня зовут Хоумер Карлайл. Я заместитель исполнительного директора "Норт-американ-фудз компани". Моя жена просто захотела взглянуть на кабинет Ниро Вулфа и вошла сюда. Мы оба сожалеем об этом. У нас назначена встреча, и я не вижу причин задерживаться тут.

— Я тоже сожалею, но причина есть, сэр, — ответил я. — Ваша супруга первой обнаружила тело. Мы в гораздо худшем положении, чем вы, — ведь труп лежит в нашем кабинете. Поэтому я считаю... Привет, доктор.

Войдя в комнату и едва кивнув мне, Уолмер раскрыл свой черный саквояж и опустился на колени над трупом. Доктор пыхтел и отдувался, хотя и жил на нашей улице, так что ему пришлось прошагать не больше двухсот ярдов. Но последнее время он изрядно прибавил в весе.

Хоумер Карлайл стоял и наблюдал за ним, плотно сжав губы. У дверей Сол и Фриц успокаивали даму в каракулевой шубке. Из кабины лифта вышли Ниро Вулф и миссис Мими Орвин. Юджин Орвин, полковник Перси Браун, Билл Макнаб и какой-то мужчина с копной черных волос спускались по лестнице. Я стоял в дверях кабинета, готовый задержать их.

Когда Вулф направился ко мне, миссис Карлайл схватила его за рукав.

— Я только хотела взглянуть на ваш кабинет. Я не...

Она что-то бессвязно тараторила, а я тем временем заметил, что под расстегнутой каракулевой шубкой виднеется пестрый шелковый шейный платок. Но, поскольку половина женщин на приеме носила нечто подобное, я упоминаю о платке лишь затем, чтобы подчеркнуть свою добросовестность.

Вулф слишком долго общался сегодня с женщинами и не смог сохранить невозмутимость. Он отпрянул прочь, но миссис Карлайл крепко вцепилась в него. Она имела спортивное тело-

сложение, была плоскогруда и мускулиста, и дело грозило дойти до потасовки между нею и Вулфом, весившим вдвое больше своей противницы. К счастью, Сол втиснулся между ними и не допустил мордобоя. Это не убавило красноречия миссис Карлайл, но Вулф хотя бы смог спокойно подойти ко мне.

— Доктор Уолмер уже прибыл?

— Да, сэр.

Заместитель исполнительного директора вышел из кабинета со словами:

— Мистер Вулф, я Хоумер Карлайл и я настаиваю...

— Заткнитесь, — рявкнул Вулф. Оглядев собравшихся с порога, он желчно проговорил: — Тоже мне, цветоводы. Вы говорили мне, мистер Макнаб, что соберется круг избранных, заядлых любителей цветов... Фу! Сол!

— Да, сэр?

— Отведи их в столовую и не выпускай оттуда. Не позволяй никому прикасаться к дверной ручке и вообще ни к чему возле двери. Арчи, идем со мной.

Он вошел в кабинет, я последовал за ним и аккуратно прикрыл дверь ногой, так, чтобы она не затворилась полностью, но и не оставив щели. Уолмер отважно выдержал угрюмый взгляд Вулфа.

— Ну, что? — спросил Вулф.

— Мертва, — ответил Уолмер. — Задущена.

— Давно?

— Самое большее — два часа назад. Возможно, меньше.

Вулф мрачно оглядел распростертое на полу тело и снова повернулся к Уолмеру.

— Отпечатки пальцев?

— Шея ниже подъязычной кости была перетянута повязкой, причем широкой и мягкой, чем-то вроде лоскута ткани. Может быть, шарфом. Какие уж тут отпечатки.

Вулф повернулся ко мне.

— Ты вызвал полицию?

— Нет, сэр, — ответил я, покосившись на доктора. — Мне надо кое-что вам сообщить.

— Вас не затруднит ненадолго оставить нас, доктор? — попросил Вулф. — Подождите в прихожей.

Уолмер, явно задетый, заколебался.

— Поскольку меня вызвали как врача, чтобы констатировать насильственную смерть, я здесь больше не нужен. Конечно, я мог бы сказать...

— Тогда отойдите в угол и заткните уши.

Уолмер так и сделал. Я понизил голос.

— Я сидел здесь, когда она вошла. Либо она была очень напугана, либо прекрасно разыграла сцену. Но, скорее, все же напугана, и мне следовало бы предупредить Сола и Фрица. Впрочем, теперь это неважно. В октябре прошлого года в своей квар-

тире была задушена некая Дорис Хаттен, убийцу не нашли. Припоминаете?

— Да.

— Эта женщина сегодня заявила, что была подругой Дорис Хаттен, находилась в тот день в ее квартире и видела убийцу, а сегодня он, якобы, тоже был здесь. По ее словам, убийца увидел, как она напугана, и понял, что его узнали. Она хотела просить вас устроить так, чтобы убийца оставил ее в покое. Разумеется, я на это не согласился. Зная, что вы не любите лишних осложнений, я не хотел ничего предпринимать, но она нащупала мое слабое место. Сказала, что ей приятно мое общество. Думаю, лучше передать дело полиции.

— Так и передай!

Я подошел к телефону и начал набирать номер — Уоткинс 98241. Доктор Уолмер покинул свой угол, а Вулф сначала нервно расхаживал перед своим столом, потом тяжело опустился в громадное, сделанное на заказ, кресло. После недолгих раздумий он поморщился, вскочил, издал звук, похожий на рев подраненного кабана, и, подойдя к книжным полкам, принялся разглядывать корешки.

Но даже это мирное занятие ему не удалось довести до конца. Как только я завершил разговор и повесил трубку, из прихожей донесся какой-то шум. Я бросился к двери, распахнул ее и сразу понял, в чем дело. В дверь столовой норовили втиснуться несколько человек разом. Сол Пензер бросился к ним.

Возле входной двери полковник Перси Браун одной рукой отталкивал Фрица, а другой тянулся к ручке. Фриц у нас исполнял обязанности шеф-повара и мажордома и, как мы думали, не был силен в эквилибристике, но он с блеском опроверг наше ошибочное мнение. Повалившись на пол, он неожиданно схватил полковника за ноги и дернул.

Тут подоспели и мы с Солом. Сол был вооружен пистолетом. Кроме того, нам на помощь пришел и гость с пышной шевелюрой.

— Вы глупец, — сказал я полковнику. — Стоит вам шмыгнуть за порог, и Сол подстрелит вас из своей пушки.

— Естественная реакция, — многозначительно проговорил черноволосый гость. — Напряжение превысило критическую точку, и он сломался. Я психиатр.

— Это весьма кстати, — сказал я и взял его за локоть. — Ступайте к остальным и присматривайте за ними.

— Это незаконно, — заявил полковник Браун, тяжело поднимаясь на ноги.

Сол собирал разбредавшихся гостей в плотный гурт. Фриц тронул меня за рукав.

— Арчи, я должен обсудить с мистером Вулфом меню обеда.

— Ты совсем спятил, — грубо ответил я. — В обед тут будет больше народу, чем сейчас.

— Но он должен поест. Тебе ли не знать.

— Молодец, — я похлопал его по плечу. — Прости мою неучтивость, Фриц, но я очень расстроен. Я только что задушил молодую женщину.

— Хм, — презрительно буркнул он.

— Впрочем, с таким же успехом это мог сделать и ты. Раздался звонок в дверь. Прибыла полиция.

По-моему, инспектор Крамер допустил промашку. Не подлежит сомнению, что комнату, в которой обнаружен труп, надо фотографировать. В общем-то, полицейские так и сделали, и к восьми часам все было благополучно закончено. Тем не менее, Крамер, как последний болван, в присутствии Вулфа приказал опечатать кабинет вплоть до особого распоряжения. Крамер знал, что Вулф проводит в кабинете по меньшей мере триста вечеров в год. Это и толкнуло инспектора на столь безрассудный поступок. Безрассудный и глубоко ошибочный. Выкажи Крамер больше благоразумия, Вулф обратил бы его внимание на одно обстоятельство и тем избавил бы инспектора от множества бед.

Подробности дела они узнали одновременно — от меня. В кабинете возились эксперты, гости под охраной толпились в передней, а мы пошли в столовую, где я и рассказал о своем разговоре с Синтией Браун. За годы сотрудничества с Ниро Вулфом я, в числе прочего, успел превратиться в магнитофон, и это дало мне возможность изложить все слово в слово. Когда я умолк, Крамер в полной мере продемонстрировал свою любознательность. У Вулфа вопросов не возникло. Возможно, он уже размышлял об одном упомянутом мною выше обстоятельстве, на которое не обратили внимания ни Крамер, ни я сам.

Инспектор ненадолго прервал нашу беседу, чтобы подозвать своих людей и отдать им кое-какие распоряжения — сфотографировать полковника Брауна, взять у него отпечатки пальцев, проверить все сведения о нем и о Синтии Браун, немедленно доставить сюда дело об убийстве Дорис Хаттен, побыстрее провести лабораторные исследования, вызвать Сола Пензера и Фрица Бреннера на допрос.

Фрица и Сола привели к Крамеру. Мрачный Фриц вытянулся во фрунт, а Сол стоял вальяжно и свободно. Он имел рост пять футов семь дюймов и один из самых здоровенных носов, какие я когда-либо видел. Разумеется, Крамер знал их обоих.

— Вы с Фрицем весь день провели в прихожей?

Сол кивнул.

— В прихожей и гардеробе.

— Кто входил в кабинет и выходил на ваших глазах?

— Я видел, как Арчи часа в четыре пошел в кабинет. Я в это время вышел из гардероба с чьими-то пальто и шляпой. Я видел, как из кабинета с криком выбежала миссис Карлайл. Но в

промежутке между двумя этими событиями никто в кабинет не входил и не выходил оттуда. Я, во всяком случае, не видел: у нас хватало дел в гардеробе и прихожей.

Крамер хмыкнул.

— А вы, Фриц?

— Я никого не видел, — громче, чем обычно, ответил Фриц. — Но хотел бы сделать заявление.

— Говорите.

— Не думаю, что ваше вмешательство пойдет на пользу делу. Я лишь присматриваю за домом и не имею отношения к работе мистера Вулфа, но иногда невольно кое-что слышу и уже не раз убеждался, что мистер Вулф находил ответы на вопросы, ставившие вас в тупик. Думаю, что события, происходящие в его доме, касаются только его.

Я прыснул.

— Фриц, сейчас ты для меня — откровение.

Крамер вытаращил на него глаза.

— Это Вулф просил вас выступить с речью?

— Еще чего! — негодуяще воскликнул Вулф. — Боюсь, Фриц, ничего уже сделать нельзя. У нас достаточно ветчины и осетрины?

— Да, сэр.

— Подашь чуть позже. Гостям в прихожей, но не полицейским. Вы знаете этих цветоводов, мистер Крамер?

— Нет. — Крамер повернулся к Солу: — Как вы отмечали гостей?

— Мне дали список членов Манхэттенского клуба любителей цветов. Они должны были предъявлять членские билеты. Всех пришедших я отмечал в списке. Если их сопровождали супруги или другие лица, я записывал и их имена.

— Следовательно, вы занесли в список всех? Сколько там человек?

— Двести девятнадцать.

— Столько здесь не поместится.

Сол кивнул.

— Да, верно. Но они приходили и уходили. Одновременно тут собиралось не более сотни гостей.

— Существенное уточнение. — Крамер делался все наглее. — Гудвин сказал, что стоял в дверях вместе с вами, когда эта женщина закричала и выбежала из кабинета, но вы не видели, как она входила туда. Почему?

— Мы стояли к ней спиной и провожали взглядом только что ушедшего гостя. Арчи спросил его имя, а мужчина ответил, что это глупости. Если вам интересно, его зовут Малькольм Уэддер.

— Откуда вы знаете?

— Я записал его имя, как и все остальные.

Крамер пытливо взглянул на Сола.

— Значит, вы могли бы назвать имена всех гостей, увидев их лица?

Сол передернул плечами.

— Не столько лица, сколько общий облик. Возможно, при этом я допущу несколько ошибок, но не очень много.

Крамер повернулся к полицейскому у двери.

— Леви, вы слышали это имя. Малькольм Уэддер. Пусть Стеббинс проверит его по списку и пошлет за ним человека. — Он опять обратился к Солу: — Сделаем так. Я буду сидеть тут со списком, а мужчины и женщины, которых сюда приведут...

— Я могу точно сказать вам, был ли здесь тот или иной человек. Особенно если он не станет переодеваться, менять прическу или приклеивать усы. Что же до имен, то в нескольких случаях я могу ошибиться, хотя и сомневаюсь.

— Я вам не верю.

— Зато мистер Вулф верит, — самодовольно ответил Сол. — И Арчи верит. Я неплохо поднаторел в запоминании имен.

— Ладно, будь по-вашему. С вами пока все. Никуда не отлучайтесь.

Сол и Фриц вышли. Вулф уселся в свое кресло во главе обеденного стола, тяжко вздохнул и смежил веки. Я устроился за спиной Крамера, поодаль от стола. Мало-помалу я уже осознавал, с каким сложным делом мы столкнулись.

— Что вы думаете о рассказе Гудвина? — спросил Крамер.

Вулф чуть приоткрыл глаза.

— Последующие события подтверждают его правдивость, вот что я думаю. Едва ли девица подстроила все это, включая собственную смерть, лишь затем, чтобы придать правдоподобия словам Гудвина. Я склонен верить ему.

— Согласен. Мне нет нужды напоминать, что и вас, и Гудвина я знаю как облупленных. Поэтому меня интересует, какова вероятность того, что через день-другой вы вдруг вспомните, что девица и прежде бывала у вас. И кто-то из сегодняшних гостей тоже.

— Вздор, — сухо ответил Вулф. — Даже будь так, вы прекрасно нас знаете, а посему не тратьте время на эту чепуху.

Вошел полицейский и доложил, что звонил член депутатской комиссии. Другой легавый сообщил, что Хоумер Карлайл бушует в прихожей. Вулф как ни в чем не бывало сидел за столом, закрыв глаза. Но я догадывался о его волнении — недаром Вулф чертил пальцем кружки на полированной столешнице.

Крамер наблюдал за ним.

— Что вам известно об убийстве Дорис Хаттен? — вдруг спросил он.

— Только то, что писали в газетах.

— Вести следствие в доме с автоматическим лифтом еще труднее, чем в доме без лифта, — изрек Крамер. — Никто нико-

го не видит, все входят и выходят незамеченными. "Сахарному папочке" повезло. Но вот незадача: вдруг он встречается человека, который может подробно описать его наружность.

— А может, мисс Хаттен сама платила за квартиру и никакого "сахарного папочки" не было?

— Платила-то наверняка сама, — согласился Крамер. — Вот только где она брала деньги? Хаттен жила в квартире всего два месяца. Когда мы узнали, насколько скрытен был человек, содержавший ее, то решили, что он, вероятно, поселил туда Хаттен с какой-то определенной целью. Вот почему мы сообщили газетам все, что смогли узнать. А уж газетчики вполне могли вывернуть все так, будто мы знаем, кто убийца, но он — слишком важная шишка, и мы не можем с ним справиться. Это вполне в духе пишущей братии. Возможно, убийца и впрямь важная шишка, но ему прекрасно удалось замести следы. Если верить тому, что Синтия Браун рассказала Гудвину, она встретила человека, платившего за квартиру Дорис Хаттен. В таком случае мне неприятно говорить вам, почему преступник был здесь и почему все, что он сделал...

— Вы малость передергиваете, — вкрадчиво ввернул я. — Преступник оказался здесь случайно. Кроме того, я отнесся к рассказу Синтии с недоверием. Кроме того, подробности она приберегла для мистера Вулфа. Кроме того...

— Кроме того, я знаю вас. Сколько мужчин было среди этих двухсот девятнадцати цветоводов?

— Чуть больше половины.

— Они вам понравились?

— Я далеко не в восторге от них.

Вулф хмыкнул.

— Судя по вашим вопросам, мистер Крамер, от вашего внимания ускользнуло одно обстоятельство, — сказал он. — А я его заметил.

— Еще бы. Вы же у нас гений. И что же это за обстоятельство?

— Несколько слов, оброненных мистером Гудвином. Я хотел бы поразмышлять о них.

— Можем сделать это вместе.

— Но не сейчас. В прихожей толпятся люди. Все они — мои гости. Не могли бы вы для начала поговорить с ними?

— Ваши гости! — прошипел Крамер. — Ну и ну! — Он повернулся к полицейскому у двери. — Приведите сюда эту дамочку. Как там ее? Карлайл?

Миссис Карлайл вошла в кабинет со всем своим достоинством — каракулевой шубкой, пестрым шейным платком и супругом. По сути дела, супруг ее и привел. Переступив порог, он решительно подошел к обеденному столу и произнес пылкую речь. Крамер воспринял ее весьма сдержанно и даже сказал, что приносит извинения. Затем пригласил супругов присесть.

Миссис Карлайл приняла приглашение, мистер Карлайл отверг его.

— Нас задержали здесь почти на два часа, — заявил он. — Я сознаю, что вы должны исполнить свой долг, но и у простых граждан, слава Богу, есть кое-какие права. Мы оказались здесь по чистой случайности. Предупреждаю вас, если мое имя появится в печати в связи с этим преступлением, у вас будут неприятности. Почему нас не выпускают? Что было бы, если бы мы ушли пятью или десятью минутами раньше, как все остальные?

— Не улавливаю логики. Не имеет значения, когда вы ушли и ушли ли вообще. Ваша супруга — главный свидетель. Именно она нашла тело.

— Случайно!

— Могу ли я сказать хоть слово, Хоумер? — возмутилась миссис Карлайл.

— Смотря что ты намерена сказать.

Крамер многозначительно хмыкнул.

— Позвольте спросить, что сие означает? — набросился на него Карлайл.

— А вот что. Я посылал за вашей супругой, а не за вами, но вы пришли вместе с ней, и теперь мне ясно, почему. Вы боитесь, как бы она не сболтнула лишнего.

— Почему это она должна сболтнуть лишнее?

— Не знаю. А вот вы, судя по всему, знаете. Но если я ошибаюсь, то почему бы вам не присесть и не успокоиться?

— Дельный совет, — согласился Вулф. — Напрасно вы так кипятитесь. Не ровен час, утратите благоразумие.

Чтобы сохранить благоразумие, исполнителю директору потребовалось известное усилие, но он справился.

Крамер обратился к его супруге:

— Вы хотели что-то добавить, миссис Карлайл?

— Нет, только принести извинения за причиненное вам беспокойство. — Она сжала свои сухие жилистые руки.

— Не думаю, что вы причинили кому-то беспокойство, разве что самой себе и вашему супругу, — со сдерживаемым торжеством произнес Крамер. — Не имеет значения, вошли вы в кабинет или нет — женщина-то уже была мертва. Поэтому наша встреча — чистая формальность, хотя и обязательная, коль скоро именно вы обнаружили тело.

— Формальность! — взорвался Карлайл. Крамер не обратил на него внимания.

— Гудвин видел, что вы пробыли в прихожей не более двух минут, еще до того, как выбежали из кабинета.

— Когда мы спустились, я ждала, пока муж оденется.

— А до того вы были внизу?

— Только когда пришли на прием.

— Когда именно?

— В самом начале четвертого.

— Вы расставались с супругом хотя бы ненадолго?

— Нет. Ему хотелось полюбоваться цветами, а мне...

— Разумеется, не расставались, — раздраженно буркнул Карлайл. — Моя жена имеет обыкновение недостаточно ясно выражаться.

— На самом деле я вовсе не косноязычная, — возразила миссис Карлайл. — Кто бы мог подумать, что мое желание посмотреть кабинет Ниро Вулфа сделает меня причастной к преступлению...

— Нет, вы слышали? — возмутился Карлайл. — Причастной!

— Почему вам захотелось увидеть кабинет Вулфа? — спросил Крамер.

— Чтобы взглянуть на глобус.

Я недоуменно воззрился на миссис Карлайл. Естественно было бы предположить, что ею руководило желание увидеть кабинет великого и знаменитого сыщика. Похоже, Крамер ожидал услышать то же самое.

— Глобус? — переспросил он.

— Да. Я где-то читала о нем и хотела знать, как он выглядит. Я думала, что глобус таких размеров — три фута в поперечнике — будет выглядеть несколько необычно в самой заурядной комнате, но...

— Что "но"?

— Я не обнаружила его там.

Крамер кивнул.

— Зато обнаружили нечто другое. Кстати, вы были с ней знакомы?

— Вы имеете в виду эту...

— Мы никогда не видели ее и не слышали о ней, — вставил мистер Карлайл.

— Ах, да, ведь она не была членом этого цветоводческого товарищества. А вы?

— Мой муж имеет членский билет.

— Который дает право членства и моей жене, — подхватил Карлайл. — Ты слишком неясно выражаешься. У нас совместное членство. Вы довольны?

— Вполне, — сказал Крамер. — Благодарю вас обоих. Мы больше не потревожим вас без крайней необходимости. Леви, проводите их.

Когда за ними закрылась дверь, Крамер пытливо взглянул сначала на меня, потом на Вулфа.

— Хорошенькое дельце, — мрачно изрек он. — Допустим, убийца — Карлайл. Что тогда? Надо бы повнимательнее приглядеться к нему. Посмотрим, что он делал последние полгода. Для этого понадобятся три-четыре человека и две недели времени. Помножим это на... Сколько мужчин было здесь?

— Примерно сто двадцать, — ответил я. — Но вы скоро поймете, что половину можно исключить. Я говорю так, потому что уже сделал кое-какие выводы. Остается шестьдесят.

— Ладно, умножим на шестьдесят. Вы бы взялись за такое дело?

— Нет, — ответил я.

— Я тоже. — Крамер вытащил сигару изо рта и ухмыльнулся. — Конечно, когда она сидела тут, беседуя с вами, вам льстило, что она получает удовольствие от вашего общества. Вы не могли позвонить мне и сказать, что слушаете исповедь мошенницы, которая может показать пальцем на убийцу, и мне остается лишь прийти и взять его тепленьким. Нет, вам непременно надо было приберечь ее для Вулфа. Еще бы, ведь вы могли получить гонорар!

— Не стройте из себя дурачка, — грубовато ответил я.

— Вам непременно надо было отправиться наверх в оранжерею. Вам непременно надо было... Что там еще?

Открылась дверь, и вошел лейтенант Роуклифф. Среди полицейских немало таких, которыми я восхищаюсь, и еще больше — таких, которых я презираю и едва терплю. Но только одному я хотел бы набить морду. Это Роуклиффу. Лейтенант был высок, строен, хорош собой и невероятно дотошен.

— Мы закончили, сэр, — высокопарно возвестил он. — Все на местах и в полном порядке. Мы были особенно аккуратны, изучая содержимое ящичков стола мистера Вулфа, и даже...

— Моего стола?! — вскричал Вулф.

— Именно так, — с самодовольной ухмылкой подтвердил Роуклифф.

Вулф побагровел.

— А чего вы хотите? — закудахтал Крамер. — Ваш кабинет — место преступления! Нашли хоть что-нибудь?

— В общем-то, нет, — удрученно признался Роуклифф. — Хотя отпечатки пальцев надо проверить в лаборатории. Что делать с кабинетом?

— Опечатайте, а завтра видно будет. Вас и фотографа прошу остаться, остальные могут идти. Только скажите Стеббинсу, чтобы прислал сюда эту дамочку, миссис Ирвин.

— Орвин, сэр.

— Погодите, — встрял я. — Что вы хотите опечатать? Кабинет?

— Вот именно, — с ухмылкой ответил Роуклифф.

Я повернулся к Крамеру.

— Вы не можете так поступить. Мы там работаем и держим все наши вещи.

— Действуйте, лейтенант, — велел Крамер Роуклиффу, и тот ушел.

Я был в ярости и очень хотел сказать Крамеру пару ласковых, но знал, что должен держать себя в узде. Такую свинью

Крамер нам еще ни разу не подкладывал. Теперь слово было за Вулфом. Я посмотрел на него. Он сидел, бледный от гнева, и так плотно сжимал губы, что временами их вовсе не было видно.

— Расследование есть расследование, — глумливо произнес Крамер, на что Вулф ледяным тоном ответил:

— Чепуха. Это не имеет ничего общего с расследованием.

— В таких случаях, как этот, мы действуем по уставу. Ваш кабинет теперь не просто кабинет. Нигде в Нью-Йорке не было сплетено столько хитрых интриг и сыграно столько сцен, сколько там. Когда в его стенах после беседы с Гудвином гибнет женщина, а у нас нет никаких подтверждений словам Гудвина, следователь первым делом должен опечатать помещение.

Вулф подался на дюйм вперед и чуть выпятил подбородок.

— Нет, мистер Крамер. Я скажу вам, что это такое. Это злобный выпад человека с ничтожной душой и тупым завистливым умом. Это трусливая месть уязвленной посредственности. Это жалкие потуги...

Дверь открылась, и вошла миссис Орвин.

Если миссис Карлайл сопровождал супруг, то миссис Орвин — отпрыск. Его лицо и повадка претерпели столь разительные изменения, что я с трудом узнал его. Если наверху он источал презрение, то теперь смотрел на меня открытым и почти теплым взглядом.

Перегнувшись через стол, он протянул руку Крамеру.

— Инспектор Крамер? Наслышан о вас! Меня зовут Юджин Орвин. — Он повернулся вправо. — Сегодня я уже имел удовольствие видеть мистера Вулфа и мистера Гудвина. Но это было до убийства. Какой ужас!

— И не говорите, — согласился Крамер. — Присаживайтесь.

— Нет-нет, предпочитаю остаться на ногах. Я хочу сделать заявление от собственного имени и от имени моей матери. Я член коллегии адвокатов. Моя мать плохо себя чувствует. По просьбе ваших подчиненных она пришла в кабинет, чтобы опознать труп, и это стало для нее потрясением. Кроме того, нас держат здесь уже больше двух часов...

Вид матери подтверждал слова сына. Она сидела, подперев голову рукой и закрыв глаза, и, казалось, ничуть не заботилась о том, какое впечатление производит на инспектора.

— Мы можем принять ваше заявление к сведению, если оно имеет отношение к делу, — сказал Крамер.

— Похвально, — проговорил Юджин. — Вы даже не представляете себе, сколько людей пребывает в заблуждении относительно методов работы полиции. Конечно, вам известно, что мисс Браун пришла сюда сегодня в качестве гостьи моей матери, поэтому вы можете предположить, что матушка знает ее, но это не так.

— Продолжайте.

— В январе моя мать была во Флориде, где можно встретить кого угодно. Вот моя мать и встретила человека, который назвался Перси Брауном, британским полковником в отставке. Позднее он представил ей свою сестру Синтию. Мать вступила в деловые отношения с ним, ссудила его скромной суммой денег, оставшихся ей после смерти моего отца вместе с довольно большим поместьем.

Миссис Орвин вскинула голову.

— Всего пять тысяч долларов, — устало произнесла она. — И я не обещала ему новых займов.

— Конечно, матушка. — Юджин погладил ее по плечу. — Неделию назад мать вернулась в Нью-Йорк, и Брауны приехали вместе с ней. Встретив их впервые, я подумал, что это проходимцы. Они не очень охотно рассказывали о своей жизни, но все же я узнал достаточно, чтобы попытаться навести справки, и послал запрос в Лондон. В субботу я получил ответ, а нынче утром — подтверждение, и этого оказалось более чем достаточно, чтобы укрепиться в первоначальных подозрениях, но слишком мало, чтобы поделиться ими с матерью. Если она составляет о ком-то мнение, ее потом не разубедишь. Я не знал, как быть, но решил не оставлять Браунов наедине с матерью, если это будет в моих силах. Вот почему я пришел сегодня с ними. Моя мать — член этого пресловутого клуба. Сам я к цветам равнодушен. — Он развел руками. — Вот причина моего появления здесь. Буду с вами откровенен, инспектор. В сложившихся обстоятельствах я не вижу, какую выгоду принесет полиции разглашение сведений о знакомстве моей матери с убитой девушкой. Мы вовсе не пытаемся уйти от гражданской ответственности. Но можно ли не допустить упоминания имени моей матери в газетах?

— Я не отвечаю за содержание газетных статей и не издаю никакой периодики, — заявил Крамер. — Если репортеры уже что-то пронюхали, я не могу им помешать. Но весьма признателен вам за откровенность. Итак, вы познакомились с мисс Браун только неделю назад?

У него было немало вопросов к матери и сыну. Когда Крамер углубился в беседу с ними, Вулф протянул мне клочок бумаги с нацарапанными на нем словами: "Попроси Фрица принести нам кофе и бутерброды. И тем, кто остался в прихожей. И Солу с Теодором. И больше никому".

Я вышел из столовой, отыскал на кухне Фрица, передал ему записку и вернулся.

Юджин охотно отвечал на вопросы Крамера, и миссис Орвин старалась следовать его примеру, хотя это стоило ей немалых усилий. Они заявили, что все время были вместе, но, насколько я знал, это не соответствовало действительности: по меньшей мере дважды я видел их порознь и уже успел сообщить об этом Крамеру.

Они наговорили еще много всякого, в частности, что не покидали оранжерею вплоть до того момента, когда спустились сюда с Вулфом, что оставались там, пока не ушло большинство гостей, поскольку миссис Орвин хотела уговорить Вулфа продать ей несколько растений, что полковник раз или два куда-то отлучался, что после моего сообщения и реакции на него полковника Брауна их почти не встревожило отсутствие Синтии, что... Ну, и так далее.

Прежде чем уйти, Юджин еще раз попытался уговорить инспектора не впутывать в это дело его мать, и Крамер пообещал ему сделать все возможное.

Фриц принес Вулфу и мне подносы, и мы принялись за еду. Крамер хмуро наблюдал за нами, потом повернулся и гаркнул:

— Леви, приведите полковника Брауна!

— Слушаюсь, сэр... Этот человек, о котором вы спрашивали, Уэддер, он здесь.

— Тогда давайте сначала его.

В оранжерее Малькольм Уэддер привлек мое внимание тем, как взял в руки цветочный горшок. Когда он уселся за стол напротив нас с Крамером, я еще придерживался мнения, что его персона заслуживает самого пристального внимания, однако после того, как Уэддер ответил на очередной вопрос Крамера, я расслабился и снова принялся за бутерброды. Уэддер был актером, играл в трех бродвейских постановках, и, без сомнения, все объяснялось именно этим. Ни один лицедей не возьмется за цветочный горшок так, как это делает простой смертный, как вы или я. Он должен тем или иным способом придать своему действию нарочитость, и Уэддер по чистой случайности избрал такой, который напомнил мне, как человеческую шею сжимают пальцами.

Сейчас он был живым воплощением обиды и негодования.

— Это бестактность — впутать меня в такую историю! — заявил он Крамеру. — Обычная грубая полицейская бестактность.

— Да уж, — сочувственно вздохнув, ответил Крамер. — Этого не случилось бы, будь ваши портреты во всех газетах. Вы член клуба любителей цветов?

Уэддер ответил отрицательно. Он пришел сюда за компанию со своей приятельницей, миссис Бэшем, и остался посмотреть орхидеи, когда она убежала на какую-то встречу. Они пришли около половины четвертого, и он все время провел в оранжерее, ни разу никуда не отлучившись.

Когда Крамер задал все приличествующие случаю вопросы и получил на них, как и ожидалось, отрицательные ответы, он внезапно спросил:

— Вы были знакомы с Дорис Хаттен?

Уэддер насупил брови.

— С кем?

— Дорис Хаттен. Она тоже была...

— А! — воскликнул Уэддер. — Ее тоже задушили. Теперь припоминаю.

— Совершенно верно.

Уэддер положил руки на стол, сжал кулаки и подался вперед.

— Вы же знаете, нет более мерзкого деяния, чем удушение человеческого существа, особенно женщины.

— Вы знали Дорис Хаттен?

— Отелло! — вдруг глубоким зычным голосом произнес Уэддер, поднимая глаза на Крамера. — Нет, не знал, но читал о ней. — Он содрогнулся и резко встал. — Я приходил сюда только затем, чтобы полюбоваться орхидеями. — Он провел рукой по волосам, повернулся и зашагал к двери.

Леви вопросительно взглянул на Крамера, но тот лишь покачал головой.

Следующим привели Билла Макнаба, издателя "Газетт".

— Мне трудно выразить словами, как я сожалею о случившемся, мистер Вулф, — удрученно проговорил он. — Какой ужас! Мне и в кошмарном сне не могло привидеться ничего подобного! И это — Манхэттенский цветоводческий клуб. Конечно, она не была членом, но тем хуже для нас. — Макнаб повернулся к Крамеру. — Это все моя вина.

— Ваша? — удивился инспектор.

— Да, это я уговорил мистера Вулфа устроить прием и разослал приглашения. Я уже поздравлял себя с небывалым успехом, и вдруг такое! Как же быть?

— Присядьте ненадолго, — пригласил Крамер.

Макнаб, по крайней мере, добавил кое-какие подробности, оживив унылую картину. Он сказал, что трижды во время приема покидал оранжерею — провожал гостей и проверял, кто уже пришел, а кто нет. В остальном же он лишь повторил уже известное нам. После разговора с ним мы решили, что нет смысла тратить время на оставшихся гостей только потому, что они уходили последними.

Любой полицейский знает, что вопросы, которые он задает, должны помочь ему выяснить три обстоятельства: мотив, возможность и орудие совершения преступления. В нашем случае вопросы были не нужны, ибо мы уже получили ответы на них. Мотив: убедившись, что Синтия узнала его, неизвестный последовал за ней вниз, увидел, как она входит в кабинет Вулфа, вполне оправданно предположил, что Синтия намерена все рассказать, и решил помешать ей самым надежным и быстрым из всех известных ему способов. Орудие: им мог послужить любой кусок ткани, даже носовой платок. Возможность: убийца был здесь, как и все, кого Сол занес в свой список.

Итак, если мы хотим узнать, кто задушил Синтию Браун, первым делом надо выяснить, кто задушил Дорис Хаттен.

Билл Макнаб ушел, и привели полковника Брауна. Он был очень напряжен, но держал себя в руках. Сейчас его никак нельзя было заподозрить в непоколебимой самоуверенности. Сев, полковник устремил на Крамера взор своих пронизательных серых глаз. На нас с Вулфом он не обратил ни малейшего внимания. Когда он представился, Крамер спросил, в какой армии его зовут полковником Брауном.

— Я полагаю, — ледяным тоном ответил Браун, — что мы сбережем немало времени, если я сначала изложу свою точку зрения. Я дам правдивые и исчерпывающие ответы на вопросы о том, что я видел, слышал или делал после своего прихода сюда. С ответами на все другие вопросы придется подождать, пока я не переговорю со своим поверенным.

— Так я и думал, — кивнув, молвил Крамер. — Честно говоря, мне безразлично, что вы видели, слышали или делали во время приема. К этому мы еще вернемся. Но сперва я вам кое-что сообщу. Как видите, я даже не тороплюсь выяснить, почему вы так рвались уйти отсюда до прибытия полиции.

— Я хотел позвонить...

— Забудем об этом. Итак, дело обстоит следующим образом: женщина, которая назвалась Синтией Браун и была убита здесь сегодня, вовсе не ваша сестра. Вы познакомились с ней во Флориде полтора-два месяца назад, и она стала соучастницей мошенничества, жертвой которого оказалась миссис Орвин. Вот почему вы представили ее миссис Орвин как вашу сестру. Неделю назад вы с миссис Орвин приехали в Нью-Йорк. Мошенническая комбинация развивалась. На мой взгляд, это обстоятельство может стать отправной точкой. Все остальное меня не интересует. Я расследую убийство. Отправная точка такова: в течение некоторого времени вы и мисс Браун вместе участвовали в некоем действе. Наверняка не раз доверительно беседовали друг с другом. Вы выдавали ее за свою сестру, а кончилось все убийством мисс Браун. Этого вполне достаточно, чтобы попортить вам кровь. Но я дам вам шанс, — расщедрился Крамер. — В течение двух месяцев вы были в тесных отношениях с Синтией Браун. Наверняка она говорила вам, что ее подруга Дорис Хаттен была задушена в октябре прошлого года. Мисс Браун располагала сведениями об убийце, но предпочитала держать их при себе. Она и сейчас была бы жива, если бы не решила поделиться ими. Наверняка она упоминала об этом обстоятельстве, и теперь я хочу, чтобы вы рассказали все нам. Тогда мы сможем арестовать убийцу за сегодняшнее преступление, и это благоприятно отразится на вашей участи.

Браун поджал губы, поднял руку и почесал щеку.

— Очень сожалею, но ничем не могу помочь.

— Вы думаете, я поверю, что за все эти месяцы она ни разу не говорила вам об убийстве Дорис Хаттен?

— Извините, но мне нечего сказать, — твердо и решительно заявил Браун.

Крамер передернул плечами.

— Что ж, ладно. Вернемся к событиям дня нынешнего. Вы помните то мгновение, когда какая-то перемена в облике Синтии Браун заставила миссис Орвин поинтересоваться, что с ней случилось?

На лбу Брауна прорезалась складка.

— Очень жаль, но ничего подобного я не припоминаю.

— Извольте напрячь память.

Браун снова поджал губы, складочка на лбу сделалась резче. Наконец он сказал:

— Возможно, меня тогда не было рядом. Не могли же мы все время толкаться в коридоре, набитом народом.

— Но вы помните, когда она извинилась и сказала, что ей неможется?

— Да, конечно.

— Так вот, событие, о котором я вас спрашиваю, произошло незадолго до этого. Мисс Браун встретилась взглядом с каким-то человеком, и ее реакция на это событие заставила миссис Орвин спросить, что произошло. Меня интересует именно этот обмен взглядами.

— Я ничего не заметил.

Крамер так сильно грохнул кулаком по столу, что наши подносы подпрыгнули.

— Леви! Уведите его и скажите Стеббинсу, чтобы запер этого типа в участке. Это важный свидетель. Возьмите еще людей и займитесь им. Он был судим. Надо узнать, где и за что. Мы уходим. Передайте Стеббинсу, что одного человека перед домом вполне достаточно... Нет, я сам ему скажу.

— Там еще один гость, сэр, — ответил Леви. — Николсон Морли, психиатр.

— Пусть идет домой. Все это начинает смахивать на фарс.

Крамер посмотрел на Вулфа. Тот выдержал его взгляд.

— Вы недавно упоминали о какой-то мысли, пришедшей вам в голову, — отрывисто произнес инспектор.

— Неужели? — холодно ответил Вулф.

Поединок взглядов кончился тем, что Крамер отвернулся и пошел прочь. Меня так и подмывало столкнуть их лбами, но я удержался. Сейчас они оба напоминали расшалившихся мальчишек. Если у Вулфа и впрямь возникла какая-то идея, он должен был понимать, что ради нее Крамер готов отказаться от намерения опечатать кабинет. И Крамер знал, что можно заключить перемирие, не теряя достоинства. Но оба были слишком мнительны и упрямы, чтобы выказать хоть толику здравомыслия.

Крамер уже обогнул стол, когда в комнату снова вошел Леви и сказал:

— Морли настаивает на беседе с вами. Говорит, это жизненно важно.

Крамер остановился и раздраженно спросил:

— Он в своем уме?

— Не знаю, сэр.

— Ладно, приведите его.

Теперь у меня была возможность как следует разглядеть мужчину средних лет, с пышной черной шевелюрой и такими же черными бегающими глазками.

Крамер нетерпеливо кивнул.

— Вы хотели что-то сказать, доктор Морли?

— Да. Нечто очень важное.

— Слушаю.

Морли поудобнее устроился на стуле.

— Во-первых, мне известно, что вы никого не арестовали, правильно?

— Да, если вы имеете в виду арест по обвинению в убийстве.

— Подозревая кого-либо, вы располагаете доказательствами или нет?

— Если вы хотите знать, могу ли я назвать убийцу, то нет, не могу. А вы?

— Кажется, да.

У Крамера отвисла челюсть.

— Что? Вы можете сказать мне...

Доктор Морли улыбнулся.

— Не спешите. Я намерен сделать предложение, которое будет иметь силу лишь при соблюдении некоторых условий. — Морли принялся загибать пальцы, начав с мизинца левой руки. — Во-первых, если у вас нет никаких догадок относительно личности убийцы. По всей видимости, дело обстоит именно так. — Он загнул безымянный палец. — Во-вторых, преступление необычное и требует необычных методов расследования. — Доктор загнул средний палец. — В-третьих, нам не известно ни одно обстоятельство, способное опровергнуть утверждение, что девушка задушил человек, убивший Дорис Хаттен. Могу ли я исходить из этих допущений?

— Попробуйте. Но зачем вам это?

Морли покачал головой.

— Мне это и не нужно. Если позволите, я внесу предложение. Уверяю вас, что искренне уважаю полицию и ее работу, но лишь до определенной степени. Если бы человека, убившего Дорис Хаттен, можно было изблечить обычными полицейскими методами и средствами, он почти наверняка уже был бы арестован. Но этого не произошло. Вы потерпели неудачу. Почему? Да потому что он неуязвим для вас. Потому что выяснение мотива преступления втиснуто в рамки устаревших полицейских схем. — Черные глаза Морли горели. — Вы не специалист, поэтому я избавлю вас от научной терминологии. Наиболее рас-

пространенные причины поступков той или иной личности — побуждения самой личности, которые в чистом виде недоступны сколь-нибудь объективному исследованию. Если личность искажена и подвержена психозу того или иного рода, то и побуждения ее проявляются в извращенном виде. Как психиатра, меня очень заинтересовали газетные сообщения об убийстве Дорис Хаттен, особенно то обстоятельство, что она была задушена ее же собственным шейным платком. Когда ваши усилия не увенчались успехом, вам следовало обратиться за советом ко мне...

— Ближе к делу, — поторопил его Крамер.

— Да. — Морли взгромоздил локти на стол и сплел пальцы. — Перейдем к конкретному случаю. Если исходить из тех допущений, с которых я начал, предположение, что оба убийства совершены одним человеком, выглядит вполне правдоподобным, хотя и нуждается в подтверждении. Если так, нет необходимости разыскивать его среди миллионов других людей, круг поиска сузился до сотни, и я готов предложить свою помощь. — Его черные глаза сверкнули. — Это — подарок для психиатра. Нечасто имеешь дело с психозом, выливающимся в убийство. Увлекательнейшее дело! Вам надо только привести ко мне в кабинет одного за другим...

— Погодите-ка! — оборвал его Крамер. — Вы предлагаете мне привести в ваш кабинет всех, кто был здесь на приеме?

— Нет. Только мужчин. Поговорив с ними, я, возможно, и не добуду доказательств, но узнаю достаточно, чтобы сообщить вам имя убийцы...

— Простите, что прерываю вас, доктор, но мне пора, — сказал Крамер и встал. — Боюсь, ваше предположение не подтвердится... Я свяжусь с вами... — И он вышел в сопровождении Леви.

Доктор Морли проводил их взглядом, затем встал и молча удалился.

— Без двадцати десять, — сообщил я.

Вулф пробормотал:

— Сходи взгляни на дверь кабинета.

— Она опечатана. Злобный выпад завистливой посредственности. Но и тут, в столовой, тоже неплохо.

— Фу! Позволь спросить тебя кое о чем.

— Пожалуйста.

— Меня интересует твое мнение. Допустим, мы безоговорочно поверили тому, что тебе рассказала мисс Браун. Допустим, что человек, которого она опознала, догадался об этом и увидел, как она вошла в кабинет. Заподозрил, что она хочет посоветоваться со мной. Войти в кабинет он не мог: там был ты. Он видел, как ты вышел и поднялся наверх, воспользовался случаем, проник в кабинет, застал женщину одну, убил ее, незаметно вышел и опять поднялся наверх.

— Надо полагать, так все и было.

— Очень хорошо. Значит, мы имеем несколько важных ключей к его характеру. Он убил женщину и вернулся наверх, зная, что мисс Браун успела недолго побеседовать с тобой. Он хотел узнать, что она тебе сообщила, особенно его интересовало, много ли она рассказала тебе о нем, дала ли словесный портрет. Мог ли он улизнуть, не получив ответы на эти вопросы? Или предпочел остаться, пока не обнаружат тело, и посмотреть, что ты будешь делать? И я тоже. И полиция.

— Да. Но это — лишь ваши догадки, — сказал я. — Могу предложить вам свою.

— Я предпочитаю догадкам расчет, а для этого нужна отправная точка, и она у нас есть. Мы знаем последовательность событий и кое-что о характере убийцы.

— Хорошо, — согласился я. — Расчет так расчет. Я думаю, преступник оставался тут до обнаружения тела. Значит, он — один из тех, кого допрашивал Крамер. Вам пришла в голову именно эта мысль, правильно?

— Нет, неправильно. Дело совсем в другом. Я лишь пытаюсь произвести расчеты. Но если они верны, я знаю, кто убийца.

Я посмотрел на Вулфа. Иногда я могу сказать, что он разыгрывает меня, но чаще мне не удается понять насмешку. Я решил подольститься к нему.

— Вот это да! — восхищенно проговорил я. — Если вы хотите, чтобы я позвонил ему по телефону, я сделаю это из кухни.

— Я хочу проверить свои расчеты.

— Я тоже.

— Но это не так просто. Проверка, которая удовлетворила бы меня, может быть проведена только тобой. Но тебе придется подвергнуться серьезной опасности.

— Ну и ну! — Я вытаращил глаза. — Это что-то новое. С каких пор вы стали таким нерешительным, когда надо подвергнуть меня опасности?

— Сейчас опасность слишком большая.

— Позвольте мне самому судить. А вы пока расскажите, что задумали.

— Хорошо. — Он взмахнул рукой. — Твоя старая пишущая машинка еще работает?

— Да, конечно.

— Принеси ее сюда и не забудь несколько листов бумаги и конверт. И захвати из моей спальни манхэттенский телефонный справочник.

Когда я вернулся в столовую и поставил пишущую машинку напротив своего стула, Вулф сказал:

— Нет, дай ее сюда. Я буду печатать сам.

Я удивленно вскинул брови.

— Но вы провозитесь битый час с одной страницей.

— Вставь лист. У меня всего несколько строк.

Я заправил лист и поставил машинку перед Вулфом. Некоторое время он растерянно смотрел на нее, потом начал печатать. Я отвернулся, чтобы не отпустить замечания по поводу его великолепной двухпальцевой техники машинописи, но не успел: Вулф уже извлек лист.

— Думаю, этого достаточно, — сказал он.

Я взял у него лист и прочел: “Сегодня она была весьма словоохотлива, поэтому я знаю, кому послать означенную записку, да и многое другое тоже знаю. Я еще не решил, что делать, и пока ничего никому не рассказывал. Сначала я хочу поговорить с вами, и если завтра, во вторник, вы позвоните мне с девяти утра до полудня, мы сможем условиться о встрече. Не стоит ее откладывать, иначе мне придется делать выбор в одиночку”.

Я трижды перечитал записку и посмотрел на Вулфа, который уже вставил в машинку конверт и теперь листал телефонную книгу. Наконец он принялся печатать адрес. Я подождал, пока он вытащит конверт из машинки, и спросил:

— И это все? Ни имени, ни даже инициалов?

— Нет.

— Готов признать, что это остроумно. Мы можем забыть о расчете и разослать такие письма всем, кто был на приеме, а потом подождать, кто из них позвонит.

— Я предпочитаю отправить это письмо только одному человеку — тому, на которого указал мне ты своим рассказом. Вот и проверим, верен ли расчет.

— И сэкономим на марках. Единственный изъян плана, на мой взгляд, заключается в том, что меня могут задушить.

— Я хочу свести риск к минимуму, Арчи.

— Я тоже. Придется одолжить у Сола пистолет. Мой остался в кабинете. Я могу взять конверт и бросить в ящик на Таймс-сквер.

— Да, но прежденими с письма копию. Попроси Сола прийти сюда утром. Если нам позвонят, тебе придется хорошенько обмозговать, как провести встречу.

— Согласен.

Вулф протянул мне конверт.

С восьми часов следующего утра мне пришлось то отвечать на телефонные звонки, то открывать дверь. В девять мне на помощь пришел Сол и занялся дверью, а телефон так и остался на мне. Звонили главным образом из редакций газет, но пару раз довелось отвечать полицейским из отдела по расследованию убийств.

Всякий раз, когда я подходил к телефону и говорил: “Сыскное бюро Ниро Вулфа, Арчи Гудвин слушает”, у меня начиналось сердцебиение, но вскоре все опять входило в норму.

Незадолго до одиннадцати я сидел на кухне с Солом, которого по указке Вулфа ввел в курс дела. Зазвонил телефон.

— Сыскное бюро Ниро Вулфа, Арчи Гудвин слушает.

— Вы прислали мне записку.

Меня так и подмывало поступить с телефонной трубкой так же, как Уэддер накануне обошелся с цветочным горшком, но я сдержался.

— Я? Вам? Какую еще записку?

— Записку с предложением встретиться. Вы еще хотите обсуждать затронутую тему?

— Ах, да! Конечно. Мы одни, никто нас не слышит, но я не узнаю вас по голосу. Кто вы?

— У меня два голоса. Сейчас я использую второй. Вы уже приняли решение?

— Нет, я ждал вашего звонка.

— Разумно. Я готов обсудить дело.

— Вы вечером свободны?

— Как птица. Приезжайте в кафе на углу 51-й улицы и 11-й авеню к восьми часам. Машину оставьте на 51-й улице, но поодаль от перекрестка. Разумеется, вы должны быть один. Войдите в кафе и закажите что-нибудь. Я не приду, но вы получите записку. Успеете к восьми часам?

— Да. Но я все еще не узнал вас. Непохоже, что вы — тот человек, которому я отправил письмо.

— Это я. Мы договорились, так?

Разговор прервался. Я положил трубку, сказал Фрицу, что теперь он может отвечать на звонки, и пулей поднялся на третий этаж.

Вулф был в холодном отделении оранжереи. Выслушав мой доклад, он только кивнул.

— Этот звонок, — сказал он, — подтверждает верность наших умозаключений и нашего расчета, но ничего более. Печати с двери сняли?

— Нет. Я просил об этом Стеббинса, и он обещал поговорить с Крамером.

— Больше не проси, — резко бросил Вулф. — Пойдем в мою комнату.

Окажись убийца в этот день в нашем доме, он был бы польщен. Даже с четырех до шести, когда Вулф, по обыкновению, был в оранжерее, он усиленно обдумывал мою предстоящую встречу с душегубом, поэтому, когда он спустился на кухню, у него была уйма новых идей. Я тоже размышлял о том, что произойдет вечером. Правда, мне пришлось на часок отлучиться на Леонард-стрит, чтобы ответить на вопросы окружного прокурора. Среди ценных указаний, данных мне Вулфом, были и такие, которые показались мне сущей бессмыслицей: зайти к доктору Уолмеру за рецептом, а потом — в аптеку.

Когда я вернулся из окружной прокуратуры, мы с Солом сели в машину и поехали на разведку. Мы не останавливались на перекрестке 51-й улицы и 11-й авеню, но четырежды проехали его, чтобы найти место для Сола. И он сам, и Вулф настаивали, чтобы Сол был поблизости.

Наконец мы остановились у бензоколонки напротив кафе. В восемь часов Солу надлежало сесть в такси и оставаться там, пока водитель будет возиться с карбюратором. Дальше придется действовать по обстановке, и вариантов множество. Кабы я имел дело не с Солом, а с кем-то другим, у меня не было бы уверенности, что мой партнер запомнит хотя бы половину указаний. Например, если я выйду из кафе, сяду в машину и уеду, Сол должен следовать за мной лишь в том случае, если я опущу стекло.

Сол ушел раньше меня, чтобы найти подходящего водителя. Вулф проводил меня до передней, где я вооружился шляпой и дождевиком.

— Мне все это решительно не нравится, — твердил он. — По-моему, тебе надо засунуть его в носок, а не в карман.

— Не согласен. Если меня обыщут, то все равно найдут, в носке или в кармане.

— Ты уверен, что он заряжен?

— На моей памяти, вы еще ни разу так не волновались. Сейчас вы наверняка посоветуете мне надеть галоши.

Вулф даже придержал для меня дверь. На улице моросило, и через пару минут я был вынужден включить “дворники”. Когда я свернул к 10-й авеню, часы на приборном щитке показывали без четверти восемь, а когда сделал левый поворот к 51-й улице, на них было без десяти. В это время здесь безлюдно. Я подкатил к тротуару и остановился ярдах в двадцати от перекрестка. Заглушил мотор и опустил стекло, чтобы лучше видеть бензоколонку на той стороне улицы. Без одной минуты восемь подъехало такси и остановилось у колонки. Водитель вылез, открыл капот и принялся копать в моторе. Я поднял стекло, захлопнул дверцу и вошел в кафе.

За стойкой суетился бармен, на высоких табуретах сидели пятеро посетителей. Я сел, заказал кофе с мороженым и за десять минут расправился со всем этим, а потом заказал еще.

Вскоре вошел мужчина, окинул взглядом зал, приблизился ко мне и спросил, как меня зовут. Получив ответ, он протянул мне сложенный лист бумаги и повернулся, чтобы уйти. Он был совсем молоденький, наверное, студент, и я не стал удерживать его — тот тип, с которым у меня была назначена встреча, едва ли мог так выглядеть. Развернув листок, я увидел старательно выведенные печатными буквами слова: “Подойдите к своей машине и достаньте из-под “дворника” записку. Прочтите ее в машине”.

Я расплатился, вышел на улицу и исполнил все полученные указания. Записка была выведена той же рукой, что и

первая: "Не подавайте никаких знаков, следуйте указаниям. Поверните направо на 11-ю авеню и медленно ездайте до 56-й улицы. Сверните направо и двигайтесь к 9-й авеню, поверните на нее и опять ездайте направо до 49-й улицы. Налево на 11-ю авеню. Налево на 38-ю улицу. Направо по 7-й авеню. Направо по 27-й улице. Остановитесь между 9 и 10 авеню. Подойдите к дому 814 и 5 раз постучите в дверь. Отдайте обе записки человеку, который откроет вам. Он скажет, куда идти дальше".

Мне это совсем не понравилось, но надо было признать: они придумали самый лучший способ убедиться, что я пришел на встречу один.

Полил дождь. Запустив мотор, я с трудом разглядел сквозь мокрое стекло водителя такси — тот все еще возился со своей машиной. Пришлось бороться с соблазном опустить стекло и помахать на прощание рукой. Я подъехал к перекрестку, дождался зеленого сигнала светофора и свернул на 11-ю авеню.

Остановившись на красный свет у 52-й улицы, я заметил, что сзади меня от тротуара отъезжает то ли черный, то ли темно-синий автомобиль. Как и следовало ожидать, он увязался за мной.

Как я вскоре узнал, за рулем этой машины сидел не убийца. Возле дома 814 на 27-й улице было место для стоянки. Темно-синяя машина остановилась позади меня. Заперев дверцу, я немного постоял на тротуаре, но мой сопровождающий сидел в машине, точно гвоздем прибитый, поэтому я последовал указаниям, поднялся на крыльцо старого приземистого дома и пять раз постучался в дверь. Сквозь стекло мне не удалось никого заметить в полутемной прихожей. Тут за спиной послышались шаги, и я обернулся. Это был мой преследователь.

— Ну, вот и приехали, — дружелюбно проговорил я.

— Вы почти оторвались от меня на каком-то углу, — ответил он. — Отдайте мне записки.

Я вручил ему все улики, которые были в нашем распоряжении, и успел разглядеть своего "опекуна". Он был примерно моих лет и роста, поджарый и жилистый, с оттопыренными ушами и красной родинкой на правой стороне подбородка.

— Все верно, — сказал он и спрятал записки в карман. Потом извлек оттуда ключ и открыл дверь. — Следуйте за мной.

Когда мы поднимались вверх, я мог бы без труда вытащить пистолет из кобуры у него на боку. Но у него на боку не было кобуры. Возможно, он, как и я, предпочитал носить кобуру под мышкой.

Лестница была деревянная и обшарпанная, а воздух был напоен амбре, состоявшим из уникальнейших и мерзейших ароматов. Поднявшись, мой предводитель указал на дверь в конце коридора и велел мне войти.

В комнате был еще один человек, но опять не тот, с кем я условился о встрече. Во всяком случае, я так думал. Едва ли можно было вести речь о каком-либо убранстве, но в комнате все же была мебель — стол, кровать и три стула. Лежавший на кровати человек приподнялся, когда мы вошли, и сел на постели. Его ноги едва доставали до пола. У человека был торс борца и ножки жокея. Он сощурил красные глаза, как будто только что пробудился ото сна.

— Это он? — спросил полуборец-полужокей.

— Он самый, — ответил тощий.

Полуборец-полужокей поднялся, подошел к столу и взял моток бечевки.

— Снимайте шляпу, плащ и садитесь сюда, — он указал на один из стульев.

— Не торопись, — встрял тощий. — Я еще ничего ему не объяснил. — Он взглянул на меня. — Все очень просто. Человек, который придет на встречу с вами, не хочет никаких неожиданностей. Ему надо только поговорить с вами. Поэтому мы привяжем вас к стулу и уйдем, а после переговоров освободим, и ступайте на все четыре стороны. Вам все понятно?

Я усмехнулся.

— Вполне. Но что будет, если я не сяду на стул?

— Тогда человек не придет и переговоров не будет.

— А если я сейчас уйду?

— Пожалуйста. Мы свои деньги получили. Если вы хотите увидеть его, способ только один — стул и веревка.

— Привязав его, мы получим больше, — уточнил полуборец-полужокей.

— Замолчи, — велел тощий.

— Я тоже не хочу сюрпризов, — сказал я. — Может, я сяду на стул, а вы свяжете меня не слишком туго, больше для вида, чтобы я мог двигаться? Вдруг возникнет пожар? У меня за пазухой бумажник, а в нем сто долларов. Вы заберете их, прежде чем уйти.

Положение, в которое я угодил, прекрасно подтверждало правило: старайся предусмотреть любые случайности. Одной такой случайностью оказалось поразительное бессребреничество полуборца-полужокея.

— Что? — презрительно проговорил он. — Паршивая сотня?

Я вздохнул.

— Ну, ладно. Только не переусердствуйте. Я знаю дорогу сюда и в случае чего всегда вас найду.

Парни принялись за дело. Полуборец-полужокей примотал мою левую кисть к задней ножке стула. Тощий занимался моей правой рукой. Потом они взялись было за мои лодыжки, но я заявил, что у меня начнутся судороги, если привязать ноги к стулу, и мои пленители после недолгих препи-

рательств просто стянули их вместе. Тощий напоследок проверил узлы, вытащил мой пистолет и бросил его на кровать. Удостоверившись, что у меня нет другого оружия, он вышел из комнаты.

Полуборец-полужокей взял пистолет и сердито уставился на него.

— От этих игрушек одни неприятности, — пробурчал он и, положив пистолет на стол, опять растянулся на кровати.

— Долго еще ждать? — спросил я.

— Самую малость, — ответил он и закрыл глаза. — У меня была бессонная ночь.

Но он не успел заснуть, потому что распахнулась дверь, и вошел тощий. С ним был какой-то субъект в сером, в полоску, костюме и темно-серой фетровой шляпе, в перчатках и с серым плащом, перекинутым через руку. Полуборец-полужокей вскочил, тощий занял место у двери. Вновь прибывший бросил шляпу и плащ на кровать, осмотрел мои пути и сказал тощему:

— Все в порядке, я вас позову.

Они удалились, прикрыв за собой дверь. Незнакомец смотрел на меня и улыбался.

Я не хочу сказать, что обладаю каким-то там особым мужеством. Я прекрасно сознавал, что привязан к стулу и передо мной стоит убийца, но был слишком потрясен, чтобы как-то реагировать. Облик этого человека претерпел поразительные перемены. Теперь у него были густые брови и длинные ресницы. На лице вчерашнего гостя я не видел улыбки, но если бы и видел, она была бы не такой. Волосы тоже изменились, они сделались гладкими и были расчесаны на пробор.

Человек в сером костюме пододвинул стул и сел. Его новый облик мне даже нравился, а его изящные движения укрепили сложившееся у меня впечатление.

— Итак, она рассказала вам обо мне? — спросил он голосом, каким говорил со мной утром по телефону. В нем сквозили нотки напряжения. Затянутые в перчатки пальцы крепко сжимали колени.

— Да, — ответил я и, дабы поддержать разговор, добавил: — Почему вы не вошли в кабинет следом за ней?

— Наверху я заметил, как вы уходите, и заподозрил, что вы направляетесь туда.

— Почему она не кричала и не сопротивлялась?

— Я заговорил с ней первым. — Он тряхнул головой, словно отгоняя назойливую муху. — Что еще она успела вам рассказать?

— Что вы столкнулись с ней в квартире Дорис Хаттен. И, разумеется, что узнала вас вчера.

— Она мертва, а улики нет, и вы не сможете ничего доказать.

Я усмехнулся.

— В таком случае вы зря напялили лучший маскарадный костюм, какой я когда-либо видел, напрасно потратили уйму времени и сил. Почему бы вам просто не выбросить мою записку в корзинку для бумаг? Впрочем, я знаю, почему. Кишка тонка. Когда сыщик точно знает, что и кого надо искать, собрать доказательства становится гораздо легче. Вы знали, что мне все известно.

— И вы не сообщили в полицию?

— Нет.

— И Ниро Вулфу?

Я кивнул.

— Почему?

— Мне трудно дать вам определенный ответ. Я впервые веду переговоры, спутанный по рукам и ногам, и, надо полагать, это идет во вред моему красноречию. Но мне кажется, что вы — жертва обстоятельств. Сыск мне осточертел, я хочу уйти на покой и располагаю сведениями, которые могут стать предметом нашей с вами сделки. Скажем, пятьдесят тысяч долларов. Мы сможем уладить дело к обоюдному удовлетворению, но надо действовать быстро. Если вы не купите мой товар, мне придется изобрести какое-то объяснение для полиции, которая наверняка заинтересуется тем, почему я не сразу рассказал все, что услышал от несчастной женщины. Могу дать вам сутки на размышление, этого достаточно.

— Вы думаете, я смогу получить то, за чем пришел?

— А почему нет? Вы не хотите, чтобы я долго сидел у вас на шее. Но ведь и я предпочел бы обойтись без такого тяжелого груза, как вы.

— В это я охотно верю. А еще мне кажется, что от расплаты не уйти... — Мой собеседник вдруг издал какой-то сдавленный звук и вскочил. — Вам не уйти, потому что у вас связаны руки, — добавил он и двинулся ко мне.

Я мог догадаться о его намерениях по голосу, хриплому и дрожащему. Кровь ударила ему в голову, глаза потускнели и сделались неподвижными, как у слепого. По-видимому, он с самого начала решил убить меня и теперь старался набраться храбрости.

— Эй, угомонитесь! — крикнул я.

Он остановился, пробормотал: “У вас связаны руки”, — и снова шагнул ко мне, явно намереваясь зайти с тыла.

— Вы слишком беспечны, — сказал я. — Ваши наемники совсем рядом, я слышу их шаги. И терпения вам не хватает. У меня есть для вас еще одна записка, от Ниро Вулфа. Она во внутреннем кармане. Можете достать ее сами, но не пытайтесь подобраться ко мне сзади.

Чтобы преодолеть разделявшие нас два ярда, ему пришлось сделать пять или шесть шагов. Когда его затянута в

перчатку рука скользнула ко мне за пазуху и извлекла сложенный вдвое листок бумаги, я расслабился. Судя по тому, как мой собеседник смотрел на записку, читать он умел разве что по складам. Или просто слишком волновался. В конце концов он совладал с собой и принялся изучать каллиграфический почерк Вулфа: "Если мистер Гудвин не вернется домой к полуночи, сведения, сообщенные ему Синтией Браун, станут достоянием полиции, и она вскоре будет у вас. Ниро Вулф".

Мой противник смотрел на меня, и цвет его глаз медленно менялся. В них загорались огоньки. Если прежде он просто хотел убрать меня, то теперь еще и ненавидел.

Я безмятежно проговорил:

— Теперь вы и сами видите, что поторопились. Вулф рассчитывал, что вы подумаете, будто бы я в ваших руках, и я не мешал вам укрепляться в этом заблуждении. Завтра к шести часам вечера, не позднее, Вулф хочет получить пятьдесят тысяч долларов. Вы думаете, что дело нельзя уладить к обоюдному удовлетворению, но мы придерживаемся иного мнения, и теперь решать вам. Вы говорите, что у нас нет доказательств, но мы в два счета раздобудем их. Напрасно вы недооцениваете наши способности. Лично я не советовал бы вам трогать хотя бы волосок на моей голове и таким образом настраивать Вулфа против себя. Сейчас он не питает к вам враждебных чувств. Он лишь хочет получить пятьдесят тысяч долларов.

Мой собеседник затрясся и приложил немалое усилие, чтобы унять дрожь.

— Вероятно, вы не сможете раздобыть такую сумму сразу, — сжалился я. — В таком случае Вулф согласен на чек, вы можете выписать его на оборотной стороне его записки. Перо у меня в жилетном кармане. По-моему, у Вулфа весьма умеренные запросы.

— Я не такой простак, — рявкнул мой собеседник.

— Разве кто-то считает иначе? — желчно проговорил я и дал ему немного перевести дух. — Подумайте сами. Либо мы загнали вас в угол, либо нет. Если нет, что вы здесь делаете? Если да, такая мелочь, как подпись на чеке, не обременит вас. Вулф вовсе не хочет вас разорить. Держите перо.

Я надеялся, что он уже пришел в себя. Мой противник явно расслабился. И тем не менее, добыча ускользнула от меня. Он покачал головой, его плечи опять напряглись. Ненависть, которая читалась в глазах, сквозила и в голосе, когда он ответил:

— Вы говорите, сутки. Значит, у меня есть время до завтра. Мне надо подумать. Скажите Ниро Вулфу, что я сообщу ему о своем решении.

Он открыл дверь и вышел. Я слышал его шаги на лестнице. Но плащ и шляпа остались в комнате. Я недолго ломал голо-

ву, пытаюсь понять, что бы это могло значить. Дверь опять открылась, и вся троица вошла в комнату.

— Сколько времени на ваших часах? — спросил убийца тощего.

— Десять двадцать две.

— В половине одиннадцатого отвяжите его левую руку и уходите. Ему понадобится не меньше пяти минут, чтобы освободиться.

Неловкими пальцами, затянутыми в перчатки, убийца вытащил из кармана стопку купюр и отсчитал сорок долларов двумя бумажками. Подойдя к столу, он вытер деньги своим носовым платком и протянул их тощему.

— Я уже вам заплатил, так что это премия за долготерпение. Молодцы, что не ушли до половины одиннадцатого.

— Не берите их! — рявкнул я.

Тощий повернулся ко мне.

— В чем дело? Они заразные?

— Нет, но это мелочь. Он должен тебе не меньше десяти тысяч, дурак!

— Не мелите чепухи, — презрительно процедил убийца и пошел к кровати за плащом и шляпой.

— Отдай мне мою двадцатку, — попросил полуборец-полужокей.

Тощий склонил голову набок и уставился на меня. Недоверчивая мина на его физиономии подсказала мне, что мои слова не возымели должного действия. Когда убийца направился к двери, я с большим трудом наклонился влево и встал, а потом рухнул на правый бок с таким расчетом, чтобы привязанный к моей спине стул заблокировал дверь. Никто из моих собеседников не успел мне помешать.

— А тебе не кажется, что ты продешевил? — спросил я тощего. — Ты поймешь это, как только он уйдет. Хочешь узнать его имя? Миссис Карлайл. Миссис Хоумер Карлайл. Тебе нужен ее адрес?

Убийца двинулся было ко мне, но застыл на месте. Он, или, вернее, она напряглась, как стальная пружина, и уставилась на меня, хлопая длинными ресницами.

— Миссис? — тупо переспросил тощий.

— Да. Это женщина. Я связан и беспомощен, но вы-то можете проверить. А потом поделитесь со мной этими десятью тысячами. — Я заметил, как она дернулась, и крикнул: — Не выпускайте ее из виду!

Полуборец-полужокей повернулся к ней. Тощий бросился к миссис Карлайл и распахнул полы ее двубортного плаща.

— А что, может, и впрямь женщина, — растерянно проговорил он.

— Это легко проверить, — сказал полуборец-полужокей.

— Так проверьте! — подзуживал я. — Заодно убедитесь, что я прав.

Полуборец-полужокей протянул руку. Миссис Карлайл съежилась и истошно завопила:

— Не прикасайтесь ко мне!

— Я только хотел... — промямлил полуборец-полужокей.

— А что это вы говорили насчет десяти тысяч долларов? — спросил тощий.

— Долгая история, — ответил я. — Как-нибудь расскажу, если попросите. Когда она выйдет отсюда и благополучно вернется домой, мы уже не сможем до нее добраться. Надо доказать, что женщина, присутствующая здесь, и миссис Хоумер Карлайл, которая вернется домой, — одно и то же лицо. Если получится, деньги наши. Пока она прикидывается мужчиной, дело может выгореть. Потом — дудки!

— Ну и что? — ответил тощий. — У меня все равно нет фотоаппарата.

— У меня есть кое-что получше, — сказал я. — Развяжите меня, и я покажу.

Мое предложение явно не понравилось тощему. Он оглянулся на миссис Карлайл. Полуборец-полужокей уже повалил ее навзничь на кровать и, подбоченясь, стоял над ней. Тощий повернулся ко мне.

— Предположим, я это сделаю. Что дальше?

— Хотя бы переверни меня. Веревки режут запястья.

Тощий подошел и поднял меня вместе со стулом. Он оказался сильнее, чем я думал.

— А теперь достань из правого кармана моего плаща флакон, — продолжал я. — Надеюсь, он не разбился.

Тощий достал флакон и поднес к свету, чтобы прочесть ярлычок.

— Что это такое?

— Нитрат серебра. Он оставляет черные несмываемые пятна. Закатай ей штанину и намажь голень.

— А потом?

— Потом пусть уходит. У нее нет шансов против троих свидетелей, которые расскажут, как и когда ее пометили.

— Откуда у тебя эта штука?

— Я надеялся, что удастся пометить ее, вот и захватил.

— Это не вредно для здоровья?

— Ничуть.

Тощий снова изучил этикетку.

— Женщина, — пробормотал он. — Женщина...

— Да, — сочувственно молвил я. — Наверняка в глубине души она потешается над вами.

Тощий повернулся к полуборцу-полужокею.

— Держи ее крепче, но не делай больно, — велел он.

Полуборец-полужокей снова повернулся к миссис Карлайл, но она уже утратила все половые признаки и больше не была ни мужчиной, ни женщиной, а превратилась в ураган. Она шарахнулась прочь и, подбежав к столу, схватила пистолет. Полуборец-полужокей шагнул к ней и тотчас схлопотал пулю. Тощий тоже бросился вперед. Раздался еще один выстрел, но он не остановил тощего. Скажу больше: судя по резкому толчку в левое плечо, пуля угодила в меня. Миссис Карлайл успела выстрелить еще раз, но промахнулась. Тощий проворно заломил ей руку.

— Эта тварь ранила меня! — в бешенстве завопил полуборец-полужокей. — В ногу попала!

Тощий повалил миссис Карлайл на колени.

— Развяжи меня, — велел я ему. — И найди телефон.

Если не считать боли в запястьях, локтях, лодыжках, плече и голове, я чувствовал себя превосходно.

— Надеюсь, вы довольны, — желчно произнес инспектор Крамер. — Опять вы с Гудвином на первых полосах газет. Гонорара не получили, зато какая бесплатная реклама! А я снова в дураках.

Вулф удовлетворенно хмыкнул.

Полицейские занялись привычным делом — навести полуборца-полужокея в больницу, побеседовали с мистером и миссис Карлайл в окружной прокуратуре, собрали доказательства того, что мистер Карлайл платил за квартиру Дорис Хаттен, а миссис Карлайл узнала об этом, допросили тощего, и так далее. Рад сообщить вам, что тощий, которого звали Гербертом Марвелом, оказался крепким орешком.

— Я вот почему пришел, — продолжал Крамер. — Теперь мне ясно, что я ничего не мог сделать. Не сомневаюсь, что Синтия Браун описала Гудвину внешность миссис Карлайл, а возможно, даже назвала ее имя, а Гудвин все рассказал вам. И вы решили приписать всю славу себе. Может, даже хотели вытянуть из кого-то деньги, потому и скрыли улики. — Он взмахнул рукой. — Ладно, я не могу этого доказать, но сообщаю вам, что мне все известно, и я больше не намерен спускать вам ваши проделки.

— Беда в том, — ответил Вулф, — что, если вы не можете доказать свою правоту, то и я не могу доказать, что вы заблуждаетесь.

— О, нет. Вы-то можете. Только не станете этого делать.

— Я бы с удовольствием опроверг ваши слова. Хотите?

Крамер подался вперед.

— Тогда ответьте, как вы могли адресовать свою записку миссис Карлайл, если Синтия Браун не дала вам ее словесный портрет?

Вулф передернул плечами.

— Я уже говорил, что дело в несложном расчете. Я пришел к выводу, что убийца оставался в доме до обнаружения тела и потом. Этот вывод требовал проверки. Если бы после нашего письма нам не позвонили, это означало бы, что расчет неверен, и мне пришлось бы...

— Да, но почему она?

— В доме оставались две женщины. Миссис Орвин не могла быть убийцей: с ее телесами под мужчину не подделаешься. Кроме того, она вдова, а Дорис Хаттен, вероятнее всего, была убита ревнивой женой.

— Но почему убийцей не мог быть мужчина?

— Ну, вы же помните, я сказал вам в столовой, что мне в голову пришла одна мысль, и я хотел бы обмозговать ее. Я бы охотно поделился ею с вами, кабы не ваше враждебное отношение ко мне. Вы поступили безответственно, опечатав мой кабинет. Это заставило меня усомниться в вашей способности верно оценить мой совет, и я решил действовать самостоятельно. А осенило меня очень простой идеей: обратить внимание на одно обстоятельство. Мисс Браун сказала Гудвину, что не узнала бы "его", не будь на нем шляпы. Естественно, она употребила местоимение третьего лица мужского рода, потому что в тот день в октябре в квартиру Дорис Хаттен вошел именно мужчина. Мужчину она и запомнила. Да и существительное "убийца" грамматически лучше вяжется с мужским родом. И вот мисс Браун увидела "его" в моей оранжерее. Но ведь мужчины были без головных уборов! А вот женщины почти все щеголяли в шляпах и шляпках, я видел это своими глазами. — Вулф развел руками. — Следовательно, речь на самом деле шла о женщине.

— Я в это не верю, — сказал Крамер.

— У вас есть письменный отчет Гудвина о беседе с мисс Браун. Кроме того, существуют и другие доводы. Например, убийца имел ключ от квартиры Дорис Хаттен. Едва ли "сахарный папочка", заботившийся о том, чтобы избежать разоблачения, явился бы к Дорис без предварительного звонка. А кто мог заказать копию ключа, если не жена?

— Можете говорить что угодно. Все равно не верю, — упрямо повторил Крамер.

Ну что ж, подумал я, заметив самодовольную ухмылку на лице Вулфа, у Крамера, по крайней мере, есть выбор — верить или нет. А вот у меня выбора не было. ■

*Перевод с английского
Андрея ШАРОВА.*

Владимир СОКОЛОВСКИЙ

Штеренберг

Давид

Бал в Бюиллье. 1913 — 1914.

Он обладал фантастической способностью превращать в героя картины самый простой и непритязательный предмет — будь то краюха черного хлеба не первой свежести или обычная чугунная печка, начинавшая сиять под его кистью как драгоценность... И еще он, отрывая время от своего собственного творчества, занимался самыми прозаическими вопросами, поднимал культуру в стране, которая задыхалась в первые послеоктябрьские годы в тисках войны, голода и разрухи.

Давид Петрович Штеренберг, которому суждено было стать одним из ведущих представителей русского авангарда XX века, родился 14 июля 1884 года в Житомире. Его отец держал постоянный двор, но делами почти не занимался, да они особенно и не заботили его. Человек необычайно набожный, как о нем говорили

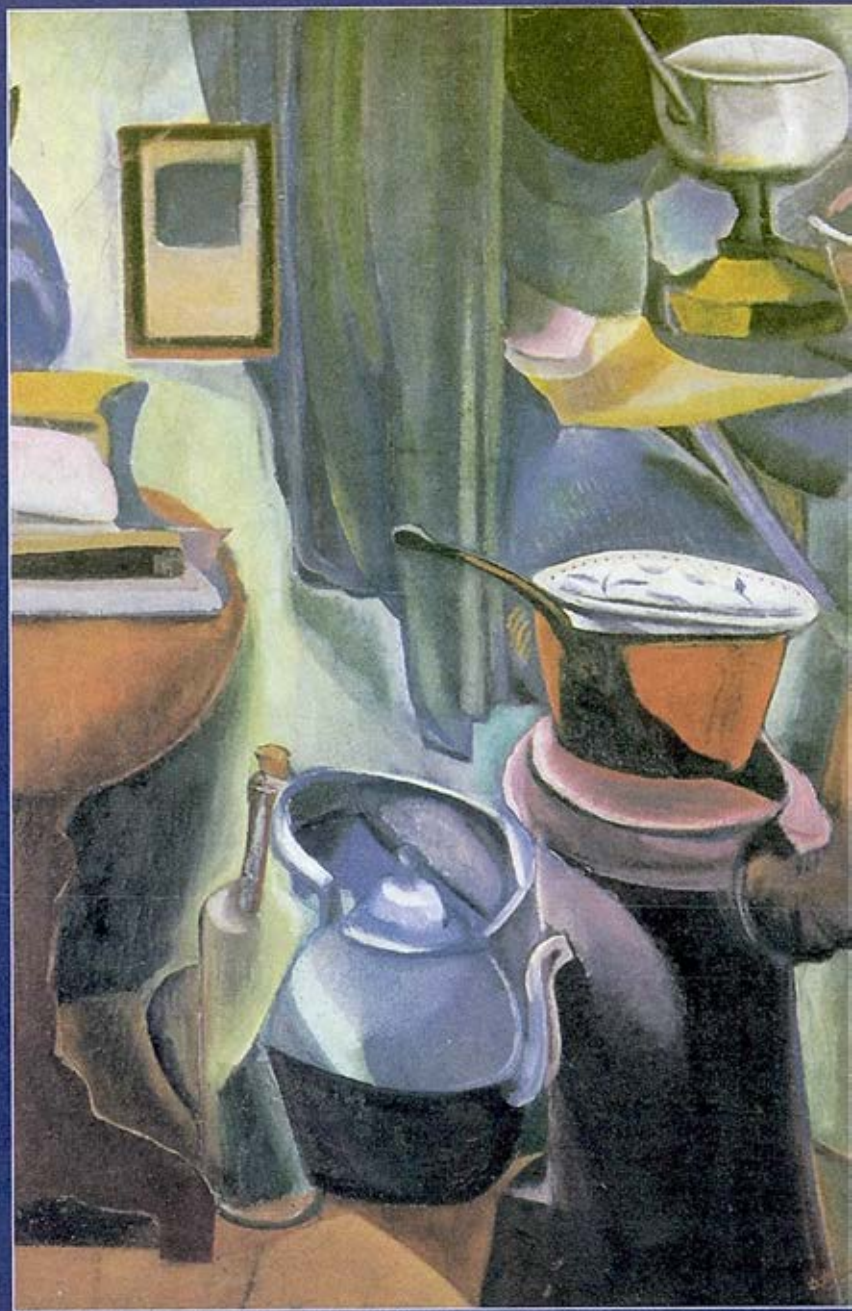
“не от мира сего”, он постоянно пребывал в философских размышлениях о бренности мира, читал священные книги и неукоснительно соблюдал все религиозные предписания. Хлопотным хозяйством заправляла жена, деятельная и энергичная женщина. Еще помогали дети, их в семье было пятеро, Давид — самый старший. Способности к рисованию у первенца проявились рано, и лет в пятнадцать он собрал все свои рисунки и отправил их в Петербург, в Академию художеств. Но его работы отклонили, в приеме отказали. Разочарование было огромным. И как бы сложилась дальнейшая его судьба — неизвестно, если бы Давид не встретил одного довольно странного человека. Инженер путей сообщения в их городишке имел репутацию “чудика”, человека экстравагантно-

Старый Житомир.
1913 — 1914.

го, с удовольствием отзывавшегося на слово “меценат”. А все его чудачество заключалось в том, что он разыскивал юные дарования и помогал им, в основном, деньгами, хотя сам и не был так уж богат. Инженер заметил талантливую юношу, снабдил Давида деньгами и отправил в Одессу учиться в одной из частных художественных школ. Разумеется, с полным пансионом. Родители не возражали, здраво рассудив, что в их заштатном городишке у сына нет никаких перспектив выбиться в люди.

В Одессе Давид посещает художественную студию и увлекается необычайно модной тогда фотографией, что дает ему некото-

Печна. 1914.

Анна. 1912.

рую финансовую независимость. Здесь же знакомится со своей будущей женой — Надеждой Пальцевой.

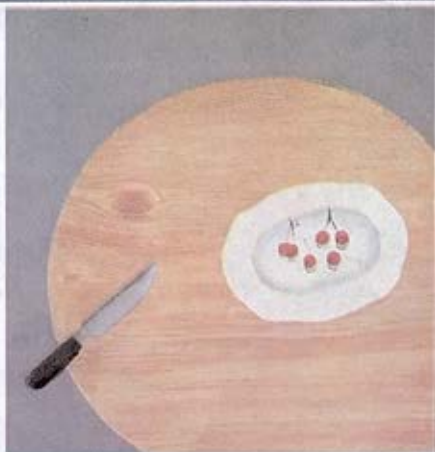
В 1906 году у Штеренберга появляется возможность выехать за границу. Выбирает Вену, куда отправляется, но не брать уроки живописи, а просто любоваться архитектурой, ходить по музеям. Что он с удовольствием и делал.

А через год — в 1907 — вместе с женой Штеренберг поселяется в Париже. В Париже тех времен было сосредоточено все самое передовое, что происходило тогда в искусстве. Город напоминал какой-то исполинский котел, в котором каждодневно бурлило некое фантастическое варево из всевозможных направлений и стилей. Причем, варево на все вкусы. Расцвета достигают “фовисты” — Матисс, Ван Донген, Утрилло... первые кубические работы создают Пикассо и Брак. Вновь возникает интерес к Сезанну — непосредственному предшественнику кубизма. Не забыты еще и импрессионисты. Их световоздушные сюиты по-прежнему радуют глаз любителя и вдохновляют профессионала. Символизм обретает свою новую изощренную ипостась — “Ар нуво”...

Париж становится полюсом притяжения для живописцев всей Европы. И, конечно, для молодых художников из России.

Первое время Штеренберг снимает мастерскую на Монпарнасе. Но когда она оказывается не по карману, перебирается в причудливое, известное на весь Париж сооружение под названием “La Ruche” — “Улей”. Здесь, в тесных “сотах” — небольших комнатах-кельях в разное время жили и работали Шагал, Сутин, Модильяни, Кислинг, Липшиц, Чайков и еще многие другие. “В Улье люди либо подыхали, либо становились знаменитостями”, — вспоминал впоследствии Марк Шагал. Штеренбергу (как, впрочем, и самому Шагалу), слава Богу, было уготовано второе. “Вкус меда”, который Штеренберг впитал в Улье, сохранился у него на всю жизнь. Именно здесь Штеренберг открыл для себя красоту и поэзию самых простых и обыденных предметов, окружая его в жизни, они стали затем переходить у него из картины в картину.

В Улье Штеренберг жил со своей семьей (здесь же, кстати, родилась его дочь, которую называли очень поэтично — Фиалка), в тесной, маленькой комнатке. Освещалась она керосиновой лампой, а источником тепла служила чугунная печка (весьма частый мотив его тогдашних картин). В мастерскую надо было подни-

Натюрморт с вишнями. 1912.

Стол с лампой и белой вазой. 1920.

маться по крутой винтовой лестнице, но зато она имела одно немаловажное преимущество — стеклянный потолок. Хорошо для освещения, но плохо в том отношении, что он постоянно протекал, и у мольберта художник частенько стоял с раскрытым зонтиком. Первое время Штеренберг очень нуждался. По утрам вставал с мыслью — у кого бы перехватить хотя бы один франк. Питались, в основном, хлебом и молоком. Кусок мяса на обед воспринимался всем семейством как праздничная трапеза.

Натюрморт с чайником. 1919 — 20.

Первые из дошедших до нас картин Штеренберга датированы 1908 годом. Они различны по жанру: пейзажи, портреты, натюрморты. В них еще чувствуется поиск собственного стиля, но одновременно они удивляют поразительной творческой самостоятельностью. Именно эта самостоятельность и яркость художественного видения способствовали тому, что на произведения Штеренберга обратили внимание авторитетные специалисты и критики. А когда он брал уроки живописи в Академии Витти, в мастерской блистательного и знаменитого Ван Донгена, успехи его были столь очевидны, что его даже освободили от платы за обучение.

В 1912 году Штеренберг выставляется на Весеннем салоне, Осеннем салоне и Салоне независимых. Капризная и пресыщенная парижская публика, тем не менее, быстро заметила работы

молодого художника. Они понравились. Их стали покупать, что вызвало особое оживление среди обитателей Улья. Здесь существовало одно неписаное, но весьма важное и животрепещущее правило — если какому-либо счастливцу удавалось продать хотя бы одну картину, на него набрасывалась вся голодная нищая братия, внимательно следившая за успехами соседей в надежде раздобыть деньжонок. Разумеется, в долг, впрочем, на его возврате баловни судьбы особенно и не настаивали, заранее зная — отдавать-то не из чего. Иногда Штеренбергу удавалось ловко уклониться от набегов соседей, благоразумно делая покупки по дороге, не заходя домой. Так однажды приобрел велосипед — возжеленную мечту всех обитателей Улья, потому как появлялась возможность не тратить последние гроши на проезд по Парижу. Впрочем, успех на выставках в Салонах тоже оказался своего рода билетом — билетом на право оказаться в числе известных людей, имена которых у всех на слуху.

В 1914 году Штеренберг закрепляет свой успех, вновь выставившись в Салоне независимых. В солидных французских газетах появляются хвалебные рецензии на его работы. О нем пишет восторженную рецензию А.В. Луначарский, который был в то время парижским корреспондентом газеты “Киевская мысль”. Именно тогда начинается их знакомство, сыгравшее потом важную роль в жизни Штеренберга. В 1914 году художник совершил короткую поездку на родину — в Житомир. Ее результатом стал “Портрет отца и сестры” — великолепный по колориту, где обостренный психологизм образов сочетается с задумчивым лиризмом интонации. А еще во время этой поездки Штеренберг написал яркие, сочные виды и характерные сценки из жизни провинциального города.

Успех и признание принесли художнику и материальную независимость. Теперь он может беспрепятственно отдаться творчеству и разработке собственной художественной системы. В таких известных работах тех лет, как “Айва”, “Ирисы”, “Цветы и гипс”, “Наш двор”, “Стол художника”, проявилась восторженная увлеченность Штеренберга окружающим миром вещей. Одно только перечисление названий говорит о том, что предпочтение художник отдает жанру натюрморта, который становится доминирующим в его творчестве. Художник стремится запечатлеть не столько внешний вид вещей, сколько проникнуть в их сущность, обнажить их пластическую структуру. Вещи в его полотнах господствуют над пространством. При этом приобретают порой несвойственную им праздничную, даже фантастическую окраску, размещаясь в какой-то сказочной среде, где традиционная перспективная глубина сочетается с почти лубочной упрощенностью.

В 1917 году в России произошла Февральская революция. И перед семьей Штеренбергов встал выбор: навсегда остаться во Франции или вернуться на Родину. Они выбрали второе. Путь в

Россию оказался нелегким. Пришлось добираться окружным путем — через Лондон и Норвегию (в это время в Европе шла Первая мировая война).

То, что происходило в художественной жизни России тех лет, ошеломило Штеренберга. Здесь господствовала почти аскетическая строгость супрематизма и конструктивизма. И парижская рафинированность Штеренберга постепенно стала отходить на

задний план. Не ко двору пришла она в слишком суровой российской действительности. И все же... Такие человеческие качества Штеренберга, как огромное личное обаяние, европейский уровень образованности и культуры, личные контакты с художниками, наконец, отсутствие категоричности воззрений, уважение к мнению остальных и умение примирять противоположности — привлекали к нему внимание. Особенно его давнего знакомого Луначарского, после октябрьского переворота занявшего пост наркома просвещения. Уж очень импонировала Луначарскому творческая открытость Штеренберга всему, что было значительно в искусстве — и прекрасным полотнам великих мастеров прошлого, и самым новейшим достижениям новаторов-модернистов. Поэтому и назначил его Луначарский председателем Изобразительного отдела (ИЗО) Наркомпроса. На этом посту эстет Штеренберг пробыл целых 15 лет. И добросовестно делал все, что было в

его силах. Со свойственным ему пылом он занимается реформой профессионально-художественного образования, стремясь, в первую очередь, к тому, чтобы оно стало действительно общепризнанным. Старается помочь художникам — не только материально, но и предоставляет возможности выставлять свои работы. А выставок в то время организуется колоссально много по всей стране. Пропагандируя отечественное искусство, Штеренберг организует крупные выставки и за границей.

Старик, 1928.

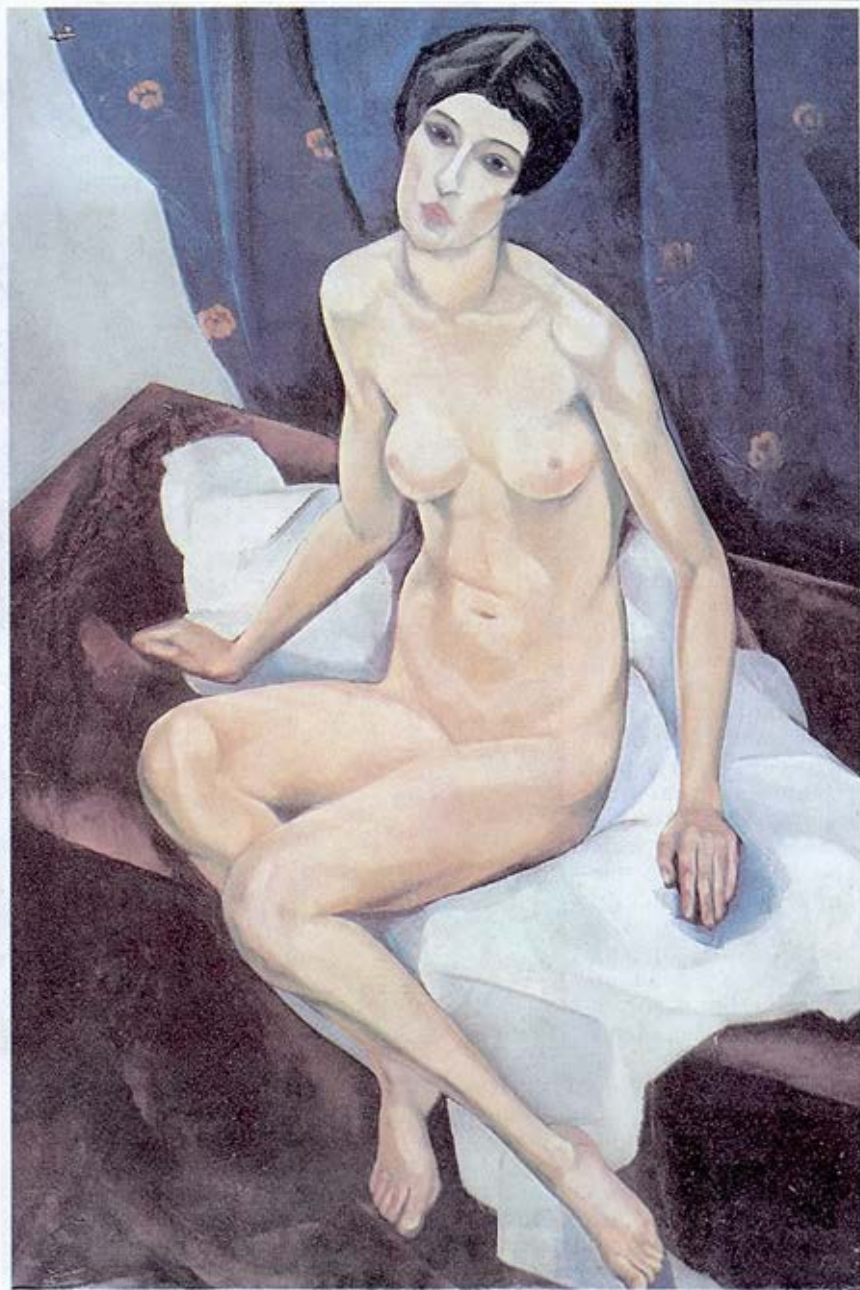
Основой художественного образования Штеренберг провозглашает “точную типизацию художественно-профессиональных учебных заведений и построение их программ на началах объективного изучения художественного ремесла, вне борьбы отдельных течений в искусстве”. Насколько такой метод оказался действенным, свидетельствует тот факт, что им руководствовался Кандинский, когда, уехав из России, занял профессорскую должность в “Баухаузе”.

Кстати, Кандинский также некоторое время “профессорствовал” во ВХУТЕМАСе — Высшем художественном учебном заведении страны (возникшем в 1920 году вместо ликвидированной прежней Академии художеств, а в 1927 году переименованном в ВУТЕИН). С самого основания профессорскую должность во ВХУТЕМАСе занимал и Штеренберг. О том, какими принципами руководствовался Штеренберг в своей собственной преподавательской деятельности, говорит следующий эпизод, рассказанный художником Алфеевским.

“Однажды к нам во ВХУТЕМАС приехали гости: Маяковский, О. Брик, Кирсанов и Федоров-Давыдов. Собрание было шумным. Маяковского восторженно приветствовали. Поэт снял пиджак, повесил его на спинку стула. Он, стриженный наголо, в белой рубашке и при галстукке. Он и Кирсанов читали стихи. Потом нас начали упрекать в отсталости. Брик говорил, что в самом недалеком будущем мощные прожекторы будут на ночном небе закреплять красочные феерии, что мы до сих пор вроде авангард, а цепляемся за свинячьи кисточки. Изгоняли живопись и призывали к производственному искусству. Восхищались совершенны-

Стул. 1920.

ми формами тогдашних самолетов и автомобилей Форда, которые теперь нам кажутся такими смешными. Федоров-Давыдов говорил, что художнику-станковисту нет места в нашем обществе. Все это приводило наши молодые умы в полное смятение. Мы очень хотели быть передовыми и еще больше, может быть, хотели писать свинячьими кисточками. И вот на трибуну поднялся Штеренберг и сказал: "Дети, не обращайтесь внимания, это всего-навсего вечер воспоминаний, совершенно неважно, будут ли эти прожекторы, или вы будете рисовать свинячьими кисточками, можно рисовать и гвоздем, важно, что сказать и как". Вздох облегчения и гром аплодисментов покрыл выступление Штеренберга. Наступали новые времена. Немного времени спустя Маяковский амнистировал Рембрандта".

В это странное и бурное время Штеренберг как никогда много выставляется. Но в живописи его появляется, видимо, на основе уже сложившейся в Париже системы, нечто принципиально новое. Не просто продолжение формальных экспериментов, а символическое отражение той совершенно новой жизненной среды, в которой Штеренберг оказался, переместившись из Парижа в Россию. Конечно, в его картинах после 17-го года чувствуется влияние супрематизма. Пространство становится совершенно плоским, вещи теряют объемность и обретают некую абстрактность. Мотивами теперь становятся убогие атрибуты советского быта тех лет: пайки черного хлеба, селедки, маленькие конфетки, сиротливо лежащие на огромном пустом столе, стакан протокваши, написанный настолько конкретно и рельефно, что, кажется, можно слизать растекшиеся из-под него по столу струйки... Но, как представляется, такой стиль и такой подбор сюжетов — только внешняя оболочка,

Лампа и селедки. 1920.

безусловно ценная сама по себе, но скрывающая за собой определенный подтекст, говорящий нечто куда большее. (Не случайно ведь Штеренберг всегда проявлял большой интерес к театру и сам оформлял спектакли в ряде крупнейших театров страны.) Селедка — не просто то, что съедал на обед простой советский человек. Это и библейский символ человека, который лежит на тарелке, готовый к разделке с помощью кстати оказавшейся здесь вилки. В “Натюрморте с вишнями” пять вишен на тарелке похожи на капли крови. И если воспринимать их именно так, то тогда становится понятным и смысл находящегося здесь же, на столе, большого кухонного ножа, которым, как известно, вишни не разрезают. В картине “Натюрморт с гранатом” мякоть разрезанного плода уж очень сильно напоминает окровавленную плоть. А в натюрморте “Столик и елка” очаровательное лесное создание задыхается в цветочном горшке кумачового цвета.

Штеренберг редко впрямую касается политических реалий советской действительности, что само по себе уже достаточно любопытно. Тем не менее, в 1925 году он пишет “Единоличника”. Но здесь мы видим изображение русского крестьянина с лицом сметливым и мудрым, хотя и печальным. А рядом маленький хрупкий кустик, словно утопающий в снежной пустыне. Не так ли трагично в снегах Сибири закончили свое существование миллионы русских “раскулаченных” крестьян? Как странно он написан. Изображение как будто вполне реалистичное, и в то же время его силуэт словно вырезан и наклеен на глухой фон, некую непроницаемую стену из снега и льда. Да, глухая, беспросветная стена! Не в этом ли разгадка одномерности пространства в картинах Штеренберга “наркомпросовского” периода?

В начале 30-х годов власти взялись за ИЗО и за все, с ним связанное, не на шутку. В апреле 1932 года издали Постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций, в результате которого ликвидировали все творческие объединения и создали Союз писателей и Союз художников. А в июле этого же года опубликована последняя положительная рецензия на творчество Давида Штеренберга.

Ну, а дальше — все нарастающий бомбеж по адресу “формалистов всех мастей”, одним из вождей которых как раз и объявили Штеренберга. Впрочем, сам виноват — странный и загадочный эстет Штеренберг так и не удосужился обзавестись заветной красной книжицей.

И с 30-х годов начинается новый период в творчестве Штеренберга, который каким-то парадоксальным образом повторяет его парижский период, но уже на новом витке. Он вновь выходит на свежий воздух, на пленэр, все больше обращается к живой природе. Уже в 1929 году появляется серия “Травы”, в которой радикально меняется манера Штеренберга. Пространство вновь обретает глубину, наполняется воздухом. Вместо геометрических форм появляется не знающая удержу живописная стихия...

Но вот проходят 30-е годы, заполненные, несмотря на все усиливающиеся гонения, напряженной, насыщенной творческой жизнью. А в 1940-м в дневнике Штеренберга появляются печальные и горькие записи: “Работы нет, и вообще, кому нужна живопись — разве только нам, художникам... Хочу сделать людей, выброшенных семьями из своих домов, бродящих в неизвестности... Сейчас, когда мне скоро будет шестьдесят, я понимаю гораздо больше, чем раньше, то, что происходит. И хочется работать и работать, пока еще можно”.

Свое отношение к тому, что происходило на его глазах, Штеренберг выразил в своей самой последней серии “Библейские мотивы”, написанной в конце 30-х. И выразил без всяких околочностей. Почти абстрактные подобию человеческих фигур в окружении темного мучительного марева, озаряемого молниевидными вспышками света. Работ всего четыре. И в каждой — люди протягивают друг другу руки в моменты мук и страданий. Последняя картина из серии — “Распятие”. И на ней — самое великое из объятий!

Давид Петрович Штеренберг умер 1 мая 1948 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище. В одном из последних писем художника есть такие слова: “Что остается от нас, смертных, как не наши усилия воспеть быстро уходящую жизнь, небо, звезды и любовь к людям...” ■

Владимир Спиваков необычно многолик. С истинной щедростью он делит свое время между собственными сольными концертами, выступлениями в качестве дирижера с Российским национальным оркестром, созданным им ансамблем "Виртуозы Москвы", собственным благотворительным Фондом и музыкальным фестивалем в Кольмаре (Франция). Естественно, меньше всего времени остается на семью. Но три дочери скрипача и его жена Сати относятся к этому с пониманием. Талант принадлежит человечеству. Глубокий голос, достоинство жестов, короткая седина маэстро, сменившая черную шевелюру любимца публики. В глазах — мудрость и вдохновение. В руках — скрипка.

— Вы были одним из последних деятелей отечественной культуры, получившим орден из рук первого Президента России Бориса Ельцина накануне его ухода от дел. Что чувствуют артисты в такие моменты и имеют ли вообще для них значение высокие правительственные награды?

— Ощущения? Как вам сказать... За предыдущим орденом Дружбы я в свое время приезжать в Кремль отказался. Шла первая война в Чечне. Это был мой протест. И мне принесли орден "на дом". Что касается отношения к награде, еще давно Франциск Асизский заметил красиво и справедливо: "Не ради славы и денег трудись, будь смиренным и постарайся превратить свою страсть в дар слезный". Эти же мысли мы найдем и у Пастернака, и у Пушкина.

Честно говоря, я считаю, что кое-что действительно сделал для России. И продолжаю делать. Полу-

чение орденов — не цель, естественно. Сама официальная церемония меня не отвратила. А наш оркестр на репетиции, когда я встал за пульт, трижды сыграл мне туш. (После этого Владимиру Спивакову была присуждена высшая награда Франции — Орден Почетного легиона — **Н.К.**)

— Когда вы больше волнуетесь — солируя на скрипке или стоя перед оркестром за дирижерским пультом?

— Это волнение разного порядка. Так же, как у памяти разные свойства, так и у волнения. Память может быть физической, механической, эмоциональной. Назалось бы, когда играешь — все в твоих руках. Но есть физиология, которая может подвести в самый непредвиденный момент. Палец может соскользнуть, промахнуться. Когда становишься перед оркестром, проявляются другие свойства волнения. Но вместе с тем в психическом состоянии это в чем-то легче для меня. Когда ты ответствен за других, включаются внутренние силы. Я знаю, что должен послать людям спокойствие. Что сам не имею права бешено волноваться. Мое спокойствие — залог их успеха.

— Как вы справляетесь с волнением перед выходом на сцену?

— Это не такой короткий процесс. Обычно я знаю все даты своих концертов на два года вперед и как-то психологически подготавливаюсь. Понятно, что концерт в Карнеги-холле значительно более волнующее событие, чем выступление в маленьком городе в Швейцарии. И уговаривать себя нужно значительно меньше. Все теннисисты знают, когда у них Роллан-Гаррос, когда — Уимблдон, когда — Кубок

Кремля. Они тренируются, идут к этому моменту заранее. Это важный элемент и психологической подготовки. Своеобразная работа с самим собой. То же самое — и в музыке. Важно, чтобы к этому моменту пина творческой формы у музыканта было ощущение, что ты сделал все, на что способен. Чтобы совесть была чиста. Но совесть — это часть Бога в человеке, так что есть надежда: если совесть чиста, Бог поможет.

— Что значит для дирижера ответственность за большую команду людей и чувство лидера?

— Станиславский говорил о задаче и сквозном действии в драматическом искусстве. Но в музыке очень хорошо уживаются две системы — Станиславского и Михаила Чехова. Если вы имеете отношение к театру, вы поймете.

— В свое время я закончила ГИТИС, так что очень даже имею.

— Тем лучше, значит, вам не надо объяснять тесную связь между школой представления и школой переживания. Все имеет право на жизнь. Для меня очень важно самому быть подготовленным к материалу, которым собираюсь дирижировать. Это много часов работы с партитурой. До тех пор, пока она не становится прозрачной, как квартет Моцарта, можно сказать, что дирижер ее не знает. Удивительное свойство великих творений в том, что каждый раз вы видите в них что-то новое и оказывается, что раньше вы что-то проглядели. Я хорошо понимаю Сезанна, который писал в своем дневнике: "Я каждый день открываю ставни, смотрю в свой сад и не узнаю его".

— А я понимаю Нлода Моне, который годами сидел на берегу

пруда в своем имении Живерни и бесконечно рисовал водяные лилии. Благодаря чему по всему миру разбросаны три сотни оригинальных полотен с нимфеями.

— Когда музыканты объединены и увлечены общей идеей, когда каждый ощущает себя частью целого, тогда на репетиции вырисовывается то целое, которое реализует себя через несколько исполнений. Сцена — главный учитель. Она проверяет правильность твоих находок. Потому что публика тоже воздействует на артистов.

— Создается впечатление, что вы вообще никогда не суетитесь и спешка — чуждое вам состояние, несмотря на невероятную занятость. Это ваша сущность или стиль поведения?

— "Служенье муз не терпит суеты, Прекрасное должно быть величаво", — не просто красивая фраза. Должна происходить еще и некая аккумуляция энергии. Если сразу выплескивать все, через мгновение ничего не остается. Нужно время, чтобы думать и спокойно идти от задачи к задаче. Оркестр — в высшей степени чувствительный организм, он не должен ощущать никакой паники в дирижере. 120 человек, каждый со своими проблемами, неприятностями, нервной системой. У всех нервы в достаточной степени оглолены, и если еще перед ними психопат-дирижер, ни к чему хорошему это не приведет.

— Ваши отношения с оркестром — это партнерство или диктатура?

— Я не понимаю диктатуры и считаю, что она всегда кончается низвержением диктатора. Я приветствую уважительные, партнерские отношения.

— Но если взять выдающихся дирижеров — Евгения Мравинского или Юрия Темирканова — разве не железной рукой они руководили оркестрами?

— Если бы вы видели, как работают с западными оркестрами многие наши дирижеры, вы не заметили бы никакой железной руки. Разница большая.

— В чем же она?

— В Америке нельзя позволить себе в обращении с музыкантами и в поведении того, что допустимо в России. Тому много причин, в первую очередь — понятие демократии как таковой. Каждый человек ощущает себя личностью. С рождения это внедряется в гены. Пусть часто это бывает лицемерно, но, как правило, это не только на словах, но и на деле. Во-вторых, профсоюзы — очень сильные организации. Они вправе требовать от дирижера. Но они не только требуют, но и отвечают сами по многим критериям. Каждый музыкант с последнего пульта выучивает свою партию за три месяца до исполнения так, как если бы ему нужно было сыграть ее в Карнеги-холле. У нас же часто музыканты позволяют себе отрывать ноты только на репетиции.

Во многих западных оркестрах музыканты по 100-балльной системе отмечают рейтинг дирижера. Поэтому наши дирижеры, работающие с западными оркестрами, вполне шелковые. Но несмотря на то, что русский человек привык к жесткому обращению, я не внедряю его в Российском национальном оркестре. Мне кажется, сознательные люди разберутся сами. Приведу простой пример: кан-то я, увлекшись, задержал время перебива минут на двадцать. Извинил-

ся, попросил меня останавливать, так как я человек эмоциональный. Но и сами музыканты тонне увлеклись и не заметили. На западе такое невозможно. Могут оборвать на полуслове. Но бывает и наоборот.

— Как вы относитесь к тому, что существует скептическое мнение: не каждый талантливый музыкант может стать дирижером, так же, как не каждый талантливый артист может стать режиссером. Вы давно и серьезно учились дирижированию. А со скепсисом сталкивались?

— Да, сталкивался. Но мы ведь живем, действуем и работаем не для каких-то трех скептиков, не упускающих случая высказать свое мнение. Мы работаем, потому что любим это, верим в это. Дирижерами, как говорится, рождаются. А с другой стороны, — не рождаются, а становятся. Для этого нужно много знаний и опыта. Когда я, например, задавал Леонарду Бернстайну некоторые вопросы по дирижированию, он отвечал: "Вообще, по правилам это так. Но на сцене никогда не получается по правилам". Это специфическая профессия.

— Наверное, тех, кто родился дирижером, намного меньше, чем тех, кто стал. Как вы считаете, имеет ли право дирижер крупного оркестра, как РНО, следовать своим вносимым пристрастиям и любви в выборе репертуара?

— Конечно, могут быть свои пристрастия. Думаю, многие современные дирижеры хотят быть всеядными, особенно при возможности летать и дирижировать сегодня оперным спектаклем в одной стране, завтра — симфоническим концертом за океаном. Я знаю двух-трех, кому это действительно уда-

ется. Но многие к этому стремятся. Мравинский, наоборот, стремился к противоположному: из 110 симфоний Гайдна (до сих пор идут споры, на какой кончается счет) он считал, что нужно классно дирижировать несколькими. И симфониями Моцарта он дирижировал не всеми. Но любимые произведения доводил до совершенства. Это своеобразный путь.

— Как вам кажется, имеет ли отношение к классическому искусству практика трех теноров или это уже цивилизованная коммерция и попса?

— Скорее, последнее. Хотя осуждать я не склонен. Просто сам фанк ныне модного пения оперных звезд в микрофон на стадионах — более из области коммерции и шоу-бизнеса, чем искусства. Думаю, себя они давно уже уговорили, что их деятельность правильна и доставляет огромное удовольствие людям, которые покупают диски и видеонассеты. Они оптимисты. С оптимизмом смотрят в будущее с точки зрения материального удовлетворения.

— Нановы ваши ощущения от Большого зала Консерватории? Среди музыкантов считается, что выступать здесь нелегко и даже мучительно.

— Безусловно, Большой зал — веха в жизни русского музыканта. Мы учились здесь, стояли в дружке, лазали по крышам, пробираясь на ночные репетиции приезжавших к нам великих артистов.

(В этот момент раздается звук, который ни с чем нельзя перепутать: на скрипке Страдивари Владимира Спиванова, непринужденно лежащей на рояле в кабинете артиста, где мы разговариваем, лопается струна. В этом есть какая-то че-

ховская мистика, импрессионизм и интрига. Похоже, струна лопается, чтобы я, черт возьми, прочувствовала и оценила красоту момента. Я ценю. И запомню эту капризную "ре" навсегда. Некоторое время маэстро, продолжая разговор, неторопливо меняет струну, бережно держа инструмент в руках).

Как животным вживляют в мозг электроды, так в памяти русских музыкантов остаются даты концертов в Большом зале. Это точка отсчета, от которой никуда не денешься.

— Это у вас "ре" лопнула?

— Угу. Молодец вы такая, Наташа.

— Все-таки после музыкальной школы я еще помню кое-что. Я тогда даже играла двойные концерты Баха и Вивальди. Не хочется выглядеть нагло, рассуждая на тание темы с мастером мирового класса. А вот скажите, как вам кажется, есть ли предел совершенству? Например, трудно сыграть лучше Яши Хейфеца мой любимый концерт Мендельсона для скрипки с оркестром. А послушаешь Давида Ойстраха — оказывается, можно.

— (Настраивая скрипку). Предела совершенству абсолютно нет. Каждый исполнитель по-разному смотрит на одно и то же явление. Снег, допустим, может быть снегом, а может быть саваном, скрывающим фиалки. Я не играю одно и то же произведение постоянно. Возвращаюсь всегда с других позиций. Происходят жизненные изменения, насыщение информацией, возникают новые ракурсы. Можно взглянуть на произведение с других позиций, купить новую редакцию, найти опубликованный оригинал. Искусство — очень живая материя.

— Что помогает сохранить свежесть восприятия музыкального произведения, если оно исполняется годами и десятилетиями?

— Общий кругозор, интерес к жизни как таковой, другие художественные впечатления, смена репертуара и смена сферы деятельности. Главное — возвращаться, смотреть издалека, брать совершенно чистый нотный материал. Каждое новое издание готовит сюрпризы, все время вынапываются новые манускрипты, расшифровываются старые записи. Музыкант, двигаясь по жизни, растет. Но главная причина ощущения постоянной свежести заключена в любви к своей профессии.

— Может ли вас оказать влияние чье-то исполнение или впечатление от других произведений искусства?

— Может. Механизм воздействия трудно определить. Работая с партитурой, я долго и внимательно, часами вслушиваюсь в нее сквозь нотные знаки вместо того, чтобы ставить компакт-диск. Хотя это тоже способ познания, допустимый для срочного ознакомления. Но сродни собаке-поводырю слепца. Однако прочтение может при этом потерять собственную интонацию. Трудно преодолевать чужое воздействие. Часто многие записи разных музыкантов невозможно отличить именно потому, что они лишены своей интонации. Думаю "Tabula Rasa" — это весьма неплохо. Чистый лист хорош во многих смыслах.

— Какой метод работы вам ближе — безумная интенсивность и скорость, которую олицетворяет Валерий Гергиев, блестяще работающий и в Метрополитен-опера, и в Мариинском театре, или Евгений Нолобов, творящий в "Новой Опе-

ре" неторопливо, священнодействуя?

— Иногда что-то постигаешь или поглощаешь быстрее, иногда — медленнее. Зависит от способности, от желания, от характера, от внутренней страсти. Пусть каждый идет своим путем. Не стоит судить, лучше радоваться. У нас принято считать: быстро делает — нехорошо, медленно — тоже нехорошо.

— Возможна ли дружба между коллегами-музыкантами или соперничество сильнее?

— Дружба, конечно, возможна. Но все зависит от людей. Моцарт тоже дружил с Сальери. Просто у одного человека в душе больше Моцарта, а у другого — больше Сальери.

— Вы верите в эту легенду или вам нравится художественный образ?

— Я убежден, что это неправда. Имя Сальери стало практически нарицательным, сальеризм присутствует в душе у многих собратьев по искусству. К сожалению, зависть человеческая — убийственная и опасная для искусства сила. Именно зависть выдворила из России Андрея Тарновского.

— Человек, который не завидует, знает себе цену. Получается, завистник создает свою несостоятельность?

— И признает свои комплексы. Сальери-то по легенде был трудолюбивым. Но в наше время завистники — более ленивые люди. И к тому же циничные, развращенные. Тот, кто занят круглосуточной работой, не имеет времени на зависть. И потом мир такой большой, что места хватит абсолютно всем.

— Должен ли музыкант вашего уровня быть космополитом? Или

никто не может обойтись без чувства Родины?

— При чем здесь чувство Родины? Все равно мы оставались русскими артистами, даже когда "Виртуозы Москвы" жили и работали в Испании. И в абстрактной живописи видна национальность. Из ничего ничего не возникает.

— В каких городах мира вы чувствуете себя комфортнее всего?

— Для души мне приятнее всего быть в Москве. Здесь особые люди, любовь, внимание, отношение. В принципе, хорошо себя чувствую в Нью-Йорке. Бываю в Америке раза три в году, играл и дирижировал во всех престижных залах, выступал с замечательными оркестрами. И вообще я, что называется, "in general" чувствую себя неплохо в этом мире.

— А как же Петербург и Париж?

— Петербург — это юность. Сам факт юности — невероятный факт. Но в Москве я учился, поэтому сюда стремлюсь душой так же, как в Петербург. Главное, что тогда мы были молодыми. Беда старости заключается в том, что человек продолжает чувствовать себя молодым. Мы замечаем, что стареем, не по себе, а по другим людям. Как правило, эмоциональный возраст гораздо меньше реального. В юности даже самые страшные вещи выступают в другом свете. После сорока лет человек становится грустнее. Потому что становится мудрее.

— Вы живете в окружении красивых вещей — старинной мебели, изысканных полотен Серебряного века. Вот чай мне налили в изящную чашечку от Ungaro. Красота повседневности имеет для вас значение?

— Я легко могу существовать и на вонзале, в плацкартном вагоне. Меня это не угнетает. Но приятнее, конечно, находиться среди красивых вещей и произведений искусства, которые мне дороги: картин, которые я сам страстно собирал, или мебели, которую покупал еще мой отец в Ленинграде. Это связано с историей семьи, с прошлым. Помоему, в комнате, где мы с вами сидим, есть свой дух.

— Некоторое время назад был опубликован ваш портрет, сделанный Владом Лонтевым, со скрипкой и обнаженным торсом. Смело, стильно, остроумно выглядел. Наново было ощутить себя плейбоем?

— Получилось случайно. Снимаясь, я переодевался в присутствии фотографа, и он, увидев, в какой я форме, предложил: "Володя, вы, оказывается, физически крепкий человек. Давайте я вас так сфотографирую". Я не возражал, но и не собирался давать этот портрет на обложку журнала "Огонек". Они сами решили сломать стереотип официальных портретов в галстуках и костюмах, в чем я им и поспособствовал. Почему нет? Пусть будет что-то оригинальное и неожиданное. Все равно же люди знают, что у каждого под одеждой — тело.

— К тому же приятно убедиться, что музыкант — настоящий атлет. И сразу все легенды о том, как вы сражались с бандитами, приобретают реальные черты. И с чувством юмора у вас все в порядке. И ведете вы себя, как светский лев, приглашая на танец Майю Плисецкую посреди Большого зала Консерватории. Вы действительно танцует светский или это работа на имидж?

— Меньше всего я думаю о том, как может быть истолковано

мое поведение. Просто это бросается в глаза, к этому больше цепляются журналисты. А задуматься над другими вещами у них не хватает времени. Да и необходимости в этом они не видят. Главное — выдернуть из колоды козырную карту.

Мне захотелось станцевать с Майей Плисецкой — и я сделал это. Наш танец был чистой импровизацией — она не догадывалась о моих намерениях. Но осталась очень довольна и прекрасно подыграла. Накануне новогоднего праздника можно было позволить себе пошутить с друзьями. На концерты "Виртуозов Москвы", как правило, ходят друзья и поклонники. Надеюсь, что когда-нибудь так будет и с Российским национальным оркестром.

— Вы — человек склонный к риску? Когда вы принимали приглашение на пост главного дирижера и художественного руководителя РНО от Михаила Плетнева, создавшего этот оркестр, вы сознавали всю степень риска?

— Был риск, но было и желание. Патриотизм — громкие слова. Но, действительно, душа-то моя здесь, в России. Я считаю себя русским художником. Мне приятнее вести репетиции с оркестром на русском языке, нежели на английском, французском или немецком. Я чувствую духовную близость с этими музыкантами.

Не ожидал только, что мое решение вызовет танюю неадекватную реакцию со стороны нескольких людей, которые позволяют себе судить других на страницах периодических изданий и считают себя истиной в последней инстанции.

— Неужели художника, который "сам — свой высший суд", мо-

жет так задеть и ранить несправедливое мнение недоброжелателя?

— Представьте себе. Нет человека, которого бы это не задело. Когда люди говорят, что им наплевать, — это лицемерие. Такое отношение глубоко ранит. Но оно же меня и невероятно закалило.

— У нахдного минуса — свой плюс?

— В средние века был таной трактат "О пользе безвыходных ситуаций". После первой пощечины в прессе у меня выработался колоссальный иммунитет. Хотя тон и бескультурье задевали сильно. Я не называю эти опусы "околомузыкальных теней" критикой. Нахдая следующая статья воспринималась намного легче. Обратная геометрическая прогрессия.

Когда стихает личная обида, понимаешь, что оскорбили не только тебя, но и весь оркестр. 120 музыкантов, которые понимают в своем искусстве не меньше, чем тот, кто позволил себе оскорбительные речи. И публику, которая аплодирует, искренне полагая, что имеет дело с настоящим искусством. А на следующий день читает в газете, что она — дура.

— Мне назалось, у художника хватит мудрости распознать, что ненто просто самоутверждается за чужой счет.

— Несправедливость в первый момент шокирует. Руссо писал: "Для того, чтобы оболгать человека, нужно всего несколько слов. Чтобы восстановить его доброе имя, требуется истратить тонны бумаги". Мстислав Ростропович долго не мог в себя прийти после оскорблений, посыпавшихся на него после премьеры "Видений Иоанна Грозного" в Самаре.

— Как взаимодействуют ваш мир гармонии, музыки и окружающая реальность жизни? Что способно вывести вас из равновесия?

— Несправедливость и вранье в любой форме. Вот передо мной фотография скульптуры молодого художника Евгения Ландика "Человек в огне". Он потрясающий талант, и несправедливость жизни заключается в том, что никто не обращает на него внимания и не протягивает ему руки помощи. Я способствовал его работе за рубежом, но у меня нет возможностей помочь ему в том, чтобы он установил в Москве свой памятник на Каширском шоссе, где были взорваны дома, погибли люди.

Что касается вранья, то я точно знаю: окружающие меня люди не врут. Это важно, чтобы дети не боялись сказать правду, чтобы они чувствовали: родители — друзья им, а не судьи. И публику обмануть нельзя.

— Можно ли сказать, что у вас элитарная публика? Цены на абонементы РНО достаточно высоки, а на выступления "Виртуозов", пожалуй, самые высокие в Большом зале?

— Цены устанавливаю не я. Этим занимается продюсер, которому нужно привезти часть музыкантов из-за границы. Перед концертом мы всегда даем открытую бесплатную репетицию. На наших выступлениях зрители сидят на сцене. Стоимость билетов — не признак элитарности искусства. Дай мне волю — вообще сделал бы наши выступления бесплатными. Это моя мечта.

— В свое время, когда родился легендарный ансамбль "Виртуозы Москвы", вы были такой яркой личностью в исполнительском искусст-

ве, что просто не могли быть удобны существовавшему тогда ренниму. Что-то изменилось во взаимоотношениях чиновников и артистов с тех пор?

— В годы застоя я был невыездым и на вопрос "Вагум?" получал ответ "Дагум!" До сих пор я не знаю причин. Сейчас при некоторых усилиях мог бы узнать, но не хочу знать ни о чьих доносах. К прошлому я не возвращаюсь. Художники всегда жили в своем мире, а чиновники живут в своем. Художники значительно более обостренно чувствуют жизнь и страдания людей. Я считаю, художник гораздо ближе к народу.

— Ваша популярность времен блестящего руководителя "Виртуозов Москвы" (я помню ощущения от тех концертов — диний аниотаж, море цветов и невероятный праздник) претерпела какие-то изменения со временем?

— Цветов, во всяком случае, не уменьшилось. И на улицах я все время отвечаю на приветствия и раздаю автографы. В самом начале моей работы с Российским национальным оркестром один музыкант рассказывал, что, получив серьезную травму руки и увидев в медпункте огромную очередь, предстал перед сотрудником нашего оркестра. Его тут же пропустили к хирургу и палец спасли.

— Вы тоже как-то играли с пораненным пальцем. Это случается потому, что вы не имеете права подвести людей? И вообще должен ли музыкант беречь руки?

— Всякое бывает. Как-то купил мороженое в Ялте, а в нем оказался гвоздь. От неожиданности никто не застрахован. У меня нет навязчивой идеи по поводу отношения к собственным рукам, хотя

я понимаю всю их ценность. А вот однажды мне сделали небольшую операцию на пальце ноги и в таком виде, забинтованный, я вылетал в Страсбург на концерт с Лорином Маазелем. И встретил в аэропорту Владимира Васильева, у которого была перевязана рука. Он сказал: "Какое счастье, что не наоборот".

— Как вы преодолеваете часовые пояса?

— Тяжело. Особенно — обратно, из Америки в Европу. Но выступать все равно нужно, трудности никого не интересуют. Чаще всего времени на адаптацию не хватает. Тогда на сцене возникает нереальное ощущение. Не могу сориентироваться, какую каденцию надо сейчас играть и что за ней следует.

— А кошмаров у вас не бывает?

— Еще какие: я должен играть то, что не знаю, я раздавил свою скрипку, сел на нее, ее у меня украли, забыл скрипку в такси, она взорвалась у меня в руках, лопнули все струны и так далее.

— Я была на выступлении замечательных одаренных детей — воспитанников Фонда Владимира Спиванова. Вы преследуете только благотворительные цели или все-таки надеетесь открыть гения?

— Гений сам проявится. Я просто протягиваю талантливым людям руку помощи, не преследую никаких целей. Иногда они получают в подарок инструменты. На всю жизнь. А иногда инструменты я дарю школе, и тогда они передаются по наследству следующим поколениям.

— Такое благородное поведение — редность в наше время.

— У нас и над этим ухитряются посмеяться. Ничего святого. Зада-

вая вопрос "зачем?" они ищут подвоха с моей стороны.

— Почему вы выбрали город Нольмар во Франции для своего музыкального фестиваля, которому уже двенадцать лет?

— Это Нольмар меня выбрал. Там проходил когда-то музыкальный фестиваль, жизнь которого медленно затихала. И городские власти пригласили меня, чтобы помочь возродить его. Получился совершенно новый фестиваль. Я предложил свою концепцию монотематизма — то есть объединения программы каждого года вокруг личности того или иного выдающегося музыканта.

Нольмар — чудесный средневековый город, старинный архитектурный ансамбль XIV-XVI веков. Здесь находится второй по значению музей во Франции, в коллекции которого — масса изумительных картин Грюневальда, Дюрера. Самое полное собрание после Лувра. Французы очень бережно относятся к своим архитектурным памятникам, постоянно реставрируют здания, очищают фрески.

— Во Франции, в особенности на юге, происходит множество музыкальных, театральных, танцевальных фестивалей. Как фестиваль в Нольмаре выдерживает эту конкуренцию?

— Он не просто выдерживает конкуренцию, но и вызывает большую ревность. Меня даже упрекали в том, что я "убил" соседний фестиваль в Страсбурге. Но я никогда не думаю о конкуренции, мне не нравится соревноваться. Я иду своим путем и делаю то, что мне интересно. В восьмой раз газета "New York Times" в ежегодном опросе "Наш выбор" ставит его на первое

место среди европейских Фестивалей.

— Ваши летние фестивали в Нольмаре всегда посвящены какому-либо музыканту. Почему вам пришла смелая идея делать героем фестивальной программы личность именно исполнителя, а не композитора?

— Я выбираю фигуру мне близкую, ради которой стоит побороться, чтобы пригласить хороших артистов. Среди наших героев были Давид Ойстрах, Жан-Клод Дюпре, Владимир Горовиц, Иегуди Менухин, Андреас Сиговиа, Артур Рубинштейн, Федор Шаляпин, Пабло Казалес, Леонард Бернштейн.

— Есть ли в вашей жизни род деятельности, кроме музыки, который вы любите так же сильно и страстно?

— Живопись люблю страстно. Теперь люблю собирать. А когда-то занимался, писал, был вольнослушателем в Академии художеств в Ленинграде, а в Москве учился у художника Александра Васильевича Буторова. Хотел профессионально овладеть мастерством живописца. Но совмещать живопись и музыку оказалось невозможно. Она требует столько же времени, как и занятия скрипкой, а в сутках всего 24 часа.

— Нание творческие встречи и соприкосновения с произведениями искусства входят в золотой фонд ваших воспоминаний?

— Встречи и дружба с Георгием Александровичем Товстоноговым и множество спектаклей БДТ, дружба с замечательными актерами — Евгением Лебедевым, Владиславом Стржельчином. Я застал великого дирижера Евгения Александровича Мравинского, бывал на многих репетициях его сезонов в

Нисловодске, в Риге. Каждая встреча с Кириллом Петровичем Кондрашиным, Евгением Федоровичем Светлановым, с Леонардом Бернштейном, Лорином Маазелем, Карло Джулини, Клаудио Аббадо — обогащение.

Все, что способно вызвать во мне сильную эмоцию, навсегда остается в памяти. Некоторые картины подолгу живут в моей душе. Как-то я посетил маленькую выставку в Пушкинском литературном музее, на которой была одна вещь Валентина Серова — "Русалка". Я раньше ее никогда не видел. Она до сих пор стоит перед моими глазами. У меня очень сильное зрительное восприятие и хорошая зрительная память.

— Может быть, это от того, что вы увлекались живописью в юности?

— Наверное, потому что это "обрубленная ветвь" в моей душе, принесенная в жертву другой профессии. Если я сильно устаю в гострольной поездке, и у меня нет под рукой захватывающей книги, мысленно прохожу по коридору своей квартиры, где развешана коллекция гуашей и анварелей, и с наслаждением рассматриваю эти вещи "про себя", вспоминаю их.

В России огромное количество фантастических провинциальных музеев, которые я всегда стараюсь посещать — в Саратове, в Челябинске. Открываются новые музеи в Ханты-Мансийске, где выставлены уникальные картины Малявина, на Сахалине. Когда я вижу возвышающую страсть человеческую, всегда стараюсь чем-то помочь. (Известно, что Владимир Сливанов послал на Сахалин в подарок работу Малявина, а Ленинанканскому музею, восстановленному после землетрясе-

ния, подарил картину Норовина — Н.К.)

— А в Париже вы часто ходите по музеям? Какие у вас любимые?

— Люблю небольшие музеи. Например, Мармоттан, где собрана блестящая коллекция Клода Моне. Однажды мне даже довелось там ужинать с высшим парижским светом, и это меня немножко озадачило. Когда за спиной кувшинки Моне, даже самая изысканная еда кажется странной. Пона у нас еще до этого не дошли. Не представляю, чтобы в Третьяковской галерее накрывали столы.

— А вот в Kunstmusee в Вене есть специальные вечера, когда можно в перерывах между блюдами наслаждаться шедеврами Рубенса и Климта.

— А в Зальцбурге, в доме, где родился Моцарт, на первом этаже находится магазин, где продают седлду.

— Вы всегда пораняли меня глубоким знанием литературы и философии. Остается ли у вас время на чтение, и что вы сейчас читаете?

— Читаю перед сном. Но когда репетирую, могу общаться только с партитурами, погружаюсь в них так, что забываю о времени. Вгрызаюсь, как жун-нороед. Я бы не сучал ни на необитаемом острове, ни в тюрьме, если бы мне дали возможность взять с собой несколько партитур.

Но успеваю читать и то, чем живет сегодняшняя Россия — Пелевина, Соронина. Эти приметы современной жизни надо знать. Сильное впечатление произвела на меня книга Псурцева "Стрелок Наронов и его искушение". Дикое, парадоксальное сочинение, рассказывающее о черных, скрытых сторонах ду-

ши человеческой, ее пружинах и комплексах. Это откровение порой заставляет содрогнуться. Люблю читать французов, Марселя Пруста перечитываю бесконечно. Французский я знаю не настолько идеально, да, впрочем, у нас есть потрясающие переводчики еще с советских времен.

— Вы производите впечатление баловня судьбы. Но мне кажется, что за маской победителя скрыты мучительные переживания.

— Кому они не знакомы? Просто я убежден, что нельзя с мешком слез появляться публично. И баловнем судьбы я себя не считаю абсолютно.

— Какое место в вашей жизни занимают женщины и влияют ли они на творческий процесс?

— Смотря какие женщины. Мама — очень строгий критик. Она до сих пор (ей 88 лет) прекрасно играет на рояле. Я навестил ее, и она вдруг сыграла мне первую часть концерта Шумана. У нее замечательный слух, она часто делает дельные замечания. Я вообще прислушиваюсь к критике человеческой, а не той, на которой стараются заработать себе имя. Прислушиваюсь и к жене, и к детям. Старшая дочка может сказать: "Вот это место не очень хорошо получается". Близкие помогают, спрашивают быт, кормят. (За признанием следует трогательнейший взгляд).

— Вы отвечаете, как профессор Хиггинс из "Пигмалиона": в конце концов от нее все же есть польза, она знает, где лежат мои вещи, что запланировано на завтра.

— Сати мне действительно очень помогает в организации концертной жизни. Я часто путаю даты и места выступлений. А на сцене я не думаю о том, кто из моих близ-

них находится в зале. В такие моменты важно другое.

— Вы, наверное, гурман?

— В еде я очень неприхотлив. Больше всего на свете люблю черный хлеб. Сказывается интернатское прошлое (детство прошло в интернате Центральной музыкальной школы, где по специальному разрешению дирекции я имел право пробираться ночью на кухню и есть черные сухари). Некоторые мои друзья знают, что это — лучший подарок для меня.

— Трудно вам, наверное, в Париже без черного хлеба?

— Мы тесно и тепло общались с предыдущим русским послом в Париже господином Рыжовым, и его жена всегда привозила мне хлеб. Сейчас я покупаю соленые огурцы, квашеную капусту, селедку и хлеб в русском ресторанчике на улице Николе. Туда однажды заглянула Майя Плисецкая и спросила, хороший ли это ресторан. Ей ответили, что Сливанов регулярно заказывает закуски. Это было лучшей рекомендацией.

— Какие ощущения испытывает человек во фраке, выходящий на сцену?

— Малоприятные. Когда я просто надеваю белую рубашку, мне уже не по себе. Это связано с нервами. Единство формы и содержания. Возникает, конечно, не дрожь в руках и коленях, а какое-то слякотное внутреннее ощущение, беспоконие. Я в последнее время привык к фрак, в нем лучше дирижировать. А играть удобнее в костюмах.

— Когда появился ваш первый фрак?

— Много лет назад в Вене. Я как раз играл на фестивале с Клаудио Аббадо. Денег на фрак у меня

не было, и мне его сшили в подарок. Первое, что сказал знаменитый портной, сняв мерку: "У вас тот же недостаток, что и у Караяна — одна рука длиннее, другая короче". Вообще я не люблю менять привычки: играю в одних и тех же заплатах и концертной одежде. Работа у меня такая нервная, что я не поправляюсь и могу влезть во фрак или костюм, который носил 12 лет назад. Только в плечах становлюсь шире. Кстати, мой последний фрак — от Валентина Юдашкина. Еще я ношу его костюм и с радостью рекламирую его качество. Долгое время я выступал летом в жарких странах в специально сделанной для таких случаев рубашке от Вячеслава Зайцева.

— Как вам удается сидеть сразу на стольких стульях: РНО, "Виртуозы Москвы", благотворительный Фонд, фестиваль в Нольмаре, семья, нанонец?

— Удаётся все непросто. Я опираюсь на поддержку верных помощников. Моим давним ассистентом в координации деятельности Фонда является Екатерина Ширман. Ассистент Марк Надин помогает организовать работу в РНО. Самый слабый "стул" — это роль отца. Я чувствую неизменно комплекс вины перед своими детьми, так как уделяю им мало внимания. Но где бы я ни находился, каждый день говорю с ними по телефону. Я вижу, как они вырастают с момента нашей последней встречи.

— Это невозможно преодолеть?

— Я не такой богатый, как выгляжу. Путешествовать с тремя детьми я не имею возможности — слишком дорого.

— Вы водите машину?

— Да, у меня в Париже маленькая "Audi — 3". Там трудно водить машину. Вы даже не представляете себе: французы становятся необыкновенно агрессивными на дорогах. В тысячу раз хуже, чем у нас. Месье, который только что в смокинге сидел в театре "Champs—Elysees" и слушал симфонию Брукнера, садится в свой автомобиль и становится потенциальным убийцей. В Москве у меня нет ни машины, ни дачи.

Мне нравится водить машину, это форма отдыха. Я чувствую себя в ней комфортно, прекрасно. Артуро Бенедетти Микеланджели любил спортивные гоночные машины. Я, бывало, ездил со скоростью 280 км. в час.

— Ну и как?

— Приятные ощущения. Скорости не чувствуешь. Только когда снижаешь ее до 40.

— Вы верите в приметы, в судьбу — не дай Бог уронить партитуру или вернуться с полдороги?

— Немножко верю, конечно. Бывает, плюю через плечо, смотрю в зеркало. Не то чтобы я сходил с ума из-за этого, но подстраховаться не мешает. И потом во Франции, где я провоню много времени, появление черного нота — вообще не счастью.

— У вас есть любимый композитор?

— Очень сложно ответить. Только что я любил Чайковского, вчера — Шенберга, позавчера — Баха. Завтра буду любить Прокофьева. Любовь зависит от состояния души, к чему она тянется сегодня. Есть, конечно, какие-то константные величины, которые приводят меня в состояние равновесия. Если я чем-то огорчен, беру скрипку и играю сам себе Баха. И чувствую, как

все приходит в норму. Все молекулы приходят в состояние гармонии.

— Ваше любимое время года?

— Весна и осень.

— Ваш любимый город?

— Петербург все-таки.

— Любимый цвет?

— Вообще-то я дальтоник. Многие художники были дальтониками. Врубель, например. Я с трудом различаю землянину в траве или малину на кусте.

— Как же вы машину-то водите?

— Я знаю, где на светофоре находится зеленый свет. Я — дальтоник, но не тупой.

— Любимое время суток?

— Вечер и очень раннее утро.

— Вы, наверное, мало спите?

— Мало, так что иногда требуется днем минут десять. Но я не могу, как разведчик, отключиться сидя. Сплю только в горизонтальном положении. В самолете не могу спать. Если удалось — это уже восьмая стадия усталости.

— Любимый дирижер и скрипач у вас есть?

— Я дружил с Леонардом Бернстайном, и к нему принципала моя душа. Он — Учитель, пример для меня. Из скрипачей я очень любил Давида Федоровича Ойстраха и Иегуди Менухина.

— Любимое качество?

— Доброта.

— Имя?

— Больше всего мне нравятся русские женские имена. Поэтому моих дочерей зовут Екатерина, Татьяна и Анна.

— Ваш девиз?

— "Пока живу — надеюсь" и "Через тернии — к звездам!" ■

Беседу вела

Наталья КОЛЕСОВА.

Илья РЮМИН

КЛОН "В ЗАКОНЕ"

В августе этого года в США состоялся семинар по проблемам клонирования человека, организованный Национальной академией наук. Ученые-медики, вопреки уже принятому Конгрессом США запрету на проведение исследований в этой области, все-таки добиваются права уже в ближайшее время клонировать гомо сапиенс.

Да, что ни говорите, а времена меняются. И меняются настолько быстро, что порой просто не успеваешь следить за ходом человеческого прогресса. Казалось, только еще вчера такая мудреная вещь, как клонирование, встречалась разве что на страницах научно-фантастических романов, а сегодня... Да и разговор из научно-теоретической ("а возможно ли вообще") перешел в морально-этическую ("а имеем ли мы право") плоскость.

Бессспорно, сколько людей — столько и мнений. Одни "с пеной у рта" призывают развернуть широкомасштабную практику клонирования. Аргументы с этой стороны приводятся следующие. Разладилась, к примеру, печень — никаких проблем. Пересадят новую. Свежую, а главное, свою же. Ни тебе донора дожидаться, ни проблем потом с иммунитетом не будет. Дальше — больше. Захотел собачку новую взамен умершей домашней любимицы — пожалуйста. А дальше фантазия апологетов клонирования простирается в бесконечность.

Появляются идеи клонирования мамонтов, динозавров, известных актеров и политиков. В тех же США некая сента даже до клонирования Гитлера додумалась. Подобрана уже даже "биологическая мама", которая согласилась вынашивать в своем чреве Адольфа. Это 22-летняя студентка Марина Буасселье — дочка руководительницы сенсационного проекта.

Вторая группа, назовем ее "умеренными скептиками", клонирования вроде бы не отрицает. Однако выдвигает серьезные аргументы против. От уменьшения вариативности генетического набора (больше чаще будем) и прочих чисто научных аргументов до морально-этического аспекта (а будет ли у клонированного человека душа или же "на выходе мы получим биоробота-зомби"). Ответов пока нет.

И, наконец, третья группа категорически отрицает саму возможность клонирования. "А смеет ли человек уподобляться Богу?" — вопрошают они и призывают ввести строжайший запрет даже на исследования в области клонирования.

В общем, как в известной песне, "каждый выбирает по себе". А мы с вами, уважаемый читатель, давайте попробуем хотя бы просто посмотреть, что же это такое — **клонирование**.

Термин "клон" происходит от греческого слова "klon", что означает — веточка, побег, черенок, и имеет отношение прежде всего к вегетативному размножению. Клонирование растений черенками, почками или клубнями в сельском хозяйстве, в частности, в садоводстве, известно уже более четырех тысяч лет. При вегетативном размножении и при клонировании гены не распределяются по потом-

нам, а сохраняются неизменными в течение многих поколений.

Уже в начале 90-х была решена проблема клонирования эмбриональных клеток млекопитающих. Реконструированные яйцеклетки крупных домашних животных, коров или овец сначала культивируют не *in vitro*, а *in vivo* — в перевязанном яйцевом овуле — промежуточного (первого) реципиента. Затем их оттуда вымывают и трансплантируют в матку второго реципиента — коровы или овцы соответственно, где их развитие происходит до рождения детеныша.

Работа, появившаяся в начале 1997 года, стала сенсационной именно потому, что впервые клональное животное (овца по кличке Долли) появилось в результате использования донорского ядра клетки молочной железы **взрослой** овцы. У этого первого успешного эксперимента есть существенный недостаток — очень низкий коэффициент выхода живых особей (0,36%). Однако он доказывает возможность полноценного клонирования (или получения копии взрослого человека). Остается лишь разрешить технические и этические вопросы.

Клонирование человека сейчас уже очень близко к реальности. К сожалению, на обсуждение темы клонирования с самого начала оказывали влияние вводящие в заблуждение сообщения СМИ. Отрицательное отношение к клонированию людей — больше следствие захватывающей дух новизны клонирования, чем каких-либо реальных нежелательных последствий. При разумном регулировании преимущества клонирования людей существенно перевесили бы недостатки. Если общественность наложит полный

запрет на клонирование человека, это окажется печальным эпизодом в человеческой истории.

Что такое человеческий клон?

На самом деле клон — это просто идентичный близнец другого человека, отсроченный во времени. Клоны человека будут обычными человеческими существами. Их будет вынашивать обычная женщина в течение 9 месяцев, они родятся и будут воспитываться в семье, как и любой другой ребенок. Им потребуется 18 лет, чтобы достичь совершеннолетия, как и всем остальным людям. Следовательно, клон-близнец будет на несколько десятилетий младше своего оригинала, поэтому нет опасности, что люди будут путать клон-близнеца с оригиналом. Так же, как и идентичные близнецы, клон и донор ДНК будут иметь разные отпечатки пальцев. Клон не унаследует ничего из воспоминаний оригинального индивида.

Благодаря всем этим различиям клон — это не копия или двойник человека, а просто младший идентичный близнец. Человеческие клоны будут иметь те же самые юридические права и обязанности, как и любой другой человек. Хотя с последним утверждением можно поспорить. Не успели заговорить о технической осуществимости клонирования человека, как теневые дельцы начали "принимать на себя" возможные барыши. В частности, в СМИ мелькала информация о том, что некие тайские гангстеры вознамерились поставить на поток клонирование девушек для секс-индустрии. Они находят, что это обойдется дешевле, нежели существующие сейчас пути

пополнения притонов "живым товаром". Так что клоны, появившись они вообще, будут иметь шансы на равные с людьми права лишь в развитых странах.

Следует подчеркнуть, что клонирование человека должно осуществляться на индивидуальной добровольной основе. Живой человек, которого планируют клонировать, должен будет дать свое согласие. И женщина, которая будет вынашивать клон-близнеца, а потом растить этого ребенка, должна действовать добровольно. При таком раскладе есть шанс избежать опасности, что ученые-злодеи будут создавать тысячи клонов в секретных лабораториях. Клонирование должно будет делаться только по просьбе и при участии обычных людей в качестве дополнительной альтернативы для воспроизводства.

Что же мы можем ожидать от человеческих клонов? Ответ вытекает из изучения обычных идентичных близнецов. По внешности клон практически полностью повторяет оригинального индивида, имеет практически тот же рост и телосложение. Для известных супермоделей и кинозвезд это может оказаться наиболее важными качествами. Идентичные близнецы имеют 70-процентную корреляцию в интеллекте и 50-процентную корреляцию в чертах характера. Это означает, что если клонировать выдающегося ученого, то его клон-близнец может на самом деле оказаться еще умнее, чем исходный ученый! А если клон Элизабет Тейлор будет иметь несколько другой характер, разве это имеет значение?

В настоящее время мы не можем с уверенностью сказать, какой процент близнецов выдающихся

людей будет делать равные по значимости вклады в науку. Однако, если запретить клонирование, мы никогда этого и не узнаем. Решительность и энергичность — несомненно, важные характеристики многих выдающихся людей. А на них, похоже, сильно влияет генетика. Если же обнаружится, что клоны выдающихся людей не оправдывают репутацию своих предшественников, то стимул для клонирования людей ослабнет. Тогда мы увидим, что люди, будучи информированными, захотят производить клонирование не так часто.

Возражения, выдвигаемые против клонирования человека

Некоторые политики сейчас предлагают уберечь нас от всех несчастий, связанных с клонированием людей, путем полного законодательного запрета. Интересно, что при близком рассмотрении никаких серьезных проблем в действительности не существует. В нескольких случаях, когда возможны злоупотребления, они могут быть предотвращены с помощью узконаправленного законодательства. И нет ничего, связанного с клонированием человека как таковым, что оправдывало бы его криминализацию.

Единственное возражение, которое остается в результате анализа — технология клонирования пока не совершенна. Но это — оправдание для дальнейших исследований, а не для запрета.

Количество фантастических и абсурдных возражений против клонирования человека просто изумля-

ет. Оно показывает фундаментальное отсутствие понимания этого понятия у широкой публики. Вместо того, чтобы потворствовать страхам, исходящим от неведения, политикам следовало бы разработать программу по созданию у публики трезвого понимания вопроса.

Пока этой программы нет, давайте рассмотрим в деталях некоторые из основных возражений против клонирования людей.

Первое возражение основывается на том, что сама мысль о клонировании противоестественна и отвратительна. Создание еще одного человека с тем же самым генетическим кодом нарушило бы человеческое достоинство и уникальность.

Эти аргументы легко опровергаются существованием сегодня в мире 150 миллионов человек, чей генетический код не является уникальным. Я говорю о естественных идентичных близнецах, которые появляются на свет в среднем 1 раз на 67 рождений. Естественные близнецы намного более одинаковые, чем клоны-близнецы, так как естественные близнецы имеют в точности одинаковый возраст, в то время как клон-близнец и донор ДНК обычно будут иметь разницу в возрасте в несколько десятков лет. Отвратительны ли естественные двойняшки или тройняшки? Нарушают ли близнецы человеческое достоинство? Нет, конечно.

Даже если многие люди все же находят мысль о клонировании человека отвратительной, это не достаточное основание для запрета. Ведь в нашем мире разрешены многие виды деятельности, которые люди находят отвратительными. Например, многие считают отвратительными серьги в носу и опе-

рации по изменению пола. Существует взгляд, что преступления без жертвы не должны считаться преступлениями. А кто же тогда был бы жертвой в случае клонирования человека? Трудно поверить, что клоны будут считать себя жертвами только потому, что у них тот же самый генетический код, что и у кого-то еще. Ведь с миллионами идентичных близнецов этого не происходит! Также трудно понять, как общество в целом могло бы пострадать от клонирования людей. Наоборот, клон должен думать о себе как о ком-то особенном, и тем в большей степени, если он — близнец выдающейся личности. У них еще и преимущество в том, что с самого начала жизни будет известно, к чему у них есть способности. Так где проблема?

Второе возражение — клонирование сократило бы генетическое разнообразие, делая нас более уязвимыми к эпидемиям.

Это возражение базируется на необоснованной экстремальной экстраполяции. На нашей планете существует более 5 млрд. людей. Очевидно, клонирование человека будет производиться в очень скромных масштабах из-за предполагаемой высокой стоимости процедуры. (В США уже определена цена воспроизведения клона — 200 тысяч долларов.) Кроме того, большинство женщин все же не захотят быть матерями клонов-близнецов. Пройдет много десятилетий прежде, чем общее количество клонов людей достигнет хотя бы 1 млн. человек во всем мире. По процентному соотношению это составило бы микроскопическую часть от общего населения и не оказало бы никакого воздействия на генетическое разнообразие людей. Если же в не-

котором отдаленном будущем клонирование людей станет широко распространенным, то некоторые ограничения на такую деятельность могли бы быть оправданы.

Третье возражение — это может привести к созданию людей-монстров или уродов.

Клонирование человека — это не то же самое, что и генная инженерия человека. При клонировании ДНК копируется, в результате чего появляется еще один человек, точный близнец существующего индивида и, следовательно, — не монстр или урод. Генная же инженерия подразумевала бы *модификацию* человеческой ДНК, в результате чего может появиться человек, не похожий ни на одного другого, ранее существовавшего. Это предположительно могло бы привести к созданию очень необычных людей, даже монстров. Генная инженерия человека, имея большой позитивный потенциал, действительно очень рискованное предприятие, и должна была бы проводиться только с величайшей осторожностью и под надзором. Клонирование же безопасно и банально по сравнению с генной инженерией. Если вы опасаетесь клонирования человека, то генная инженерия человека вас должна просто унаследовать.

Четвертое — технология не совершенна, она может привести к смерти плода.

Ни одна сфера человеческой деятельности не свободна от случайной смерти. Клонирование человека — не исключение. В настоящий момент технология клонирования млекопитающих находится в экспериментальной стадии и процент успешных исходов пока что низкий. Судя по дополнительным

экспериментам на высших млекопитающих, можно предвидеть, что процедура клонирования будет усовершенствована до такого качества, когда риск выкидыша или смерти ребенка будет такой же, что и для остальных, "традиционных" рождений.

Пятое — миллионеры будут клонировать себя только для того, чтобы получить органы для трансплантации.

Это одно из самых несуразных из всех заявлений насчет клонирования. Человеческий клон — это человеческое существо. В свободном обществе вы не можете заставить другое человеческое существо дать вам один из своих внутренних органов. Также вы ни коим образом не можете убить другого человека, чтобы получить один из его органов. Уже существующие законы препятствуют таким злоупотреблениям. Многие законные будущие приложения технологии клонирования оназываются в сферах трансплантации органов, пересадки кожи для жертв пожаров и т.п. В этих случаях не требовалось бы клонирование целого человека, а только применение той же технологии переноса ядра клетки для выращивания новых тканей или органов для медицинских целей.

А вот совсем уж невероятное возражение — дескать, надо ли нам 200 клонов Софи Лорен?

Возможно, нет, и маловероятно, что это случится. (Однако идея воспроизведения красивых женщин большинству мужчин не поназалась бы такой уж плохой.) Если мы говорим о клонировании живого человека и требуется его согласие, как это должно быть по закону, крайне маловероятно, что человек согласится на создание 200

клонов. Человек, вероятно, одобрит создание не более чем 1 или 2 клонов себя. Также уместно знать, что клонов человека нельзя производить массово в лаборатории. Каждый из них должен быть выношен в положенный срок женщиной, как и любой другой ребенок. Как критики клонирования себе представляют, что можно уговорить 200 женщин выносить этих 200 одинаковых младенцев? Если мы действительно беспокоимся, что это возможно, общество может просто запретить создание больше чем 2 клонов одной личности, а не клонирование в целом.

И последнее возражение — мол, клонирование равнозначно принятию на себя роли Бога.

В Библии и в священных текстах других основных религий не содержится очевидного запрета на клонирование человека. Следовательно, религиозная оппозиция клонированию человека не имеет твердых оснований. Тем не менее существует множество людей, которые думают, что клонирование человека "неправильно" по религиозным соображениям. Этим людям, конечно, не следует участвовать в клонировании.

В отличие от аборт, которые предполагают прекращение жизни плода, клонирование подразумевает создание новой жизни. Следовательно, оппозиция клонированию человека не основывается на устоявшихся моральных принципах. Пожалуйста, оставайтесь верными своим воззрениям и вере, но не говорите, что мне делать с моей ДНК! Лично я не захотел бы себя клонировать, но свободные люди должны быть свободны в своем выборе и не принуждаться со стороны общества.

Обвинение в исполнении роли Бога — неясная, но постоянно повторяющаяся критика. Мы ее слышим каждый раз, когда в медицине появляется новое серьезное достижение. В свое время контролирование рождаемости с помощью противозачаточных средств, оплодотворение в пробирке и пересадка сердца критиковались на тех же самых основаниях. Бог часто делает замечательные вещи, которые нам следует стараться повторить. Если исполнение роли Бога при клонировании человека может иметь плохие последствия, критики обязаны определить в точности, какие именно плохие последствия это могут быть. Пока что они этого не сделали.

Клонирование умерших

А теперь давайте заглянем в ближайшее будущее и поразмышляем о возможностях, которые открываются, если наука сможет разработать метод для получения клона из ДНК уже умершего существа.

Все ткани человека содержат ДНК и могут потенциально быть источником для клонирования. Перечень тканей включает человеческие волосы, кости и зубы. К сожалению, ДНК начинает медленно разлагаться через несколько недель после смерти, разрушая сегменты генетического кода. По прошествии 60 миллионов лет сохранились только короткие фрагменты ДНК динозавров, поэтому шансы восстановления Парна Юрского периода невелики. Однако существуют хорошие шансы восстановления последовательности ДНК из образцов человеческой ткани, т.к. времени прошло существенно меньше.

Сохранились пучки волос многих известных людей прошлого. Например, не так давно был проведен химический анализ нескольких волосков Исаака Ньютона. Обнаружилось, что из-за его химических экспериментов они в высокой концентрации содержат мышьяк. До сих пор локоны волос были просто экстравагантными редкостями. С клонированием человека, которое уже на пороге реальности, они сейчас приобретают много большую значимость. Вполне возможно, что великие люди прошлого могли бы быть клонированы из образцов их волос, тканей или костей. Мозг Альберта Эйнштейна сохранен в специальном сосуде. Известно также местонахождение костей Леонардо да Винчи. Нам следует предпринять соответствующие меры, если необходимо, законодательные, чтобы гарантировать, что образцы тканей выдающихся людей прошлого будут сохраняться от разрушения должным образом.

Перспектива клонирования выдающихся людей прошлого — крайне захватывающая возможность, и оправдывает наиболее интенсивные исследовательские усилия. Исаак Ньютон и Альберт Эйнштейн — два величайших ученых всех времен. Представьте потенциал для научного прогресса, если эти два ученых могли бы быть клонированы в XXI веке! Какие научные чудеса могли бы открыть эти два великих ума, работая вместе?

А что можно сказать о ДНК из египетских мумий? Возможно, древние египтяне были мудрее, чем мы могли подумать, сохраняя свое тело после смерти. Целая мумия Рамзеса II лежит в египетском музее в Каире в прекрасном состоянии. Рамзес II — фараон, упомяну-

тый в Ветхом Завете. Технология клонирования человека позволила бы современной египетской женщине дать жизнь близнецу великой исторической фигуры. Кого бы не привела в трепет возможность увидеть живое воплощение Рамзеса II и услышать тот же самый голос, что разговаривал с Моисеем более трех тысячелетий назад?

Разве после всего сказанного не очевидно, что клонирование человека имеет громадные потенциальные преимущества и лишь несколько возможных отрицательных последствий. Как и со многими научными достижениями прошлого, такими, как самолеты и компьютеры, единственная угроза — это угроза нашей собственной узкой умственной самоудовлетворенности. Клоны человека могут сделать большой вклад в области научного прогресса и культурного развития. В определенных случаях, где предвидятся возможные злоупотребления, их можно предотвратить с помощью законодательства. С каплей здравого смысла и разумным регулированием клонирование человека — не есть нечто, чего нужно бояться. Нам следует ожидать его с волнительным нетерпением и поддерживать научные исследования, которые ускорят осуществление клонирования. Исключительные люди находятся среди величайших сокровищ мира. Клонирование человека позволит нам сохранить, а со временем даже восстановить эти сокровища.

Самое интересное, что методология клонирования была подготовлена в СССР ещё в 1987 году, но в Академии наук тогда на это прореагировали вяло — не до того, видимо, было. А жаль...

РИСУНОК **Алексея Остроменцкого**

опер

Александр ЭКШТЕЙН

Полномоченный ангел

Книга вторая

Глава первая

1

Далай-лама взял в руки глиняную чашу, зачерпнул из источника, бьющего в пещере, воду и сделал несколько глотков.

— Где-то здесь, — сказал он двум своим спутникам и неопределенно кивнул головой в сторону выхода из пещеры, — она и располагается.

Вокруг неглубокой пещеры высилось безмолвие, прерываемое гулом срывающихся в пропасть лавин. Безмолвие было огромным и белым, непредсказуемым и опасным, но в то же время чистым и хрупким. Гималаи. Перевал Орджанмин. Высота шесть тысяч восемьсот двадцать один метр.

— Это место действительно существует? — спросил у далай-ламы европеец с характерной для русских непредсказуемой искренностью в чертах лица. Он был в теплой, слегка модифицированной для гор, рясе. — Для нашей веры даже предположение о существовании такой страны греховно.

— Просто вы не знаете своей веры, — спокойно ответил далай-лама. — Православие слишком тонкое и глубокое вероисповедание, оно не по плечу современным пастырям. Страна снов, Агнозия, или, если угодно, Шамбала, где-то здесь, но не надейтесь, что вы встретитесь со своими детскими снами, которые у всех до пяти лет пророческие.

— А мне кажется, — сказал третий спутник, — что даже если мы столкнемся с этой страной, в основе все равно будет грубая реальность, чуждодейственность которой обуславливается лишь ее уникальностью и неизученностью.

— Это очень удобное предположение, — равнодушно ответил ему далай-лама. — Наверное, приятнее веры, оптимистичнее. Всегда есть шанс уверовать. Обратный процесс катастрофичней. Уход из веры в неверие дестабилизирует ангельское и уничтожает дьявольское внутри человека, а это опасно, дьявол мстителен.

— Да простит меня Аллах, — заметил третий спутник, — но это лишь слова, а их много, есть и более убедительные, но ты-то знаешь, правитель Тибета, что в словах истины нет.

— Истины нет нигде. — Православный монах, точнее, человек, представившийся православным монахом, опустил глиняную чашу в источник и, наполнив ее прозрачной водой, протянул мусульманину, точнее, человеку, похожему на мусульманина. — Познание истины предусматривает финал, то есть несуществующее действие, которое, конечно же, существует, но истина к этому не имеет никакого отношения.

— Зачем вы изобразили своего Бога человеком? — Мусульманин бережно принял из рук монаха чашу с водой. — Хотели возвысить человека, а на самом деле унизили Бога...

Неожиданно их беседу прервал порыв холодного ветра, донесший до их слуха гул далекого камнепада. Гималайские горы жи-

ли своей жизнью. Боги, духи и демоны гор пренебрегли бы людьми, сидящими в небольшой пещере, но их беспокоила судьба источника, бьющего в ней, поэтому они окружили пещеру и пристально следили за людьми, за каждым их шагом.

— Бога унизить нельзя, — вздохнул человек, похожий на православного монаха. — Да ты и сам это знаешь, но все равно говоришь. Если я начну отвечать, ты станешь искать слабые места в моих ответах, и у нас, — монах улыбнулся, — возникнет религиозный конфликт креста и полумесяца.

Мусульманин осторожно пошевелился, усаживаясь поудобнее, но сделал это неловко, из-за ушибленной ноги, ставшей причиной их привала. Из наклонившейся чаши в его руке пролилась вода на освобожденную от обуви ступню синевато-багрового цвета. Буквально на глазах ступня стала принимать обычный цвет, и вскоре о месте ушиба ничего не напоминало. Мусульманин потрогал ногу рукой и, подняв глаза на далай-ламу, хриплым от удивления голосом спросил:

— Что это?

— Это гималайские горы, Тибет, — спокойно ответил ему далай-лама.

2

Тот, кто выдавал себя за православного монаха, в миру носил имя хотя и великое, но в сочетании с фамилией вполне дурацкое. Кузьков Коперник Саввич, уроженец Татарстана, города Чистополя, где кроме церквей, тюрьмы и часового завода, выпускающего часы “Командирские”, больше ничего не было, особенно если не принимать во внимание дома, улицы, собак и, стилизованное под татарское, русское небо над головой. Коперник Саввич проявил недюжинные способности и волю для того, чтобы вырваться из Чистополя навсегда, и он из него вырвался в Москву, ибо талантливому человеку в России больше некуда вырваться, только в Москву или в эмиграцию. В Москве он стал доктором медицинских наук. На пути к докторскому званию познакомился с нейрохирургом Лутоненко, тот представил его Ивану Селиверстовичу Маруцаку, и Коперник Саввич занял в “УЖАС”е должность “радостного гостя”, то есть стал исполнителем приговоров, палачом. Коперник Саввич входил в группу “Тайная вечеря” и был лучшим в мире знатоком ядов и специалистом по их применению в самых невозможных для этого условиях. Там, где он исполнял верховную волю, люди умирали со счастливой улыбкой на губах. Неважно, где это происходило: в купе поезда, на приеме у папы Римского, в постели любовницы, во время получения правительственной награды или ссоры с женой. Как только яд начинал устанавливать в организме свои порядки, человек сразу же становился счастливым, просветленным и желающим войти в смерть с нетерпеливой улыбкой желания на губах. Коперник Саввич знал более трех тысяч разновидностей “счаст-

ливых” ядов, которые подразделялись на “грубые”, с наркотическим эффектом, “эльфовые”, когда человек путает умирание с блаженным засыпанием, и “мудрые”, когда человек настолько задумывается о смысле жизни, что продолжает этим заниматься и после ухода в мир иной. Такой яд применялся лишь к людям, ни в какой мере не заслуживающим преждевременной смерти, но которых, дабы они не мешали устоявшейся гармонии, требовалось убить. Группа отравителей “Тайной вечери” была настолько высокопрофессиональной, что знаменитый Цезаре Борджиа стоял бы в ней где-нибудь на предпоследнем месте.

Вторым спутником далай-ламы был Ахмет Ветхалиль, представившийся как правоверный мусульманин дуалистического направления, призванного устранить противоречия между суннитами и шиитами. Если отбросить изыски объяснений, это означало, что с Ахмета Ветхалиля в любой момент могли снять шкуру и те, и другие. Дуализм в мусульманстве — это то же самое, что антисемитизм в израильском Кнессете. На самом деле Ахмет Ветхалиль был никакой не Ахмет и тем более не мусульманин, а профессиональный разведчик Виталий Халимович Радцкий, подполковник ГРУ, русский еврей с татарскими корнями и полным отсутствием привязанностей во всем, что касалось вероисповедания. Ему ничего не стоило впасть в религиозный фанатизм, в знаменитую мусульманскую ярость и носить с перекосенным от крика лицом по любому ближневосточному городу, отстаивая интересы Аллаха, и тут же, сменив гнев на милость, ворвавшись в посольство христианской страны, разорвать на груди одежду, показать крест и заявить, что его преследуют за христианские убеждения мусульманские фанатики, что, впрочем, не помешает ему этим же вечером подарить крест проститутке в сауне или, за неимением зажигалки, оторвать кусочек священного текста из свитка Торы в синагоге, чтобы поджечь его от семисвечника и прикурить сигару. К буддизму он вообще относился с пиететом и даже хранил у себя дома, в московской квартире по Драгомиловской улице, кусочек мизинца гигантского Будды от скальных статуй в Афганистане. Виталий Халимович был знаком талибам как первоклассный взрывник и правоверный мусульманин. Взорвав Будду, он не удержался и взял на память осколок мизинца, заодно прихватив, но уже в Кабуле, и карту с обозначением тренировочных лагерей на территории Афганистана, в которых обучались террористы Северного Кавказа и Средней Азии. Вот такие спутники были у далай-ламы, и вел он их ни куда-нибудь, а в страну снов Агнозию, в которой осуществляется ритм незнакомого людям времени и пространства.

3

Психиатры — это люди, склонные к мифологизации и поэтическим изыскам. Есть некая, тщательно заретушированная, легитимная несусветность в деятельности психиатров. Женщин, в

основном бальзаковского возраста, регулярно жалующихся на бессонницу и при этом спящих ночами крепко и сладко, они диагностируют, как страдающих агнозией — неузнаванием сна. В народе таких женщин называют попроще и поточнее — ведьмами.

Впервые об Агнозии, как в свое время Платон об Атлантиде, упомянул старец Ливий Слепой, тридцать пять лет бродивший в рясе монаха и с двухпудовыми веригами под нею по горному Тибету, Китаю и Непалу в поисках молитвенных, таинственно возникающих на всем пути православного золотого сечения, потоков. В конце концов покинув Тибет в 1148 году, он оказался в Иерусалиме, где его случайно закололи крестоносцы, приняв за сарацинского мага, хотя на самом деле он выглядел как христианский праведник. Ливий Слепой использовал для описания своих странствий по буддистско-ламаистскому миру зоряную письменность, которую будущие историки назвали “шелковыми письменами” безо всяких на то оснований. Зоряную письменность изобрел в третьем веке н.э. Хромой Баймут, колдун из воинственного племени синти, проживавшего на территории нынешней Венгрии и пришедшего туда из Северной Индии. Зоряная письменность — это что-то наподобие больших мусульманских четок, где каждое звено покрывается определенной системой точек и бороздок, по которым знающий человек мог узнать обо всех событиях, потрясших путешественника, сделавшего эти записи. Синти, предки нынешних, деградировавших под натиском современности, цыган, владели зоряной письменностью все как один, и поэтому версия константинопольских ученых-монахов о разведывательной миссии цыган, племени синти и романи, вполне здравая. Впрочем, все это отступление... Ливий Слепой первым, но далеко не последним, упомянул о тибетской стране снов Агнозии, в которой всех упавших в нее предупреждают о страшной катастрофе, постигшей Землю два миллиона лет назад, и о приходе на нее “огненных младенцев с глазами параллельной вечности без зрачков”.

4

Коперник Саввич и Ахмет Ветхалиль остались при своем неверии в страну Агнозию, а далай-лама и не пытался скрыть радости, ибо его ни на секунду не оставляло чувство какой-то неправильности. Ни в монахе, ни в магометанине он не видел той, особой, свойственной людям веры, просветленной аскетической глубины, без которой встреча со страной снов может закончиться клубящейся катастрофой, и Гималаи с хрустальным всхлипом поглотятся нейтральной параллельностью, как это некогда произошло с градом Китежем в России, то есть они по-прежнему будут, но их не станет. Агнозия — страна нелепой, бессомненной истины, в ней слишком много неподконтрольных, неизвестного происхождения, сил и целенаправленной доброты безумия.

Далай-лама облегченно вздохнул, когда показались холмы Поталы, а вскоре и высланная навстречу ему свита.

— Мы прибыли, — сообщил он спутникам, — нас ждет отдых.

— Какой такой отдых? — возмутился Ахмет. — У нас другие задачи. Какого черта вы нам впаривали про бредовую Агнозию, а привели в задрипанную Лхасу?

— Действительно, — поддержал Ахмета Коперник Саввич, — какого черта?

— Заткнитесь, — посоветовал им далай-лама, садясь в поставленные перед ним носилки и глядя куда-то в небо, — а не то я прикажу, чтобы вас убили.

— Всю жизнь мечтал отдохнуть в резиденции далай-ламы, — широко улыбнулся белозубый Ахмет, — увидеть Поталу, одним словом, и... — Он взмахнул рукой. — Отдохнуть, к чертовой матери.

Любой, даже самый опытный и самый гениальный психолог-физиологист, глядя на того, кто представился Ахметом Рустани Джумбадским эль Ветхалилем, засвидетельствовал бы его абсолютную искренность и глубочайшее уважение к далай-ламе, хотя на самом деле полковник Радецкий с удовольствием застрелил бы его.

— К тому же Лхаса — удивительный экологический заповедник, — согласился с Ахметом Коперник Саввич. — Здесь воздух даже от острого аппендицита вылечивает.

Монах явно издевался над ситуацией, но далай-ламу это меньше всего интересовало, он уже вошел в состояние легкой медитации. Открыл глаза лама лишь в большом зале своей резиденции. Медитация не помогла ему ответить на вопрос: "Почему лама Горы попросил доставить этих людей, встретив их в селении Коолты, за которым начинается пустыня Гоби, в Агнозию?" Далай-лама лично, без свиты, встретил их в Коолты и повел в Агнозию, но по дороге передумал и направился напрямик в Поталу.

Далай-лама еще раз попытался войти в мысленный контакт с ламой Горы и вновь не смог этого сделать.

— Как устроились наши гости? — спросил он у невзрачного на вид тибетца, похожего на кого угодно, только не на тибетца. — Хорошо ли им?

— Да, — кивнул головой великий палач Тибета, — я убил их, Святейший.

5

В конце двадцатого века Тибет стал более доступен миру. Китаем были сняты некоторые ограничения на посещение Тибета. Как всегда в случаях неожиданной открытости миру закрытых систем, туда повалили все кому не лень. В Тибете пышным цветом расцвела уголовщина, наркомания, теневой туристический бизнес и склонность к упрощению великих постулатов до уровня голливудского мировоззрения. Французское географическое об-

щество, лондонский научный центр, кембриджское братство тектоников, мюнхенский академический совет и Санкт-Петербургское научное общество "Радонеж", которые на самом деле были филиалами разведок этих стран, аки волки кинулись поглощать знания еще недавно недоступного для их заинтересованности Тибета, посылая туда экспедицию за экспедицией. Выяснили, что Крыша Мира, великое Тибетское плоскогорье, впрочем, как и все Гималаи, образовались в результате столкновения двух континентов, как бы выдавились из глубин океана. Подтвердилась более двух веков существующая теория о круговоротности природных катаклизмов на поверхности земли и регулярной, раз в сто сорок четыре тысячи лет, смены местами суши и воды. Путем сложных, на уровне расщепления нейтрино и фиксации его в специальной ловушке "Агафодемон 700", расчетов ученые пришли к окончательному выводу, что "суша становится океаном, океан сушей, и начинает развиваться абсолютно новая цивилизация других, отличных от человека, биологических видов"...

Среди множества других вопросов Женевский форум ученых-аскетов обсуждал и это открытие.

— Если брать цифру сто сорок четыре тысячи лет, а "Агафодемон 700" не может ошибиться... — У Джона Пула, астрофизика из США, был такой глубокомысленный вид, что Корзуну Сергею Афанасьевичу захотелось сказать ему что-нибудь матерное, но понимая, что и сам выгляди не лучше, он, вежливо улыбаясь, молчал. — ...выходит, что все мы невольные участники какого-то эксперимента, от которых ничего не зависит.

— Ну знаете, — неожиданно для Пула и Корзуна вмешался в разговор стоящий рядом с ними миллиардер Вильям Хогинс, приглашенный на форум в качестве почетного гостя, — как это ничего не зависит, разве мы статисты в бродвейском шоу?

Гости-миллиардеры, по мнению ученых, должны молчать и платить, а не вякать в столь высокоумном окружении. Пусть радуются, что приобщились к бессмертному.

— Хуже, — удивленно глянул на Хогинса Корзун, — и смешнее.

Проходивший мимо Чигиринский оставил в покое академика Сандри Глимука, с которым прогуливался по фойе, что-то внушая ему на ухо, и подошел к беседающим.

— В баре есть редкий "мак", глубокой очистки, шестьдесят градусов, — сообщил он новость Корзуну, не обращая внимания на остальных, — а ты тут прохлаждаешься.

— Они говорят, — решил найти в Чигиринском союзника Хогинс, — что в Тибете обнаружены доказательства того, что каждые сто сорок четыре тысячи лет кто-то топит все человечество и разводит новое, как будто мы крокодилы на ферме.

Ефим Яковлевич доброжелательно окинул взглядом пиджак Хогинса в районе внутреннего кармана с выпирающим бумажником и ответил, почему-то глядя на Сергея Афанасьевича:

— Это же явный перебор, сто сорок четыре тысячи лет, трехгодичного цикла смены людей на людей было бы вполне достаточно, а если серьезно, то в Тибете еще не то обнаружат, и все будет обманом, там же все мошенники, от далай-ламы до играющего роль оккупанта Председателя КНР. Для того чтобы узнать о катаклизменных циклах на поверхности Земли, совсем не обязательно влезать на Гималаи и тратить огромные средства на использование “Агафодемона 700”. Все уже давно написано у Иоанна Богослова, надó было спросить у меня, я все объяснил бы.

6

Нью-Йорк вовсе не город, а союз городов с разными нравственными, имущественными и даже национально-политическими установками. Между Манхэттеном, Бронксом, Бруклином, Куинсом и прочими составляющими Нью-Йорка такая же разница, как между пьяным бомжем и пьяным сенатором, арестованным вором-карманником и задержанным наркобароном, между черным и белым, между “инь” и “янь”, то есть никакой особой разницы.

Слегка выпивший сенатор от штата Аризона Арчибальд Соукс был одет в светлое кашемировое пальто, на голове шляпа из дублированного пролаксированного твида, а во рту сигара. Он весьма странно выглядел в узкой, продуваемой ветром зловонной щели, соединяющей 52-ю и 74-ю улицы. Поздний вечер, осень и даже для Гарлема грязный переулок, единственным сомнительным достоинством которого был теплый воздух из аварийного воздухоотвода подземки, не предназначенный для пеших прогулок в одиночестве сенаторов США. Особенно если они шикарно одеты и на пальце носят массивный платиновый перстень. Арчибальд Соукс с отвращением отшвырнул ногой с дороги мятый газетный лист и медленно пошел в сторону 52-й улицы между мусорных баков, время от времени посвечивая фонариком себе под ноги. Он то и дело чертыхался, когда дорогу, выскакивая чуть ли не из-под ног, перебегали крысы. Луч фонарика скользнул к стене, рядом с которой раздавался гул воздухоотвода, и осветил кучу тряпья и “стильный”, с элементами андеграундного дизайна, навес в виде китайской пагоды из картона над ним. В благоухающем естественными запахами тряпье лежал сильно хмельной, старый и больной негр Клит Римбуч. Он смотрел усталыми глазами в сторону ослепившего его луча фонарика.

— Везет тебе. — Соукс выключил фонарик. — Свободен, да к тому же избавлен от обязанности заседать в сенаторской комиссии.

— Ты прав. — Старик прислонился спиной к стене и, поджав по-восточному ноги, стал похож на слегка обезумевшего и почерневшего от горя Будду. — И шутишь как белый человек. — Он насмешливо и равнодушно посмотрел на Соукса. — Мне почему-

то казалось, что белые в это время, впрочем, как и в любое другое время, не ходят по Гарлему.

— Тебе это казалось, старик. — Соукс кашлянул и оглядел переулоч-щель. — Когда нужно, белые появляются всюду.

— Нет ни белых, ни черных, — хриплым голосом проговорил негр. — Есть только дураки и умные. К первым относишься ты, Арчибальд Соукс, сенатор Аризоны и куратор суперпроекта “Хазары” от правительства США.

Что-то насторожило Соукса в словах негра, и вообще все это ему казалось странным и неприятным с самого начала. Утром к нему зашел полковник Генри Ольктом. Зашел без предупреждения, словно грабитель, но Арчибальду Соуксу ничего не оставалось, как приветливо улыбаться. Этот англичанин, помешанный на ламаизме и русском православии, что не мешало ему быть гражданином США и полковником сектора “Экстерн” ЦРУ, мог сделать с ним, Арчибальдом Соуксом, все что угодно. Три месяца назад Соукс был делегирован президентом США и утвержден сенатом на участие в проекте “Хазары”. Это придавало ему дополнительный политический вес, а то, что он член, хотя и номинальный, без последствий и практического применения, команды астронавтов, готовящихся к полету на Юпитер, в будущем поможет ему поселиться на правах хозяина в Белом доме. Все было как нельзя лучше, пока не пришел полковник Генри Ольктом и не рассказал, заодно дав послушать и посмотреть кассету с цифровой записью, что он, Арчибальд Соукс, до сих пор полностью так и не избавился от пристрастия к трубке с опиумом в часы вечернего отдыха, и это грозит ему полным крахом политической карьеры. С тех пор Соукс “дружил” с полковником. И вот сегодня утром Генри Ольктом предложил Соуксу странную, но выгодную сделку. Он объяснил ему, как добраться до старика, “вонючего бродяги”, и беседовать с “этим чучелом” до той поры, пока тот не “изучит тебя” и не передаст “кое-какие пленки”. После выполнения задания Генри Ольктом пообещал уничтожить весь компромат на Соукса и более не беспокоить его до конца жизни. Это была выгодная сделка. Соукс не колеблясь согласился, поверив Ольктому, что тот уничтожит компромат. Такие не врут. Если бы Соукс не разбирался в людях, он никогда бы не стал влиятельным человеком в политике.

— Я даже не спрашиваю, — стараясь быть вежливым, Соукс походил на человека, пьющего горячую водку без веских на то оснований, — откуда ты меня знаешь. Получается, что я в проигрыше, ибо ты не знаком мне, старик.

— Да, — неожиданно по-юношески белозубо улыбнулся негр. — Я не был тебе представлен.

Арчибальду Соуксу стало зябко, неуютно и даже страшно. Он вдруг почувствовал, как со стороны 52-й восточной улицы в переулоч-щель вползла плотная необъяснимая тишина и стала

двигаться в их сторону. Соуксу захотелось убежать, но он посчитал, что это слишком для сенатора.

— Меня попросили, — неуверенно продолжил он, — кое-что взять у тебя.

— Тебя не попросили, — усмехнулся негр, — тебя заставили.

Арчибальду Соуксу показалось, что от негра стало исходить свечение, как будто вокруг его шеи разгорался ровный огонь, охватывающий черную голову по кругу. Соукс выпустил изо рта сигару, но она так и не упала, ибо плотная тишина с беззвучным хрустом обрушилась на него, на Нью-Йорк и на мир вокруг них. Голова негра лепестково, словно водяная лилия, через которую пропустили ток высокого напряжения, раскололась, пламя стало ярче и приобрело форму треугольника, в центре его сидел русоволосый младенец, почти копия изображаемого художниками Купидона, если бы не глаза, черные до вороненого блеска, без зрачков, и по-азиатски, но утрированно узкие. Треугольник пламени приподнялся вместе с младенцем и остановился на уровне сенаторской переносицы.

— Агууу-га-я, — засмеялся малыш, протягивая руку в сторону Соукса, — га-гаа — ульгууу... — И острие пламени с шипением ворвалось в глаза Арчибальда Соукса.

Глава вторая

1

Блин, Москва. Невменяемая столица моей невменяемой родины. Интересно, пережевав чью-то судьбу, она сплевывает или проглатывает ее?

Саша Углокамушкин стоял на привокзальной площади Курского направления, возле входа в кассы вокзала, держа в одной руке хозяйственную сумку с вещами, а в другой полиэтиленовый пакет с термосом горячего чая и четырьмя бутербродами с ветчиной, завернутыми в газету "Общество и садоводы". Пакет ему организовала соседка по купе, Степанида Грунина, москвичка, возвращающаяся домой из Новороссийска, где она, по ее собственным словам, "десять дней пыталась понять, какого беса ее туда занесло". Пока пассажирский поезд "Новороссийск-Москва", принявший Сашу Углокамушкина в Таганроге, мчался в сторону столицы, Степанида Грунина сумела вбить себе в голову, что Саша в нее влюбился, и надо срочно объяснить ему, что она уже замужем, детей нет, но мужа любит и бросать его не собирается.

— Я тоже женат, — соврал Углокамушкин, забираясь на верхнюю полку. — У меня жена американка. Детей нет, точнее, есть, двое, но они не мои, соседские.

— Все вы, провинциалы, ущербные какие-то, — голова Степаниды исчезла, — не то что мы, москвички.

В общем, сорокатрехлетняя заботливая рука Степаниды Груниной уложила бутерброды для Саши в пакет, сунула листок с

телефоном в карман мужика — “смотри, не потеряй”, и напоследок, уже покидая купе, сексуально-респектабельная Степанида Грунина сказала Саше Углокамушкину:

— Звони обязательно, я тебя в беде не брошу.

Она небрежно забросила спортивную сумку на плечо и вышла, оставив Сашу в полном недоумении, но тут же вновь заглянула и уточнила:

— Чао, дорогой.

2

Саша не видел, радуясь избавлению от столь внимательного проявления зрелой влюбленности, что к Степаниде Груниной, вышедшей на платформу, подошли двое молодых, профессионально обаятельных мужчин. Они пошли рядом с нею, отставая на полшага. Степанида даже не повернула голову в их сторону, лишь слегка повела плечом, и соскользнувшая сумка была мгновенно подхвачена молодым человеком слева. Они вышли на привокзальную площадь и подошли к желтому “опелю”. Все происходило быстро и четко. Степанида Грунина села на пассажирское место впереди одновременно с мужчиной, занявшим водительское место, а мужчина с сумкой скрылся в салоне синего “Санта Фе”, стоящего позади “опеля”. Мгновение, и обе машины, тронувшись, покинули площадь Курского вокзала.

Степанида Грунина, Степанида Исаковна Грунина, полковник ФСБ, преподавала в закрытой высшей школе СВР, вела курс, который начальник школы, академик РАН, генерал-майор бета-войск службы внешней разведки называл “Альфонсы”. Отобранные кадровиками СВР в среде курсантов военных училищ и студентов провинциальных вузов молодые плеейбоистые люди, с генетической предрасположенностью к патриотизму, обучались у полковника Груниной высокому искусству казановости, ибо пути, ведущие к информации, охраняемой мужчинами, в девяносто девяти случаях из ста пролегают через женщину. Впрочем, полковник Грунина считала, что все бабники, включая исторически-литературных Казанову и Дон Жуана, это не понявшие свою ориентацию гомосексуалисты.

— Дорогой, — позвонила Степанида Исаковна мужу домой из автомобиля, — я через час буду, можешь начинать готовить обед.

3

Оказывается, июнь в Москве не всегда означает лето. Закройте форточки, москвичи, в городе сквозняк.

Саша Углокамушкин стоял на привокзальной площади и думал: “Я — Саша Углокамушкин, простой, среднестатистический провинциал, припершийся в столицу с тысячько долларов в кармане без ясной цели и планов. Впрочем, цель есть...”

Его мысли перебил подошедший постовой милиционер:

— Ваши документы, что у вас в сумке?

Саша молча протянул ему паспорт и расстегнул сумку, демонстрируя тапочки без задников, лежащие поверх свитера, две рубашки и спортивный костюм, в который было завернуто полотенце, мыло и зубная щетка с пастой.

— Зачем приехали в Москву? — Милиционер вернул паспорт.

— Давно мечтал посмотреть, как люди в развитых странах живут, — вежливо ответил Саша.

— Умничаешь? — поинтересовался постовой и, сняв с пояса дубинку, стал похлопывать ею по ладони.

— Не вели казнить, барин.

— Живи... — начал было патрульный, но тут же, забыв о Саше, развернулся на месте и бросился в сторону переполоха, возникшего возле двери в зал с кассами на поезда дальнего следования. Со всех концов площади туда спешили патрульные. Углокамушкин увидел на асфальте лежащего навзничь мужчину, который даже в последний миг жизни не выпустил из рук мобильник. В центре его лба индийской точкой, символизирующей третий глаз, темнело отверстие явно не от индийской пули.

Глава третья

1

Игорь Баркалов и Степа Басенок стояли в кабинете полковника Самсонова и, тщательно подбирая слова, объясняли ему, почему московский полковник Хромов отправил их отдыхать в Сочи по служебной разнарядке, то есть бесплатно.

— Там, в Москве, генералы за свой счет к морю отдыхать едут, никаких им служебных, а вы раз, и в Сочи, да?!

— Нет, — отрицал Игорь Баркалов, — мы попали под сугубо случайную поощрительную акцию министерства внутренних дел.

— Это как? — не понял Самсонов. — Мимо вас министр проходил и две путевки в пансионат “Витязь” машинально в руки сунул?

— Да, — кивнул Степа Басенок, — примерно так.

— Вот видите, — неожиданно успокоился Самсонов. — Я вам уже давно говорю, что чем дальше от начальства, тем слаще сахар и горше хрен. А теперь скажите мне, где Савоев? Степа, ты ему без моего ведома поручал задание?

— Поручал, — кивнул Степа, — по розыску пропавших девушек и сбору информации о личности ростовского доктора. Я докладывал вам об этом.

— Правильно, — согласился с ним Самсонов, — докладывал. Но не до того, а после, то есть тебя можно уволить за превышение служебных полномочий и тут же, прямо в кабинете, арестовать. Савоев пропал, его автомобиль, точнее, автомобиль его отца, обнаружили брошенным в лесопосадке, неподалеку от археологического музея “Танаис” в Сущенковской. Так что вполне возможно и тело его где-то неподалеку зарыто.

— Исключено, — отмахнулся от невероятного предположения Степа Басенок, — хрен его закопаешь. А где Стромов? — вдруг заинтересовался он. — Он его видел последним.

— Видел, — кивнул головой Самсонов, — его многие видели, и всех уже допросили. Но Россия велика, всех не допросишь, так что, — он неодобрительно оглядел оперативников, — переоденьтесь, курортники, и приступайте к поискам Савоева.

2

Слияние мента и ангела, наложение космического всезнания на бесшабашную молодую отвагу провинциального оперативника, нечто недостигаемо-божественное и бесцеремонно-мудрое поселилось в Славе Савоеве. Свернулось клубком в области сердца и, слегка прищуриваясь, задремало...

Приазовская степь бросала в сторону молодого высокого человека пригоршни слабого теплого ветра, наполненного печальным и равнодушным запахом трав. Пасший стадо коров Серсёмыч, генетически блеклый мужичок из станицы Сущенковской, более известной почти всей Ростовской области и миру как место, где находится историко-археологический музей под открытым небом "Танаис", смотрел на приближающегося к нему человека с двойственным чувством. Во-первых, мало ли кто по степи ходит, а, во-вторых, неплохо было бы куревом разжиться. Коровы, умиротворенные полуденной жарой, лежали в низине, а сам Серсёмыч, терзаемый привычным нездоровьем, полулежал, подстелив ватник, на невысоком холме. Приазовско-донская степь буквально усеяна такими холмами, придающими местному ландшафту стильную волнистость. Рядом с пастухом лежал, высунув от жары язык, Аржек, старый, но все еще достаточно сильный огромный пес, смесь алабая и овчарки, высокопрофессиональный пастух и верный друг. Серсёмыч лениво удивился тому обстоятельству, что Аржек никак не отреагировал на приближающегося к ним человека. Обычно он мчался незнакомым навстречу, предупреждая взрывкая и останавливая их на подступах к стаду, разрешая движение лишь после команды хозяина. Сейчас он положил на передние лапы голову и прикрыл глаза. "Значит, хороший человек идет, — успокоился Серсёмыч, подслеповато щурясь в сторону путника. — На Ивана, плотника из Недвиговки, похож". Аржек по-прежнему никак не реагировал, даже не взмахнул хвостом, лишь как-то слишком уж сильно прижался могучим телом к земле. Молодой человек поднялся на вершину, молча кивнул головой Серсёмычу и оглядел окрестности. Пятнисто-желто-зеленая волнистая степь, еще не разбежавшаяся до бескрайности из-за близости станицы, железной дороги и шоссейной дороги Ростов-Таганрог, походила на приевшуюся тайну.

— Заблудился, что ли, мил-человек?

— Сам ты заблудился, — усмехнулся молодой человек, присаживаясь возле пастуха на землю, — и притом давно.

— Да уж, — окончательно успокоился Серсёмыч. — Как родился, сразу же и заблудился, — охотно согласился он с утверждением незнакомца и со свойственной для селян юга России неосознаваемой мудростью добавил: — Это со всеми людьми случается рано или поздно.

— Родился? — Молодой человек пристально посмотрел в глаза пастуха и покачал головой. — Умер ты, только не понимаешь этого.

— Оно конечно, — не замедлил обидеться Серсёмыч, — мы люди простые, от зари до зари в навозе да земле, не видим настоящей....

Но он не успел сформулировать обиду до конца. Аржек несколько раз вздрогнул, поднялся с земли, обошел вокруг сидящих и, остановившись напротив молодого человека, пристально посмотрел ему в глаза.

— Не торопи, — осторожно отпихнул пса юноша, — и вообще-то, не твое дело.

— Ишь ты. — Серсёмыч с каким-то испуганным удивлением посмотрел на странного человека, пришедшего к нему из степи. — Вы с собакой, словно и не с собакой разговариваете.

Молодой человек усмехнулся и положил руку на голову Аржека.

— Видишь ли, жить в трехмерном мире очень скучно, особенно если ты создан для жизни в шестимерном мире. Поэтому люди так часто недоумевают и иногда вспоминают о звездах. Собаки же, — он потрепал пса за холку, — о звездах думают беспрерывно.

— Да-а, оно конечно, конечно, оно, ну да, это вот оно, конечно... — Намертво, до меловой бледности, перепугался Серсёмыч. — Я вот, как бы, ну да, тоже вот, — он ткнул пальцем в коров, дремлющих в центре полуденного зноя, — служил полгода в стройбате. А вот, — от страха Серсёмыч осмелел, — насчет сигаретки “Прима” или так, сигарки какой-нибудь, слабо, а?!

Молодой человек извлек из кармана сторублевую купюру и, сунув Серсёмычу, сказал:

— Сходи купи, а я за коровами пока посмотрю.

— Ага, — готовно вскочил Серсёмыч, — я мигом. — И не оглядываясь, почти бегом, заспешил в село, даже не заметив, что выронил деньги.

В этот момент Серсёмыч не думал ни о сигаретах, ни о коровах, ни тем более о звездах. Все его помыслы были устремлены к встрече с органами правопорядка. Благо, что в селе есть человек в форме, участковый Федюшин, капитан милиции и казачий ротмистр по совместительству.

3

Капитан Федюшин смотрел на двигатель под поднятым капотом своего подержанного “опеля” и задумчиво вытирал вы-

мазаные мазутом руки, когда во двор вбежал пастух Серсёмыч.

— Петрович, твою мать, — завопил Серсёмыч, бросаясь к Федюшину, — дай скорее сигарету, а то я волнуюсь как синее море!

Капитан флегматично сплюнул на пробегающего мимо куренка и кивнул головой на салон “опеля”:

— Там, на сиденье пачка.

Серсёмыч подскочил к раскрытой двери, схватил пачку сигарет “Ростов”, закурил, глубоко затянулся и, выпуская дым изо рта, сообщил:

— Маньяк.

— Кто? — удивился молодой ротмистр и флегматично пообещал, склоняясь над двигателем: — Ты у меня сейчас тумачков получаешь.

— Маньяк в поле, — ткнул рукой в сторону выпаса пастух. — Страшен в своих словах и помыслах. Городской, зараза.

— Говори внятнее, — досадливо поморщился участковый, отрываясь от ремонта.

— Я видел его портрет на доске “Разыскивается преступник” в Неклиновке, — сразу же взял быка за рога Серсёмыч. — Это он. Сидит сейчас на моем бушлате, а может, и не сидит уже, а безвинную скотину жизни лишает. Вот, — он показал Федюшину сильно сжатые большой и указательный пальцы, — даже деньги на сигареты дал, лишь бы я пост покинул. Так что берика ты, Петрович, оружие свое и в бой, а я домой за берданкой сбегаю.

— Я тебе сбегаю, — одернул Серсёмыча невозмутимый ротмистр, вытирая руки ветошью. — Будешь месяц по-пластунски передвигаться. Пошли. — Он положил ветошь на крыло машины и пошел через огород в сторону выпаса, предупредив пастуха: — Если что, на глаза не попадайся.

— Ишь ты, не попадайся, — сварливо затрепал Серсёмыч, еле поспевая за широко шагающим высоким капитаном. — Не по-милицейски ведешь себя, Петрович, я бдительность проявляю.

— Вот я и говорю, — терпеливо объяснил флегматичный ротмистр. — Плеткой огуляю за бесперспективную бдительность.

4

Слава Савоев, именно он и был тем молодым человеком, который до смерти напугал Серсёмыча, стоял на вершине холма и смотрел на солнце не щурясь, словно это было яблоко на ветке. Рядом с ним сидел на задних лапах огромный Аржек и смотрел на Славу, глаза у него слезились. Слава Савоев понимал, что с ним произошли какие-то непонятные изменения, но не удивлялся этому, принимал как само собой разумеющееся. В нем действовала бесстрастная, холодная и деятельно-циничная эмоция, не

подавлявшая личность, а просто не обращавшая на нее внимания, позволяющая существовать рядом с собой и делать все, что ей заблагорассудится.

“Интересное сочетание, — отстраненно думал о себе Слава, — союз мента и ангела”.

Слава мыслил по-земному, пока еще даже не подозревая, что теперь может мыслить, как элитный лаоэр, существо, знающее все девятьсот девяносто девять имен Бога во всех девятисот девяносто девяти параллельностях и тоже бывшее Богом, не являясь Им.

— Гляди, — изумился Федюшин, — стольник нашел. — Он поднял сторублевую купюру, зацепившуюся за вершину цветущего коровяка.

— И у меня тоже есть, — показал участковому крепко сжатые пальцы Серсёмыч, — и тоже стольник.

— Придуток, — горестно покачал головой капитан, — ни хрена у тебя нету. — Он не глядя сунул сто рублей в руку пастуха. — Держи, раззява.

Федюшин остановился, сощурился, вглядываясь в человека, стоящего на вершине холма, и решительно зашагал по склону вверх. Человек повернул голову, и капитан узнал в нем старшего оперуполномоченного капитана Савоева из Таганрога, с которым встречался не раз и не два, по делу и просто так, город был рядом.

— Здорово, Савоев! — еще издали закричал Федюшин. — Пастухом решил стать?

— Привет, Федюшин, — удивился Слава, увидев станичного участкового. — На дневную дойку пришел или что?

— Да в основном “что”, — хохотнул казачий ротмистр, пожимая руку Славы Савоева. — Серсёмыч вот, — он кивнул на заскукавшего лицом пастуха, — тебя за сексуального маньяка принял.

— Те чё брешешь, оглобля? — рассердился Серсёмыч. — Я по другому факту его ошибочно заподозрил.

— Да ладно, — отмахнулся от него участковый, — молчи лучше. Какими судьбами? — спросил он у Славы Савоева.

— Вселенскими, — ответил Слава. — Решил от города отдохнуть, по степи побродить в одиночестве.

— Понятно. Это всегда у городских при сильном похмелье, то в степь, то в море тянет.

Федюшин решил не отягощать себя длительной беседой, попрощался и, развернувшись, пошел в станицу, предупредив сконфуженного пастуха:

— Еще одна бдительность, и я тебя в Донец закину, придуток.

Слава, Серсёмыч и Аржек остались возле стада и глядели вслед удаляющемуся Федюшину.

— Эх, — вздохнул пастух, — пора коров к реке гнать на водопой и дойку.

— Гони, — равнодушно откликнулся Слава, — а я тут в тишине посижу часок и домой пойду, на электричку.

“Надо все-таки звякнуть в Таганрог, — решил Федюшин, входя в станицу. — Сообщить, что у нас оперативники по степи непонятно зачем шастают”.

5

Станица Сущенковская затихла сразу же после полуночи, даже не было слышно шепота и смеха влюбленных. Лишь слегка выпивший Серсёмыч сидел на бревне в своем дворе, возле давно требующего капитального ремонта саманного домика, и тоскливо смотрел на луну. Он вздохнул и вместе с ним вздохнул окружающий его мир, то есть лежащий рядом Аржек, положивший свою морду на передние лапы. Серсёмыч выбросил почти достигший губ окурок сигареты “Прима” и поднялся с бревна, намереваясь идти спать. Завтра чуть свет предстояло гнать стадо на дальний выпас, чуть ли не до Недвиговки. Опять приезжают иностранцы, носят их черти, чуть ли не каждую неделю кто-то приезжает, завтра вроде бы французы припрутся. Все из-за этого музейно-археологического комплекса “Танаис”, да еще какой-то Тур приехал из Норвегии и сказал, что казаки — потомки викингов. “А я из-за них, — с досадой плюнул Серсёмыч, — хрен знает куда коров гнать должен”. Он широко зевнул, глядя на небо, и вдруг увидел, как от того места, где он сегодня пас коров и встретил опера из города, которому забыл отдать столярник, исходит какое-то странное, напоминающее огромный распахнутый веер, оранжево-синее свечение. Увидел это и Аржек, вскочил и бросился в сторону свечения.

— Аржек! — попытался остановить собаку Серсёмыч, но вздрогнул и тоже пошел в сторону света.

В природе нет черного цвета. Мы называем “черным” один из оттенков синего. Если при ярком солнце миру показать настоящее черное, то, по всей видимости, он ослеп бы от его яркости. Славе Савоеву, продремавшему весь день, вечер и начало короткой ночи на вершине холма, в полночь захотелось взглянуть в глубину истинной черноты. “Сбесился я, что ли, — начал пугаться самого себя оперуполномоченный, чувствуя, как в его душе шевельнулось нечто совершенное и непонятное, — или действительно я такой лихой парень?” Спустившись с холма до середины, Слава остановился, встал на колени и стал разгребать землю. За короткое время он углубился почти на два метра, раздрав руки и посрывав ногти на пальцах, в спрессованную веками землю и наткнулся на большой квадратный камень. Слава разгребал землю, пока не ухватился за низ камня обеими кровоточащими руками. Он напрягся, на лбу вздулись вены, сначала из носа, затем из глаз потекла кровь, мышцы тела взывали от перенапряжения, но благодаря молодости выдержали, и Слава оторвал присо-

савшийся к земле камень и сдвинул его в сторону. Под камнем открылось нечто напоминающее склеп, в центре которого инородным телом лежал черный яркий прямоугольник. "Вот и конец мне, — подумал Слава-оперуполномоченный, с трудом спуская в склеп свое надорвавшееся тело. — Вот, значит, какую смерть мне придется принять" И тут Слава-ангел сделал то, что умели делать только древние хазары: запрятал тело внутрь души и лег посередине склепа, опустив окровавленное лицо прямо в центр прямоугольного окошка в мир Агнозии, находящийся на расстоянии ста сорока четырех триллионов световых лет от Земли...

Все-таки мал наш оскорбленный существованием внешнего хаоса ум, ничтожны и примитивны слова, которыми не объяснишь, даже приблизительно, вечно осуществляющуюся надежду, внедренную в абсолют Бога. Как объяснить словами, что бесконечность конечна до бесконечности и что существует форма хаоса, в которой нет ничего, даже пустоты?..

Могущество существа, ворвавшегося в космос Славиного тела, заключалось в том, что оно было аристократически-великодушным и божественно-объективным. Как только использованное и убитое тело Славы Савоева упало окровавленным лицом в центр черного окна Агнозии в хазарской могиле, рядом со станцией Сущенковской, так сразу же под его мертвеющие веки начало проникать потустороннее любопытство миров, клубящихся за ним. Взгляд неумолимого участия, ясно проявившегося по воле существа, расположенного в Славе, стал осматривать уже агонизирующее тело. Реакция потусторонней медицины была мгновенной, словно росчерк метеорита в ночном небе. Амброзианские эолы неведомой людям молодости восстановили разорвавшиеся связки мышц, заменили лопнувшие сосуды головного мозга на более жизненные и выносливые, какие-то сгустки микроорганизмов, напоминающие формой рой пчел, стали ввинчиваться в костно-позвоночный мозг тела, а кровяные тельца, весь невероятно насыщенный информацией мир лейкоцитов, стали наполняться какой-то черной субстанцией. Все тело Славы подверглось ревизии, критике и принципиально-кардинальной модификации. Вскоре он открыл глаза, и в них тягуче и медленно стала вливаться безбрежная, бездонная и густая река космической информации. Сначала он увидел, как из глубины хазарского заоконья к нему приближается планета, и он узнал Землю. Затем Слава "повертел" перед глазами Солнечную систему, зажмуривая их на ярких защитных пульсациях Юпитера, и не смог рассмотреть его. Потом изучил соседние галактики, но не стал сосредотачивать на них внимание, потому что увидел, как сразу же за прозрачными контурами алой вселенной вспышкообразно родился, заполняя собою все, знак хаоса, и Слава понял, зачем он явился на Землю...

В эту ночь затрепетали в молитве великие раввины ашкеназской каббалы "Шаарей шамалм" (Врата небес) главной ешивы города Хеврона, древней столицы царя Давида, мистического центра Израиля. И в эту же ночь был прочитан "серебряный текст" из тайной Торы, который в одном-единственном экземпляре хранился у раввина, последователя Виленского Гаона, "мертвого" хасида Аврома Переса. Текст этот был спасителен и одновременно страшен, ибо прозвучало в нем слово "Очищение". Сто сорок четыре тысячи раввинов мира в эту ночь молитвенными свечами затрепетали во всех уголках земного шара в ровном сиянии алого откровения, и лица их стали источать миро. Его источали в эту ночь лица суфийских шейхов, православных архиепископов и старцев, индийских белых монахов Сатья-Юга и черных монахов истаивающего храма Кали-Юга. Миро источали лица великих отшельников Тибета, замерших в пламенном шепоте льющегося из вселенной откровения, и хранители Чжуннаньхай, запретного пурпурного города в Китае, могущественных шаманов Тувы, Якутии и сокрытых Будд Монголии. Сто сорок четыре тысячи раввинов, "мертвых" хасидов, молились в эту ночь на земном шаре. Это начиналось освобождение Иерусалима от оккупирующего его атлантизма, и сто сорок четыре тысячи раз звучало слово "Очищение". В эту же ночь над всеми хазарскими курганами России, Украины и на Масленичной горе в Израиле видели бликующие облака, которые были похожи на НЛО. В ночь, когда Слава Савоев лежал в хазарской могиле, уткнувшись лицом в мир Агнозии, откуда-то из глубин земли пришла к поверхности зыбь землетрясений, а на "серебряном тексте" тайной Торы, которую читал хасид Авром Перес, выступила кровь. И тогда он сделал то, что умели делать лишь царские хазары: выбросил из своей души тело, и под восходящими потоками родниковой молитвы радости ста сорока трех тысяч девятисот девяносто девяти раввинов, Авром Перес, лама Горы, вошел в начало юпитерианской смерти...

6

В эту же ночь, когда самое странное, серебристо-седое море земли, Азовское, лениво отсылало свои волны на берег возле села Нахапетово, входящего в рыболовецкий комплекс АО "Приазовский", и медленно, с легким шепотом, вбирало их обратно, Анастасия Гансовна Волчанская, в девичестве Величковская, супертелохранитель упреждающего действия категории "солнечный убийца", нейтрализатор класса "Черная вдова" по кличке "Малышка", любящая жена и заботливая мать, впервые со времен своего детства в станице Георгиевская вспомнила о Боге и перекрестила спящего сына.

— Даже так? — удивился, внимательно посмотрев ей в глаза Григорий Прохорович Волчанский, нынешний владелец контрольного пакета акций АО "Приазовский", крепкий хозяйствен-

ник и грамотный бизнесмен, повысивший уровень жизни жителей трех сел, входящих в АО, почти в четыре раза, а на самом деле “солнечный убийца” по кличке “Улыбчивый”.

— Даже так, — кивнула головой “Малышка” и улыбнулась мужу. — В этом что-то есть. Я почувствовала энергетику.

Отец и мать посмотрели на спящего в кроватке сына. По его лицу пробегали блики сновидений, и он то грозно хмурился, то печально и всезнающе улыбался. Далее произошло то, что могло бы свести с ума любых других родителей, но только не таких, как “Малышка” и “Улыбчивый”. Ребенок вдруг открыл глаза, и родители восхищенно вздрогнули, радостно и самодовольно улыбаясь сыну. Один глаз у него был черного цвета, и в его глубине угадывалось присутствие зодиакальных созвездий, а другой — аквамаринный, цвета моря. Через мгновение ребенок закрыл глаза, повернулся на бок и вновь уснул.

— Надеюсь, люди скоро вспомнят о своих грехах, — улыбнулся “Улыбчивый” жене.

— Надеюсь, — эхом откликнулась “Малышка”...

7

В эту ночь в городе Таганроге Шадская Капитолина Витальевна, преподаватель музучилища, самая оригинальная саксофонистка города, тоже вздрогнула во сне и широко открыла глаза навстречу темноте спальни. Ей показалось, что в соседней комнате кто-то трижды ударил в большой бронзовый гонг, которого там не было и не могло быть. Капитолина Витальевна относилась к чрезвычайно редкой категории тридцатилетних женщин, которых в народе почему-то называют ведьмами, хотя никто толком не знает, что это такое. Не знала о своем ведьмовстве и Капа. Она медленно опустила ноги с постели и, не зажигая свет, вышла из спальни в соседнюю комнату. Так и есть, Капитолина Витальевна в глубине души ожидала этого и не ошиблась. Старинное зеркало в позеленевшей бронзовой оправе, которое она несколько недель назад приобрела при помощи и за деньги Саши Углокамушкина в комиссионном магазине по Гоголевскому переулку, отражало в себе луну. “Интересно, — подумала Капа, садясь перед зеркалом, стоящим на бронзовых лапах грифона посередине стола, — почему некоторые старинные зеркала не тускнеют со временем?” Она посмотрела на свое отражение и неожиданно увидела, что в зеркале отражается не она, а ее призрак, действующий самостоятельно и независимо от нее, ибо, когда она провела ладонями по своим волосам, отражение не сделало этого...

8

...Слава Савоев оторвал свое лицо от хазарского окошка в другое небо, и оно сразу же захлопнулось. Лишь пыльный камень и равнодушную яму, полузасыпанную землей, увидели

его глаза. Вставая во весь рост, Слава Савоев как бы по-прежнему был Славой Савоевым, но его удивляло и сбивало с толку хладнокровное знание сути, с которым он смотрел на мир. Новосотворенный Слава вышел из хазарской могилы и увидел рядом с нею... стоящего на коленях Серсёмыча, молитвенно сложившего руки и глядевшего на него фанатично-умиленными глазами. По лицу Серсёмыча катились слезы. Он возносил молитву восставшему из праха капитану Славе Савоеву. Аржек, словно восторженный щенок, время от времени вставая на задние лапы и воздевая к небу передние, носился вокруг излучающего сияние оперуполномоченного и, судя по всему, был счастлив...

Такого Серсёмыч не мог даже представить. Когда он и Аржек стали приближаться к холму, от которого исходило свечение, Серсёмыч еще предполагал, что этому можно найти нормальное объяснение, типа мощного фонаря с аккумулятором у доморощенных охотников, высвечивающих в ночи зайцев, но когда он подошел к холму почти вплотную, перед ним восстал, словно серафим в свете небесном, его дневной знакомец, и Серсёмыч как подкошенный рухнул на колени.

— ... Ангел небесный, — плакал Серсёмыч, воздевая к Славе руки. — Возьми меня с собой, заberi из этой юдоли!

— Гав-ав-юю! — выкрикивал носящийся вокруг Славы старый Аржек.

Но Слава был настолько далек от станицы Сущенковской Неклиновского района Ростовской области, что даже не сразу понял уверовавшего в него пастуха, а поняв, повернул к нему лицо, в мягком сиянии постепенно успокаивающихся амброзианных золов похожее на иконописный, облагороженный скорбью и печальной мудростью, лик.

— Посланец небесный, ангел, — шептал потрясенный Серсёмыч, — возложи на меня руки, отгони от меня судьбину неудачную.

— Я не ангел, — отверг Слава Савоев непривычные для него обязанности, спускаясь с холма, и, проходя мимо пастуха, положил на его склоненную шею руку. — Я мент, старший оперуполномоченный уголовного розыска.

И он на ходу погладил по голове подбежавшего Аржека, оставляя на его шерсти, как и на шее Серсёмыча, уже начавшие потихоньку истаявать искорки амброзианных золов. Слава не останавливаясь пошел в сторону ночи, удаляясь все дальше и дальше, и вскоре возле холма остался лишь потрясенный убогий пастух, стоящий на коленях. Огромный пес Аржек заскочил на вершину холма и застыл на фоне звездного неба, глядя вслед ушедшему ангелу. Легкие, едва заметные немногочисленные искорки, оставленные ладонью Славы Савоева на шее, волосах Серсёмыча и шерсти Аржека, осторожно проникли через кожу человека и собаки и ушли в их тела.

Этот день войдет в историю станицы навсегда. Из уст в уста будут передавать жители Сущенковской, близлежащей Недвиговки и даже Синявской о чуде и о странных делах Господа. Долго будут поминать к слову, покачивая головами, о лихом и славном казаке Мишке Трофимове, Михаиле Серсёмовиче...

Утро выдалось солнечным. Выгоняли из дворов подоенных коров, и они стекались к пустырю на краю станицы. Задымились трубы летних кухонь. Раннее утро в селах юга России — разгар рабочего дня, и поэтому бабы, пригнавшие коров на пустырь, возмущались от всей души.

— Ну всё, — сказала востроносая, худая и черноволосая, — запил Лушпайка, зараза такая. У него вчера сто рублей было, на десять бутылок самогона.

— Все мужики как мужики, — откликнулась круглолицая, пышная и русоволосая, — пьют по праздникам да вечером, а наш пастух, когда деньги есть.

— Так он рази мужик? — возразила ей востроносая. — Он лушпайка, не зря же от него Натаха сбежала.

— Черный рот у тебя, Варвара, — осуждающе покачала головой круглолицая, — поганый. Рази можно над убогим издеваться?

— Это у кого черный? — радостно, в предвкушении скандала, затараторила востроносая. — Корова! А сама все на мого Кольку поглядываешь. У, дурища, на кой ляд ты ему, морда у тебя как сковородка, жалелка, тоже мне. Да тебя Витька взял-то, что ты забрюхатела, и дочка твоя, корова, ходит в туфлях порванных. Интересно, куда вы деньги, что наворовали на ферме, деваете? Иди сама коров паси, можа ты и ночью Серсёмыча пожалеешь...

Востроносая оборвала монолог и заорала во все горло, ибо стоящая позади спорящих пожилая казачка атлетических габаритов Ангелина перетянула ее хлестко и с оттягом кнутом, которым пригнала своих трех коров в стадо.

— Как тебе не стыдно, Варвара? — упрекнула она востроносую, которая вмиг замолчала, но не от стыда, а от того, что на мгновение потеряла дар речи от неожиданности и гнева. День явно не удался.

— Я!.. Я!.. Я!.. — никак не могла начать атаку на Ангелину обвиненная в бесстыдстве Варвара. — Да я тебя...

Но тут же запнулась, увидев широко раскрытые глаза Ангелины, устремленные куда-то за ее спину. Она резко обернулась и тоже замерла. Непонятная, торжественная тишина, даже коровы перестали мычать, установилась на этом пятачке земного шара. К стаду, со стороны степи, спускался по склону Серсёмыч, рядом с которым бежал огромный, густошерстый молодой пес с умными и странно большими глазами зеленого цвета. У пригнавших на выгон коров молодежь вспыхнул в глазах огонь бескомпромиссной и готовой на подвиг заинтересованности. Застыли с

открытыми ртами только что подошедшие на шум участковый Федюшин, муж востроносой Варвары, и ветеринар Осмолко, муж Ангелины. Никто не сомневался, что по склону спускается Серсёмыч, но это был не он. Викинг, наполненный упругой, стремительной мощью воина с отчетливым светом мужества в чертах красивого лица шел им навстречу. Викингом, воином, князем, а не Лущпайкой подошел к своим землякам Серсёмыч, и можно было не сомневаться, что теперь-то он справится с земной юдолью, оседлает капризного скакуна удачи и человеческого счастья, а мы оставим его на время, ибо влекут нас другие дороги, зовут другие судьбы и люди, манят другие миры и тайны...

Глава четвертая

1

— Видите ли, — сказал вернувшийся в свое имя и фамилию Алексей Васильевич Чебрак. — Земле от нас не отвертеться. В мире все меняется, а в современном тем более, и доказательством тому моя “Вспышка”, являющаяся ничем иным, как проявлением термоядерного синтеза в теле человека и, что самое забавное, только в женщине.

— Все понятно, — кивнул головой Волхв, директор ФСБ России. — Дальше понимать уже некуда.

Он впервые столкнулся с феноменально-гениальным безумием Алексея Васильевича и поэтому с молчаливым упреком посмотрел на Веточкина и Стефана Искру, как бы говоря, “что вы мне подсунули”, но те делали вид, что все идет хорошо. В кабинете главы ФСБ присутствовали директор СВР, министр обороны вместе с генералом Дождь из ГРУ, министр финансов и, страшно подумать, куратор силовых ведомств администрации Президента, Славиков Баскунчак Петрович, более известный в среде силовиков как “Бас Петрович”, тембр его голоса был похож на шалыпинский.

— Хорошо, “Вспышка” это понятно даже во втором определении. — Славиков солидно помолчал и поинтересовался: — Ну и что нам приготовили женщины?

Директор СВР переглянулся с руководителем ГРУ. Становилось ясным, как Божий день, неоправданно высокое финансирование научной программы ФСБ, в ущерб финансированию СВР и министерства обороны, но Дождь отвел глаза, ибо приблизительно знал о деяниях Чебрака и поэтому не торопился с выводами, несмотря на явное безумие ученого, для финансирования работ которого Волхв запросил у министерства финансов шестьдесят миллионов долларов в год. “Просил бы больше, — мысленно усмехнулся Дождь, — все равно больше миллиона не дадут”. Чебрак утверждал, что он обуздал термоядерный синтез без всяких тороидальных магнитных камер, наподобие “Токомака-У” в Курчатовском центре, и что необязательно сталкивать ядра водорода друг с другом для высвобождения колоссальной энергии,

все это можно обнаружить в... — “Прости меня, Господи”, — вздохнул Дождь, — ...женщине определенной и весьма загадочной формации. Одним словом, Чебрak явно нуждался в услугах психиатра.

Игорь Петрович Гляделкин, эксперт РАН, был явно раздражен и разочарован тем, что на столь высоком уровне выслушивается человек, которому место в психиатрической лечебнице. Как и все талантливые ученые, совершившие одно крупное открытие, он считал, что ученые, о которых он ни разу не слышал, не могут быть учеными. “Надо перебираться в США, — принял Гляделкин окончательное решение. — Россия для меня бесперспективна”.

— Вы ведете себя, как американский ученый, — хихикнул Чебрak. — Вы недостаточно чувствуете хаос, чтобы понимать меня, и недостаточно изошрены, чтобы стать таким, как я...

— Мы слушаем, слушаем, — благодушно напомнил о себе Бас Петрович и, выразительно посмотрев на директора ФСБ, уточнил: — Тем более, что я сегодня же доложу Президенту о результатах работы отдела модификаций на бюджетные деньги.

— А все уже сказано, — огорошил присутствующих Алексей Васильевич и, подойдя к демонстрационному столику-тележке, который прикатил с собой, сдернул с него покрывало.

На стерильно-белой поверхности столика стоял куб несовместимого с реальностью черного, живого, как бы шевелящегося цвета, и в глубине этой разгневанной и оскорбленной черноты угадывалось нечто, напоминающее яростный и беспощадный свет. Все присутствующие в кабинете, кроме дремлющего на стуле Стефана Искры, замерли и поняли, что беспощадный свет в разгневанной черноте не принадлежит земному миру, он где-то в непредставимой запредельности. А Игорь Петрович Гляделкин проникся к Алексею Васильевичу симпатией, осознав вдруг, что он такой же маленький десятисантиметровый айрини.

— Алексей Васильевич, — добродушно и вместе с тем начальственно произнес Волхв. — Объясните досконально, что это такое, люди ведь не подготовлены к восприятию вашего открытия, как мы.

— Конечно, Михаил Григорьевич, — вежливо поклонился Чебрak своему начальнику и, указывая рукой на излучающий запредельную энергию куб, сказал: — Если это выйдет из-под контроля, оно уничтожит Солнечную систему, а сейчас способно заменить собою все атомные и обыкновенные электростанции земного шара на протяжении нескольких тысяч лет.

Алексей Васильевич насмешливо и даже пренебрежительно стал обводить взглядом лица властных и неординарных людей, находящихся в кабинете. В душе ученого звучала величественная музыка гордыни, но неожиданно он вздрогнул, столкнувшись взглядом со Стефаном Искрой, и ощутил себя слабым, ничемным и маленьким. “В чем дело, что случилось? — заметалась

в нем пугливая мысль. — Я же его фактически создал и, видит Бог, совсем не таким". Он почувствовал себя ущемленным и несчастным, ибо привык доверять своему собственному чувству, а оно ему говорило, что перед Стефаном Искрой его интеллект почти ничто.

2

Отдел модификаций, несмотря на иронию Баса Петровича, на деле сумел стать основным отделом ФСБ России. Все остальные структуры, официальные и не очень, работали на него.

— ОМ, — сразу же после удачной демонстрации достижений отдела сказал Волхв Тарасу Веточкину и Стефану Искре, — должен работать так, как будто это Соединенные Штаты Америки.

Нельзя сказать, что руководитель ОМ и его начальник отдела кадров удивились словам директора ФСБ, но Тарас Веточкин на всякий случай поинтересовался:

— Вы имеете в виду размер нашей зарплаты в долларах, или запрещаете брать на службу курящих и уступающих места женщинам в метро мужчин?

— Разве в Москве есть и такие подонки? — удивился последнему Волхв и, отключив правительственную связь, чтобы не мешала беседе, продолжил: — Соединенные Штаты — государство, действующее в стиле вампир, оно высасывает со всего мира идеи, жизнь, душу, пророчества, нефть, полезные ископаемые и делает из этого кофе без кофеина, сахар без сахара, женщин с силиконовыми грудями и мужчин, мечтающих превратиться в женщин. Я уже не говорю о том, что они собираются лететь на Юпитер, проводить модификационные опыты по геноконструированию нового человека-киборга и забодали весь мир своими долларами. Флаг им в руки, одним словом, молодцы, — похвалил Волхв Америку. — Но Россия, на всякий случай, должна иметь что-то наподобие маленьких тисков, чтобы при надобности, и по-приятельски, — уточнил глава ФСБ, — можно было зажать в них американцев. А то...

Тут на столе Волхва мелодично затренькал городской телефон. Так как по городскому телефону могла звонить только жена, он взял трубку и дипломатично спросил:

— Это кто?

— Я, — ответил ему гулкой, словно космическое эхо, голос, — Бог. — И сразу же в трубке раздались обычные земные гудки.

— В общем, — Волхв положил трубку и завершил инструктаж, — вы должны действовать как США, но эффективнее. Самые умные люди, глобальные открытия, выгодные тайны, продуктивные идеи и хорошие деньги для их претворения в жизнь должны стекаться в наш ОМ.

— И деньги, конечно же, не бюджетные? — решил уточнить Веточкин, хотя знал ответ.

— Конечно, нет, — строго посмотрел на него Волхв. — Я же сказал, все как в США, то бишь в ЦРУ. — И он широко улыбнулся, давая понять, что разговор окончен.

3

Оставшись в кабинете один, Волхв согнал с лица улыбку и с возмущением взглянул на телефон. В кабинет заглянула секретарша.

— Михаил Григорьевич, к вам из ГРУ, космонавты.

— Давайте. — Волхв щелкнул тумблером, переключаясь на кодированную связь “Миус”.

— Михаил, — услышал он низкий настороженный голос начальника службы космической разведки, своего старинного приятеля полковника Грюнвальда. — У меня к тебе нетелефонный разговор.

— Да ладно тебе, — успокоил его Волхв, — вполне телефонный. Ты же не из иностранного посольства звонишь?

— Ну ты скажешь, — перепугался Грюнвальд. — Я на “Миусе”.

— Тогда говори.

— Слушай, — настороженно прокашлялся полковник, — тебе по игрушке звонили?

“Игрушкой” назывался телефон, “подключенный” к миру лучом “Ольга”.

— Звонили, — ответил Волхв, — угрожали и весьма авторитетно.

— Слушай, штатовский “Полет эльфа” еще вчера сверзился с орбиты, что-то там у них замкнуло, и ляпнулся в Австралии, а наша “Ольга” ушла в свободный полет, мы ведь не отключали ретрансляторный универстикс.

— Ну, — насторожился Волхв, — дальше.

— Ты же знаешь, я обязан игрушку слушать во время соединения.

— Ну, — поторопил его Волхв, — дальше.

— Так вот, — прокашлявшись, осторожно сообщил ему Грюнвальд. — Звонить тебе мог только Он.

— Кто? — впервые в жизни растерялся Волхв.

— Бог, — уверенно сказал Грюнвальд, и по его голосу можно было понять, что он взял в руки чашку горячего чая с ромом и с удовольствием сделал первый глоток.

Словно чудная космическая “лампочка” включался и выключался внутри Стефана Искры безмерно-расчетливый, оперирующий какими-то неизвестными головокругительными формулами понимания мир. Мир страшной и беспощадной доброты. Буквально несколько минут назад, во время встречи с Чебраком, когда “лампочка” другого понимания неожиданно вспыхнула в нем, он, вместо того, чтобы почувствовать удивление, почувство-

вал рост и трансформацию нервных волокон галапагосской гигантской черепахи, вживленных ему в печень Алексеем Васильевичем Чебраком. Они адаптировались к ней и изменили ее функции не только в лучшую, но и в более сложную сторону. В печени Стефана Искры развилось чувство океана. Объяснить он этого не мог, но даже сидя за рулем автомобиля и сворачивая с Цветного бульвара на Малую Сухаревскую улицу, знал, что в данную секунду в районе волнистой изменности Атлантического океана, на которой расположена цивилизация нен, контактирующая с планетой Тъиви, приближенной к звезде Сириус из созвездия Большого пса Южного полушария, родилось седьмое свечение эфирной волны, высшее и последнее достижение цивилизации нен, и поэтому они, просуществовав семьдесят миллионов лет в режиме стабильного процветания, самоликвидировались, выполнив свою миссию. Это почему-то радовало Стефана Искру и его галапагосскую печень. А также свет космической "лампочки" позволил ему увидеть в Алексее Васильевиче то, о чем тот сам не ведал, гибкую и высокоорганизованную интеллектуальную волю глубинного народа айрины, вздумавшего выгнать планету Земля и ее вынужденных обитателей из пут хорошо продуманной и безукоризненно осуществленной Катастрофы нахлеста времени на безвременье и внедрения чрева жизни в чистую радость Смерти. Айрины хотели это сделать против воли существ, пришедших из клио-вселенной и планетарно-блуждающего облака Раай. Еще Стефан Искра точно знал, что Бог есть, но не такой, как это понимается на Земле. А вот что действительно ему нравилось, удивляло и восхищало, это то, что и при "включенном" свете, и без него он как был, так и оставался, теперь уже без отклонений в "УЖАС", чекистом и солдатом.

Тарас Веточкин сидел за столом и разговаривал по телефону. Увидев заглянувшего в кабинет Стефана Искру, он помахал ему рукой, сообщил в трубку:

— Стефан, — и передал ее Искре: — Хромов на проводе.

— Здравствуй, полковник, — поздоровался Стефан Искра. — Мне сказали, что вам никто не пишет.

— Здравствуй, генерал, — хмыкнул Хромов. — Я опер, а оперу в России пишут все, когда петух в одно место клюнет.

— Давно не виделись, полковник, — не выходил из роли Стефан Искра. — Есть, о чем поговорить.

— В двадцать ноль-ноль у меня, — коротко бросил Хромов. — Жена в Севастополе у сына.

— Есть, в двадцать ноль-ноль.

— Кстати, — заявил Веточкин Хромову в трубку, — пока вы там в домино круглые сутки режетесь, ФСБ работает.

— Кто тебе это сказал? — искренне изумился Хромов.

— Оперативник. — Веточкин взял со стола папку и потряс ею в воздухе, как будто бы Хромов мог его видеть. — По фамилии

Андреев. — Он помедлил и уточнил: — Фамилия в интересах следствия изменена.

— Хороший псевдоним, как у моего тезки-писателя, — похвалил неведомого оперативника Хромов и поинтересовался: — Видимо, опять карманника по дороге на службу задержал?

— Почти, — согласился Веточкин. — Пиво пил вместе с господином Литовченко Сергеем Ивановичем в Самаре.

— Пряма так, — удивился Хромов, — с самим Сержем Липецким, застрелившим Колюню Песочного и Тимура Иркутского, а также жажнувшим из пистолета “беретта” своего подельника Хосу Кутаисского, чтобы не делиться с ним бабками, взятыми в обменном пункте на Кутузовском, где они убили кассира и охранника, и вот так в Самаре и пиво, да?

— Представляешь? — тоже удивился Веточкин. — Какие у нас оперативники неразборчивые, пьют пиво с кем попало, вместо того, чтобы делом заниматься. Он даже... — Веточкин раскрыл папку и стал перебирать бумаги. — Адрес его берлоги в Самаре указал. Вот: Соколовский переулок, 28, частный сектор, сплошные проходные дворы. Может, подождать, пока он в более или менее приличный район переберется, с хорошими подъездными путями?

— Это пустяки, — отмахнулся Хромов. — Нам зарплату резинowymi сапогами выдали. Сейчас хлопцы партию в домино закончат, сапоги натянут и сбегают. Самару посмотрят, заодно и Сержа на Москву посмотреть пригласят.

— Это конечно, — согласился Веточкин. — Самара хорошо, а Москва — так и вовсе бы глаза не глядели. Да, чуть не забыл, вы Сержа к нам, по дороге в МУР, заведите на пару минут, а то Андрееву не с руки было его приглашать. В Сочи парнишка спешил, море хотел увидеть.

— Все вы там на Лубянке прохиндеи, — печально заключил Хромов, — любите жар руками сыщиков загребать. Кстати, — оживился он, — тебе фамилия Кузьков Коперник Саввич ни о чем не говорит?

— Леонид Максимович, — сразу стал серьезным и официальным Тарас Веточкин, — с этим по телефону нельзя. Когда встретимся?

— В двадцать ноль-ноль, — напомнил ему сидящий в кресле Стефан Искра.

— У меня на квартире. Я сейчас Миронову тоже позвоню, — уточнил Хромов.

— В девятнадцать пятьдесят девять, — безапелляционно заявил Веточкин и положил трубку.

4

Заместитель Генпрокурора, куратор правоохранительных органов Южного административного округа России, государствен-

ный советник юстиции высшего класса Миронов Сергей Антонович говорил по телефону:

— Если у нас полностью извести коррупцию, то Россия будет называться не Россией, а Германией. Я знаю, что говорю, я историк, в смысле юрист, и авторитетно заявляю, что если бы в России не было коррупции, мы не победили бы централизованное наступление масонов в лице Наполеона и Гитлера. А если бы у нас не воровали, а? Если бы все было тип-топ? Где бы мы были, я спрашиваю, если бы привыкли к избытку, удобству и хорошим дорогам? Вы можете представить наших солдат, протестующих против отсутствия туалетной бумаги и дезодорирующих гимнастеров во время войны? У нас воруют лишь с любовью к Родине. Если бы не коррупция, — Миронов поднял палец и ткнул им в сторону пола, — мы бы уже давно были в безлико-синтезированной семье государств шенгенского соглашения и шли бы в смертельный капкан глобализации с гордо поднятой головой. Все.

— Я тоже так думаю, — сообщила Миронову голосом Генпрокурора телефонная трубка. — Все, и никак иначе. С сегодняшнего дня вы в отпуске.

— А с кем это я говорю? — всполошился Миронов, приподнимаясь в кресле. — Бросай шутить, Ниточкин.

— Успокойтесь, Сергей Антонович, — вновь заговорила трубка голосом Генпрокурора, — это я, ваш дорогой начальник. Отдохнете, полечитесь, а там посмотрим, куда вас лучше послать на пенсию по инвалидности. — Дипломатично отстранив Миронова от юридической карьеры, Генпрокурор отключил связь с его кабинетом.

— Подставила? — сурово спросил Миронов у трубки, держа ее перед лицом на расстоянии вытянутой руки. — Тварь безмозглая.

Он аккуратно, с каким-то нежным отвращением, положил трубку на место. Вышел из-за стола и стал ходить по кабинету, заложив руки за спину и напевая лицемерную песню обосновавшихся в Москве провинциалов: "...Ах как хочется вороваться, ах, как хочется вернуться в городок..." Если бы все провинциалы осуществили это желание, то в Москве остались бы одни домашние животные, тараканы и закон о регистрации иногородних граждан.

Миронова действительно подставили. Его вызвал на телефонный разговор о масонах и коррупции прямо из кабинета Генпрокурора, по его указанию, делопроизводитель Ниточкин, с которым Миронов иногда играл в шахматы после службы, а выслушивал его монолог сам Генпрокурор, до которого дошли слухи о неадекватности Миронова. В последнее время об этом уже говорили не таясь. Миронов и сам чувствовал, что с ним не все ладно, и даже получал от этого удовольствие. После нейтрализации биочипа, вживленного ему в мозг Алексеем Васильевичем Чебраком, к нему стали возвращаться дооперационные странности, но

не отягощенные головной болью. Чебрак-таки был великим доктором, и, прежде чем вживить экспериментальный биочип, он удалил опухоль... В кармане Миронова, отрывая его от дум, затренькал мобильник.

— Привет, — буркнул Хромов. — Как дела?

— Меня сняли с должности, — пожаловался Миронов и уточнил: — Ни за что.

— Это хорошо, — успокоил его Хромов. — Там скоро всех снимут, включая Генпрокурора. Сегодня у меня дома в двадцать ноль-ноль собираемся. Разговор есть. Придут Веточкин и Стефан Искра.

— Ну да, — согласился Миронов. — Приду, конечно.

Судя по безмятежному выражению лица, Миронову действительно было наплевать, сняли его с должности или нет, что косвенно подтверждало его психическую неадекватность на ситуации и прямо указывало на правоту Генпрокурора, отстранившего его от должности куратора в частности, и предполагавшего отстранить его от юридической деятельности в общем.

5

Веточкин и Стефан Искра остановились возле исторического гастронома России и почти одновременно посмотрели на часы. Было девятнадцать часов десять минут.

— Нужно что-нибудь купить, — предложил Веточкин, — коньяк, например.

— Да, — кивнул головой Стефан Искра, — коньяк.

Покинув салон скромного “жигуленка” красного цвета, они направились в гастроном. Вокруг них был центр Москвы, наполненный энергетикой бессонницы, которая приснилась крепко спящему существу Иальт, настоящему покровителю Москвы, но Москва об этом не знала. “И не узнает, — решил Стефан Искра, — если я не скажу”. Существо было subtilно-белесой формы в стиле спирального, мозаично-агрессивного секси. Оно имело прямую связь со звездой второй звездной величины Альфард из созвездия Гидры и осуществлялось в Москве под видом частичной женщины пульсирующе-фаллосной ориентации. Если на Москву взглянуть с высоты космоса глазами горной волосатой гадюки Нкуб, кошмара Кордильер или, на худой конец, через прибор “Боярушка” новосибирского НИИ неовизуальной космогонической оптики, можно увидеть красновато-серебряную, горизонтально раскинутую, светящуюся паутину. Глаза волосатой гадюки Нкуб могли бы видеть, что все действующие женщины Москвы, точнее их параллельные двойники, нанизаны на один красновато-серебряный гибкий луч, они как бы сидят на нем верхом, свесив ноги, и слегка напоминают бусинки орнаментального ожерелья на раскаленной вольфрамовой нити. Существо Иальт, покровитель Москвы, было субстанциионным вампиром диффузно-туманной нежности. Стефан Искра не

считал Иальта достойным внимания. По его мнению, в Солнечной системе все, исключая Юпитер и Луну, да и то она была не от Солнца сего, не заслуживало особого внимания. Вот если только...

В это вечернее время зал знаменитого гастронома был многолюден. Мало кто знает, что центр Москвы — излюбленное место прогулок эмпирически-вдохновенных женщин, очень опасных для обыкновенных людей, очень пронизательных и по-настоящему, разнузданно, свободных. Эмпирически-вдохновенные москвички, а попросту ведьмы, принадлежали другой, странствующей звезде, Лисоокой Ундине, которую астрономы Земли фиксируют то как звезду второй звездной величины Кастор из созвездия Близнецов, то как звезду второй звездной величины Беллатрикс из созвездия Орион, то как звезду второй звездной величины Денеб из созвездия Лебедь, и, видимо, будут открывать ее, как новую звезду в новых созвездиях, до тех пор, пока существуют звезды и полюбившие их астрономы. Аолиэтный лаоэр Стефан Искра воспринимал эмпирически-вдохновенных женщин, как своих подданных, ибо сине-оранжевая Лисоокая Ундина была отправлена в путь из его пронизывающего все миры мира. Проявляя к ведьмам равнодушную благосклонность, он подарил им встречу с собой и на это время перестал считаться со Стефаном Искрой, супертелохранителем и сотрудником ФСБ. Аолиэтный лаоэр открыл ведьмам “свет своих очей”, и они сразу же синхронно повернули в его сторону головы со всех сторон гастрономического зала и, раскинув руки крестом пошли к снопу света, возникшему в виде стелы посередине зала, в который обратился лаоэр Стефан Искра, теряя по пути сознание. В центре этого чистого луча был виден, словно застигнутый врасплох, фантом леопарда, выдавленный из забвения и мышечно-нервной ткани, оживленный в тело Стефана Искры Алексеем Васильевичем Чебраком...

Оказывая милость своим звездным подданным, аолиэтный лаоэр проигнорировал земные обстоятельства. А они были весьма шумными. На пульт дежурного по городу обрушился шквал вызовов: “Вооруженные бандиты осуществляют массовый грабеж “Елисейского”! Там огонь и смерть!” — зывали звонившие. В гастроном в срочном порядке был отправлен отряд ОМОНа.

— Господа, тихо! — орал Веточкин на омовцев с автоматами, держа в одной руке взведенного “Мишеньку”, а в другой удостоверение генерала ФСБ. — Это наш сотрудник в режиме эксперимента.

— Надо дома, в своих лабораториях испытывать! — таким же ором огрызался примчавшийся на ЧП замминистра внутренних дел Окоемов. — Ничего себе эксперименты в центре Москвы! — Но команду “отбой” омовцам все же дал.

— Это накладка, — словно издали донесся до Стефана Искры голос Веточкина. — Можно подумать, у вас не бывает.

— В чем дело? — спросил Стефан Искра. Ему казалось, что он только что вынырнул из моря. — Война, что ли?

— Ага, — раздраженно и обрадованно воскликнул Веточкин, с тревогой глядя в лицо друга, — война. — Он вытер пот со лба и уточнил: — Ядерная.

6

Окончательно вышедший из режима “включенного света” Стефан Искра стал внимательно оглядывать зал гастронома. На полу в разных концах зала лежали упавшие в обморок женщины с раскинутыми в стороны руками и устремленными в потолок испуганно-влюбленными лицами. Лишь юная продавщица из отдела чая лежала поперек прилавка, слегка повернутым вбок лицом. Между лежащих женщин ходила старуха, которой на вид было где-то от ста двадцати до ста двадцати пяти лет, и, восхищенно цокая языком, разглядывала их. Время от времени она поднимала голову и пристально смотрела в сторону Стефана Искры, показывая ему поднятый кверху большой палец, демонстрируя свое уважение и восхищение. За старухой ходил здоровенный омовонец и, боясь до нее дотронуться, строгим голосом каючил:

— Бабуля, ну свали отсюда, ради Бога, а то как дам пинка, будешь неделю спутником Земли работать. Нельзя тут посторонним находиться, сколько раз тебе говорить.

Но старуха не обращала на него никакого внимания, продолжая цокать языком и демонстрируя Стефану поднятый вверх большой палец. С улицы послышались звуки сирен “Скорой помощи”. Сквозь плотный слой начальства и омовонцев продирался полковник Хромов.

— Зачем ты их застрелил, Тарас? — деловито спросил пробившийся Хромов, кивая на разлегшихся в зале дам. — Да еще в таком людном месте? — Он с интересом посмотрел на юную продавщицу, начавшую подавать признаки жизни, выраженные легкими движениями из стороны в сторону. — Места другого не нашел?

— Леонид, что ты несешь? — укоризненно возмутился Веточкин. — Это не я, они сами.

Две бригады “Скорой помощи” уже суетились возле женщин. Веточкин отметил, что дамы были сочно-активного возраста, и для приведения их в чувство хватало нашатырного спирта на ватке. Юный фельдшер, не зная, как подступиться с ватой к носу юной продавщицы, лежащей поперек прилавка, крутился возле нее и в конце концов потянулся к лицу, но поскользнулся и упал, успев в падении поднести ватку к нужному месту. Реанимированная девушка задвигалась так активно, что поднявшийся было фельдшер вновь упал на нее, судорожно схватившись руками за талию. Бедная девушка, почувствовав на себе тяжесть недвусмысленного мужского тела и не видя, что она защищена от

насилия целым взводом омовцев, звонко закричала и ринулась в сторону своего рабочего места. Вместе с нею зашевелился и сконфуженный фельдшер, и они вдвоем сползли с прилавка на большие бумажные пакеты с развесным китайским чаем. Дикий хохот, вырвавшийся из двух десятков молодых омовских глоток, заставил витринные стекла опасно задрожать.

— Знаете что? — сердито тараща глаза на троицу друзей, произнес Окоемов. — Быстрее исчезайте. А вы, полковник, — он кивнул головой Хромову, — снимите с них подробные показания и завтра предоставьте мне. Думаю, — Окоемов почесал затылок, — завтра все доложат министру. — Но, тут же спохватившись, уточнил: — Думаю, что я сам же и доложу. Так что исчезайте!

Тарас Веточкин, Стефан Искра и прикрывавший их с тыла Хромов под удивленные взгляды омовцев и уже не лежащих, а сидящих на полу зрело-активных дам, направились к выходу из гастронома с видом покупателей, разочарованных в ассортименте товаров. Уже на самом выходе Хромов оглянулся, встретился взглядом с пристально-благоговейными глазами старухи и удивился. Старуха показывала ему поднятый вверх большой палец, мол “все хорошо, полковник”, и глаза у старой перечницы были большие, молодые и чувственные.

— Не смотри, — дернул его за рукав Стефан Искра. — Ты не я, она тебя убьет в одну секунду.

— Кто она? — удивился Хромов.

— Актонидия, московский инкуб, — ответил Стефан Искра, — сгустившееся привидение.

— А ну повтори, — заинтересовался Хромов. — Я такой кликухи не слышал, гастролерша, что ли?

— Ну, ты даешь, полковник, — укоризненно посмотрел на Хромова Тарас Веточкин и сел на водительское место. — Будто не знаешь, что Москва без приведений, как Питер без белых ночей.

7

После трехчасового совещания в Кремле, которое проводил президент России, директор ФСБ вернулся в рабочий кабинет и углубился в изучение “аналитической записки”, составленной по результатам работы службы внешней разведки, главного разведывательного управления МО и службы “Анкор” ФСБ за последние две недели. Внимательно изучить записку посоветовал сам президент.

— Появилась новая сила, — предупредил он разведчиков. — Постарайтесь ее понять и определить качество, все слабые и сильные стороны...

Волхв придвинул к себе папку с аналитикой и углубился в чтение. Аналитические выкладки разведки в корне отличаются от обобщенной, упрощенной и некачественной аналитики

средств массовой информации. Они пестрят частностями, деталями, предположениями, несистематизированным фактическим материалом, а то и просто цифрами, формулами и шизоидными теориями отдела по связям с наукой возглавляемого им ведомства. Этот отдел неафишированно вел академик Корзун, лауреат Нобелевской премии.

Начало записки неприятно удивило Михаила Григорьевича. Она начиналась с информации МВД. Это было слишком и слегка напоминало “щелчок по носу”.

“МВД России: “Савоев Вячеслав Иванович был объявлен в розыск, как пропавший без вести при загадочных обстоятельствах, таганрогским уголовным розыском. Его автомобиль обнаружили брошенным неподалеку от Станицы Сущенковской, в которой расположен историко-археологический музей “Танаис”. Первые сообщения о Савоеве поступили от местного участкового капитана Федюшина, встретившего Савоева бродящим по степи без цели и смысла. Позднее появились предположения, что какая-то цель все-таки была, но в чем она заключалась, выяснить не удалось. После проведенного расследования установлено, что капитан Федюшин и все жители станицы Сущенковская подверглись мощному психологическому воздействию. Они утверждают, что житель станицы, некий Трофимов Михаил Серсёмович, до встречи в степи со старшим оперуполномоченным Савоевым был ущербным, с элементами всесторонней инвалидности человеком, а после встречи он обрел завидную физическую мощь и яркие интеллектуальные способности. Якобы (со слов потерпевшего Трофимова М. С.) после наложения на него рук Савоевым он понял, что у него в области сонной артерии и лобной части головного мозга расположены сжатые рукой Бога скопления галактик из закрытой звездной системы Смерть, и что на Земле живут уже однажды умершие на Юпитере люди, которые там именовались богами, изгнанными из божественного мира. Несмотря на явные признаки психического заболевания, станичный пастух в совершенстве владеет французским языком, и прибывшая в “Танаис” группа ученых из Сорбонны не отходила от него ни на шаг, конспектируя его рассуждения об истории Приазовья и недопустимости археологических раскопок хазарских курганов, а жена французского ученого Мирабеля Кюсе, Анет Женьев, все время прижималась к Трофимову грудью и приглашала в Париж. На всякий случай оперативниками Басенком и Баркаловым Трофимов задержан и подвергнут экспресс-освидетельствованию в психиатрической больнице Дарагановка. Главврач больницы, Хрущ Екатерина Семеновна, заявила, что определяет его в стационар, ибо, по ее мнению, он сексуальный маньяк. Но санитар, бывший главврач больницы Левкоев, успел шепнуть старшему оперуполномоченному Баркалову, что Хрущ сама нуждается в длительном стационарном лечении, а Трофимова лучше всего оставить в покое. Что и было сделано”...

Волхв оторвался от чтения, взглянул на часы и вызвал секретаршу.

— Какие новости? Докладывайте.

— Кошмар какой-то! Оперативная группа отдела поиска опять накрыла торговца секретами в поселке Полярный под Мурманском. Он член-корр, разработчик торпеды “Риф”, и утверждает, что передавал зарубежному корреспонденту материалы, опубликованные в российской прессе, стервец рогатый, за дураков нас держит. В российской печати сообщают: “Ученые России создали новый тип противолодочной торпеды “Риф”, а он передает корреспонденту “Вашингтон Пост”, по совместительству майору ЦРУ, все данные о начинке “Рифа”, и так всегда, вот уже третий случай.

— Что еще? — нетерпеливо перебил ее Волхв.

— ОМ устроил скандал в гастрономе на Тверской, — смущенно улыбнулась секретарша. — Наш Стефан Искра весь из себя такой феноменальный. Московские ведьмы, я их почти всех знаю, постоянные клиентки гастронома в это время, приняли его за леопарда, своего покровителя. Служба сопровождения, приставленная к ОМ, утверждает, что под его звериное обаяние попала даже одна актриса, инкуб из 1917 года, бывшая балерина.

— Довольно, — откинулся в кресле Волхв и протестующе выдвинул руку ладонью вперед, — ни слова об ОМ. Там есть Веточкин, пусть он и занимается этим. — Волхв снова потянулся к “аналитической записке”. — Вы свободны, Анна Сергеевна, спасибо. — Секретарша направилась к выходу, но Волхв, будто вспомнив что-то, остановил ее. — Анна Сергеевна, вы знаете что-нибудь о сжатых галактиках в теле человека?

— Конечно, — улыбнулась секретарша, поправляя очки “анаконда” кончиками пальцев. — Они находятся здесь, — она прикоснулась длинными, изящными пальцами ко лбу, — и здесь, — показала на шею в области сонной артерии.

Открывая дверь в приемную, Анна Сергеевна грустно улыбнулась каким-то своим мыслям и тихо прошептала:

— Очень жаль, конечно, что мы уже умерли на Юпитере.

8

Волхв продолжил чтение “аналитической записки”. Если предыдущая была посвящена делам земным, жестоким и кровавым, связанным с ростом террористических тенденций в мусульманском окружении России и внутри нее, то эта была посвящена чудному свету ослепительной тайны.

“ГРУ МО России: “Технической службой проверено сообщение МВД России о возможном психологическом воздействии на жителей станицы Сущенковской. К нашему удивлению, в районе этой станицы, на территории, примыкающей к археологическому заповеднику, действительно обнаружено тау-излучение парадоксальной концепции. И наша консультативная коллегия

настаивает, что тау-излучение такой концепции может возникнуть лишь в том случае, если Атлантический и Тихий океаны "сжать" до величины атома водорода, поместить в замкнутую антивакуумную сферу и взорвать. Только в этом случае может возникнуть фон, аналогичный обнаруженному нами в станции Сущенковской. После заключения консультативной коллегии была задействована группа "Рысь", оперативно-ликвидаторского класса, и группа "Окно" службы космической разведки, диагностического класса, применившие системоаномальный прибор "Ласточка". Группа "Рысь" после автономного расследования причин исчезновения старшего оперуполномоченного Савоева Вячеслава Ивановича пришла к выводу, что в этом деле нет уголовных мотивов, поэтому все действия МВД, предпринятые по поиску Савоева В.И., прекращены, засекречены и приняты нами к производству. Житель Сущенковской Трофимов М. С. обследован прибором "Ласточка", который показал, что он действительно был подвергнут странному воздействию тау-излучением биологического вида. Если поверить, что это действительно так, мы имеем дело с явлением внеземного происхождения... Савоева В.И. необходимо обнаружить и отслеживать дальнейшие его передвижения всеми имеющимися возможностями государства, включая космические силы, не считаясь с затратами, но при этом ни в коем случае не пытаться каким-либо способом воздействовать на него. Группа "Рысь" полностью ориентирована на поиск капитана Савоева. Дело усложняется тем, что группа "Окно" обнаружила через спутниковую разведсистему "Сестрорецк-8" растущую мощную аномалию неизвестного происхождения с присутствием тау-излучения той же концепции, что и в станции Сущенковской, в районе села Нахаетово на берегу Азовского моря. Такая же аномалия зафиксирована "Сестрорецком-8" и в пустыне Аризона в одноименном штате США. Там находятся подземные ангары комплекса "Янки", где проводятся работы по созданию космического межпланетного корабля "Хазар". Судя по хаотичному диапазону аномалии, несмотря на всю бредовость этого вывода, она воспроизводится в одном человеке, и, следовательно, этот человек является носителем силы невероятного для Земли масштаба. Как ни странно, прибор "Ласточка" установленный в административном блоке на Хорошевском шоссе, зафиксировал растущую аномалию вышеназванной природы и у нас в Москве. Аномалия своей амплитудой чаще всего задевает здание ФСБ на Лубянской площади, что само по себе обнадеживает руководство ГРУ, и оно с нетерпением ждет более полную информацию по данному делу от руководства ФСБ"...

"Наша информация, — меланхолично подумал Волхв, переворачивая лист и приступая к чтению следующего, — называется "дуля с маком".

"Служба "Аккор" ФСБ Россия: "По данным запросам ГРУ о растущей грандиозной аномалии с признаками тау-излучения

неземного происхождения в здании ФСБ на Лубянской площади ничего сообщить не можем, но можем посоветовать руководству ГРУ вести здоровый образ жизни, не пить много кофе, рано ложиться спать и рано вставать”.

“Ни фиги себе, аналитическая записка, — удивился Волхв. — Это получается, что ее составители в администрации президента специально не отредактировали текст? Дали понять, что мы не делом, а склокой занимаемся, так, что ли? Ждите, так я и выдам для всеобщей “аналитической записки” нашу сокровенную информацию. Президент знает, и довольно”.

Волхв довольно усмехнулся и нажал на клавишу:

— Анна Сергеевна, где у нас сейчас Веточкин и аномальный Стефан Искра?

— На квартире у муровского полковника Хромова, мешают коньяк с водкой, идиоты, — доложила секретарша.

— Спасибо, — поблагодарил ее Волхв. — Можете идти домой, я еще поработаю.

9

Слава Савоев в своем нынешнем состоянии обрел статус бесподобности. Что это за состояние, объяснить можно, но понять вряд ли. Слава тоже не понимал, но чувствовал, что может не обращать внимания ни на какие земные обстоятельства, они сами стали к нему приспосабливаться, ибо у аолиэтного лаоэра не было земной судьбы, не было обязательств перед энергией вриля (энергия вселенной), насыщающей все примитивные параллельности, дублирующие земную жизнь методом постепенного усложнения и доведения до шестимерности. Слава Савоев мог понимать Абсолют, в одном кубическом метре которого сокрыт энергетический потенциал, равный мощности взрыва сорока триллионов ядерных бомб звездного вещества аплъ, сгустки которого обитают в толще Атлантического и Тихого океанов. Там же, на дне океанов, осуществляется цивилизация илли, существ которой аолиэтный лаоэр Слава Савоев пренебрежительно уважал. Илли, приспособившись к энергии звездного вещества аплъ, обрели такую форму отстраненного осуществления, что, вспыхни и исчезни Солнечная система, они по-прежнему плели бы тягучую нить совершенства, не заметив случившегося. Илли настолько самодостаточны, что даже не замечают вселенную, и поэтому вселенная не знает об их существовании. Обычная судьба звездных систем. В бесконечности они никому не нужны, они самодостаточны, их нет, но...

Слава Савоев, старший оперуполномоченный, открыл дверцу “Мерседеса-200” рядом с водителем и, повернув к нему голову, сказал:

— Спасибо, дружище, меня только до Ростова подбрось, а далее я сам доберусь.

— Ага, — кивнул мужчина, похожий на предпринимателя средней руки, и, открыв дверцу, попытался выброситься из автомобиля, мчащегося на большой скорости.

— Стой! — перепугался Слава, хватая водителя за плечо одной рукой, а второй удерживая руль. — Ты солому забыл подстелить. — Он без усилий втянул мужчину в салон и заодно захлопнул дверцу, ручку которой судорожно сжимала рука неудавшегося камикадзе. — Думать надо, — упрекнул Слава мужчину. — Не успел бы об асфальт шмякнуться, как на колеса КАМАЗа намотался бы, что за нами следует. Кошелек в окно уронил, что ли?

— Так ты, того. — Мужчина на удивление быстро пришел в себя и ухватился за руль. — Я топлю под сто пятьдесят км, никого не трогаю, вижу, ты голосуешь, я попутчиков никогда не беру, еду дальше, а ты мне вдруг говоришь, здрастье, поехали в Ростов, а до Парижа я и сам доберусь. Циркач, что ли? — он взглянул на Славу и засомневался: — Или привидение?

“Ну и ну, — подумал Слава Савоев. — Вот ведь, чуть человека не убил. Теперь, оказывается, придется все учитывать, а я уже успел и забыть, что нужно дожидаться остановки автомобиля, а не садиться на ходу. Быстро же к хорошему привыкаешь”.

— Да нет, — он виновато пожал плечами. — Просто мне в Нахапетово, к родственникам надо заехать.

Глава пятая

1

Сенатор штата Аризона, куратор от правительства США программы “Хазары”, обратился к Джону Карри, руководителю центра подготовки полета на Юпитер и создателю наноускорителя для межпланетного хроногиперболизированного космического корабля.

— Джон, а почему бы вам не осуществить полет куда-нибудь подальше, чем на Юпитер? Например, к чертовой матери?

Джон Карри, лишенный даже рудиментарных признаков чувства юмора в трезвом виде, сразу же под “чертовой матерью” признал планету Плутон, которую именно так и называли в среде астрофизиков, поэтому серьезно ответил Арчибальду Соуксу:

— Она очень опасна, ибо ходит по самому краешку Солнечной системы.

— Я бы на вашем месте оставил Юпитер в покое. — Арчибальд Соукс вытащил из кармана сигару, посмотрел на нее и выбросил в урну. — Слетали бы куда-нибудь в другое место, к спиральному созвездию Треугольник, например, в галактику М33, или еще куда, а, Джон?

Джон Карри наконец-то понял, что Арчибальд Соукс чем-то потрясен, и его советам не стоит придавать значение.

— Все нормально, Арчи? — поинтересовался он.

— Вполне, — удивился вопросу сенатор, — более чем...

Но им пришлось прервать беседу. В холл секретного объекта "Янки" вошла Клэр Гатсинг, выглядевшая как монашенка, демонстрирующая одежду для стриптиза на подиуме. На ней было наброшено что-то наподобие рыбацкой сети розового цвета, опускающейся чуть ниже ягодич, и черные туфли с пятисантиметровым тонким каблуком на ногах.

— Джони, — она строго посмотрела на жениха, — тебе известно, что свободная женщина никогда не бывает одинокой?

— Это общеизвестная истина, — подошел поцеловать ее Джон Карри. — Красивая женщина всегда не одна и всегда свободна. Это ее рабочее состояние.

— Вы слышали, сенатор? — Клэр бросила взгляд на Арчибальда Соукса и нервно хохотнула. — Он назвал меня проституткой?

— Нет, не слышал. Что будете пить, Клэр? — Соукс подошел к бару.

— Мне хайбол с грейпфрутом. — Клэр на мгновение запнулась, но все-таки добавила: — А вы пропустите стаканчик валиума со льдом.

Когда Соукс вернулся с соком для Клэр Гатсинг, она уже сидела в низком кресле, закинув ногу на ногу, со стороны это выглядело ничуть не слабее полета в другую галактику, и говорила Джону Карри:

— Пикало Фаргон, пытаюсь соизмерить погружение кванта в среду неомолекулярного вакуума с результатом моих последних исследований в области андронинной блиотектоники пространственных параллельностей, не учел всего лишь одного — своей ограниченности. С итальянцами всегда так, начинают с пути к звездам, а заканчивают вступлением в гангстерскую организацию.

— Оставь Фаргона в покое, — поморщился Джон Карри, — как и свое увлечение биотектоникой. По-моему, уже давно католическая церковь признает существование Бога, а ты тратишь время на научное обоснование его деятельности. Лучше скажи, твои расчетные данные седьмого узла совпадают с принятыми?

— Совпадают, — кивнула Клэр, не меняя позы.

2

Мысль о полете на Юпитер возникла вовсе не у Джона Карри и тем более не у Клэр Гатсинг, нет, она возникла на юге Мексики и севере Гватемалы в сотом году нашей эры, когда на месте Нью-Йорка если что и было, то выглядело как вигвамы индейского племени сиу. По каким-то причинам в это время возникла непонятная паническая мода, погубившая колдовскую, великолепно развитую и приспособленную для жизни цивилизацию майя, которая до этого просуществовала более пяти тысяч лет. Десятки городов, вполне сравнимых по величине и превосходящих по коммунальной инфраструктуре Лондон, Париж, Москву и даже

Рейкьявик, были покинуты людьми с вызывающей поспешностью в течение одного дня. Майя исчезли. Они оставили после себя обилие иероглифических текстов, самым основным из которых была книга “Киче майя”, бесследно исчезнувшая в 1691 году в пещерных библиотеках суфийских мистиков, самого древнего направления иудаизма, брацлавских хасидов, ныне преследуемых раввинами протестантски реформированного иудаизма, обосновавшегося в США. Брацлавские хасиды ведут непримиримую войну с проявлениями атлантизма, обосновавшегося в западной цивилизации. Неизвестно какими путями, но вскоре после Второй мировой войны “Киче майя” оказалась в руках советской разведки и буквально через год в руках ЦРУ. На одной из страниц иероглифического текста “Киче майя”, над которым работали в спецлабораториях лингвисты, филологи, астрологи, физики, метафизики, астрофизики, весь засекреченный и охраняемый цвет мировой, внациональной и внегосударственной науки, были обнаружены формула пространства и формула гиперболического преобразования этого пространства, что позволило группе ученых Лос-Алабамского центра слегка “ковырнуть” нейтрон и открыть такое явление, как фантом нейтрона. Его-то и сумел обобщить и воплотить в наноускорителе для хроногиперболизированного космического корабля Джон Карри, что позволило США говорить о полете на Юпитер в первую очередь, ибо, как гласят листы “Киче майя”, человечество Земли вторично, самой первой жизнью они жили на Юпитере, а затем умерли и стали жить круговоротными ущербными жизнями на Земле. Тоска земного человека по совершенству — это тоска по Юпитеру, а тоска по чистоте и радости — это тоска по смерти, из которой нас когда-то изгнали на Юпитер. Одним словом, земляне решили проверить древних “на вшивость” и слетать на Юпитер, кое-что уточнить для себя, выяснить, куда все-таки исчезли майя, действительно ли они и хазары одно и то же, действительно ли Иерусалим был Асгардом, городом Богов, прячущих свой лик, и правда ли, что брацлавские хасиды и есть царские хазары, сумевшие попасть на Юпитер мертвыми и вернуться на Землю живыми...

3

В холле “Янки” стали собираться на вечерний ланч участники проекта, ученые-лаборанты, пришли даже два будущих астронавта, Клайд Гот и Лют Ходоков, блокбастерные астробиологи и два эмигранта бытовой ориентации из России: Свинтицкий Андрей Серафимович и Олег Антонов, ученые мирового уровня. Первый занимался крионизированием, до плотности и размера таблетки, универсальной донорской крови “Ч”, которая будет входить в комплект выживания каждого астронавта, а второй — установкой на “Хазарах” усовершенствованного, многофункционального гамма-спектрометра, действующего в режиме катастрофической автономии. Арчибальд Соукс усмехнулся, вспомнив

об оперативности Госдепартамента. Неделю назад Свинтицкий и Антонов, покинув Женеву, где они принимали участие в форуме ученых-аскетов в составе российской делегации, прилетели в Нью-Йорк. В девять часов утра прилетели, в десять попросили вид на жительство, в десять тридцать его им предоставили, а в двенадцать пополудни они стали полноценными гражданами США, с которыми НАСА тут же заключила контракт на шестьсот пятьдесят миллионов долларов в год. О, Америка! Соукс любил Америку. Судя по лицам русских ученых, они ее любили в два раза сильнее, чем он.

— Наконец-то! — воскликнула Клэр Гатсинг, забирая у Соукса стакан с виски, на которое она уже перешла, и скорчила на лице шутливую гримасу. — Вам только за смертью ходить.

— Смерть приходит сама, — встрял в разговор влюбленный в Клэр Гатсинг Клайд Гот. — Это как шаги Командора.

— Блокбастерная астробиология, — снисходительно хихикнула Клэр, с интересом разглядывая Олега Антонова, — это как реанимационная патологоанатомия, не правда ли, Джон?

— Интересно, — не отвечая на вопросы невесты, Джон обратился к Соуксу: — Я уже имею право на рога, или это прерогатива законного супруга?

— Какая тебе разница, Джон? Давай лучше поговорим о законах вселенной и, в частности, нашей Солнечной системы. Почему бы вам действительно не заинтересоваться Меркурием, а не Юпитером, этой гигантской капсулой с газом, летающим капканом для комет и астероидов? Ведь на Меркурии гораздо больше загадок.

— Например, — насмешливо посмотрел на него Джон Карри, он не любил говорить о науке с дилетантами, — что вы хотите нам сказать по этому поводу?

— Сенатор в науке, — заметила из-за спины Соукса Клэр Гатсинг, — это то же самое, что рвотный порошок в желудке.

— Кстати, — повернулся к ней Арчибальд Соукс, — я проверил твои расчеты по седьмому узлу модуля "Кьюб". У тебя там та же ошибка, что и в принятых расчетах. В геральд-уравнении корня кубистики вы постоянно принимаете предполагаемую иксовку числителей за фактическую. Советую обратить на это внимание, Клэр, иначе у нас получится не развед-модуль, а летучий голландец без руля и ветрил.

Сказать, что у Клэр Гатсинг отвисла челюсть, это значит ничего не сказать. Клайду Готу, и не только ему, показалось, что у гениальной женщины глаза выдвинулись на несколько сантиметров вперед.

— Ну, а насчет Меркурия я бы хотел сформулировать несколько принципиальных вопросов. — Забыв о Клэр, Соукс обратился к Джону Карри. — И хотел бы получить на них ответ. Почему Меркурий состоит в основном из железа? Почему в таком случае у него есть магнитное поле? Почему планета отличается

от всех планет столь высокой плотностью? И самое главное, как могло получиться, что на Меркурии, где температура поверхности достигает чудовищной температуры в 500°, в полярных шапках находится лед?

— Да потому! — истерично крикнул ему в лицо Джон Карри и, к изумлению присутствующих, упал в обморок.

4

Подполковник Абрамкин шел по следу. Таганрогская жизнь ему уже давно не казалась медом. После отставки Кияшко он никак не мог найти общий язык с полковником Самсоновым.

— Как бы мне найти с вами общий язык? — иногда пытался поговорить Абрамкин с начальником управления.

— У нас и без поисков общий язык, — грамотно отшивал его Самсонов, — русский.

Исчезновение Славы Савоева довольно-таки быстро переросло из уголовного дела о пропаже сотрудника милиции в политическое. Игорь и Степа вздохнули всю агентурную, включая неприкосновенный актив, сеть, но никакой информации не добыли. Слава исчез, как в бездну канул. Именно в это время подполковник Абрамкин решил — сейчас или никогда. Ему удалось выяснить на этот счет мнение оперативника таганрогского УФСБ Зубова. Он так и сказал, похлопав Абрамкина по плечу:

— Если бы ты нашел Савоева, то сидел бы сейчас в Ростове, а то и в Москве, и оттуда отдавал приказы Самсонову.

Абрамкин тогда виду не подал, наоборот, строго осадил Зубова:

— Я не собираюсь искать Савоева специально. Это не входит в мои обязанности. А с Семеном Иосифовичем у нас простые дружеские отношения, мне приятно работать под его руководством.

— Ну-ну, — понял оперативник Зубов. — Успокойтесь, подполковник.

Абрамкин стоял рядом с ним возле входа в здание УФСБ в парадном мундире, благоухающий дорогим одеколоном и в начищенной до зеркального блеска обуви. Этой безукоризненной внешности он посвятил два утренних часа. Как заместитель Самсонова по связям с общественностью, сегодня он должен был встретиться со съемочной группой программы "Петровка, 38" и перед камерой сказать на всю страну, что преступность, достигнув границ Таганрога, сразу же погибает. Уголовной гидре здесь отрывают голову. Но перед самой съемкой Абрамкин получил приказ Самсонова прибыть на Греческую улицу 9, там серьезное ЧП, нужен опытный оперативник, а кроме Абрамкина никого под рукой нет.

— Выручайте, Сидор Аврамович, там большой шухер, если нужно, сформируйте оперативную группу и возглавьте ее, — попросил Абрамкина Самсонов, сурово глядя ему в глаза.

— Есть! — радостно принял задание подполковник, вышел во двор управления и приказал патрульному мотоциклисту доставить его к месту чрезвычайного происшествия.

Прохожие оглядывались вслед этому мотоциклисту. Блестящий подполковник Абрамкин сидел позади сержанта, волосы его трепетали на ветру, в одной руке он держал фуражку, а в другой портфель, и это, черт побери, было красиво...

ЧП называлось Марией Васильевной Быковой, пенсионеркой 69 лет, которая, увидев столь ослепительного милиционера, прибывшего по ее звонку в дежурную часть с просьбой прислать “кого-нибудь, а то тут диверсия”, схватила его за рукав и не отпускала до той поры, пока ее полупьяный племянник не сфотографировал их вместе.

— Я соседей буду пугать этой фотографией, — объяснила она растерявшемуся подполковнику и лишь после этого показала крышку от канализационного люка, прислоненную к стене подъезда: — Это цветной металл, здесь нужно устроить засаду и задержать расхитителя, гада такого, Ваську Ритычного из 52-й квартиры, он все время лампочки, алкаш-зараза, в подъезде выкручивает.

— Ну да, — только и смог произнести подполковник Абрамкин, разворачиваясь и покидая двор. Тут-то на улице его и увидел вышедший покурить из здания УФСБ на свежий воздух оперативник Зубов...

...Подполковник Абрамкин ехал на электричке в Ростов. Все работало в его пользу. Это был шанс, и он собирался его использовать. Как всегда, удача наткнулась на него случайно...

Чисто случайно его окликнул на улице бывший кинолог, когда-то подрабатывающий в должности консультанта в собачьем питомнике сочинского УВД, Эрнест Туполев.

— Ты ли это, Сидор Аврамович? — притормозил он свой “мерседес” у обочины рядом с медленно и солидно вышагивающим по тротуару подполковником. — Вот так встреча!

“Эх, — огорчился Абрамкин, сразу же узнав Туполева. — Уже на “мерсе”, и по лицу видно, что живет хорошо, а ведь недавно сам как овчарка был, с утра до вечера на тарелку супа зарабатывал”.

— Здорово, Эрнест, — величественно взглянул на земляка Абрамкин, останавливаясь перед “мерседесом”. — Что за дела у тебя в Таганроге?

Туполев, знавший Абрамкина еще капитаном в Сочи, сразу смекнул, что ставший подполковником в Таганроге бывший коллега явно большая шишка. Сочинцы, как и москвичи, считают, что если кто-то и покидает их город ради других городов, то лишь для того, чтобы стать “большой шишкой”.

— Дела, — вышел Туполев из салона, чтобы поздороваться с подполковником. — Я сейчас турбизнесом занимаюсь и слегка собачками дворянских кровей подторговываю.

— Хвалю. — Абрамкин похлопал ладонью по крыше “мерседеса”. — Я всегда говорю, что туристы и собаки друзья человека.

Через некоторое время, как водится среди земляков, встретившихся на чужбине, они стали пить. Сначала на балкон-кафе гостиницы “Темеринда”. И тут Эрнест Туполев поведал подполковнику о случае на шоссе, когда к нему на ходу подсел молодой человек, добирающийся в Нахапетово.

— Хороший парень, Славка Савоев, — похвалил попутчика уже ставший нетрезвым Эрнест Туполев. — Жизнь мне спас, когда я хотел на всей скорости выпрыгнуть из машины под колеса КАМАЗа.

“Ага!” — сразу же представил подполковник Абрамкин ростовско-московский кабинет, из которого он названивает Самсонову в Таганрог, не заметив мистическую сторону встречи Туполева с Савоевым.

— А где это Нахапетово? — вкрадчиво-равнодушным голосом поинтересовался он у земляка.

— А хрен его знает, — отмахнулся от него Эрнест Туполев. — Где-то на Азовском море. А ты кто такой? — вдруг заинтересовался он личностью подполковника Абрамкина и, взяв со стола тарелку с нарезанной колбасой, надел ее на голову Абрамкина.

...И вот подполковник, никого не поставив в известность, на свой страх и риск, ехал в Ростов, чтобы уже оттуда предпринять бросок на логово Славы Савоева в Нахапетово. Он был одет в удобный камуфляжный комбинезон, в рюкзаке лежали консервы, хлеб, средство от комаров, полевая аптечка военного разведчика, восемь гранат РГД-5, которые он взял из вещдоков в управлении, фотографии семьи и Аллы Юрьевны Вострецовой, газовый спецназовский баллончик и большой десантный штурмовой нож “Катран”. Абрамкин шел ва-банк, и это было хотя и придурковатое, но все-таки настоящее мужество.

Глава шестая

1

Саша Стариков уже несколько раз проходил мимо красивого старинного особняка, расположившегося между Старым и Новым Арбатом, и мысленно чертыхался. Было в особняке, как и в деятельности вокруг него, нечто такое, что мешало ему жить. Саша нутром, инстинктом оперативника чувствовал, что в этом так называемом “престижно-ресепкательном месте” живет и действует изощренно-мошенническая уголовщина, обслуживаемая армией высококлассных адвокатов. Саша тяжело вздохнул. УК России на девяносто девять процентов вступает в противоречие с русским характером, несмотря на то, что большинство считает его чрезмерно гуманным. “В принципе, все понятно, — подумал Саша, глядя, как к особняку подъехал побитый “жигуленок” ржаво-лишайного вида. — Брать от жизни можно, только заби-

рая у других людей". Из "жигуленка" вышел молодой мужчина и позвонил в двери особняка. Саша подошел почти вплотную к мужчине. "Козел, — удовлетворенно нашел он подтверждение своим подозрениям. — Оделся как гастрайбатер, строитель из Молдовы, придурок, а на руке часы за двадцать тысяч баксов".

2

— Мальчики, — произнесла полковник ФСБ, ведущая курс "Альфонсы" в закрытой высшей школе СВР, Степанида Исаковна Грунина. — Надеюсь, — она строгим преподавательским взглядом обвела аудиторию, состоящую из той категории мужчин, ради которых женщины готовы подсыпать яд в пищу своему мужу, застрелить любовника и застрелиться сами, — что жен у вас не будет. Помните, — полковник Грунина взяла со стола дистанционный пульт и озарила экран образом женщины с тяжелым, почти квадратным подбородком и грушевидным носом, — что чаще всего вам придется работать с красавицами такого типа, которые при встрече с вами через пять минут должны верить в то, что они превосходят и Синди Кроуфорд, и Клаудию Шиффер, и даже королеву ночи Наоми Кэмпбэл. Повторяю, — полковник Грунина сделала паузу, — верить, а не самообманываться. Дамы такого типа очень реально мыслят. Шаблин! — повысила голос полковник. — Прекратите корчить рожи, изображающие отвращение. Если бы это было не начало первого года обучения, а конец, то вы бы вылетели не только с курса, но и вообще, выше быка-производителя в селе Втулово в своей дальнейшей жизни не поднялись бы. Вы все дали подписку и добровольно присягнули, назад пути нет, вы не на коммерческом курсе МГИМО, где я иногда читаю лекции, а в секретной школе разведки. Поэтому при слове «женщина» вы должны быть в полной боевой готовности во всех аспектах, даже если эта женщина страшнее самого черта. Вы должны чувствовать романтическую влюбленность и тягу к сексуальному контакту даже при виде покрытой коростой бомжихи, вылезавшей из канализационного люка. Вас учат тайным знаниям о женственной сути существа, а не тому, как манипулировать просто с женщиной. Эта чепуха для МГИМО, поэтому, — лицо Груниной озарилось улыбкой, — не надо корчить рожи, Шаблин. — Степанида Исаковна Грунина вновь указала на экран с изображением дамы. — Это супруга Масалика Турбенрогмана, астрофизика из Швейцарии, его предположение об активном существовании разума на Юпитере имеет какой-то странный подтекст опасности для мироустройства. Недавно его стали плотно опекать из ЦРУ. Жену он боготворит, она у него и научный секретарь, и лаборант, и архивариус, и горничная. Вацлавский! — вновь прервалась полковник Грунина. — Не изображайте на лице недоумение. Ученые — люди среднего рода, мужчина и женщина в одном флаконе, вместо детей они рожают гениальные идеи. Если же случается, что они обзаваются жена-

ми и настоящими детьми, у них или рождаются дебилы, а идеи полноценные, или наоборот. В этом случае, — Грунина кивнула на экран, — идеи гениальные, детей нет, все отразилось на жене. Теперь представьте, что она может сделать для человека, который освободит в ней женщину и научит получать удовольствие от холодного мартини в жаркий полдень? Так что, дети мои, специализация “альфонс” в разведке — это высший пилотаж, и через пять лет, когда я провожу вас в большую жизнь, вы станете грозным оружием в арсенале российской государственности...

На пульте, установленном на столе преподавателя, “пикнул” вызов наружной охраны. Полковник надела наушники и молча выслушала сообщение, затем вывела на экран картинку с улицы перед зданием, где располагалась так называемая “походная” аудитория курса “Альфонсы”. На экране возник молодой широкоплечий парень, задумчиво рассматривающий чудную архитектуру старинного особняка.

— Это оперативник из МУРа, — сказала полковник. — Думает, что здесь у нас какие-то подозрительные личности обитают. И правильно думает, между прочим. Вы еще не умеете заходить в полевых условиях в здание, за километр видно, что вы идете на нечто конспиративное, сопляки. Вот, например, ты, Авдеев. Прикидываешься рабочим с юга, на хлеб да квас вкалывающим, а на руке “Ролекс”, который тебе подарила охмуренная тобой Хусаинова Тамара, владелица МЧП “Колбаса и мясо”, а у нее, между прочим, муж и три сына студента. Скажи спасибо, что все это произошло до твоего прихода сюда, а не то бы уже на третьем этаже в Лефортово отдыхал. В общем так, оперативники, запомните, в течение недели он должен снять подозрения с этого здания и людей, входящих в него. Он профессионал, и вы постарайтесь быть такими.

3

“Гул, гам, истерика автомобильных тормозов, паника затурканных огромностью мегаполиса провинциалов. Шорох и шепот многомиллионного существа по имени “столичная толпа”. Многолюдный кашель, отсмаркивание, отхаркивание, коллективный вдох, коллективный выдох, семь стаканов слез в сутки — это Москва. Звук мирового города иногда колокольны, чаще психически нездоровы и всегда усреднены. Но есть у Москвы один по-настоящему искренний звук, созвучный клочковатой гармонии глобализирующегося мира. Этот звук завораживает и умиротворяет, словно накат полуденной волны и ее шипящее сползание обратно, в море. Это шелестящая музыка пересчитываемых денег. Вот она, Великая Купюра! Заговоренная великими магами, владыками шестиуровневых вертикалей, на которые нанизаны параллельности. Вглядитесь, и вы увидите на этой купюре историю, искусство, вдохновение великих композиторов и музыкантов, творящего скрипку Страдивари, все семь чудес све-

та, бледность поэта, горящие взоры актеров, философично-ублюдочную руку наемного убийцы, танцующую балерину. Великих героев, совесть Льва Толстого, пышность Ватикана и куполов православных храмов. Компьютеры, ракеты, государства, рождения, смерть, ум. Честь, совесть — все увидите. Деньги! Их нельзя презирать, ибо это будет ложной гордыней, которая сама достойна презрения. Деньги нельзя любить, ибо настоящая любовь всегда безответна, деньги не ответят вам взаимностью. Их нельзя уважать, ибо они в этом не нуждаются и поэтому не обратят на вас внимания. Деньги нельзя копить, ибо у вас тогда не будет времени ни на что другое. Перед ними нельзя заискивать, ибо они примут вас за нищего и ограничатся подаванием. С деньгами можно заключить договор, они честные партнеры, но дело в том, что условия договора вы неизбежно нарушите первым. И тогда неотвратимо последуют санкции. Примет ли меня Москва без денег?.. — думал Саша Углокамушкин, стоя на углу Комсомольского проспекта. — Вот я просто и честно сообщил нуворишу, владыке киосков, что готов следить за чистотой вокруг его владений и разгружать товар всего лишь за полноценный завтрак и ужин, не обращая внимания на обед. И что же? Цепкий взгляд азербайджанца, у которого в крови течет память предков, торговавших пахлавой на улицах древнего Рима перед его падением, и все со мной ясно.

— Эй, слушай, тебе надо знать, как я живу? Я честно живу, начальник. Твой друг утром был, я деньги давал.

Одним словом, нужно уносить ноги. Если тебя приняли за мента, а затем поймут, что ошиблись и перед ними действительно голодный, могут и убить. О, где вы, где, бутерброды Степаниды Груниной? Сперли даже сумку с вещами. Вчера положил под голову, слегка задремал и проснулся без “подушки”. По-моему, я мазохист. Хорошо еще, документы в надежном месте, вот они... Да! Можете меня поздравить, господа. Я теперь обыкновенный московский бомж. Без жилья и на данный момент без денег. Это говорит о том, что удача стала поворачиваться ко мне лицом. Она ведь любит забавляться. Особенно летом...”

4

Секретный объект “Янки” расположен на глубине тысячи пяти сот метров под пустыней Аризона в одноименном штате. Площадь объекта составляет двадцать восемь тысяч квадратных метров, разделенных на ангары, напичканные самой совершенной техникой. В этих ангарах производят сборку модулей и отсеков, которые при воссоединении станут именоваться МХК — межпланетный хроногиперболический корабль “Хазары”.

— Чем больше я думаю о будущем межпланетных путешествий, дорогая, тем больше прихожу к мысли, что без генетиков с их шалой идеей конструирования типа человекокиборга нам не обойтись, — сказал Джон Карри Клэр Гатсинг и, осторожно по-

ложив на лабораторный стол платиновый контейнер величиной с монету, уточнил: — Впрочем, как и без японских микрочипов для бортовой компьютерной системы.

— Конечно же, не обойтись, Джон. Киборгизированные японцы Америке просто необходимы. А если серьезно, то лучше всех с геноконструированием справляется некий Чебрак Алеша Васич, — с американской естественностью переврала она имя и отчество Алексея Васильевича, — из России.

— Из России? — удивился без веских на то оснований Джон Карри. — По-моему, там уже никто не живет из ученых. С чего ты взяла, что этот Чебрак лучше японцев?

— ЦРУ предоставило мне полную информацию о кудеснике из России.

— Ты разве спишь с директором ЦРУ? — Джон Карри напряженно наблюдал по монитору, как в пятом ангаре устанавливают на модуль “Сталкер” квантовый спектрометр. — Я не видел его выходящим из твоей спальни... — Он восхищенно выдохнул. Ученые-лаборанты установили спектрометр в модуле с тем совершенством, с каким профессионалы вгоняют бильярдный шар в лузу.

— ЦРУ и НБ обязаны давать нам информацию по всем значимым ученым в мире, тем более по засекреченным, — объяснила Клэр Джону Карри то, что он и без нее знал. — А этот Чебрак такой очаровашка, похож на сатаненка, скрещенного с покойным гангстером Диллинджером. Ребята из Лэнгли показали мне его фотографию.

— А почему с Диллинджером? — рассеянно спросил Джон Карри, не отрывая взгляда от корпоррагелионовых мониторов. — Он разве грабит банки?

— У него такая же целеустремленность. Этот Чебрак смог овладеть холодным термоядерным синтезом. Он уже давно подбирается к первопричине жизни. В ЦРУ предполагают, что однажды даже перехватил биональный хроногусток умирающего, так называемую душу, а теперь ему удалось выделить детонирующий момент зарождения ХТС (холодного термоядерного синтеза) в фантомовагинальной субстанции женщин, и он назвал его “Вспышкой”. Кстати, женщин не всяких, а лишь эмпирически вдохновенных. Ну этих, — напомнила Клэр, — кого в просторечии называют ведьмами.

— Это очень серьезно. — Джон Карри совершил невероятное — отключил мониторы. — Неужели русские ухватили ХТС? Чебрака нужно или завербовать, или убить.

— Лучше, конечно, в Америку, — поморщилась при слове “убить” Клэр. — И вообще, это забота Лэнгли, а не наша. Меня больше интересует метаморфоза, произошедшая с Арчибальдом Соуксом. С чего он вдруг оталантливился? По-моему, это чересчур. Сенатор, разбирающийся в интегрально-геральдических схемах и полупроводниковых гетеромегаструктурах для супер-

скоростной и оптоультраэлектроники, — все равно что президент США, подрабатывающий на иракском телевидении, танцующая ламбаду в обнаженном виде.

— Что за сравнения, Клэр? — пожал плечами Джон Карри и включил мониторы. — А Соуксом, мне кажется, должна заняться служба национальной безопасности.

Глава седьмая

1

Далай-лама в час ночи покинул Поталу и в сопровождении двух монахов-телохранителей отправился к храму Наакал, тайную резиденцию бессмертных, вход в который был расположен в трех километрах от Лхасы и в пяти от Поталы, но никто, кроме избранных, не знал об этом. Монахи следовали за ним словно тени, скользили, а не шли, быстро и призрачно. Это были воины монастыря Тот, в котором уснули миниатюрные белые сфинксы. Телохранителей называли “лунные бабочки” в честь невероятно древних событий, произошедших на Земле сто сорок четыре тысячи лет назад. Тогда все пространство мира было пронизано насмешливыми законами свернутого в галактический жгут чуда. Бог был рядом, и его присутствие оказалось настолько повсеместным, что даже Земля не могла стать твердью, а была восторженно желеобразной и прозрачной от полюса до полюса. И так продолжалось до тех пор, пока не произошло необъяснимое вторжение и последующая за ним Катастрофа, после которой на Землю стали приходить мертвые. Об этом и написано в священных шелковых письменах... Далай-лама слегка кивнул головой и в который раз удивился мгновенной реакции своего личного “спецназа”. Один из монахов, с лицом, напоминающим формой молодой месяц, скользнул к потаенному лазу монастыря Наакал и, словно змея, исчез в нем. Монастырь воздвигли на недостижимой для современной цивилизации глубине в сорок километров служители бога Бар, единственным недостатком которого, по мнению далай-ламы, было лишь то, что он выносил окончательные приговоры и тем самым ставил под сомнение свою божественность. Монах выполз из лаза с алмазной змеей дибу в ладонях. Далай-лама провел по голове дибу осанным браслетом, охватывающим запястье левой руки, и змея ужаса, изменив цвет с кораллово-золотистого на ониксово-серебряный, переползла с ладоней монаха на руку далай-ламы, скользнула по ней к шее и юркнула в уже приоткрытый для этого рот правителя Тибета. Далай-лама ощутил шершавый холод, заполнивший его пищевод, почувствовал, как дибу развернулась в нем головой ко рту и, свернувшись, затихла.

— Я пошел, — сказал далай-лама монахам. — Вернусь, когда вернусь, ждите.

Обученные по системе “сновидение” телохранители кивнули и растворились в темноте. Подойдя к лазу, правитель Тибета, да-

лай-лама, элохим, не ведающий об этом, второй, повторяющейся вот уже тысячу лет, степени посвящения, дзог большого благословения, лег на землю и вполз в лаз.

Он не любил посещать монастырь Наакал, не нравился путь к нему. Холод дибу, чем-то напоминающий местную анестезию во время хирургической операции, сделал его тело бесчувственным и ознобно дрожащим. Вместе с тем оно стало воспринимать все изгибы узкого лаза, словно сам далай-лама превратился в змею. Аура алмазной змеи внутри него приглушала и делала даже приемлемым пластунский путь в Наакал. Наконец-то лаз стал более пологим, и правитель Тибета попал в зону плывунов, заскользив животом по жидкой велесовой глине. Вскоре он перестал помогать своему телу, набирая скорость, оно устремилось вглубь. Угол наклона лаза достиг восьмидесяти градусов, и скорость спуска была такой, что закладывало уши. Руки правителя плотно прижались к телу, со всех сторон лаза, по кругу, источалась жирная смазка велесовой глины, голова его поднялась лицом вперед, рот приоткрылся, и изо рта, словно из уютного грота, выглянула голова дибу с немигающими перламутровыми глазами смерти. Но вот скольжение резко оборвалось, и далай-лама в полнейшем мраке рухнул вниз, испытывая все прелести и ощущения свободного падения. Дибу вновь втянулась в пищевод, а далай-лама с эффектным всплеском обрушился в пещерную реку Шол. Это была еще одна причина, по которой он не любил посещать монастырь. Вынырнув, он обнаружил вокруг себя наполненный красноватым отблеском полумрак и, отфыркиваясь, поплыл по течению, под арками анфиладных пещер, в сторону мерного и мощного звука. Плыть было легко, упругое течение реки Шол несло правителя Тибета, словно "эстафетную палочку", передаваемую эльфинами "из рук в руки". Далай-лама не обольщался насчет хромосомно-альфиновой флофаунной субстанции, расселившейся в водах подземной реки. Если бы у него в желудке не дремала алмазная змея, он был бы мгновенно "выпит до дна" эльфинами и навсегда вычленен не только из мягких дзоговых реинкарнаций, предусматривающих в каждом повторении пятнадцать процентов памяти прошлых жизней, но и вовлечен в информационное эхо мирового океана. По мнению дзогов, лучше быть вычлененным, чем вовлеченным. Лама Горы говорил, что вовлечение в информативное эхо — это абсолютное забвение, сконцентрированное в смысловой бесцельности движения.

Монастырь Наакал, резиденция дзогов, расположен в нейтральном сечении на дне Джомолунгмы, полностью повторяющей Джомолунгму поверхности в перевернутом виде. Все пространство Гималаев ромбовидно, то, что дыбится белоснежными вершинами на поверхности, лишь повторяет ниспадающие в глубь земли горы, перевалы и плоскогорье Тибета с зеркальной точностью зеркального искажения.

Гул, а вместе с ним и течение Шол, усилились, в густом “бульоне” хромосомных эльфинов стали появляться воронки водоворотов, которые с каждым метром становились все шире и глубже, и вскоре далай-ламу закрутила и стала втягивать в себя огромная водопадная воронка последнего водоворота. Где-то на полпути многокилометровой воронки далай-лама был выдернут с орбиты водоворотности, втянут в его воющую стену, и тут же дибу устремила ко рту из пищевода. Вот уже далай-лама стоит в бирюзово-светлом пространстве конференц-зала монастыря Наакал и видит кончик хвоста дибу, исчезнувшей в маслянисто-черных водах Шол. Ламу призвал распорядитель сегодняшнего совещания, дзог легких форм Агван.

— Все тибетцы варвары, — усмехнулся Агван, — а ты Дза-Ти варварее варвара. Слава Аллаху и всем подряд пророкам, включая меня, что из Ирана более теплый и сухой путь в Наакал. У тебя вид слесаря-сантехника, пробившего засор канализации своим телом, я уже не говорю о запахах. — Агван махнул рукой в сиреневый полумрак дальнего конца огромного зала. — Твоя комната шестая, Дза-Ти.

Далай-лама добродушно улыбнулся и, не говоря ни слова, направился в гостиничный комплекс монастыря.

— Дза-Ти, — крикнул ему вслед Агван. — Смутное время наступает, тебе не кажется?

— Не кажется, — громко ответил далай-лама. — Я знаю, что оно наступает, и рад, что оно только смутное, а не кромешное.

— Типун тебе на язык, тибетский варвар, — мгновенно сплюнул через левое плечо распорядитель. — Не болтал бы все о великой неизбежности.

— Дурак, — пробормотал правитель Тибета себе под нос. — Болтай не болтай, неизбежности все равно не избежать.

2

Элохим второй ступени посвящения, благословенный двухуровневый дзог Дза-Ти принял душ и облачился в шелковую зодиакальную суфиту, официальную одежду благословенных акцентаторов воли, повязал лоб широкой, цвета аквамаринного траура, пасьяновой лентой, на которой был начертан тетраграмматон — I(йод), H(хе), V(вау), H(хе), и, выйдя из комнаты, направился в конференц-зал. Посередине зала, выложенного мозаичной персидской майоликой по полу и драгоценной эмиритской керамикой по стенам, было идеально круглое озеро около ста метров в окружности. Вода в озере походила на лилово-черную тучу. Вокруг него стояли двенадцать низких, мягких и очень удобных кресел, задрапированных вишнево-красным сафьяном.

В зале постепенно стали появляться в разного цвета зодиакальных суфитах и хайратниках с тетраграмматонем другие дзоги. Бездонное озеро окаймилось по грозовой окружности багрово-золотым и стало похоже на гигантское обручальное кольцо,

положенное на темно-синий бархат среди разноцветных всплесков цветочного изобилия. Кельт Голог подошел к Дза-Ти и спросил:

— Ты слышал когда-нибудь о Чарли Петоне или хотя бы о Роберте Джонсоне, а, тибетец?

— Ты имеешь в виду старых блэков, блюзменов? — вмешался в разговор проходящий мимо куратор английских премьер-министров, клевоантийский иблис из племени ацтеков, дзог Вадон.

— Я разговариваю с тибетцем, — огрызнулся Голог. — Ну, — яростно воззрился он на далай-ламу, — отвечай, обезьяна.

Два служителя системного монастыря Наакал, подчиняясь указаниям распорядителя Агвана, подошли к Гологу со спины и быстро скрутили его.

— Ну что вы, Голог, — тихо подошел к рычащему от ярости кельту Агван, — сейчас все пройдет.

Он вытащил из сумочки, висящей на груди, маленькую ярко-желтую, с розовыми бусинками глаз, колумбийскую лягушку блимк и поднес ее к глазам Голога. При виде лягушки лицо Голога наполнилось нежностью, а из глубины глаз высветилась циничная усмешка изощренной мудрости, да так и осталась в них. Он медленно направился к вишнево-красной окружности кресел и уселся в одно из них. Кельту Гологу подчинялись японские императоры вот уже более трехсот лет. Дорога в Наакал из Японии задевала галлюциногенную корневую систему срединных государств, и поэтому дзог Голог иногда являлся на совет безумным.

Дзоги мира продолжали приходить, но пространство вокруг кресел, как и сами кресла, было пока пустым, лишь один угрюмый Голог, словно уставший от знаний грифон, горбился в обрамлении красного сафьяна. Вскоре туда прошел Вадон и тоже сник в объятиях кровавой кожи. Дза-Ти не торопился, он ходил по залу, высматривал знакомых в толпе дзогов низшей, предварительной, ступени посвящения и, высмотрев Контанио Джидо, конгрессмена США и владельца официальной "Вашингтон пост", подошел к нему.

— Ну что, Оул, — с улыбкой спросил далай-лама, — легко ли быть посвященным?

— Тяжко, — поклонился польщенный вниманием Контанио Джидо, — и непривычно.

— Да, да, — покивал головой далай-лама. — Теперь все будет для тебя непривычным.

В сторону кресел, преодолевая пустое пространство и энергично размахивая руками, словно ведя оживленный спор с самим собою, шел иудей Енох. Сев в кресло и взглянув на успешную наполниться зеленоватым черноту озера, он сник, побледнел и, откинувшись на спинку, застыл в неподвижности. Енох, которого в Наакале называли Хезед, был куратором католических Пап уже более восьмисот лет, и поэтому Рим, католики и вера людей

в непогрешимость Пап надоели ему до чертиков. Три тысячи лет назад Енох был проклят раввинами поверхности за то, что объявил человечеству понятным языком о присутствии на Земле элохимов, и был вынужден избывать это проклятие, прежде чем стать дзогом, в убогой и развратной среде статик-рабов более двух тысяч лет. Вслед за Енохом дзоги большого благословения стали прибывать один за другим. Явился разозленный дорогой в Наакал хазар Зеведей, вождь есеев, мистических пророков Курмана, черпающих знание о будущем из свитков Мертвого моря. Зеведей был облачен мистической, замешанной на родстве, властью над славянством Хазарии со времен Киевской Руси. Он рухнул в кресло, взглянул на успевшую осеребриться траурную поверхность озера и, с искажившимся от отчаяния лицом, неподвижно замер. Зеведей был четвертым в кресле. Дза-Ти еще ходил между дзогами-исполнителями, ожидающими решения Высшего Совета, чтобы потом направить статик-рабов поверхности на его исполнение.

Появился творец буддизма, всеблагий, насмешливо мудрый Сиддхартха, более известный на поверхности под именем Гаутама Будда, и далай-лама Дза-Ти кивнул ему, но Сиддхартха, ведомый под руку Агваном и служителем, не заметил этого. Ему пришлось пройти дорогами праха и крови, прежде чем попасть в Наакал, и он пребывал в состоянии тяжелой депрессии.

Незаметно и скромно пришел благословенный иерияльный аскет, дзог, повелевающий Кавказом, Ираном, Ираком, Турцией и Каспийским морем, на дне которого лежит затянутый илом огромный космический корабль странных молчаливых пришельцев с тоскливо-гневным выражением нелепой воли в их единственном поступке на Земле. Они убили сами себя сразу же по приземлении, перед этим покинув корабль и наглухо, без возможности открыть, замуравав его. Маленькие и, по всей вероятности, очень жестокие существа, чем-то похожие на увеличенных ночных сверчков, прибывшие неизвестно откуда и непонятно зачем. Демиурги накрыли их тела и корабль морем, а элохимы проэкранировали его гигантским осанном и обнаружили, что внутри корабля находится плотный, равный по плотности огненному миру бледных демиургов, концентрат беспощадного мрака. Иерияльный аскет, дзог Ра, сейчас охранял каспийский саркофаг под видом никому неизвестного старого пастуха-свана в горах Грузии. Это было его главной обязанностью. Если бы вдруг любознательное человечество поверхности обнаружило тайну могильника, то старый пастух взмахнул бы в отчаянии посохом, и дзоги, кураторы поверхностной власти, отпустили бы бешеного пса ядерной войны гулять по земле без поводка, сметая с поверхности человечество, ибо жуткая и, самое главное, непонятная сила дремала на дне Каспийского моря. Элохимы и демиурги опасались упавшей из бесконечности силы, которую кто-то сбросил на палубу звездной бригантины по имени Солнечная система.

Вскоре пришел великий магистр ордена Кадирийа, Абд аль-Кадир, тайно-улыбчивый маг манипуляционного суфийского течения кадрийской тарикаты, создатель маленьких войн, проникновенно-изошренный проводник глобализации, творец междоусобных конфликтов внутри мусульманского мира. Он был спокоен внешне и слегка растерян внутренне. Поприветствовав Дза-Ти Абд аль-Кадир, дзог Ахиши, кивнул в сторону красных кресел и спросил:

— Действительно?

— Кажется, да, — ответил далай-лама и сварливо продолжил: — Зачем ты позволил своим людям уничтожить зодиакально-шоковый стабилизатор, это же раритетная вещь?

Ахиши не успел ответить. Печальный, словно тысячелетняя тоска, звук колокола раздался из глубин обрамленного красными креслами озера, и его поверхность расцветилась загадочно мерцающими точками, словно кто-то там, на дне бездонности, подкидывал вверх горсти драгоценных камней. По конференц-залу прокатился шепот ужаснувшегося благоговения. Ахиши сник и, тяжело передвигая ноги, направился к своему креслу. На полпути он остановился, повернулся к далай-ламе и хрипло пожаловался:

— И почему я не кошка?

Далай-лама, которому ужас на мгновение спеленал волю и разум, лишь слабо пожал плечами в ответ.

3

Светоносный покровитель России, а позднее и Китая, лама Родниковых Вод, дзог тайного посвящения, допущенный к самозабвенному откровению хранителей песчаного времени, которым измеряется небытие бытия, то есть время умершего человека, пришел печальным. В России он был известен под именем Серафима Саровского, а Китай взял под свое кураторство после того, как лама Горы, царь касты дзогов, стал познавать путь смерти, уйдя в горную медитацию. Далай-лама опустился на одно колено, приветствуя ламу Родниковых Вод, который был одного уровня с ламой Горы, наставником Дза-Ти. Но светоносный лама не повернул в его сторону голову, быстро прошел мимо, сел в кресло, выпрямив спину и устремив взгляд в озеро, которое вновь стало черным. Холодность великого дзога удивила и встревожила далай-ламу, даже напугала. Это говорило о невозможном, — о растерянности ламы Родниковых Вод.

Последним явился грозный и могучий Атех, который на поверхности был скромным управляющим сектором качества на "монетном дворе" США Ароном Вейсманом. С первого дня существования доллара, созданного им же, начертав на первой зеленой купюре магические знаки тайной власти, Атех контролировал все его лики. Как бы фунты, франки, рубли, марки,

лиры не пыжились выглядеть другими, среди их водяных знаков явственно просвечивалась усмешка Атеха. Стоит Арону Вейсману покинуть службу в “монетном дворе” США, как не пройдет и десятка лет, и весь мир заговорит об абсолютной утере США статуса супердержавы.

Далай-лама встретился взглядом с глазами Агвана и понял: то, что тревожило его и что он усилием воли отгонял от себя, осуществилось. Чистый, непереносимо тоскливый звук донесся из глубин озера, и малиновый отблеск в центре его стал пульсирующе набухать. Нечто непредставимое, это почувствовали все — и благословленные дзоги и дзоги предварительного посвящения, начало подниматься к поверхности. Агван скривился, как от боли, и резко махнул рукой далай-ламе, властью распорядителя приказывая занять кресло. Дза-Ти поспешил выполнить этот приказ. Почти одновременно с ним, отстав на долю секунды, опустился в кресло одиннадцатый дзог, распорядитель Агван. Случилось невозможное, такого никто из дзогов не ожидал, хотя все знали о туманном пророчестве: “Когда двенадцатый трон будет пуст”. Далай-лама увидел, что время пришло. Кресло ламы Горы, “двенадцатый трон”, было пустым. Это говорило о том, что сейчас благословленные дзоги, одиннадцать просветленных Будд Земли, правящие, когда тайно, когда явно, статик-рабами более трех тысяч лет, впервые встретятся с одним-единственным, “плюс тринадцать”, Буддой сансарной кромешности, более известным поверхностному миру под именем Антихрист...

Далай-лама вспомнил, как звучит пророчество бестианских ангелоподов полностью: “Когда двенадцатый трон будет пустым, его займет тринадцатый, просветленный злом, ненавистью и ужасом Будда, и на Земле наступит время кромешности, которая вначале будет восприниматься подсолнечным миром статик-рабов как эра добра и юного счастья”.

“Ну вот, — подумал далай-лама, — и пришло время кромешности”.

Перед креслами сидящих Будд возникло переливчато-серебряное свечение и застыло, ограждая их от звука и огня поднимающегося со дна озера просветленного мраком Будды. Элохимы и демиурги заботились о своих управляющих. Черный Будда, Антихрист, был элохимом и демиургом одновременно и должен был защитить глубинный мир от пришедших на Землю “лунных бабочек”. Кромешный рассвет — вот подходящее имя для Бога через дьявола, навязывающего миру веру в себя. ■

Конец второй книги.

Дес

Все началось с того, что дочь вождя народов — Светлана Аллилуева, как бы это выразиться помягче, раньше времени повзрослела. Впрочем, ничего странного в этом нет — сказывался голос крови, а среди родственников Светланы ного только нет: и русские, и немцы, и цыгане, и грузины.

Вот что она пишет в своих воспоминаниях о конце 1942 — начале 1943 года. Напомню, что в это время гремела Сталинградская битва, изнывал блокадный Ленинград, под сапогом немецкого солдата стонали Украина, Белоруссия, Прибалтика, да и до Москвы фашистам было руной подать.

"Жизнь в Зубалове (дачное место под Москвой, где жило семейство Сталина) была в ту зиму необычной и неприятной. В дом вошел неведомый ему до той поры

дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья летчики, и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиола. Шло веселье, как будто не было войны. И вместе с тем было предельно скучно. В нашем доме было всегда скучно. Но если раньше было скучно и тихо, то теперь было скучно и шумно. Ни одного лица, с кем можно всерьез поговорить...

В конце октября 1942 года Василий привез в Зубалово Каплера. Был задуман новый фильм о летчиках и Василий взялся его консультировать. В первый момент мы оба, кажется, не произвели друг на друга никакого впечатления. Но потом нас всех пригласили на просмотры фильмов в Гнездиновском переулке, и тут мы впервые заговорили о кино. Люся Каплер — как все его звали — был очень удивлен, что я что-то вообще понимаю, и доволен, что мне понравился американский боевик с герлс и чечеткой". Потом были ноябрьские праздники, застолья, танцы. "Мне

ЯТТЬ лет- за поцелуй дочери ВОЖДЯ

стало так хорошо, так тепло и спокойно рядом с ним, — пишет далее Светлана. — Я чувствовала какое-то необычайное доверие к этому толстому дружелюбному человеку, мне захотелось вдруг положить голову к нему на грудь и закрыть глаза... Крепкие нити протянулись между нами в тот вечер — мы уже были не чужие, мы были друзья. Нас потянуло друг к другу неудержимо. Мы старались видиться как можно чаще, хотя при моем образе жизни это было невообразимо трудно. Но Люся приходил к моей школе и стоял в подъезде соседнего дома, наблюдая за мной. А у меня радостно сжималось сердце, так как я знала, что он там. Мы ходили в холодную военную Третьяковку, потом — в театры, на просмотры фильмов. Бывало и так, что в большом зале мы сидели одни”.

Да, ситуация, прямо скажем, неординарная. 16-летняя школьница и 38-летний мужчина, к тому же дважды разведенный и имеющий 14-летнего сына — такой роман даже по нынешним временам может вызвать, мягко говоря, не-

доумение. Если увлечение “гимназистки” еще можно понять — в этом возрасте терпеть не могут сверстников и заглядываются на взрослых мужчин, то Алексей-то Яковлевич, он-то неужто не понимал, что позволяет, на что идет?! Увы, любовь ослепила матерого

зубра и он потерял голову. Именно этим можно объяснить его, на первый взгляд, по-рыцарски прекрасный, а на самом деле легкомысленнейший поступок, когда он, будучи в Сталинграде, от имени некоего лейтенанта написал письмо любимой, да еще и опубликовал его в "Правде" — намени были столь прозрачны, что узнать имя любимой не составляло никакого труда. Потом было возвращение из Сталинграда, радость встреч, горечь разлук, прогулки по темной, заснеженной Москве, разумеется, в сопровождении охранника Светланы или, как она его называла, "дядьки" М.Н. Климова.

Сталин, само собой, был в курсе похождения дочери, но до поры до времени молчал. Правда, начальник его охраны генерал Власик через своего помощника предложил Каплеру уехать куда-нибудь в командировку, но того уже понесло — и он послал полковника Румянцева к черту.

В феврале 1943-го Светлане исполнилось семнадцать — и влюбленные нашли возможность побыть наедине. Правда, Светлана уверяет, что в соседней комнате сидел ее "дядька". Вот как она описывает эту встречу, когда через двадцать лет решила написать свои "Двадцать писем к другу".

"Мы не могли больше беседовать. Мы целовались молча, стоя рядом. Мы знали, что видимся в последний раз. Люся понимал, что добром все не кончится, и решил уехать: у него уже была готова командировка в Ташкент, где должны были снимать его фильм "Она защищает Родину". Нам было горько — и сладко. Мы молча-

ли, смотрели в глаза друг другу и целовались. Мы были счастливы безмерно, хотя у обоих наворачивались слезы. Потом я пошла к себе домой, усталая, разбитая, предчувствуя беду..."

Предчувствия Светлану не обманули — беда разразилась. И какая! Сталин в самом прямом смысле слова рвал и метал! Он ворвался к дочери, устроил в ее комнате разгром, рвал письма, записные книжки и фотографии Каплера, обзывал ее самыми последними словами, влепил пощечину, заявил, что Каплер английский шпион и что он арестован. А потом брезгливо-презрительно процедил: "Уж не могла себе русского найти!" Да, Каплер был евреем, и это, как уверяет Светлана, вождя народов раздражало больше всего.

Из любовников — в "придурки"

Если для Светланы семейный скандал закончился практически ничем, то Каплеру поцелуй дочери вождя обошелся дорого. 3 марта 1943 года его арестовывают и отправляют на Лубянку. В тот же день состоялся первый допрос, который продолжался полтора часа. Но вот ведь незадача: бланк протокола есть, время указано, а ни вопросов, ни ответов нет. О чем шла речь? О чем таком расспрашивал следователь, что ни вопросы, ни ответы нельзя было фиксировать письменно? И вообще в "Деле № 6863" по обвинению Каплера Алексея Яковлевича много странного и таинственного.

Начну с того, что за пятьдесят три года я оказался первым, кто взял его в руки — следователи и судейские чиновники, разумеет-

ся, не в счет... И я же первым обратил внимание на более чем странный факт. Все листы дела пронумерованы и прошиты. Но... одни страницы имеют двойную нумерацию, другие выглядят довольно необычно. В чем дело? Почему? Думаю, что этого мы никогда не узнаем.

И все же я позволю себе выдвинуть одну из версий объяснения этого странного явления. Дело в том, что ни на одном из многочисленных допросов ни разу, ни в каком контексте не упоминается имя Светланы, ее брата Василия и других членов семьи Сталина. Между тем, судя по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, ее отец знал довольно много того, что было известно лишь ей самой и Каплеру. Откуда он это узнал? Думаю, что из тех самых "странных" страниц. А выколачивать из подследственных тайное тайных, включая интимные подробности, на Лубянке умели. Этим же объясняются и незаполненные бланки протоколов, и многочасовые допросы, результатом которых были полторы странички коряво составленного текста. Короче говоря, семейные тайны вождь хранил крепко и не доверял их даже самому близкому окружению.

Одним из тех, кто мог что-то разболтать, был сам Каплер, но его, судя по всему, так запугали, что он ни в лагере, ни впоследствии на воле ни разу не упомянул о своем романе с дочерью Сталина. В те годы, когда Алексей Яковлевич был ведущим "Нинопанорамы", мне довелось с ним познакомиться. Однажды мы даже оказались за праздничным столом. После третьей рюмки я набрался то ли смелости, то ли наглости и

спросил Алексея Яковлевича о Светлане Аллилуевой. Надо было видеть, как резко изменился этот милый, улыбчивый человек! Он мгновенно замкнулся, нахмурился, что-то проворчал и перевел разговор на другую тему.

Ну, что ж, теперь, когда Алексей Яковлевич уже много лет нет с нами, да и близких родственников у него практически не осталось, думаю, можно рассказать о самом трудном и самом мрачном периоде его жизни.

Как я уже писал, арестовали Каплера 3 марта. Странное, кстати, совпадение: ровно десять лет спустя не станет того, кого он так сильно прогневил, посмея полюбить его дочь. Взять-то Каплера взяли, все, что касается его отношений со Светланой, судя по всему, выбили, но ведь не отравишь же в лагерь с формулировкой "за любовь к дочери Сталина", значит, надо "шить" что-то другое. Английский шпион? Почему английский, если у него нет ни одного знакомого англичанина? Да и англичане, вроде бы, не враги, а союзники... Тогда, может быть, американцы? Но они тоже союзники. А что, если американцев назвать просто иностранцами, тем более, что с американскими журналистами Каплер общался... Хорошая идея. И следователь спрашивает:

— С кем из иностранцев вы находились в близких взаимоотношениях?

— В близких ни с кем, а с американскими журналистами Шапиро и Паркером находился в деловых взаимоотношениях. С Шапиро я познакомился в ноябре 1942 года на премьере пьесы Корнейчуна "Фронт" в Малом театре. Он

подошел ко мне в антракте и спросил, верны ли слухи, что я собираюсь в Сталинград. После моего утвердительного ответа он попросил меня написать для агентства "Юнайтед-Пресс" несколько статей о борьбе за Сталинград. Я пообещал, и свое обещание вспомнил: статью о генерал-лейтенанте Чуйкове я передал через отдел печати Наркоминдела. После моего возвращения из Сталинграда мы встретились с Шапиро в "Метрополе" и вместе пообедали.

— Теперь расскажите об обстоятельствах вашего знакомства с Паркером.

— С ним я познакомился летом 1942-го на вечере американского кино в клубе архитекторов. Он попросил меня дать для ознакомления киносценарий "Ленинградская симфония", над которым я тогда работал — он хотел напечатать его в американском журнале.

— Только ли о сценарии и очерке вы говорили с Шапиро и Паркером?

— Только об этом.

— А о материальном вознаграждении вы говорили? — зашел с другой стороны следователь — ведь получение денег от иностранцев, да еще в валюте можно рассматривать как гонорар за передачу разведанных. Но Каплер развеял эти надежды.

— Нет, о материальном вознаграждении за очерк мы не говорили.

— Почему? — изумился следователь. — Ведь это же ваш законный гонорар.

— Не знаю... Они на эту тему не говорили, а я считал, что поднимать этот вопрос как-то неудобно.

Ну что можно извлечь из этого допроса?.. На первый взгляд, ничего. Известный советский кинодраматург и журналист общается со своими коллегами из страны-союзницы по антигитлеровской коалиции — что здесь криминального? Если говорить об американцах, ничего. А если об иностранцах? Помните, эта "хорошая идея" уже возникала в кабинетах Лубянки, теперь она обрела реальное воплощение в виде протокола допроса с реальными именами, датами и местами контактов.

Примерно по такому же принципу добывались показания и об антисоветских настроениях Каплера. Снажем, на допросе 1 ноября подполковник Зименков, который вел это дело, ни с того ни с сего заявил:

— Нам давно известно, что вы антисоветски настроенный человек и в своем окружении занимались клеветническими разговорами. Нам известно также, что во время войны вы неоднократно высказывали свои антисоветские, пораженческие настроения и с антисоветских позиций критиковали политику партии и Советского правительства. Вы признаете это?

— Нет. Я категорически отрицаю эти обвинения.

Казалось бы, на этом можно закончить, но с Каплером что-то произошло и он, прекрасно понимая, что делает это во вред самому себе, почему-то добавляет:

— Хотя, должен сказать, что будучи по характеру человеком горячим, иногда высказывался в резкой форме по вопросам развития Советского государства. Но это нельзя расценивать как антисоветские высказывания — про-

сто я не задумывался над формулировкой своих мыслей.

Вот так, по зернышку, по словечку следователь набрал материал для того, чтобы в Постановлении о привлечении к уголовной ответственности написать: "Имеющимся материалами Каплер А. Я. изобличается в том, что, будучи антисоветски настроенным, в своем окружении вел враждебные разговоры и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Каплер поддерживал близкую связь с иностранцами, подозрительными по шпионажу".

А вскоре было состряпано и циничнейшее по своей сути обвинительное заключение, утвержденное наркомом госбезопасности Меркуловым. Само собой разумеется, что в нем упоминаются и антисоветские настроения Каплера, и клевета на руководителей партии, и связь с иностранцами, и многое другое. Документ этот довольно длинный и, смею заверить, абсолютно бездоказательный. Приведу всего две фразы — и все станет ясно. "В предъявленном обвинении Каплер виновным себя не признал. Но изобличается материалами". Каними? Где эти материалы? Ведь по делу не допрашивался ни один свидетель. В деле нет ни одного доноса стукача или сексота. Нет ни одной записки, ни одного письма, цитаты из книги и тому подобного, иначе говоря, нет никаких доказательств наной-либо вины Каплера. И все же следственное дело было передано на рассмотрение Особого совещания, которое приговорило Алексея Яковлевича к пяти годам исправительно-трудового лагеря.

В конце 1943 года лауреат Сталинской премии, кавалер ордена Ленина, автор популярнейших фильмов о Ленине оказался в Воркуте. К счастью, его не бросили в шахту, на строительство дорог или на лесоповал — этого Каплер не выдержал бы чисто физически. О том, чем он занимался и как жил, я расскажу словами известной в те годы актрисы Валентины Тонарской. Ее судьба — тоже не подарок. Работая в Театре сатиры, в самом начале войны она вошла во фронтовую концертную бригаду, попала в плен, до самого победного Мая мычалась по немецким лагерям, а после освобождения получила четыре года куда более страшного — советского лагеря. Мало кто знает, что в те годы в Воркуте был очень приличный театр, в котором играли и эзны, и "вольняшки" — Тонарская стала одной из ведущих актрис этого театра. Вот что она пишет в своих воспоминаниях о том времени.

"После каждой премьеры в местных газетах выходили рецензии — все, как в столице! И фотографировались накануне спектакля. Фотографировал нас Алексей Каплер. Он в то время досиживал свои первые пять лет. Числился в "придурках", с утра до вечера бегал по городу и снимал или разносил людям готовые снимки. Каплер был человеком отзывчивым, обаятельным, и люди платили ему любовью. В его фотографию ходил весь город. И я забегала к Каплеру. Знала, что за это могут отобрать пропуск, послать на общие работы, но все равно нарушала запрет. Каплер стал моим мужем".

Итак, Каплер стал "придурком", тянет срок в Воркуте, живет

не в зоне, а в крошечной каморке, выгороженной в углу фотографии, к концу срока даже стал счастливым мужем. А что же другая героиня нашего повествования, как устроила свою жизнь она? Светлана Аллилуева, потеряв Каплера, утешилась довольно быстро.

"Весной 1944 года я вышла замуж, — вспоминает она. — Мой первый муж, студент, как и я, был знаком мне еще давно — мы учились в одной и той же школе. Он был еврей, и это не устраивало моего отца. Но он как-то смирился с этим, ему не хотелось опять перегибать палку — и поэтому он дал мне согласие на этот брак".

Отметим, что этот брак был недолговечным — через три года он распался. Сталин за это время ни разу не видел своего зятя. Больше того, он был очень рад, что дочь развелась. А вот внука он признал и относился к нему с нежностью.

"Социально-опасное лицо № 1225"

Если вы думаете, что история несчастной любви Алексея Каплера и Светланы Аллилуевой на этом закончилась, то вы глубоко заблуждаетесь. То ли Светлана проговорила, что не может забыть Каплера, то ли он сам пытался установить с ней связь, но, судя по всему, это стало известно Сталину — и он отдал соответствующие распоряжения. А тут еще сам Каплер дал подходящий повод — нечистая сила занесла его в Москву. Он знал, что в Москве ему появляться нельзя, знал, что страшно рискует — ведь после того, как он отсидел свою "пятерку", ему было запрещено выезжать в

столицу, но Алексей Яковлевич выбивает себе командировку на сорок пять дней с посещением Москвы, Ленинграда, Киева и Кишинева.

31 марта он появляется в Москве и развивает лихорадочную деятельность: встречается с Фадеевым, Симоновым, Роммом, Богословским, навещает сестру, свою бывшую жену Татьяну Златогорову, ночует то у матери своего друга по заключению, то у новых московских приятелей. Каплер и не подозревал, что все это время был под колпаком. Но брать его решили не на улице, а... в поезде. Как только Алексей Яковлевич завершил московские дела и сел в поезд, чтобы отправиться в Киев, его арестовали, в Наро-Фоминске сняли с поезда и доставили в хорошо ему известную Внутреннюю тюрьму.

Так появилось "Дело № 1225" по обвинению Каплера А.Я. во всем том, за что он уже отсидел пять лет, и в том, что "по отбытии срока наказания незаконно прибыл в Москву и, заручившись разными документами, пытался установить свои прежние троцкистские связи". Судя по тому, что постановление на арест утверждено министром госбезопасности Абакумовым, речь шла не о троцкистских связях — их в послевоенные годы просто не могло быть, а о связях совсем другого рода. Не забывайте, что в это время Светлана была, если так можно выразиться, на выданье, и за сына Жданова вышла замуж только весной 1949-го.

У меня нет никаких доказательств, что Каплеру удалось пообщаться со Светланой — на просьбах ее имя, как и прежде, не

упоминается. Но если это так, то зачем его арестовывать, да еще в поезде? Зачем заводить новое дело? Тем более, что, как выяснилось на допросах, командировка у него не липовая — в деловую поездку Каплера отправил Воркутинский горнокомбинат с целью приобретения фотоматериалов и всевозможных отходов производства, которые так нужны на севере. А если ему в соответствии с законом нельзя появляться в Москве, то к ответственности нужно привлекать тех, кто подписал командировку.

Поинтересовались, о чем шла речь во время визитов к Фадееву, Симонову и Ромму — оказалось, Каплер работает над сценарием о Льве Толстом и просил помочь ему перебраться в один из областных центров, где есть приличная библиотека. А Ромм заявил, что Толстой подождет, так как есть куда более срочная и важная задача — создание фильма о Ленине. В связи с этим он намерен поставить вопрос перед министерством кинематографии о разрешении Каплеру писать этот сценарий.

И снова — многочасовые допросы и коротенькие протоколы. О чем шла речь? Чего добивались от Каплера? Мне кажется, я нашел ответ на эти вопросы. Каждый допрос был посвящен, если так можно выразиться, какой-то одной теме: то Каплера подробнейшим образом расспрашивают о детстве и юности, то — о работе в кинематографии, то — о знакомых иностранцах и т.д. и т.п. Но в каждом протоколе есть не относящийся к теме, но самый важный, ключевой вопрос: "С кем вы встречались во время пребыва-

ния в Москве с 31 марта по 4 апреля?"

Значит, на Лубянке не было полной уверенности в том, что Каплер не оторвался от хвоста и не пообщался с той, грозный отец которой повелел оберегать ее от этого ничем не примечательного, рано поседевшего человека.

23 июня появляется обвинительное заключение, в котором весьма невнятно перечисляются старые прегрешения Каплера, то есть те, за которые он уже понес наказание. Кроме того, упоминается, что он нарушил паспортный режим — пять дней жил в Москве без прописки, и на основании всего этого делается вывод, что Каплер "является социально-опасным лицом, а потому следственное дело № 1225 внести на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР. Мера наказания предложить 5 лет ссылки".

Среди множества виз и резолюций на этом документе выделяется одна — заместителя министра госбезопасности Огольцова. Поставив свою размашистую подпись, он тем же красным карандашом слово "ссылки" исправил на "ИТЛ". Эта подпись решила судьбу Каплера: Особое совещание проштемпелевало резолюцию Огольцова и вlepило Алексею Яковлевичу пять лет исправительно-трудового лагеря. На этот раз он попал в Инту на общие работы, а это куда труднее, чем беготня с фотоаппаратом по воркутинским улицам.

Когда стало совсем невозможно, он обратился с личным письмом к Берия. Излагая все свои злоключения, Каплер пишет, что он "глубоко раскаялся во всем, что вольно или невольно сделал в

жизни плохого" и просит заключенные заменить высылкой "если возможно, в такое место, где я мог бы продолжать творческую работу для кино". Как говорится, умный поймет, в чем раскаиивается Каплер, но Особое совещание ответило ему так, как было велено: "Не усматривая доводов для пересмотра решения по делу, заявление оставить без удовлетворения".

Так продолжалось до 1953 года. Люди постарше наверняка помнят о знаменитой мартовской амнистии — говорят, что инициатором ее принятия был Берия, который таким образом набирал очки для того, чтобы стать первым человеком в государстве и заменить на том посту ушедшего в мир иной Сталина. Каплер попадал под эту амнистию, но вместо того, чтобы отпустить на волю, его этапировали во Внутреннюю тюрьму. Вскоре подошел законный срок его освобождения, но Каплера не отпускают. Даже начальник тюрьмы, и тот не выдержал и обратил-

ся с рапортом к начальству: "Ввиду окончания срока содержания Каплера А.Я. под стражей 8.04.1953 года, прошу Вашего указания о дальнейшем содержании".

Этот рапорт был адресован неизвестному начальнику следственной части МВД СССР генералу Владзимирскому. Судя по всему, он его получил, потому что в деле есть записка его помощника: "Тов. Владзимирскому доложено. Приказал поддержать у себя. Каплера будет допрашивать тов. Кобулов".

Это что-то новенькое. Чтобы рядового зека допрашивал сам Кобулов, который был не только правой рукой Берия, но и фактически руководил МГБ, — такого еще не было! Сопоставив даты, я понял, что это не случайно. Дело в том, что за три недели до этого Каплер снова написал Берия и каким-то неведомым способом ухитрился опустить письмо в ящик, установленный в бюро пропусков. По этому поводу, кстати, было внутреннее расследование и одному из сотрудников тюрьмы здорово попало. Но, как бы то ни было, письмо дошло до адресата и тот поручил допросить Каплера самому верному человеку.

Был ли допрос и о чем шла на нем речь, я не знаю, так как никаких следов в деле нет. Но нам уже известны и не такие "странности" этого дела. Я нисколько не удивлюсь, если со временем выяснится, что Берия собирал компромат на Светлану Аллилуеву, так как прекрасно знал, что она его не просто не любит, а люто ненавидит. Но реализовать свои планы он не успел... А 11 июля 1953 года заместитель министра внутрен-

них дел СССР генерал-полковник Серов подписал документ, в котором черным по белому написано: "Осужденного Каплера Алексея Яковлевича из-под стражи немедленно освободить."

В тот же день Алексей Яковлевич оказался на залитых июльским солнцем улицах Москвы. В 1954-м его полностью реабилитировали и он занялся своим любимым делом — литературой, кинематографом, телевидением и воспитанием молодых кинематографистов.

В принципе мое повествование подошло к концу и можно было бы ставить точку, но, видит Бог, я хочу его закончить на другой ноте. Прочтите небольшую цитату из воспоминаний Светланы Аллилуевой, и вы поймете, на какой...

"Все эти десять лет я почти ничего не знала о Люсе достоверно... Мне оставалась только память о тех счастливых мгновеньях, которые подарил мне Люся.

И вот пришел 1953 год. И пришло снова 3-е марта, через десять лет после того дня, когда отец вошел, разъяренный, в мою комнату и ударил по щенам. И вот я сижу у его постели, и он умирает. Я сижу, смотрю на суету врачей вокруг, и думаю о разном... И о Люсе думаю, ведь прошло десять лет, как он был арестован. Какова его судьба? Что с ним сейчас?"

Если сидя у постели умирающего отца дочь вспоминает человека, который пострадал по вине этого отца, предается размышлениям о его нелегкой судьбе, горюет о нем, то как можно назвать чувство, которое она испытывает

к этому человеку даже десять лет спустя после последней встречи? Я думаю, что это Любовь. Та Любовь, которая случается раз в жизни, и которую, несмотря на все превратности судьбы, человек хранит в своем сердце до самого последнего вздоха. Ломать, а тем более уничтожать такое чувство преступно. Но вождю народов было не до тонких материй. Если он ломал судьбы и жизни миллионов людей, то что такое на этом фоне какие-то чувства — даже если это чувства собственной дочери. А то, что он искалечил ей жизнь и сделал несчастной, ему и в голову не приходило. Ну, а Каплер? Каплер пусть благодарит, что остался жив и не был превращен в лагерную пыль.

Такие были времена, такие нравы и такие люди... Они жили, страдали, любили и в большинстве своем ушли. Не нам их судить. Как говорится, не судите — да не судимы будете. ■

*В этой повести герой и
рассказчик — один
и тот же человек.
Человек невероятной
судьбы...*

*Мы с ним вместе играли
в волейбол. Он был
капитаном первой сборной
команды городской ДСШ —
детской спортивной
школы, а я капитаном
второй, младшей.*

*Когда он, красивый,
русоволосый, выходил на
подачу, девочки
скандировали: "Шамиль!
Шамиль! Шамиль!"*

*Никто не мог знать,
какая судьба его ждет.
С.Б.*

**Сергей
БАЙМУХАМЕТОВ**

побе

Первая ампутация

Что испытывает человек, когда просыпается утром на больничной койке и понимает, что у него ампутирована нога?.. Смотрел по телевизору интервью с парнем, потерявшим на Чеченской войне обе ноги. Корреспондентна так и эдак допы-

тывалась, что он чувствует... Уж не знаю, чего она добивалась. А парень сказал:

— Мне стыдно перед людьми в таном виде...

Сейчас, когда у меня нет обеих ног по бедра и левой руни по плечо, я думаю то же самое: "Мне стыдно

фото Альфи Муфтеевой и Натальи Шакшакбаевой

ДИТЕЛЕ

перед людьми, что я такой!" Но это — впереди. И ампутация ног, и руки. А пока — утро, больница. Я знал, что у меня ампутирована ступня правой ноги. И не унывал. Проснулся с упорством в сердце: не сдамся, я сильный, для меня теперь идеал — Алексей Маресьев,

сделаю протезы и буду ходить, буду ездить на соревнования по стендовой стрельбе!

Но оказалось, что протезы пригодны только для десяти процентов людей с таким заболеванием. Увы, я в их число не попал. Отныне моя жизнь — костыли. Но еще геройст-

вовал, и хорошо помню миг, когда осознал... Мы с братом приехали в его гараж. Я выбрался из машины, пошел открывать. А там порожек такой, снегом заметенный. И я остановился перед ним. И не знаю, как через него перебираться. Что вперед послать, наной костыль? А может, вначале здоровую ногу забросить туда? Не знаю! Боюсь!

И только в этот миг понял, что я — без ноги.

Рядом сосед расчищал снег, курил. А я не курил тогда. И попросил у него, он дал мне "беломорину", я закурил и заплакал. Я осознал: мой мир отныне и навсегда ограничен, отныне и навсегда я не такой, как все...

Я курил и плакал. Было мне тогда тридцать восемь лет.

Кривощек- Шакшабаев

Всю жизнь я — Шамиль Тауфинович Шакшабаев, сын своего отца, называюсь казахом и считаю себя казахом. Но в метриках до 16 лет я значился Александром Кузьмичом Кривощекым. Моя русская мама Надежда Кузьминична Кривощекова и мой казахский папа Тауфик Ертаевич Шакшабаев и по условиям жизни — она в селе оставалась, а он в город уехал работать, — и по беспечности своей никак не удосуживались официально оформить отношения. И потому в метрику меня записали на фамилию мамы, а отчество от ее отца — моего деда. Нет, в школе-то я звался и был Шамилем Шакшабаевым, а в документах — Саша Кривощек. И только когда дело подошло к паспорту, мама с папой спохватились и оформили меня по отцу — Шамиль Тауфинович Шакшабаев.

Детство у меня было, как у всех. Послевоенное, бедное, уличное. Футбол на пустырях и — как праздник — школьный спортзал, баскетбол, волейбол...

К окончанию школы был я уже два года капитаном сборной города по волейболу. Руки длинные, ноги мощные. Над волейбольной сеткой выпрыгивал с головой. При росте 179 сантиметров я в баскетбольное кольцо мяч закладывал сверху... Понятно, что прямая дорога — на физкультурное отделение нашего Петропавловского пединститута. И тут вдруг начались боли в ногах. Элементарное упражнение, прыжки через козла, соснок, а у меня от стопы до колен — дикая боль. Врачи сказали: "Все, голубчик, спортсменом тебе не быть!"

Спасибо проректору, он перевел меня на естественно-географический факультет, который я через пять лет и закончил, получил диплом педагога. После института меня забрали в армию, а сразу же после демобилизации предложили возглавить спортивный коллектив завода имени Кирова. Завод большой, богатый, оборонный. И должность председателя комитета физкультуры на таких предприятиях очень значимая.

Первое, что я сделал — открыл там детскую спортивную школу на двести мест. А потом — первый и единственный в городе стрелковый тир.

Компенсация

Сейчас я понимаю, что вместе с тиром я неосознанно открыл для себя закон компенсации. И не только для себя.

Если ты чего-то лишен от природы или по воле злой судьбы, не

отчаивайся, а максимально используй то, что тебе дано.

Не могу прыгать, но могу стрелять. И я стал кандидатом в мастера спорта по стендовой стрельбе, вошел в десятку лучших стрелков Казахстана. То есть я снова в спорте, я снова на коне! Сейчас, когда у меня нет двух ног и левой руки, казалось бы, никакой уж тут спорт. Но я стал чемпионом области по толканию ядра из коляски. Первый в области и четвертый в республике.

Считаю, что закон компенсации — основной закон для таких, как я. Основной в системе воспитания детей с ограниченными возможностями, и в частности — детей с поражениями опорно-двигательного аппарата. И к нему, к закону компенсации, я часто буду обращаться в своем рассказе...

Прыгать я не мог — но в то время еще мог кататься на коньках, скользить. Наверно, это тоже сыграло свою роль... Стадион завода имени Кирова — старый, заброшенный — по счастливому случаю был единственным в городе, на котором можно залить классическую четырехсотметровую ледовую дорожку. А к весне сделали ролингодом, чтобы вести занятия круглый год, пригласили лучших тренеров. Из нашей сенции вышли шесть мастеров спорта международного класса! Рядовых мастеров спорта уже не считаю. В Казахстане наш стадион стал второй кузницей кадров и рекордов после всемирно знаменитого высокогорного катна Медео! Не слабо для рядового областного города Петропавловска, а?

Но мало того, с этого стадиона в большой спорт ушли два олимпийца — Володя Клепинин и Вадим Шакшанбаев. Мой сын. Володя

выдающихся результатов не имел. А Вадим установил восемь мировых рекордов. Он — последний чемпион СССР на дистанции 500 метров. Вечный чемпион, потому что потом Союз распался...

И к нашей истории Вадим имеет самое прямое отношение. Однако рассказ об этом впереди.

Симулянт с приговором

С 84-го я стал чувствовать дикую боль в ногах. Попросился в больницу, неделю отлежался, опухоли прошли, и мне сказали: "Ты симулянт, дорогой. Здоровый мужик, а залег в больницу, делать, что ли, тебе нечего?!"

Они меня так оскорбили, что я сказал: "Ноги моей больше у вас не будет!" И никуда и ни к кому не обращался, терпел, дурак самолюбивый. А может, не надо было терпеть. Надо было пойти. Я ведь с работы уволился, устроился ночегаром в газовую гостиницу. Там сутки отдежурил и трое суток лежишь, ноги отдыхают.

Больше ста-двухсот метров пройти не мог. Как передать ощущение? Представьте, что у вас нет ни ноги, ни мяса, вы костью стучите по асфальту — вот такие боли. И уже не думаешь о неловности — садишься отдыхать там, где стоишь, в грязь, в пыль, на тротуар.

Не выдержал, пришел в больницу и стукнул куланом по столу: "Я не симулянт, мне ваш больничный лист не нужен, я могу и на работу ходить, и на процедуры, вы только посмотрите и скажите, в чем дело!"

Врачи, увидев опухоль, обомлели, взяли кусочек ткани и отправили в Алматы на анализ. А оттуда пришел диагноз. Страшное заболевание, редкое: системная склероз

дермия. Меня срочно отправили в Алматы на обследование. Диагноз подтвердился. Системная склеродермия неизлечима, болезнь будет прогрессировать, перспектива — **ампутация всех конечностей и полная неподвижность!**

И тогда первое, что я сделал — подал на развод. Нельзя сказать, что жили мы до этого очень уж дружно. И она не ангел по характеру, и я тоже. К тому же заливал, было дело, когда сам, без врачей еще, понял, что с ногами у меня полный швах. А теперь, когда получил приговор, срочно развелся. Чтобы потом никто ее не упрекал, мол, бросила мужа-налеку.

Так я стал инвалидом второй группы. И через год, в 86-м, мне отняли стопу правой ноги.

Второй закон

Американцы не зря говорят, что автомобиль создал Америку. Машина — это свобода. Ты — хозяин пространства и времени. Словом, я купил машину. И родители помогли, и родственники.

Да, управление рассчитано на человека с двумя ногами. Но я кое-что переделал и ездил повсюду от Омска до Челябинска, на постах ГАИ никому даже в голову не приходило спросить... Носились на костыли, сложенные на заднем сиденье, но не спрашивали. Наверно, такой у меня был уверенный вид.

Тогда, с машиной, я открыл для себя второй закон. **Мир не переделывать. Мир не будет приспосабливаться под тебя. И если ты не хочешь остаться в стороне от жизни, если хочешь полноценно участвовать в жизни — стисни зубы и приспосабливайся к этому миру.**

Вторая ампутация

Я знал свою судьбу. И был готов ко всему. Так, в 1989 году в Свердловске мне ампутировали правую ногу, с ампутированной уже стопой, до бедра. То есть гангрена поползла выше. Я был готов. В принципе, говорил я себе, что без стопы, что без коленного сустава — не так уж и велика разница. Хотя, конечно, разница есть. Колено — это упор...

Бизнесмен

А поскольку я теперь инвалид, то вступил в общество инвалидов, меня выбрали заместителем председателя общества. Совпало это с перестройкой, с потрясениями в эконоимине. Были уже государственные цены и коммерческие. Товаров в магазинах нет, все давалось по заказам, по предприятиям и организациям. Что-то доставалось и нашему обществу, и мы чуть ли не с криками делили полотенца, носки, сахар. Посмотрел я на это и однажды сказал: "Дорогие мои, у нас на дворе свобода, кооперативы создаются. И мы ведь тоже можем сами зарабатывать деньги?!" Все согласились. Но когда дошло до дела, никто со мной не пошел.

Я не осуждаю. Советская система даже здоровых людей приучила ждать от власти манны небесной. А что уж говорить об инвалидах. Кто за годы своего несчастья просто отвык работать, а кто вообще не работал. Я ушел от них и начал самостоятельное дело. Для начала создал цех по пошиву меховых шапок. Дальше — больше. И в 1991 году у меня был заработан первый миллион рублей... Новенький грузовик "ЗИЛ" тогда стоил двадцать пять тысяч рублей. То есть на свое личное состояние я мог купить трок грузовиков — целую автобазу!

Третья ампутация

Но жизнь недолго баловала меня. В 1992 году гангрена перекинулась и на вторую ногу. Оторвался тромб под коленом. Последняя нога!

Повезли меня в Астану, тогда еще Анмола или даже Целиноград. Двадцать суток пролежал в реанимации. Какие боли — что там говорить. Шесть раз в сутки кололи наркотики — и то не хватало. Ни пить, ни есть невозможно — одна только боль, боль, боль... Пальцы на ноге были черные, их просто выкручивали и выбрасывали. Сухая гангрена.

Я не соглашался на ампутацию, я хотел спасти последнюю ногу. А когда мне сказали, что это невозможно, что нельзя жить на наркотиках, я разозлился, вызвал сына и уехал в Петропавловск. Сутки сидел дома, без обезболивания. И когда сын вечером привез к нам домой хирурга, он посмотрел на меня и сказал только одно: "Как же ты это терпишь?!"

Хотели сразу ампутацию до бедра, но я попросил сохранить колено. Все же упор, как перелезть с коляски на кровать и обратно?

Разорение

Когда ты оназываешься в коляске, только тогда понимаешь, какое это счастье — костыли!

На костылях ты пройдешь всюду, ты практически такой же человек, как и другие. Я к тому, что бизнес — это постоянный контроль за всем. А в коляске ты ничего не можешь контролировать. И потому все у меня развалилось, все растащили, разворовали, и я еще остался должен по каким-то налогам. Пришлось распродавать имущество и как-то расплачиваться.

В общем, все надо начинать сначала. И речь идет уже не о большом бизнесе, а о том, чтобы продержаться, оглядеться.

Четвертая ампутация

Мне говорили, что необходима высокая ампутация, что все равно гангрена на последней ноге поползет от колена и выше.

Так оно и случилось. Четыре месяца я спал сидя. Когда лежишь, кровь не поступает в конечности — и они отмирают. К тому же адские боли. Жена внутривенно вливает баралгин, а потом реланиум, чтобы уснул. Закрыл глаза, уснул, но просыпаешься от болей. Снова жена вливает баралгин, а утром, с затуманенной головой, садился за руль и ехал по делам.

И так четыре месяца. Пока не понял: все бесполезно, надо сдаваться. И 7 ноября 1995 года мне сделали высокую ампутацию левой ноги. С этого дня у меня нет обеих ног до бедер.

Два мира

Как ни утешай себя, а коляска — это резкий переход в другой мир. Рыбы живут в воде, птицы в небе, звери на суше. Точно так же в разных мирах живут люди, у которых есть ноги, и люди, у которых ног нет. Вроде бы мы в одном пространстве, но у нас нет доступа ко всему тому, что для вас обыкновенно. Ни в кино, ни в театр, ни на выставки, ни в учреждение, ни в гости к другу ты самостоятельно не попадешь... А отсюда меняется все, меняется мировоззрение. И ты постепенно должен внутренне смириться и отказать от того, что другим привычно, что и тебе когда-то было доступно. Ведь одно де-

ло — когда ты парализован с детства, и совсем другое — до 38 лет быть человеком о двух ногах... Значит, смириться, отказаться. Но тогда что тебе остается в этой жизни? Вот здесь очень трудно удержаться от соблазна обиды на всех, на судьбу. Можно и руни на себя наложить, и запить. Все это и у меня было. Но мир на твои обиды не обращает внимания, а водна дает тяжкое похмелье, из которого тоже надо выходить. И за что-то братья, потому что есть-то надо каждый день. Надо содержать, обеспечивать достойную жизнь жене. Святой женщины.

Галя

К тому времени я уже был женат. И вышла за меня замуж не кто-нибудь, а моя лечащая медсестра. Уж она-то знала мою судьбу, знала, что меня ждет ампутация всех конечностей и полная неподвижность. И все равно — вышла за такого человека замуж! Женщины... Я уже говорил, что мог на свои деньги автобазу купить. И, глупый, с тех денег не имел ничего. Доназывал себе и другим, что могу. Мне звонят, во мне нуждаются. Помните закон компенсации? А по умному-то и надо было тогда еще построить дом. Специально приспособленный для жизни человека в коляске. Да и машину хорошую купить. А у меня до сих пор та же "Нива". А уж дом так и вовсе — 1878 года рождения. Он без фундамента, врос в землю по самые окна. Но я ничего не замечал. До тех пор, пока не пришла ко мне жить Галя. И когда я увидел, как она мучается с водой, с печной, шесть ведер угля внести и ведра золы вынести, — тут до меня дошло, что надо срочно все перестраивать.

Я затеял капитальный ремонт, построил новую кухню, старая просто рухнула, провел центральное отопление, городскую канализацию, водопровод. Это ведь огромная, непосильная работа. И времени нет, вся улица из-за меня перенюпана, а на этой улице живет губернатор области, он же не потерпит, чтобы его улица была в траншеях...

Предвестие

Неожиданно, прямоком из Норвегии, приехал Вадим. Ему предложили принять подданство одной из богатых стран. Вот он и спрашивает меня: как быть?

Я ему сказал: ты тренировался на деньги тонарей, пенарей, пахарей, учителей, дворников этого города, этой страны. Они их отдавали тебе, потому что сами не наделены таким талантом. Вот ты у них и спроси! А если здесь тебе трудно, если нет условий для подготовки к Олимпиаде, пойдём к губернатору, поедём в министерство спорта...

В общем, Вадим остался. А тут в Алматы планировался Кубок мира по спринтерскому многоборью. И я загорелся: если на Олимпиаду не могу поехать, то уж на Кубок пападу... Однако понадобилась очередная операция. При моей болезни всегда что-нибудь происходит, пальцы отсыхают... Но вдруг уже на пути из операционной, в наталне, схватило удушье. Кома. Клиническая смерть.

Так я оказался на том свете. Я знаю, это звучит... как-то странно. Но те люди, которые там побывали, меня поймут. На том свете — сплошное сияние. Причем наступает оно не сразу, а постепенно. Как в кинотеатре свет, только здесь он прибавляется. И ничего у меня не болит, меня переполняет торжест-

венность, блаженство и покой. Здесь мой дом, это то, к чему я стремился всю жизнь. Больше мне эти ощущения не с чем сравнить, чтобы объяснить... И спрашивает меня Голос... Я слышу его и сейчас. Представьте себе голос матери, которая кормит грудью ребенка и шепчет ему самые ласковые слова. Вот такая же доброта, и даже больше, была в этом густом голосе мужчины примерно лет сорока пяти: "Тебе нравится здесь?" Я про себя думаю: чудак, да кому ж здесь не понравится? Но я ж не могу в таком тоне разговаривать с Ним. И говорю просто: "Да". А Он спрашивает: "Ты хочешь здесь остаться?" Снова думаю: чудак, да кто ж не захочет? И собираюсь ответить: "Да". Но тут меня, как укол, пронзает чувство тревоги, предчувствие какой-то очередной житейской неурядицы, такой досадной и неуместной в сияющем мире, и как бы доносится голос жены: "Ты же обещал быть с сыном! Тебе же надо поддерживать сына!" И сияние стало меркнуть, меркнуть, сменилось тусклым светом больницы. И я услышал, как мне кричат: "Дыши! Дыши! Возвращайся!"

И я вернулся. После этого мною овладело состояние полного безразличия ко всему. Мне стала неинтересна вся моя жизнь, весь мой бизнес... И я вдруг сказал жене: "До тридцати восьми лет я был здоровым человеком. Потом стал калекой без ног. Но я не выпал из жизни, я умею и знаю, как бороться. У меня огромный круг знакомых, я знаю, куда пойти и к кому подойти. А дети же ничего не знают, их родители тоже ничего не знают. Давай возьмем в дом пятерых мальчишек с парализованными ногами, я научу их, как бороться за полноценную

жизнь". Но жена, человек реально мыслящий, сказала: "Я понимаю тебя. Но и ты меня пойми: ты без ног, они без ног, я с этим не справлюсь, вы же меня в гроб загоните". Она, конечно, была права.

И только сейчас я сопоставил, что операция проходила и Голос мне был в день Рождества Господнего.

Апатия

Не знаю, связан ли упадок моего бизнеса с моим настроением, или просто так совпало. Бухгалтер моего магазина собрала с людей, с организаций деньги за все непроданные вещи и сбежала. Повисли на мне несколько тысяч долларов. Продам я свою мельницу совхозу, а денег мне за нее не выплачивают. Силикатный завод должен мне деньги за сто тысяч штук кирпича, но тоже ни копейки не перечисляет. Подал я на них в суд, обязали их все выплатить, а они и в ус не дуют. Правда, 25 000 штук оплатили бартером, взяли на городском молочном заводе масло (тогда же была эпоха бартера, прямого товарообмена) и отдали мне. Вот я и продавал его, развозил, чтобы деньги были на жизнь, на ремонт дома.

Так прошло два-три года. А потом случилось несчастье.

Смерть

У моей тещи Александры Федоровны обнаружили рак. Положили в больницу. Мы вызвали из Крыма брата жены, Геннадия. Он приехал со своей женой, Любой, поселились у нас.

Этот день, 4 декабря, отпечатался не просто в памяти, он сохранен на видеопленке. Вечером к нам пришли наши давние знакомые, они на другом конце города живут. Посидели, поговорили. По-

том моя жена и Гена с Любой пошли провожать гостей к автобусу. А я снимал их на видеокамеру, и когда дверь за ними закрылась, на фоне двери отпечатались на пленке: 04. 12. 97. 21.45.

Больше я Галю и Гену живыми не видел. На темной, занесенной снегом улице водитель громадного джипа не справился с управлением и врезался в них на полной скорости...

Мое горе — мое горе. Но как передать горе матери... Как она металась на кладбище между гробом дочки и гробом сына... Она не знала, чей гроб закрыть первым, она не давала закрыть гробы. А я сижу в ноляске за ее спиной, между двумя гробами, и понимаю, что мое горе по сравнению с горем матери... Господи, господи, никому не пожелаю ни пережить, ни видеть такое.

Потом прошли поминки. Потом сорок дней. Разъехались люди. И остались мы вдвоем в огромном пустом доме. Сижу я за письменным столом в ноляске, смотрю в окно, на пасмурный январский день. И вдруг слышу шорох за спиной. Оборачиваюсь. Стоит Александра Федоровна, маленькая старушка, покорная, отрешенная, глаза пустые, отжившие... И говорит мне: "Шамиль, я все понимаю, я старая, больная, ты сам без ног. И еще я у тебя на руках. Зачем я тебе нужна? Отдай меня в дом престарелых, не бойся, я готова там закончить жизнь, я все понимаю..."

У меня душа перевернулась. Я взял ее за руки и говорю: "Александра Федоровна, у вас были дочь и сын, у меня была жена, теперь у вас нет детей, у меня нет жены, теперь я вам буду вместо сына и дочки. И запомните: пока я жив, пусть и без ног, вы ни в чем не будете ну-

ждаться и будете жить со мной до самых моих последних дней".

И я боролся за нее, за ее жизнь до последнего. Но рак есть рак. Перевезли ее домой. Еще два месяца лежала она недвижно в постели. Я организовал уход, круглосуточную сиделку. И в ночь с 18 на 19 июня, когда стояла жара в тридцать градусов, она задыхалась — рак легких, — Александра Федоровна тихо-тихо отошла в мир иной у меня на глазах.

Программа

Взять в дом несколько мальчишек с парализованными ногами, научить их жить и бороться — эта мысль, несмотря на все повороты жизни, так меня и не оставляла. Только я уже думал не о домашнем интернате, а о большом, настоящем. Но частном, моем. Деньги, что я выиграл по суду, надо получить и вложить в этот интернат.

Както встретил я бывшего ректора нашего педагогического института Альберта Михайловича Малыгина. Рассказал ему о своих планах, спрашиваю: "Альберт Михайлович, может, я велосипед изобретаю, может, все, что я задумываю, уже известно и разработано?" А он отвечает: "Нет, Шамиль, это целина. И ты думаешь в правильном направлении. Действуй, пиши программу, а мы тебя поддержим". И я, забросив дела, сел писать программу. Ни в одном учебном заведении не был, ни одной специальной книги не прочитал, откуда она у меня рождалась — не знаю.

Я просто представлял себя ребенком-инвалидом, смотрел на мир его глазами: как бы я хотел жить и где, как учиться, что бы меня радовало, к чему бы я стремился.

Инвалидность резко обрывает или ограничивает социальные связи. Ребенок оторван от мира, не может получить образование, профессию, лишен общения со сверстниками. Все это приводит к тому, что он уже сам, сознательно отказывается от контактов с другими детьми, полностью погружается в свой внутренний мир, в свои фантазии, очень часто — мрачные фантазии, у него изменяется поведение, проявляются патологические черты характера.

Надо, чтобы больные дети не страдали, а жили среди таких же, как они, и учились вместе с обыкновенными детьми в обыкновенных школах! Надо, чтобы они с помощью взрослых постепенно определили, что для них реально достижимо в этой жизни.

Я сразу заложил в программу два этих закона: закон компенсации и закон приспособления к реальностям жизни. Да, дети, прикованные к коляскам, многого лишены. Никто из них не станет бегуном, футболистом, регбистом, монтажником-высокопаром. Но скажите, вы очень страдаете, что вы не знаменитый поэт, не великий художник, не прима-балерина Большого театра? Нет, не страдаете. Потому что понимаете: вам это не было дано, у вас свой круг жизни, вы реализовываете себя в другой профессии и на жизнь не жалуетесь.

Да, моя аналогия не безупречна. Но что-то в ней есть, согласитесь. Конечно, если мальчишку с парализованными ногами все время водить только на футбол, волейбол, баскетбол, в нем поневоле разовьется комплекс неполноценности. А вы отведите его в секцию пулевой стрельбы, в шахматную секцию, мало ли куда! И тогда он не бу-

дет чувствовать себя обделенным. А отчетливо скажет себе и другим: "Да, ты силен в футболе, а я в стрельбе, в шахматах, в математике, в компьютерах!"

Закон компенсации напрямую связан с законом приспособления к жизни, к реализации себя в ней, к профессии. Но важно не просто получить профессию, а еще и возможность **реализовать себя в профессии**. А это для инвалида, прикованного к дому, в тысячу раз сложнее, чем для обычного человека. Значит, наш будущий выпускник не должен быть прикован к дому. Значит, жизнь интерната надо построить так, чтобы **каждому выпускнику дать пусть и старенький, но автомобиль с ручным управлением**. И он, этот выпускник, будет потом не просто работать, а выплачивать деньги за этот автомобиль. **Чтобы такой же автомобиль, на его деньги купленный, был вручен сегодняшнему первокласснику**. Есть в этом и смысл, и моральный долг, и еще многое другое, о чем словами не скажешь, так ведь?

Человек полноценен, когда он востребован обществом. А почему не может быть таким же востребованным инвалид? Да просто потому, что его нигде и ничему не учат. Вся жизнь дома, в четырех стенах.

Родители не знают, что делать с такими детьми.

Родители, в большинстве своем, могут только жалеть и опекать. Одевать, раздевать, чуть ли не с ложечки кормить. Одни из жалости, другие — потому что торопятся, им проще самим одеть и раздеть ребенка, чем учить его, ждаты. А результат один. Маленький человек привыкает к тому, что все за него сделают. Упал — подни-

мут, не поел — нанормят, не выучил урок — простят.

Я-то хорошо знаю, что иногда вырастает из таких. С годами он озлобляется, начинает пить, требовать у матери: "Дай на бутылку!" Она умоляет: "Сыночек, от пенсии ничего не осталось, нам же еще жить на последние деньги!" А он рычит: "Да плевал я на такую жизнь! Это, по-твоему, жизнь? Зачем ты меня родила!? Почему не задушила в пеленках? Кому я нужен? Дай хоть напьюсь и забудусь!" И мать сразу снижает...

А ведь этот парень мог прожить вполне достойную жизнь. Научиться. Но только не при той системе, которая у нас существует... Мы растим человека, который берет у государства минимум наних-то благ и сам же мучается от своей униженности. Он не хочет такой жизни. Но он вынужден, потому что все мы — государство и общество — поставили его в такое положение. Не надо, нельзя, преступно растить несчастных!

Все это и еще многое другое изложил я в короткой программе и отправился к начальнику областного департамента образования Федору Ивановичу Ваховскому. Помимо короткой программы принес я и выписки из решения суда. Объясняю: дайте мне где-нибудь большой дом для моего интерната, а в оплату заберите деньги, которые мне причитаются за мельницу и за кирпич. Там денег гораздо больше, чем стоит большой дом. Я ничего не прошу, я предлагаю обмен.

Ваховский меня поддержал и отправил мои бумаги по инстанциям.

Березовая роща

А пока я хожу по кабинетам, агитирую. И однажды в коридоре

городской администрации встречаю знакомого начальника ПМК, передвижной механизированной колонны. Он, узнав в чем дело, предлагает: "Шамиль, купи здание моей конторы, мы из него выселились!" Я говорю: "Да ты что, оно же где-то за городом, у черта на куличках!" А он: "Да ты поезжай, посмотри, там хорошо, как раз для интерната!"

Я и поехал... Петропавловск наш небольшой, двести тысяч населения, вообще-то все рядом. С запада город ограничен рекой Ишим. За Ишимом район частных домов — Заречье. За ним — еще один поселок, при старом кирпичном заводе. А за ним уже — объездная дорога, вроде Московской кольцевой. И вот на ней, чуть в стороне, в березовой роще — это двухэтажное здание. Тихо, спокойно, красиво. Лучшего места для детей не найти. Запал мне в душу этот дом в березовой роще!

А начальник ПМК меня торопит: мол, уже объявились другие претенденты... Я бросился вновь по кабинетам, по знакомым бизнесменам. Дайте денег взаимы, дайте ссуду в счет тех сумм, что мне причитаются по суду! Поехал за помощью к нашему благочинному, отцу Сергию. Он меня спрашивает, все ли я сделал, что мог? Говорю: вроде бы все. А он: это дело хорошее, и если оно угодно Богу, то все уладится, состоится.

Тогда я не был таким верующим, как сейчас. И даже обиделся на него: называется, помог... Но со временем, ночами раздумывая, я как-то странно успокоился: если будет угодно Богу...

Счастливый случай

23 октября 1998 года, в пятницу, пребывал я в горе. Узнал, что

объявился покупатель на это здание. С готовыми деньгами. А у меня — ничего нет. В общем, прощай, мечта!

В таком состоянии и застал меня Вадим. Говорит, что завтра идет на прием к аниму (губернатору) области Даниалу Ненжетаевичу Ахметову. Ситуация обычная. Знаменитый спортсмен завершил спортивную карьеру, и теперь аним будет разговаривать с ним о дальнейшей жизни, о государственной службе... Я так и вскинулся! Говорю: положи аниму на стол мою программу! И меня с собой возьми!

На следующий день, в субботу 24 октября, едем в анимат. Мы с Вадимом договорились: если моя программа заинтересует анима, если начнет задавать вопросы, то я тут, рядом. Если же нет, то нет... Не помню, сколько времени провел в приемной. Открывается дверь: "Заходите".

И начался долгий и горячий разговор, на эмоциях. Я понимал, что это мой единственный и последний шанс. Дальше, выше — идти некуда и не к кому. Аним меня поддерживал. Но сказал:

— Я понимаю вас, Шамиль Тауфинович, но это не только ваше частное дело. Власть очень виновата перед этими детьми. Проблема государственная, и интернат будет на государственном бюджете.

Я начал горячиться, говорить, что не надо, деньги у меня есть...

— Нет, — повторил он. — Это должно быть на государственном уровне!

Помню, я расстроился. Ну, думаю, государство забирает себе мою программу, мои планы и мечты. Все это окажется, сделаю постылый интернат-казарму...

— А мы можем сейчас посмотреть на это здание? — спрашивает аним. — Поедем?

Вызывает анима города Петра Федоровича Ходеева, начальников приватизационных и других служб. И на трех машинах едем в Заречье.

Осмотрел аним здание, окрестности и говорит:

— А ведь такого красивого места, пожалуй, здесь больше и нет! Детям здесь будет хорошо. Все решено, Шамиль Тауфинович, принимайте здание!..

Так я стал директором. Хотя ни сном, ни духом не помышлял. Я думал, что раз интернат решено сделать государственным, то моя роль здесь будет общественная, консультативная. Я оставлял себе роль переводчика, проводника между здоровыми людьми — учителями, воспитателями — и детьми-инвалидами. Потому что здоровому человеку трудно, почти невозможно понять, проникнуть в систему бытового мышления человека с парализованными ногами. А я-то побывал в обеих ипостасях. Говорю же: переводник, переводчик...

А вообще-то все получилось правильно. Если я задумал интернат, то я и должен держать все в руках. Начиная с реконструкции здания, с приспособления его под жизнь детей-инвалидов. Кто лучше меня знает, каким должен быть дом для нас?

Пожарная веранда

И хорошо, что я стал директором. Проектировщики и строители какого-то "консультанта", "советника" не больно-то бы и слушали. А директор — хозяин, заначкин, он платит. А тут еще аним области припечатал: "Проект будет принят только с подписью Шаншанбаева!"

Работа предстояла огромная. Ни проектировщики, ни строители не знали, что и как делать. Ведь наши СНиПы — строительные нормы и правила — никогда не учитывали такую категорию людей как инвалиды. Я сказал, что здесь СНиП — это моя ноляска. Вот по ней и будем чертить и строить: чтобы она везде проходила.

И все мы сделали, как задумали. На втором этаже жилые комнаты детей, комната дежурного воспитателя, большой компьютерный класс...

Позволю себе отступление. Конечно, я думал о компьютерном обучении, кто нынче об этом не думает. Но — в скромных рамках возможностей департамента образования. Но однажды на планерку приехал аним области, послушал, а уезжая, сказал: "Шамиль — это должна быть школа будущего. Наступает век компьютерных технологий. И мы должны вырастить здесь если не компьютерных гениев, то первоклассных специалистов". Так появился у нас большой класс с новейшими компьютерами...

Да, а на первом этаже — большое фойе, медицинский кабинет, столовая, кабинеты для сотрудников. Разумеется, большой лифт... Глядя на него я как-то подумал: "А если пожар, если лифт остановится? Как детей эвакуировать? Как быть?" Пожарные отвечают: "Никан! Запрещаем жилые комнаты на втором этаже, все переделывайте..."

Да вы что, столько денег затрачено, практически уже построено! И тут в панике я придумываю: а что, если на втором этаже с двух сторон пристроить большие веранды-наопителити? А спуск с них сделать наподобие аварийных трапов в

самолетах — желоба тание, чтобы скатываться по ним с большой скоростью.

Пожарные покрутили головами, посмеялись и сказали: "Здорово!" Проектировщики и строители поспортивлялись: дополнительные расходы. Но пожарные пригрозили: "А иначе вообще все будет переделывать!"

И теперь у нас есть большие веранды. В пасмурные дни мы выходим сюда и дышим воздухом. Здесь же играем, рисуем, в общем, проводим время. А если посмотреть с улицы, то веранды необыкновенно украшают дом, придают ему своеобразный облик. Без них было бы обычное здание. А с верандами — что-то очень оригинальное и красивое...

Унитаз и автобус

Все, что происходило при строительстве, напрямую было связано с тем, что я называю "два мира". Здоровые люди не понимают, что надо инвалидам, что делать для нас.

Строители вдруг решили установить на унитазах накие-то поручни. Тогда я подкатился на коляске, перелез на унитаз, а потом снова на коляску: "Ребята, накие здесь поручни?" Мне возражают: "Ты — взрослый мужик. А они — дети. Что, если упадут, ушибутся?" Говорю им: "А вы сможете во всех туалетах города сделать поручни? Выйдет он из интерната, его позовет друг в гости, а он скажет: "Не могу, у тебя в туалете нет поручней". Для чего я здесь их собираю? Для того, чтобы научить самостоятельности, чтобы они приспособивались к жизни, какая она есть".

То же самое и с автобусом. Мы получили "ЛиАЗ", на котором дети будут ездить в школу и из школы.

Отдали его на переделку на крупный завод. А конструкторы говорят: "Можем сконструировать в автобусе шесть мест". Я чуть ли не кричу: "Да вы что, у меня двадцать два воспитанника, мне что, четыре "ЛиАЗа" покупать и переоборудовать? Вы смеетесь?!"

Они, оказывается, хотели все сиденья убрать и сделать там крепления для колясок, каждую отдельно. Да при такой системе коляски бы разлетелись через несколько поездов: автобус ведь шатает, бросает из стороны в сторону! Не говоря уж о том, что действительно тогда в огромном автобусе могут ехать только шесть человек.

Я попросил на коляске затащить меня в автобус. Вот, говорю, все двойные сиденья слева оставить как есть. Справа сделать одинарные. Коляска по проходу проедет свободно. Дети въезжают, пересаживаются (самостоятельно!) на сиденья, застегивают ремни безопасности (сделать!), а сопровождающий складывает коляски в гармошку и закрепляет на задней площадке. И для выезда не надо никаких гидроподъемников, как они думали. Просто перенесенной трап, по которому дети будут въезжать и выезжать.

Только не подумайте, что Шаншанбаев себя выставляет умным, а строителей и конструкторов — недотепами. Нет, суть в том, что они **ничего не знали о жизни и быте инвалидов**. И, как следствие, **считали, что инвалиды абсолютно беспомощны**. Им и в голову не приходило, что дети могут — и должны — самостоятельно перебираться из коляски на сиденье, самостоятельно идти туда, куда им надо. Потому что, повторю, мир не переделать. И если ты не хочешь

остаться в стороне от жизни, если хочешь полноценно участвовать в жизни — стисни зубы и приспосабливайся к этому миру.

"Охотный ряд"

Время строительства — мой первый праздник. До сих пор в ушах карнавальная грохот отбойных молотков и музыка бетономешалок. День деньской я там пропадал. Однажды в середине дня приехал домой: полежу немного, отдохну. А в доме тишина, по ушам бьет, не могу в тишине после бетономешалок и отбойных молотков. Включил телевизор. Слышу: что-то про детей-инвалидов. Передача "Охотный ряд". И все говорят об уродствах системы, проблемах... Ведущий спрашивает: "А что вы предлагаете, как и что надо сделать?"

Каково же было мое удивление, когда участники передачи — выпускники, директора интернатов, родители, специалисты — стали по пунктам перечислять положения моей программы! Слово в слово. А у меня уже строится интернат по такой программе! Значит, я на верном пути?! Какой тут отдых! Бегом обратно, весь на крыльях, откуда силы взялись...

Снова о компенсации

Забегая далеко вперед, расскажу про недавний концерт в нашем областном культурном центре. Проходил он под девизом "Праздник добрых сердец". Собрали детей с ограниченными возможностями. Слабослышащих, глухонемых, парализованных... И обыкновенных из обыкновенных школ.

Когда на сцену вышли мальчишки и девчонки из циркового училища, такие ловкие и быстрые,

и стали показывать удивительные номера, — я буквально впился глазами в своих ребят. Какое им смотреть на своих сверстников, таких ладных и стремительных? И, знаете, не увидел я страдания, зависти, каких-либо других подобных чувств. А увидел другое: вы танцуете, а вот мы сейчас выйдем и споем! Это и есть закон компенсации. **Если ты чего-то лишен от природы или по воле злой судьбы, не отчаивайся, а максимально используй то, что тебе дано.**

Приведу еще пример из сегодняшнего дня. Есть у нас мальчишка, Букейхан Амиржанов. Он дане ложку с трудом доносит до рта. Писать не может, авторучка прыгает по бумаге. Но посмотрите, что он творит на компьютере! Не просто легко и быстро пишет, излагает свои мысли — он рисует, у него великолепная компьютерная графика. Загадна? Да, в чем-то загадна. Значит, надо максимально развивать то, что ему дано. И на этом базировать его будущее. И тогда он не останется в стороне от жизни...

Память

Набором детей занималась специальная комиссия при департаменте образования. Я как директор не имел права в нем участвовать. Но мне стало известно, что акиму области сказали: "Шаншабаев вас с толку сбил, родители не отдадут своих детей в интернат, напрасная трата денег..."

Я испугался: вдруг и правда никто не пойдет? Не отдадут... Прихожу в комиссию, спрашиваю. Да нет, говорят, уже почти всех набрали. У меня руки затряслись от радости и облегчения.

Но вот загадна — как отныревался интернат, как начали приез-

жать родители с детьми, не помню. Начисто память отшибло. Наверно, это своеобразная реакция на то огромное напряжение, в котором я прожил весь год. И тогда наступил миг радости — все вылетело из головы. Помню только настороженные лица родителей. И в то же время эта настороженность совмещалась с надеждой. А вдруг их детям здесь будет хорошо?

Из писем родителей

"Я по профессии зоотехник, закончила сельскохозяйственный техникум, по распределению поехала в деревню. А ферма — не теплый дом, промозглая, сырая, продувает насвозь. А я беременная. Но на работу-то ходить надо. И вот однажды простудилась, получила острый бронхит. Наверно, из-за этого и случились преждевременные роды, Алена родилась недоношенной, килограмм четыреста пятьдесят граммов. Врач посмотрела на нее, сказала: "Ребенок нежизнеспособен", и бросила(!) ее на стол. Прошел час — Алена живет. Второй, третий... Тогда медсестра стала заворачивать ее в пеленки, принесла грелку..."

В шесть месяцев нам сказали: детский церебральный паралич, ДЦП, ребенок ходить не будет, лучше вы от него откажитесь, вы молодая, еще родите здорового ребенка. Но у нас даже мыслей таких не было. Отца у Алены нет, живем мы с бабушкой и дедушкой, они в ней души не чают..."

Началось лечение: массаж, уколы, таблетки. На свой страх и риск, без направления, поехала в Ленинград. Мир не без добрых людей, оставили там мою дочку, курс лечения — 8 месяцев. После этого перерыв в 4 месяца и — операция.

Затем планировался еще один восьмимесячный курс лечения, но... развалился Советский Союз, Ленинград оказался в другой стране, лечиться там можно только за деньги...

В школу мы ходить не могли, а надомное обучение — формальность. Когда придут учителя, когда не придут. И вообще у них чувствуется такое отношение: зачем больной девочке учиться, все равно нигде она работать не будет, читать-писать умеет — и ладно... А дочка хотела учиться, много читала, и очень переживала, видя такое отношение.

Так и жили мы, затворясь в четырех стенах. Книги, телевизор, бабушка и дедушка, и кругом деревня в снегах или в грязи — вот и весь мир Алены. А ребенок развитый, живой, всем интересуется. И только за один год в интернате ребенок понял, что такое жить в обществе и вообще на земле! Господи... Здоровья и счастья вам всем! Больше у меня слов нет. **Татьяна Александровна Смирнова**".

Без казенщины

Все-таки что-то я помню, вспоминаю. Помню не удивление, а ошеломление родителей, когда они вступали под сияющие своды нашего дома, проходили по комнатам. На их лицах явственно читалось: и это наши дети будут жить в таких условиях?!

С самого начала я знал одно: здесь ничто не должно связываться с тем унылым образом, который возникает при одном только слове "интернат". Никаких шершавых синезеленых панелей, серых одеял, алюминиевых ложек-мисок, спален-казарм — ничего подобного и похожего!

У нас комнаты на двоих, с телевизором, разумеется. У каждой кровати кнопка вызова дежурного воспитателя. В столовой только фаянс, фарфор и мельхиор. В фойе сверкающий пол из плитки с орнаментом, диваны, кресла, пальмы, картины, эстампы. В коридорах и комнатах отделка по стандартам евроремонта. В санузлах импортная сантехника и сверкающая чистота. А уж когда родители увидели компьютерный класс!..

Да, помню ошеломление родителей, хорошо знающих, что такое советский интернат: "И это наши дети будут жить в таких условиях!?"

Особые люди

С самого начала я установил себе правило: не возьму ни одного человека, который когда-либо работал в интернатах советского типа. Начинать будем с чистого листа, с моей программы.

Да, приходилось быть жестоким. За первый год принято на работу и уволено 28 человек! При штате 23 сотрудника. Воспитатель, педагог — вообще редкий человек. А уж в интернате, с такими детьми — особые люди нужны. И они есть. Думаю, что после двухгодичного отбора здесь и собрались особые люди. Все — от уборщицы до завуча.

У нас своя иерархия. У нас главный человек — повар. Как в доме — мама вкусно кормит, ласково встретит, на кухне тепло и уютно. Только у нас два главных человека — Вера Николаевна Айдамова и Лариса Ивановна Камынина.

Потом — уборщицы Галина Валентиновна Бесфатер и Вера Александровна Иванова. Дело не только в том, что они чуть ли не еже-

часно протирают полы в нашем сверкающем фойе, в коридорах, все в доме сверкает и дышит свежестью. А в том, что они всегда веселые и ласковые. Все мы помним, как в школах уборщицы швыряли нам в ноги шваброй, ворчали, если не кричали. Мы им почему-то мешали везде и всегда. Но там — другие ребята, они после уроков уйдут и забудут грубость. А здесь — дом. А какой же это дом, если в нем на тебя кричат? Кто захочет жить в таком доме? Вот почему уборщица — второй главный человек в интернате. Что бы ни случилось — мало ли что бывает, мало ли кто и что испортит тебе настроение, — у нас она всегда ласкова с детьми.

Затем — воспитатели. Татьяна Александровна Коптяева, Елена Николаевна Моисеева и совсем молодая Оксана Бесфатер, выпускница нашего пединститута, она в интернате с первого дня. Она училась вместе со мной, вместе с детьми, как жить здесь и работать. Помню, приходила ко мне и делилась своими открытиями: "Шамиль Тауфикович, знаете, есть такое выражение: "Натись!" Здесь это слово нельзя произносить ни в коем случае! Можно даже резко ему сказать: "Иди! Иди отсюда!" И он не обидится. Но ни в коем случае нельзя говорить "натись!"...

Наши воспитатели — и мамы, и старшие сестры, и подруги, и друзья, с кем всегда можно поделиться, поговорить...

Предпоследнее место в интернатской иерархии занимает наша незаменимая Анна Тимофеевна Жульдинова, завуч, которая все организует, за всем следит. И на последнем месте — директор. Моя

обязанность — обеспечить спокойную работу повара, уборщицы, воспитателей, завуча. Директор — человек подсобный.

Из писем родителей

"Родила я Свету поздно, в 36 лет. Привезли меня в роддом вечером часов в семь, и до девяти утра, пока не пришла заведующая, ко мне никто не подходил, кроме старушки-санитарки. Когда же меня осмотрели, то сердцебиение ребенка почти не прослушивалось. Срочно начали вызывать роды, сделали столько уколов, что к обеду у меня случился сердечный приступ, давление подскочило до 200. Несарево сечение в таком состоянии делать невозможно, и потому начали сбивать давление, решили спасти меня, а не ребенка. Начали выдавливать ребенка простынями, а ребенок к тому же шел ножками и его тянули за ножки. В общем, вывихи обеих бедер и разрыв связки у стопы.

На ножки Света встала поздно, в один год и три месяца. И все время жаловалась на боли. А врачи успокаивали: это обычное плоскостопие, делайте массаж. Так было до трех лет. А я же вину, что ножки у ребенка больные. Поехала к бабке-посреднице в Омскую область. Она выправила нам бедра и колени. Как говорит, в последний момент, потому что уже началось хрящевание. А со связками на стопе сделать ничего не смогла, тут нужна операция. У нас такую операцию не делают. Нет аппаратуры, нет такого специалиста.

Поехала в Омск, принял нас профессор Федоров. Сказал, что необходима операция в два или в три этапа. Первую операцию сделали, сшили ей связки. Полгода Све-

та провела в гипсе. А на вторую и третью операции у меня денег не было, и взять негде. Так мы и остались....

Муж умер, когда Светочке был годик. Я одна с двумя дочками. Уходила работать в ночь. А они вдвоем в доме. Старшая моя дочь, Лида, всю жизнь отдала Свете. Другие девушки на вечера ходят, с парнями гуляют, а Лида... Ей сейчас двадцать три года, а она как старуха, у нее вся голова седая.

И потому я говорю: этот интернат — счастье! И Лида моя теперь пошла работать, может быть, устроит свою жизнь. И главное — Света здесь счастлива. Она стала совсем другим человеком, у нее появился интерес к жизни, она строит какие-то планы на будущее! Она здесь не чувствует себя изгоем, здесь они все на равных, она смеется, она на пианино учится играть.

А что было до интерната — это словами не передать. Во дворе дети кричали ей: "Ты уродна!". Она приходит и плачет. А я плачу вдвойне. А что в школе было! Я привожу ее, оставляю возле школы, так оттуда выбегают гады такие и костьюли выбивают! Я уже учила ее: "Света, не давай себя в обиду, бей их костьюлями!"

А в этой школе, в 13-й, где учатся наши, интернатские, — что-то особенное. Я таких детей еще не видела! Я ведь ходила туда, смотрела. Как только подходит автобус с интернатскими, тут же выбегают школьные, поселковые ребяташки. И кто коляску натит, кто под руки поддерживает, помогают раздеться, тут же про уроки что-то подсказывают, и все весело, со смехом, с шутками. Они дружат, они помогают друг другу! Нет, таких детей я

еще не видела! **Галина Федоровна Гердер**".

Школа

Школа, где учатся наши дети, расположена рядом с интернатом, в Заречном поселке. Поселок полудеревенский, патриархальный, и школа маленькая, уютная... Пользуясь случаем хочу еще раз сказать спасибо директору Лидии Михайловне Масловой. Ну представьте, жила и работала спойноно, числилась на хорошем счету. И вдруг — двадцать детей в колясках, на костылях, иногда с замедленной речью, с нарушенной координацией, отстающие от сверстников по школьной программе... Ведь Лидия Михайловна могла отказаться. И никто бы не упрекнул. А она — взялась! Сразу же начались консультации со специалистами, советы всех педагогов. Ведь она объективно существует, нигуда от нее не денешься — детская жестокость. Кто-то толкнет, кто-то обзовет, кто-то посмеется.

Летом школьные учителя обошли всех родителей. Потом несколько раз собирали их в школе: рассказывали, объясняли, чтобы они дома с детьми своими говорили, внушали, воспитывали.

И вот — первый день в школе. Я дрожу как осиновый лист. Бледные, ходят по коридорам учителя и Лидия Михайловна. Никаных ЧП! Второй день, третий...

Потом мне рассказали, что там, в коридорах, чуть ли не гонки на колясках устраивают. Мои дети и школьные. И хохочут все! Самая обычная сцена на перемене: какой-нибудь мальчишка что-то поправляет в коляске, подшучивает, потом натит ее куда-то, или кружит на месте, а моя девчонка в коляске сме-

ется-заливается, потому что ей весело, потому что она общается... А когда что-то случилось с электричеством и отключился лифт, дети со всей школы бросились поднимать наших колясочников на второй этаж, в классы. И каждый день моих детей школьники встречают у автобусов, сопровождают, помогают раздеться.

Вы понимаете, не надо прятать этих детей, этих людей, как делалось все годы Советской власти. Пусть видят, что есть люди, которым еще тяжелее. И тогда они поймут, что злом ничего не создашь, никого не победишь. Речь идет о душах людей. Детей...

А как любят наши интернатские свою школу! Они любят бывать в школе, на людях, с новыми друзьями. К примеру, воспитатель в автобусе объясняет: "Завтра едем на дополнительные занятия!" Обычный школьник поморщится: "У, дополнительные...". А наши кричат: "Ура! Ура!"

Трудно найти слова, чтобы деликатно и точно сформулировать мысль о нравственной, воспитательной сути такого соседства. За два года у воспитателей и школьных учителей накопилось немало интересных наблюдений. Так учителя пришли к выводу, что школьники стали добрее. Они внимательны не только к своим друзьям из интерната, они стали добрее, внимательнее по отношению друг к другу, уже нет в них иногда свойственного подросткам желания мимоходом показать свое превосходство, оскорбить, унижить.

Это главный результат, который дает совместное обучение. Я знаю, что в педагогике до сих пор идут дискуссии по этому поводу. У нас в СССР, в странах бывшего СССР

обучение было и есть в основном раздельное. Для детей с ограниченными возможностями создавались не просто интернаты, а школы-интернаты. Закрытые заведения, где они варились в собственном соку.

По моему глубокому убеждению, интернат — это дом. А учиться ребенок уходит из дома в школу, в другой мир. И не случайно мои дети часто называют друзьями мальчишек и девчонок из школы. Все по законам жизни: здесь дом, семья, а друзья — там, на улице, в классе, в школе...

Разговор

Есть в отношении родителей к детям такой момент, как недооценка. Или — заранее заниженная планка претензий к жизни. Это относится и к здоровым детям. Тем более — к нашим. "Ну какой из него поэт, художник, министр? Хорошо бы простую профессию получить!" А может, как раз в душе этого мальчишки или девчонки горел какой-то другой огонь? А если это талант? А талант не уместается в обычные рамки. Здоровый ребенок с годами может и круто поменять жизнь, уйти туда, куда влечет его душа и талант. Инвалиду сделать это в тысячу раз труднее. Потому важно как можно раньше его способности заметить, и не занижать перед ним планку жизненных претензий.

И — готовиться к большому труду. Потому что ребенка-инвалида надо загружать раза в полтора больше, чем здорового. Да, жалко... Но для ребенка-инвалида закон жизни: "Тяжело в ученье — легко в бою". И потом, не забывайте: когда сын или дочь заняты тем, что им интересно, на трудности они

не обращают внимания, не замечают...

И помните, господа родители, что когда жизнь вашего ребенка определится, в 25-30, он не мне и не воспитателям в первую очередь скажет "спасибо". К тому времени мы уже расстанемся, годы и годы пройдут. Он прежде всего маме и папе скажет "спасибо".

Зимним вечером

Конечно, детям было нелегко привыкать к новой жизни. Представьте, до 12-14 лет мальчишка и девочка сидели дома, мало кого видели, мало где были. И вдруг — в большой коллектив, к незнакомым взрослым людям. Чувствовали они себя на первых порах скованно, я бы даже сказал — боязливо. У меня сердце сжималось, когда я смотрел на них и понимал: они не привыкли к вниманию со стороны посторонних людей, к ласке, к участию, к тому, что с ними разговаривают, играют, шутят, что-то обсуждают, им что-то поручают...

Как-то сидим мы с бухгалтером в его кабинете, разбираемся с бумагами. Уже поздненько было, часов восемь. Декабрь, зима, темь, тишина. Посторонних нет, да и кто в такое время поедет за город?

Закончив дела, покотил я по коридору к своему кабинету. Он рядом, чуть в стороне от фойе, с краю. И вдруг слышу наной-то шум. Конечно, испугался: что там такое? Так уж мы устроены, родители и педагоги, что первым делом пугаемся за детей. Но в следующую секунду я понял, что это не шум, а музыка. И какие-то возгласы.

Поднатываю к выходу в фойе, взглядываюсь. Полумрак, откуда-то снизу свет, подсветна каная-то, в этом полусвете-полумраке двигают-

ся тени. Все мои дети — все двадцать два человека — там, в фойе.

Снова я испугался: что случилось, почему они все здесь, что их привело сюда?

Но — играет музыка. И взглядевшись, я понял, что они танцуют! У них дискотена! Вы представляете дискотену, танцы на колясках, на костылях?! Девочка, у которой голеностоп скован, она ходит, как балерина, на цыпочках, у нее скован позвоночник и тазовые суставы малоподвижны — эта девочка в центре круга извивается и изображает индийский танец! Кто-то сорвал с себя майку и зафитилил ее на диван. Идет дискотена!

Они видели дискотену по телевизору? Но пока сидели по домам по одному, она была недоступна. А теперь, собравшись вместе, устроили свою дискотену. Не стеснялись друг друга, никто не смотрел, как выглядит другой. Ведь и на дискотенах здоровых юношей и девушек никто друг на друга не смотрит, каждый самовыражается в танце, как может. И мои тоже — самовыражались!

И тогда я сказал себе: вот оно, я был прав, я добился своего, мои дети живут как все! Эти дети будут нормально жить, многого достигнут, потому что поймут: им все доступно. Были бы только желание и воля.

Из писем родителей

"Всю жизнь меня преследуют вопросы: почему, в чем причина, кто виноват? И кто все объяснит Амантаю?.."

"Почти все мои знакомые, родители таких же больных детей, говорят, что болезни наших детей начались в роддоме. Да, для тамошних сотрудников роды — обычная по-

вседневная работа. Делают ее буднично. Но про себя и своего сына я ничего не могу сказать точно. Потому что не помню, была без сознания, в шок. Знаю точно, что привезли меня в 9 вечера, а родила в 2 часа ночи, то есть мучилась 5 часов подряд...

Забеспокоились мы, когда Амантай в положенное время не смог встать на ноги. Врачи деревенские сказали: ничего, в свой срок пойдет. Тогда мы повезли его в городскую больницу, а там поставили диагноз — ДЦП. И предложили тут же положить его в больницу на лечение.

На беду свою в коридоре разговаривалась я с такими же, как я, матерями. Одна из них мне и сказала: "Ни за что не кладите сына в больницу! Видите, моего ребенка довели уколами до того, что у него ноги ниже колен окончательно атрофировались, болтаются, как плети!" Я увидела этого мальчика тут же, в коридоре, и меня охватил ужас, и я отказалась от лечения в больнице.

И начались мои странствия по знахарям и знахаркам. Как услышу что-то про целителей, так и собираю по родственникам деньги. Спасибо, помогают. Потому что муж нас бросил, не выдержал такой жизни.

Так или иначе, сын начал ходить. Криво, носом, вихляясь. Часто падал, плакал, и я ночами плакала и молилась. Со временем у него стали заметны и нарушения в речи. Моя жизнь превратилась в ад. Надеждаю ночь я поедом ем сама себя. Я виновата, что послушалась случайной знакомой? Может, отдай я сына сразу в больницу, сейчас бы он был здоровым? Никто не может ответить на мои вопросы...

Но бывает, что и мне иногда улыбается судьба. Вот уже год мой Амантай в интернате. Никто из родственников поверить не может, что это Амантай. Это совсем другой человек. Был он постоянно мрачный, молчаливый, раздражительный, ни с кем не разговаривал... Многие родители знают, какие они бывают... А сейчас он весь светится жизнерадостностью. Когда приезжает на каникулы домой, только и делает, что рассказывает о своей новой жизни. А потом, когда все расскажет, начинает скучать. Я вижу, что он рвется туда, в город, в интернат, к друзьям. И если бы вы знали, как мне от этого радостно. Да, я виновата, нет мне прощения, но сейчас в жизни сына появился свет, будущее. У нас, у матерей, один девиз: "Пока живу — надеюсь". **Клара Ажановна Жумагулова**.

Ампутация левой руки

Когда разворачивалась эпопея с созданием интерната, врачи меня предупредили: "Тебе нельзя нервничать, начнутся спазмы сосудов. У тебя и так затруднено передвижение крови по сосудам. Ты можешь потерять и руки". Но разве можно было меня остановить? Потеряю так потеряю. А что мне остается? Отказаться от главного дела своей жизни? Зачем тогда жить?!

А гангрена-то к рукам уже подобралась. Еще в 95-м году начались ампутации пальцев. И чую, в левой руке начинаются боли. Ноляску уже трудно натить. Кровь не поступает, рука ледяная. Два месяца спал сидя. Снова сидя. Сажусь в кресло, гангренозную левую руку кладу между ног, потому что греть ее можно только живым теплом. Наташа,

жена, собирает одеяло вокруг моей шеи как узелок — и я ночь сижу сплю в кресле.

Я знал, что тут ничего не поделаешь, надо ампутировать руку. Но мне было просто некогда: интернат только открыт, дел невпроворот. А Светлана Анисимовна Анежанова, мой лечащий врач на протяжении всех пятнадцати лет болезни, предупреждает: может быть поздно. Я говорю: "Ну, подождем до зимних каникул, тогда и лягу на операцию!"

Конечно, я оттягивал до последнего еще и в отчаянной, призрачной надежде: а вдруг вернется кровообращение, а вдруг сохраню руку. Пока у меня две руки — я и машину вожу, еду, куда надо, и в коляске передвигаюсь. А что с одной рукой? Но жизнь научила меня готовиться ко всему. И я заранее тренировался. Научился на коляске с одной рукой передвигаться. Наклоняешься, создаешь разность давлений — и она идет прямо... Одной рукой раздевался и одевался, в туалет ходил, управляясь одной рукой, умывался. Процедура частая и долгая, мне-то надо содержать себя в идеальной чистоте.

И вот, когда мне отрезали левую руку по плечу, к обеду я проснулся от наркоза и чувствую: хочу в туалет. Первый вопрос к самому себе: "Я еще человек или не человек?" Пока я сам могу ходить в туалет — все нормально.

И я покатылся в туалет. Наташа со мной была, но я запретил ей: не подходи и не заходи. А там уже, внутри, меня охватил страх. Одно дело тренироваться, когда в критический момент ты можешь выставить вторую руку и опереться на нее, другое дело сейчас, когда руки нет. К тому же голова кружится после наркоза, а если упаду, то швы

разойдутся... Было, было желание позвать на помощь. Хотя бы на первый раз. А потом, упрямый же, сказал себе: "Стоп! Или ты сейчас себя победишь и будешь всегда ходить самостоятельно — или потом будешь всегда кого-то звать".

И я перелез на унитаз. А потом — снова на коляску. Донатываюсь до дверей, открываю их, встречаю Наташу: все, я герой, я могу!

Когда сняли швы, мы поехали сразу в интернат, а там мне говорят: звонили, ждут меня в городской администрации. Развернулись мы и — туда. Ни одного дня на больничном не был. А потом уже ухитрился с одной рукой ездить на машине. Надо как-нибудь снять это на видеонамеру: человек без двух ног и без одной руки ведет машину.

Наташа

Да, появилась в моей жизни Наташа. Жена.

Наш интернат на краю поселка, который возник при кирпичном заводе. Завод закрылся, люди остались без дела. И многие просились в интернат на работу. Но нам ведь нужны люди других профессий: педагоги, врачи, повара. И вот однажды, в марте 1999 года, приходит ко мне молодая женщина и говорит, что она дипломированный повар. Я стал расспрашивать, что да как. Мужа нет, живет с матерью, держат хозяйство, но денег не хватает, потому что два сына учатся в техникуме и за них надо платить. То есть человек сразу виден: все делает и живет для детей. И я сказал себе: при первой возможности надо взять ее на работу.

Однажды встретил ее здесь, на улице, и спрашиваю: если у вас хозяйство, то нельзя ли мне брать у вас молоко, трехлитровую банку в

два дня? И стал приезжать к ним за молоком. Иногда разговаривали о том, о сем. Ни у меня, ни у нее никаких даже мыслей не было... Я понимал, что из себя представляю, да и она нажилась со своим мунником так, что на нас уже смотреть не могла. За разговорами, попутно, узнавал я, что она за человек, какой характер, потому что в интернате нужны особые люди — мягкие, терпеливые, внимательные. Понял, что годится. И стала она у нас работать поваром. Но молоко я брал у них по-прежнему. И как-то она говорит: вы сейчас домой едете, как вы там один, не помочь ли в чем? Раз приехала, два приехала, и так вот сложились у нас уже другие отношения.

Она стала гражданской женой человека без двух ног, но с двумя руками. Она сопровождала меня в больницу на операцию. И потом официально зарегистрировала брак с человеком уже без одной руки.

Что она взвалила на свои плечи! Она мне секретарь, помощник, шофер — специально выучилась водить машину. Она помогает мне умыться, одеться и так далее и так далее. Она мне застегивает пуговицы, потому что у меня на оставшейся руке три с половиной пальца и один из них уже в гангрене. И так изо дня в день. Но я не замечаю, она ни разу не дала мне почувствовать, что у меня нет руки. Как она умудряется убедить меня, что я просто человек, а не объект помощи. Как это у нее получается — не понимать...

Это жизнь в постоянном напряжении. Как она справляется? При всем при том она что-то делает и для интерната. На общественных началах помогает вести программу

домоводства. Мы купили в Омске инкубаторы — а она дома занималась птицеводством, прочитала книгу специальной литературы — и сейчас у нас в подвале целое хозяйство. Все цветы, которые вокруг интерната, это она посадила. У Наташи особый талант, в ее руках все растет, все живет.

Мне 53 года, ей — 37. И в годах немалая разница, а уж о моей инвалидности и говорить не надо. Она, молодая и красивая, не могла встретить, найти (глухое слово) мунчину-мунжа? Могла. Но она выбрала меня. И здесь мне неловко говорить, но надо, раз уж взялся. Многие инвалиды замыкаются в себе, боятся любых встреч, уверены, что они никому не нужны и никто на них не посмотрит. Не надо прятаться от жизни. Если есть любовь, то она все преодолет.

Деньги

В этом году, через пять с лишним лет, наконец-то мои должники выполнили решение суда! Мне перечислили деньги за проданную когда-то мельницу и за силикатный кирпич. На что их потратить?

Меня постоянно мучила мысль, что интернат-то есть, а вот как быть со специальным образованием, с профессией. Да, есть большой компьютерный класс, но ведь все не могут стать компьютерщиками-программистами?

Как-то, еще до открытия интерната, я обратил внимание на соседний участок. Огромная территория, большой гараж, жилой дом комнат на десять, производственное помещение, во дворе стоят пять или шесть грузовиков, пять или шесть больших катеров. Это — бывший рыбопитомник. Прямо к участку примыкает пруд в виде длинной

подковы. Там и разводили рыбу. Крыша гаража рухнула, полы и батареи раскурочены, электропроводка обрвана.

И когда нынешней зимой пришли деньги по суду, я выкупил этот комплекс. Вместе с грузовинами и натерами. А почему нам не завести свое рыбное хозяйство в своем пруду? Почему не рыбачить мальчишкам и девчонкам на досуге. То есть создать свою базу отдыха.

И одновременно в производственных помещениях наладить профессиональную учебу, учебные мастерские. Причем не только для интернатских. Здесь смогут учиться и многие другие. Да, всех я пока не могу взять в интернат, но я могу обучать их в этой школе. Я уже закупил оборудование для швейной мастерской, для ремонта сложной бытовой и радиотехники. Уже две эти профессии мои ребята получают. А далее это и ремонт часов, обуви, и многое другое. Главное, чтобы профессии были востребованы. Мы не имеем права готовить будущих безработных.

Конечно, разговоров было много. Некоторые пальцами у виска крутили. Мол, личные деньги грохнуть черт знает на что. Но мне эти разговоры помогли. Ведь суета сплошная, то и дело что-нибудь да упустишь. А из-за этих разговоров-то я и спохватился. Производственно-учебный комплекс, который я думаю создать, принадлежит мне. Частная, моя собственность. А если завтра, не дай Бог, со мной что-нибудь случится? Тогда начнутся заморочки с правом наследования. Вовремя вспомнил. Вызвал юристов, дал задание оформить комплекс в вечное пользование интерната. А распо-

ряжаться им будет попечительский совет.

От Москвы до Техаса

Обобщая некоторый опыт, я прихожу к мысли, что надо создавать объединения, куда войдут интернат, обыкновенная школа, профессионально-техническая школа и — что-то вроде детского сада.

Почему я детский сад сюда включаю и считаю важным? Ведь очень многое закладывается в раннем детстве. Один месяц, один год — и ребенок может получить душевную травму, замкнуться, возненавидеть мир...

Для наших детей как ни для кого важна ранняя профессиональная ориентация. Отсюда он должен уйти со специальностью. Мало того — опять я про автомобиль как символ свободы! — и с ключами от автомобиля: пусть не нового, старенького, но добротного отремонтированного. И я должен сказать при выпуске: "Вот тебе автомобиль, а вот ребенок, который сегодня пришел в первый класс. Ты за одиннадцать лет должен заработать на такой же автомобиль для этого ребенка". То есть он должен чувствовать ответственность перед людьми, которые ему помогли.

С трибуны международной конференции я обратился к правительству Казахстана с предложением создать здесь детскую деревню для детей-сирот с нарушениями опорно-двигательного аппарата. У моих-то есть отцы-матери, бабушки-дедушки, которые в них души не чают. А другие — обездолены десятикратно. Этим детям мы обязаны открыть будущее.

Президент Казахстана очень высоко оценил работу нашего ин-

терната, и обо мне сказал очень высокие слова, которые я не могу привести здесь, потому что неудобно. Понятно, после таких слов президента и в обществе, и в государственных структурах все сразу обратили внимание и заговорили о детях-инвалидах. Предполагается даже создать такие интернаты в каждой области. Это замечательно. Но не надо торопиться. Поспешностью можно загубить хорошее дело. Снажем прямо: директорами там будут здоровые люди, о двух ногах. Еще раз повторю: они не знают и не могут знать особенностей жизни, быта, настроений и чувств детей-инвалидов. Два мира... Другого опыта, других знаний у них нет. А таких, как я, проводников между двумя мирами, мало.

Может быть, на базе нашего интерната для начала организовать научно-методический центр? Есть интересные наработки у педагогов в разных городах, в разных странах. В мире нанопауны громадный опыт занятий с такими детьми. От занятий школьных, общеобразовательных, до занятий физических. К примеру, у нас работает волонтер из Американского Корпуса Мира молодой техасский парень Брайан Тодд, специалист по развитию движения конечностей. Он поразительные вещи делает! Ребенок, который двенадцать лет сидел в коляске, через два месяца занятий, опираясь на ладони Брайана, **сделал первые шаги!** Надо видеть его лицо! Испуг, восторг, неверие — полное смятение чувств!

А другой мальчик с трудом мог держать лонжну: так руки тряслись. Сейчас он делает стойку на руках!

Дети Брайана обожают и усиленно занимаются английским, что-

бы при встрече порадовать своего друга. Брайан — педагог от Бога. Он общается с ними, как с равными, а это именно то, что надо. Я вижу, как дети меняются. И не только физически, но и психологически. Достигнув определенного результата, они загораются вопросом: "А что я еще могу?" И пойдут дальше, потому что уже верят в себя.

Детский церебральный паралич и другие нарушения опорно-двигательного аппарата в той или иной степени исправляются, лечатся. **Но для этого нужны непрерывные занятия, изо дня в день, из года в год.** У родителей, в домашних условиях, нет таких возможностей. В интернатах же физическая реабилитация проводится как учеба — по расписанию. Занимаемся в своей реабилитационной комнате, но основная работа идет в областной детской больнице — мы туда возим детей постоянно, по расписанию.

Сколько в мире опытных, знающих врачей, сколько в мире таких людей, как Брайан Тодд и наш Валентин Динуль! Сколько у нас же, в СНГ, педагогов и родителей, каждый из которых владеет бесценной информацией, бесценным, выстраданным опытом. Собрать их, обобщить их опыт, объединить, применить здесь. И на этой базе разработать скрупулезную методику. Сделать модель, некий чертёж, по которому уже и в других городах и странах будут создавать подобные интернаты.

Как будет угодно Богу

Я не ставлю свечи в церкви, не хожу в мечеть. Но я человек верующий. Правда, мои отноше-

ния с Господом часто утилитарные. Ведь у директора интерната нет нерабочих часов и выходных дней. И к вечеру я чуть не в обморок падаю от усталости. И тогда я говорю: "Господи, ты видишь, какой я. Не за себя прошу — за детей. Ведь если я уйду, что с ними будет? Дай мне поставить мое дело на ноги. Дай мне сил, Господи". И он дает. Утром я просыпаюсь свежий и бодрый.

Но вот опять рука ноет. Последняя рука! Я ведь говорил уже, что готовился к ампутации левой руки. Учился одной рукой управляться. А как быть без обеих рук? Например, нос зачесется? Или ночью с боку на бок перевернуться? Да разве дело только в этом?

Надо смотреть жестокой реальности в глаза. Рано или поздно — это случится. Так что я уже готовлюсь к жизни без обеих рук. Думаю, что придумать. Читал, что есть коляски с электромотором, которыми управляют зубами. У меня-то моторная коляска есть. Надо, значит, узнавать про эту систему управления. Да ничего, мы вдвоем с Наташей справимся, не сдадимся.

А вообще-то готовлюсь и к смерти. Не то чтобы я настроился недолго жить, но просто в моем со-

стоянии и в моем положении, как на гребне сияющей горы, отчетливо понимаешь, что человек собой не располагает. Все может случиться в любое время. Может быть, еще долго проживу, хорошо бы так. А может... Про себя я все знаю, и надеюсь, что сделал в этой жизни что-то угодное Богу.

Но, но, но... Хотелось бы пожить подольше. Нельзя мне скоро умирать. Пока — нельзя. Надо ведь все поставить на крепкие рельсы. Довести до законченного вида. И республиканский центр для сирот-инвалидов создать, и профессионально-техническую школу, и интернат. Повторю: надо сделать как бы опытный образец, довести его до уровня чертежей-методик. А когда есть чертежи, по ним уже могут работать и другие.

Человек верующий, я всегда говорю: "Как будет угодно Богу, на все воля Божья". И я спокоен, потому что верил себя Господу. Но как бы то ни было и что бы то ни было, в реальной жизни надо делать все, что можешь, и не предаваться безнадежности, не впадать в тяжкий грех уныния. Потому что как бы то ни было и что бы то ни было, — еще не вечер, еще не вечер. ■

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Еще каких-нибудь десять лет назад существование негосударственного — читай, частного — университета в нашей стране никому даже во сне не могло присниться. Да и незачем было такие сны смотреть: по количеству специалистов с высшим образованием СССР явно был впереди всей планеты. Собственно говоря, вся система народного образования была нацелена на то, чтобы соответствующий диплом получило максимально возможное количество граждан. И никто не задавался вопросом: зачем такое количество "высококвалифицированных специалистов"? Зато все закрывали глаза на то, что квалификация подавляющего большинства этих самых специалистов на самом деле была... ну, скажем так, низкой.

Но это было совсем в другой стране. А пока специалисты в области образования ведут жаркие дебаты относительно того, платным или бесплатным это самое образование должно быть, появляются негосударственные учебные заведения. В том числе и вышние. Одним из первых (если вообще не самым первым в России) стал Международный Универси-

тет в Москве, который начал свою деятельность в феврале 1992 года. Президент Университета Гавриил Попов так сформулировал тогда его задачи:

"В преддверии XXI века Россия оказалась в самом начале пути к постиндустриальному обществу. Одним из условий успешного продвижения по этому пути является создание в стране новой социальной группы — российских предпринимателей..."

Главной задачей университета была и остается сильное участие в формировании этого сословия. Университет готовит профессионалов, сочетающих знание мирового опыта и чисто российских особенностей предпринимательства, умеющих эффективно использовать полученные знания в жизни — истинно новых русских, способных шить для России европейский костюм по русским плечам".

Можно, конечно, сколько угодно иронизировать над пышными сравнениями, но суть дела от этого не меняется: Гавриил Харитонович предложил свой собственный путь вывода страны из экономического хаоса и кризиса:

Умные уча

тоже ТСЯ

создание **элитарного** высшего учебного заведения для подготовки будущей **элиты** России. Чтобы в обозримом будущем судьбу страны решали не бывшие первые или вторые секретари местных парт-организаций, которые привыкли к совершенно иному способу руководства, нежели необходим при рыночной экономике, и не те экономисты, которых в недавнем прошлом называли "теневыми" и которые — так уж жизнь складывалась! — привыкли к полукриминальному способу ведения дел, а совершенно новые люди.

Негосударственный университет, готовящий кадры для государства — это, согласитесь, не совсем логично. Поэтому изначально в концепции университета было заложено своего рода кредо, хотя и негласное: выпускники сами ищут себе место работы, ни о каком трудоустройстве, тем более принудительном распределении, и речи быть не может. Не случайно практически весь первый выпуск нашел работу за пределами России, ибо элитарность — это пока еще не слишком распространенное явление в нашей стране, скорее, некий экзотический термин,

который можно приложить практически к чему угодно. То, что современные средства массовой информации называют "российской элитой", таковой на самом деле не является. Но это все — отвлеченные рассуждения и к теме данного материала прямого отношения не имеют. Так, информация к размышлению.

Чтобы понять специфику Международного Университета и его отличие от других высших учебных заведений в нашей стране, я решила поговорить с первым проректором и проректором по учебной части университета Людмилой Георгиевной ТРЕТЬЯКОВОЙ, которая занимает эту должность с первого дня работы университета.

— Людмила Георгиевна, почему ваш университет неофициально называют самым элитарным в стране? Сюда могут попасть только избранные или, наоборот, за-

канчивают университет элитарными специалистами?

— Можно сказать, что справедливо и то, и другое. К нам не так уж сложно попасть действительно одаренным абитуриентам, причем и обучаться они будут первый год бесплатно, и общежитием мы их обеспечим, и питанием. Более того, у нас есть студенты, которые за все пять лет обучения не платят ни копейки. Если по результатам рейтинга, который у нас проводится ежегодно, они попадают в первые десять процентов, то от платы за учебу автоматически освобождаются. Другой вопрос, что попасть в "первую десятку" нужно ежегодно.

— Но при определенном курсе на место может случиться так, что процентов восемьдесят сдадут экзамены на круглые пятерки, да и в дальнейшем такое положение может сохраниться. Наним же образом определить десять "льготных" процентов?

— Дело в том, что у нас не пятибалльная система оценок, а достаточно сложная 100-балльная шкала, причем определяются все результаты абсолютно анонимно. При такой системе исчисляемые десять процентов самых успевающих определить не так уж и сложно. Но свои результаты нужно каждый год подтверждать, иначе продолжать учебу можно будет только на общих основаниях — за деньги. Не такие большие, если сравнивать со стоимостью высшего образования на Западе, но и не такие уж маленькие, если ориентироваться на средний уровень жизни в России.

— Сколько стоит обучение в Международном университете?

— От 3 до 4 тысяч долларов в год — в зависимости от специаль-

ности. Да, недешево, но уже при первом наборе у нас был конкурс в десять человек на место и почти все не вчерашние школьники, а уже студенты каких-то других высших учебных заведений. Я хочу сказать, что преимущества нашего Университета были очевидны уже и тогда, иначе вряд ли кто-нибудь стал бы менять возможность бесплатно получить высшее образование на необходимость платить за него немалые деньги. Возможно, сыграло свою роль и правильное, четкое определение концепции Университета: не подготовка каких-то специалистов с высшим образованием вообще, а содействие формированию новой социальной группы — российских бизнесменов, финансистов, юристов, менеджеров в экономической, социальной и гуманитарной области, служащих муниципальных органов, владеющих знанием мирового опыта в этих сферах, а также умением работать с учетом особенностей российской действительности...

— Звучит заманчиво, согласна. Но кто-то такие кадры должен готовить, а преподавателей подобного уровня найти, по-моему, в России не просто. Если вообще возможно.

— Безусловно. Помимо всего прочего, в стране вообще все рушилось в то время, а это не могло не сказаться и на Университете. В первую очередь это касается кадровой политики, поскольку найти преподавателей соответствующей квалификации оказалось действительно очень сложно. Начинать практически с пустого места: в первый год было принято 24 студента, на большее количество учащихся преподавателей нужного

уровня элементарно не было. Над-ров в Советском Союзе для рыноч-ной экономии вообще не сущест-вовало. Да и помещение, которое мы получили, мягко говоря, остав-ляло желать лучшего.

— Бывшее здание Высшей партийной школы?!!

— Да. Судя по всему, в послед-ние годы не очень-то за ним сле-дили. Мы до сих пор настоя-щего ремонта сделать не мож-ем — так, по кусочкам, по ком-натам. Мы и его-то получили толь-ко потому, что в момент открытия Университета Гавриил Попов был еще мэром. Кстати, благодаря этому и спонсор довольно быстро нашелся — компания "Кока-ко-ла", которая дала денег не толь-ко на обучение, но и на общежитие, и на трехразовое питание.

— Взамен на что, если не сек-рет?

— К сожалению, я не в курсе, я ведь проректор по учебной и на-учной работе, а все остальное — не в моей компетенции. Напри-мер, я знаю, что мы платим в ка-честве налогов около 40 процен-тов прибыли, но за что конкрет-но...? Это знают наши бухгалтеры, наши юристы.

— Ну, и Бог бы с ними, нало-ги, по-моему, платят все, тем бо-лее, что теперь, кажется, все платят 13 процентов. Вернемся к спонсорам: это по-прежнему толь-ко "Кока-кола"?

— Насколько мне известно, нет. Находятся компании, кото-рые дают деньги, но уже конкрет-но за студентов, которые будут ра-ботать у них на фирмах. То есть не только будут, но уже работают. А вообще с работой с самого нача-ла был забавный казус. Студенты после первого курса пришли ко

мне и попросили помочь им с лет-ним трудоустройством. Это — бу-дущие менеджеры и предприни-матели! То есть учить нужно было не только необходимым дисципли-нам, но еще и перестраивать со-знание, этот самый менталитет — с советского на рыночный. Я им объяснила нелепость ситуации — и с тех пор ко мне никто и нико-гда не приходит по поводу трудо-устройства.

Конечно, чем больше студен-тов мы выпускаем, тем сложнее найти им достойную работу. Но первые выпускники устроились просто блистательно. Хотя бы по-тому, что основной концепцией университета является блестящее знание языка...

— Позвольте, но мы все учили иностранные языки и в школе, и в институте...

— Правильно, но языку обще-ния не учили нигде, а уж языку де-лового общения — тем более. Я, например, в школе учила англий-ский, а когда поступила на хим-фан, то выяснилось, что основная химическая литература — на немецком языке, и пришлось с нуля начинать его изучение. И вообще все вузы были настроены только на преподавание языка по про-фессиональным знаниям, а для современного предпринимателя, да и вообще — современного че-ловека этого мало. Иногда многое зависит от того, до какой степени свободно человек владеет тем или иным языком.

— У вас преподают только ан-глийский? Или еще какие-то язы-ки сейчас имеют приоритетное значение?

— При поступлении студенты сдают английский, историю и рус-ский язык. А в процессе учебы

можно выбирать еще немецкий, испанский, итальянский и японский. Для юристов, естественно, обязателен курс латыни.

— Почему испанский, а не французский? Традиционно ведь было английский-немецкий-французский, а уж испанский и итальянский — как бы факультативно.

— Растет число контактов с Латинской Америкой — отсюда испанский. А вот французский пока остался невостребованным: у мирового бизнеса своя специфика, ничего постоянного в нем нет. Кто мог подумать 50 лет тому назад, что английский станет языком мирового общения? Или что японский окажется не просто экзотическим восточным языком, а встанет чуть ли не в один ряд с английским?

Но с преподаванием языков, как вы понимаете, особых проблем не возникало никогда: тут кадров хватало. Так же, как и с курсом делового этикета: в университете его преподают в основном специалисты из МИДа. Главная проблема была, помимо преподавательских кадров, — отсутствие необходимой литературы. В первое время с учебниками помогали американские университеты, теперь уже появились переводы...

— Простите, но поговорка "что русскому здорово, то немцу смерть" пона все еще актуальна. Так что не получится ли и в энониме подстрочный перевод с "американского", да еще практически не адаптированный к российской действительности?

— Уже получается. Все русские недостатки сразу высказывают в полном объеме, приходится перестраиваться чуть ли не на ходу, учитывать совершенно неверо-

ятные для тех же американцев ситуации, в том числе и криминального характера...

— Я еще раз прошу прощения, но откуда возник устойчивый миф, что мошенничество — это сугубо российская черта, а вот американцы просто патологически законопослушны? Вспомните хотя бы цикл рассказов О'Генри — там стопроцентные американцы такие комбинации проворачивают, что наш Остап Бендер просто умер бы вторично от зависти. Да и с генетической точки зрения у американцев много чего в крови заложено. Туда далеко не самые образцовые граждане ехали.

— Не самые образцовые, согласна, но и не наторжники же — как в Австралию. И погоду там делают не проходимцы-носмополиты, а совсем другие социальные группы. За 200 лет основу государственности заложили пуритане, отсюда — специфика отношения людей к жизни и друг к другу. Нам это трудно понять, даже поверить в это сложно, но сами американцы иногда говорят о себе очень интересные вещи. Например, один видный психолог убедительно доказал, что все человечество в своем развитии проходит те же стадии, что и отдельная личность: младенчество, детство, юность, взрослость, зрелость. Так вот, по его мнению, которое многие разделяют, до сих пор в Америке "взрослые люди" живут только на восточном побережье. Все остальные — в лучшем случае, подростки или даже малыши, делающие первые шаги. Самый яркий пример — секты, где выбирают себе лидера и больше ни о чем уже не думают. Точнее, не хотят думать.

— Ну, тогда в России просто исторически живут в лучшем случае воспитанники старшей группы детского сада. Самостоятельное мышление у нас как-то не поощрялось, да и сейчас не поощряется. Тут нам, пожалуй, у Америки даже и учиться нечему.

— Истати, в России как раз процент взрослых и молодых людей традиционно достаточно велик. Так что когда мы говорим о том, что нужно американскую методику использовать исключительно с учетом российской специфики, то этот фактор тоже не следует сбрасывать со счетов. Мы очень разные, не лучше и не хуже, просто другие, поэтому слепое копирование и не принесет никогда положительных результатов, разве что какие-то временные подвижки.

— А зачем в качестве вступительного экзамена нужно сдавать русский язык? Английский — понятно, история — более или менее, но уж ваши абитуриенты и так должны хорошо знать родной язык...

— Должны, но... не знают. В школе преподавание родного языка поставлено из рук вон плохо, даже достаточно культурные люди пишут с чудовищными ошибками. Так что помимо иностранных языков учим студентов еще и русскому, поскольку неграмотный специалист — это вообще нонсенс. Если хотите, в этом тоже проявляется элитарность нашего Университета: в бережном и уважительном отношении к собственным культуре и языку, причем конкретном отношении, а не декларированном.

— Плохое знание русского языка у всех абитуриентов? Или только у провинциальных?

— Из провинции к нам как раз едут мало, в основном обучаются москвичи. Но у нас есть филиалы, где плата равна 400 долларам (в провинции, как правило, других денег просто нет). Прибыли филиалы не приносят никакой, но иначе мы сможем подготовить слишком мало специалистов. А для нас человеческий фактор важнее финансовой прибыли. Но зато теперь, когда наш Университет уже достаточно хорошо себя зарекомендовал и широко известен, многие владельцы фирм и компаний предпочитают учить своих детей у нас, а не посылать их за границу. Туда едут только стажироваться. Мы ведь теперь можем предложить не просто высочайшее образование, но и массу возможностей для самосовершенствования.

— В каком смысле?

— В таком, что человек элиты — это не тот, кто занимает какой-то видный пост или заметное положение. Это — человек образованный, знающий языки, имеющий возможность развивать вообще все свои таланты. У нас есть эстрадно-музыкальные ансамбли, классы фортепиано и гитары, школа эстрадного и классического вокала, театральная студия, фотостудия, студия живописи, танцевальный ансамбль. О физической подготовке можно вообще говорить бесконечно, потому что есть все: от регби до большого тенниса. Баскетбол, аэробика, плавание, скалолазание, бильярд, верховая езда. Попов мечтает еще о яхтах и горных лыжах, но нам это пока не по карману.

— Все на налоги уходит?

— Это, конечно, не совсем так, но доля истины есть. Мы,

например, платим налог на улучшение российских дорог, нравятся?

— А в этом что-то есть. Может быть, в этом и состоит элитарность Университета: решают сразу две типично российские проблемы: дороги и дураки. Число дураков уменьшается, дороги — улучшаются? Мало наной университет еще может этим похвастать. Хорошо, а теперь серьезно: проблема с преподавателями теперь как-то решилась? У вас нормальный, укомплектованный штат? Конкурс, чтобы в него попасть?

— У нас нормальный штат — по западным меркам. Постоянных преподавателей у нас очень мало, мы в основном заключаем годовые контракты с нужными нам преподавателями, в которых оговаривается определенное количество часов. Получают они, конечно, больше, чем в государственных высших учебных заведениях — 25-30 тысяч рублей за семестр при небольшой нагрузке. Конкурса среди преподавателей нет, есть личный отбор. Но фактически никто и нам в штат особенно и не рвется, не хотят увольняться с прежнего места работы.

— ???

— Видите ли, большинство преподавателей считают МГУ и Академию наук гораздо престижнее, чем наш Университет, в качестве официального места работы. Для нас же это сплошь и рядом создает дополнительные большие трудности, поскольку расписание нужно составлять с учетом загрузки преподавателей в других местах. Чуть ли не уравнения приходится решать со многими неизвестными. Но конечные результа-

ты все оправдывают. Сейчас у нас можно получить высшее образование по шестнадцати специальностям. Можно проходить стажировку во многих странах мира. И, наконец, у всех наших выпускников гарантированное прекрасное трудоустройство, которым они, кстати, обязаны не нашим хлопотам, а лишь самим себе и собственным способностям. Вот это, с моей точки зрения, и есть настоящая элитарность.

Не будем углубляться в тонкости понятия "элитарность" — в конце концов, оно у каждого свое. Давайте подумаем о другом: что такого делает Университет, чего не в состоянии сделать ни одно государственное высшее учебное заведение? Снажете, денег нет? Ну, на участие наших представителей в разных экзотических международных форумах находятся же. И не только на это. А то, что вкладывать средства в подготовку действительно специалистов международного уровня выгоднее, чем закупать технологии и прочее за границей, похоже, никто не задумывается. Хотя деньги, между прочим, тратят не свои, а наши с вами — те самые налоги. Все уходит на улучшение дорог?

Девиз Международного Университета — "Для блага общества" (PRO BONO PUBLICO). Я бы добавила — для блага будущего общества, поскольку для нынешнего такой девиз, похоже, слишком уж элитарен.

P.S. В Университете не знают, что такое пьянство и наркомания студентов. Нет там таких проблем. Одно слово — элита. ■

НЕ ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

В трудной жизненной ситуации можно обратиться за помощью к своим... далеким предкам, — утверждает психолог Николай ПОДХВАТИЛИН.

Командир одного из элитных военных подразделений обратился к психологу Николаю Подхватилину с проблемой. Его подчиненные, которым порой приходилось убивать отъявленных бандитов, выходили один на один против наемных убийц, впоследствии испытывали... душевные муки. И обычная психотерапия мало помогала их восстановлению.

Наша память бездонна

Конечно, эта проблема в России — не новая. Вслух об "афганском синдроме" заговорили в эпоху Горбачева. Тогда в прессе появилось много публикаций о необходимости психологической реабилитации бывших "афганцев".

А вот психолог Николай Подхватилин — преподаватель кафедры клинической психологии Университета Российской Академии образования, сотрудник Государственной академии инноваций — взглянул на эту проблему

под неожиданным углом зрения: а как справлялись с психологической тяжестью боя наши предки, древнерусские воины? Тогда-то и обнаружили закономерности, которые могут заинтересовать далеко не только военных.

... Все началось с того, что Подхватилин, изучая возможности личности, находящейся в состоянии самоуглубления, столкнулся с феноменом, который использовался ... в древней Руси, а суть его — реальное ощущение человеком своей связи с предками.

По словам Подхватилина, это выглядело примерно так: воин выходил один против, скажем, сорона всадников и обращал их в бегство.

Для того, чтобы объяснить, как это возможно, надо немного рассказать о том, что такое вообще человеческое взаимодействие.

— Когда мы общаемся, более восьмидесяти процентов информации передается нами друг другу невербально, то есть без помощи слов — информация идет от подсознания к подсознанию. От интуиции одного человека к интуиции другого, — объясняет Подхватилин. — А на интуитивном уровне взаимодействия происходят очень интересные вещи. Например, еще до того, как всадники схлестнутся в бою, их подсознания определяют, кто сильнее, то есть еще до поединка сравниваются силы и решается его исход. Именно поэтому, говорят, "настоящий воин побеждает еще до начала сражения". Здесь истоки многочисленных былин о том, как русские богатыри в одиночку побеждали целые армии. (Кстати, Василий Ключевский описывает, как Демьян Нудневич, живший в Переславле

Русском в XII веке, "со слугой и пятью молодцами выезжал на целое войско и обращал его в бегство, а раз выехал один, даже одетый по-домашнему, без шлема и панциря.")

— Все равно непонятно, как один человек мог обратиться в бегство конницу.

— "Секрет" в том, что он... не один. Выезжая на поле битвы, он чувствовал рядом с собой навьев (так в древней Руси называли предков) и они — энергетически? — помогали ему. Понимаете, он вполне реально чувствовал их поддержку и ощущение этой силы, стоящей за ним, рядом с ним, вместе с ним, "считывали" нападающие — они подсознательно ощущали себя уже побежденными и просто бежали с поля боя. Это, может быть, даже психиатрический, а не психологический феномен.

Если воин постоянно живет в контакте со своим подсознанием и, более того, активизирует те пласты генетической памяти, которая ему досталась от предков, то — пока непонятным для ученых образом — к нему переходят их силы.

— Николай Васильевич, а что значит "жить в контакте со своим подсознанием" и "активировать свою связь с предками"?

— Когда вы идете по улице, читая на ходу журнал и, казалось бы, ничего не замечая, ваше подсознание все равно происходящее вокруг фиксирует и "усваивает". Сами того не подозревая, мы владеем огромным количеством неосознанной, неосмысленной нами информации. И генетическая память хранит воспоминания о наших предках. Интересно, что эта ин-

формация несет некий энергетический потенциал. В некоторых случаях в своей медицинской практике я это использую. Есть методики, которые позволяют человеку уйти в себя, вернуться в свое детство, младенчество, перейти дату рождения и идти еще дальше, еще глубже. И перед ним всплывают лица людей, которых он никогда не видел — то, что называется "души предков". Они возникают в виде образов и, что самое интересное, вступают в контакт с человеком на уровне воображения, общаются с ним. Я бы сказал, что это почти шизофрения, но тем не менее, если человеку удастся с этими образами "договориться" о том, чтобы они ему помогли, возвращаясь из состояния транса, он действительно реально чувствует их поддержку. (К слову, это используется в медицине, например, при лечении клептомании.)

— Речь идет о памяти и реальной поддержке, идущей от предков?

— В том-то и дело, что это не просто память, не просто воспоминания, но образы, которые наделены некой потенцией. Нечем энергопотенциалом. Под потенцией я понимаю волю, которая может повлиять на человека сегодня — здесь и сейчас. От мистики я далек, современная же наука не может объяснить подобные явления, но то, что это работает, я убедился неоднократно. Конечно же, большинство современных людей даже не подозревают о своих возможностях. В языческом же обществе на Руси контакт с такими образами прошлого был естествен. На современном языке это называется состоянием транса.

Уйти в себя и вернуться

— То есть "выйти на контакт" с образами прошлого можно, находясь в трансе? Но что такое транс?

— Транс — это медитация, полусон, дрема, глубокая задумчивость, состояние отрешенности...

— Если я в метро, задумавшись, проехала лишнюю остановку, значит я была в трансе?

— Да, это оно, вы были... в себе. Студент, который сидя на лекции представляет встречу с любимой девушкой, находится даже не в легком трансе, а в трансе уже средней глубины. Он — не здесь, не на лекции. Транс может быть спонтанным, когда вы просто отвлеклись от реальности и о чем-то думаете, а может быть и целенаправленным. Если человек в состоянии глубокой задумчивости специально ставит цель — "хочу увидеть предков и получить от них силу" — то он этого добивается. Есть, конечно, много тонкостей, но я говорю о самом принципе. И самое интересное здесь для меня как психотерапевта то, что при контакте с этими образами нельзя общаться фамиллярно. То есть, как ни странно, кроме воли, которой они обладают, у них есть еще некие условия, при которых они соглашаются помогать. Условия достаточно простые и очень сильно перенесаются с тем, что мы называем моральными традициями, хотя и постоянно их нарушаем.

— Уважительно к ним относиться?

— Не только к ним! Надо жить так, чтобы навьи от тебя не откалывались. То есть существуют условия, при которых "канал" к предкам всегда будет открыт. И тогда

их помощь приходит, а у человека словно крылья вырастают. Это удивительный феномен в сфере пробуждения генетической памяти. Казалось бы, память — голая информация, но у нее эмпирическим путем выявляются "претензии" и "амбиции", морально-этические требования. Прежде чем начать помогать тебе, эта "информация" (!) должна еще... подумать и решить, достоин ли ты ее помощи? Возникает естественный вопрос: а просто ли это "информация" или действительно "канал" с... душами наших предков? Но здесь я начинаю балансировать на такой грани...

— Николай Васильевич, надо обладать очень богатым воображением, чтобы поверить, что, самоуглубляясь, воин обращается к своим... предкам.

— Не надо понимать примитивно-буквально. Человек обращается к своему опыту. Но не просто к опыту, который приобрел вчера или пять лет назад, а к тому опыту, который дан ему от рождения, находится внутри него изначально. Чтобы его "слышать", надо размышлять, сосредотачиваться, созерцать... Профессиональные психотерапевты при помощи аутотренинга могут помочь активировать глубокие генетические связи, обратить человека вглубь самого себя, причем без навязывания какого-то мистического оттенка. То же самое происходит и в медитации — то есть в состоянии самосозерцания, самоуглубления.

"Биомеханика" на поле брани

— Но у воинов-то на Руси не было психотерапевтов. Как они

"активировали" в себе эти самые "генетические связи", как они обращались к навья?

— С помощью ритуалов, специальных действий.

Занимаясь исследованиями в этом направлении, Подхватилин собрал своеобразное досье из самых разнообразных источников. Не могу удержаться от того, чтобы не процитировать кое-что, "раскопанное" Николаем Васильевичем. Так, тренер у-шу Лебедев более 20-ти лет назад предположил, что гопак — это шифр, некий код славянского у-шу, дошедший до нас Бог знает из каких времен в танце. Руководитель одного из народных танцевальных ансамблей Украины Мирослав Вантух неоднократно говорил, что этот танец — некие остатки системы физической и психологической подготовки наших предков-воинов. Аналог — лезгинна. Мало того, оказывается, известны случаи, когда мощное психологическое давление прошедшего боя, стоящей рядом смерти снималось у наших солдат в Великую Отечественную войну народными плясками.

— Каждая боевая система имеет свою философию, — продолжает Николай Подхватилин. — Среди моих знакомых есть ученики, в том числе и первые ученики известнейшего мастера русского стиля рукопашного боя Алексея Кадочникова. В свое время он разработал систему подготовки разведчиков. Философия рукопашного боя, которую развивают Кадочников, — русская и восходит к языческим традициям, в том числе к тем, о которых мы говорим. **Психофизическая** — я настаиваю на этом термине — сис-

тема Надочникова прокладывает духовную тропу к преднам, когда люди в момент боя **сознательно ориентируются на их энергетическую поддержку.**

Тренер у-шу Лебедев, сравнивая движения в у-шу и гопаке, нашел в них очень много общего. В основе определенных стилей у-шу лежит подражание крупным птицам — журавлю, аисту, орлу. Оказывается, и некоторые движения в гопаке так и называются "журавль", "ястреб", "голубец", а руки подчас символизируют крылья. То есть часть "биомеханики" птиц стала основой психофизической системы. "Тот, кто знаком с у-шу, знает, какое серьезное внимание уделяется в стилях "журавля" постановке руки-крыла, — пишет И.Лебедев. — Есть даже специальные методики, цель которых — "превратить руку в крыло", связать ее с "центром силы", находящимся в нижней части живота человека, добиться ощущения как бы принужденного движения в плотной среде. Без выработки этих ощущений, без упругой поясницы, хорошей шарнирности в суставах не удастся станцевать настоящий гопак. Более того, чтобы сплясать древний славянский танец, надо уметь многое, что выходит за рамки китайского у-шу".

— Я неоднократно слышала, что сами по себе "специфические" движения некоторых восточных психофизических систем, мол, уже изменяют сознание. Если говорить применительно к теме нашей беседы, движения из рукопашного боя, они сами по себе как-то "путь к преднам" открывают?

— Китайцы утверждают что есть нений духовный "канал" (не

знаю даже, чем и заменить это "скомпрометированное" мистиками слово), который уходит глубоко в прошлое и, собственно говоря, все "чудеса", которые они поназывают, основаны на его использовании. Само по себе у-шу или рукопашный бой — всего лишь движения, которые этот "канал" обслуживают. Сами по себе они мало что значат, главное — традиция, то есть нений духовный заряд, импульс, который передается по "каналу". Без этого боевая система — всего лишь "кулачный бой". В интервью один из монахов Шаолиньского монастыря говорил приблизительно следующее: "В бой вступают те поколения бойцов, которые стоят за мной. Я монах в 32-ом поколении. Значит, тридцать одно поколение стоит за мной. Если я искренен по отношению к ним, они мне помогают, меня защищают. Если этого нет — бой проиграешь". То есть речь идет не о боевых приемах, не о крепких кулаках, а о поддержании вот этой связи со своими предками-воинами. Видите, суть одна — что в у-шу, что в русском рукопашном бое.

В ритме танца...

— На меня произвело впечатление то, что гопак — просто танец! — получается, чуть ли не "русское у-шу"...

— Исследования американских психологов привели к выводу: чтобы обновить свою жизнь (выйти из тупика, сделать что-то новое), нужно погрузиться в свое собственное подсознание и найти там ответы на свои вопросы. Обновлению помогают две вещи: во-первых, состояние транса, когда вы самоуглубляетесь; во-вторых,

ритмические движения, то есть те же танцы.

Недавно в Москве проходила конференция по посттравматическому стрессовому расстройству, на которой выступали специалисты, работавшие с солдатами в Чечне. Оказывается, в некоторых подразделениях для поднятия боевого духа солдат военные психологи разработали ритуал, основу которого переняли у чеченцев. Солдаты становятся в круг и бегут в затылок друг другу, повторяя слова-заклинания о том, что они самые сильные, самые смелые. Это как раз то, о чем я говорю — ритмические движения плюс словесная инструкция, позволявшие солдатам после боя нормально себя чувствовать. Ведь души убиенных, как это ни парадоксально, все равно будут терроризировать тех, кто их убил. Да-да-да, можете так и написать. Вспомните известную древнюю историю про то, как египетский жрец, впоследствии получивший имя Моисей, две с лишним тысячи лет назад в гневе убил человека. Вспомните, что, по преданию, он потом делал. Тогда существовал обычай: если человек считал себя сильным духом и полагал, что убил кого-то несправедливо, то должен был исполнить определенный ритуал. Его поили полунаркотической полуснотворной травной, клали в гроб (в саркофаг) и в состоянии транса он "летал". Его задача была — встретить убиенную душу и как-то с ней договориться.

— Попросить у нее прощения?

— О каном "прощении" могла идти речь в те жесточайшие — дохристианские — времена, когда не было никакой жалости, никакого прощения. Совершенно дру-

гое мировоззрение — "оно за оно", "зуб за зуб". Уже потом пришел Христос и сказал: "Возлюбите друг друга..." А до него не было прощения, потому и требовалась встреча с убиенным где-то "там" и договоренность с ним. Если это происходило, человек наутро просыпался, если не договаривался — нет. Н чему я этот известный пример привел? Если ты воюешь **не ради наживы и славы**, а исключительно **как воин**, то проблем, когда каждую ночь снятся кошмары, не бывает.

— И Моисей "договаривался" с душой (?) охранника, чтобы она его не преследовала, потому что убил его несправедливо — в гневе, не в бою?

— А воин, как это ни странно звучит, убивает честно, потому что идет война. А война — это ситуация жизни и смерти, ситуация "победитель — побежденный", когда либо ты убьешь, либо тебя убьют. Представим фантастическую ситуацию — разговор двух душ. Что может "предъявить" воину душа убитого на поле брани? "Ты убил меня — значит ты был сильнее". Все справедливо, "разговор" окончен. Человека же, который грабит и убивает ради наживы, на Руси всегда называли вором. И в этом случае "душа" убитого — убитого несправедливо — будет мстить, как полагали в древности, преследовать, всякие козни строить, болячки на род насы- лать.

По пути воинов

— Коллеги как-то рассказывали мне о сотрудниках из Ростовской лаборатории, где занимаются опознанием трупов. Можете себе представить состояние лю-

дей, работающих там. Их начальник, полковник, говорит, что никакая психотерапия не помогает от всего этого освободиться. Единственное, что спасает, — как раз то, о чем мы с вами беседуем.

— Но мы говорили о пробуждении генетической памяти, про обращение к своему глубинному опыту в состоянии самоуглубления... При чем здесь полковник?

— Он ходит в церковь и за всех убиенных молится, чтобы они обрели покой. А что тане молитва? Состояние транса, в которое вы входите, молясь. И полковник медслужбы, не стесняясь, признается: "Это единственное, что мне помогает оставаться нормальным". То есть он все равно идет по пути воинов: идет в себя, чтобы находить там контакт и соблюдать некий закон.

— Трудно даже представить себе, какова нагрузка на психику медики в той лаборатории...

— Человеческая плоть, тело несет энергетический отпечаток психики. Это позиция не экстрасенсов, а специалистов института нейрофизиологии. В психологии есть такой термин "контрперенос". Как он проявляется? Например, общение с психически больным пациентом не проходит бесследно для врача.

— То есть вы можете от него, грубо говоря, заразиться психической болезнью?

— Да, это и есть контрперенос. (Поэтому, кстати, всегда стоит проблема восстановления тех, кто работает с психикой других людей. И по закону о психиатрической службе я имею право в мой рабочий день общаться не более чем с двумя больными.)

Так вот "заразиться", как вы выразились, можно не только от живого человека, трупы тоже несут информацию. (Я уж не говорю о переживающих родственниках.) Человек (особенно находящийся в состоянии максимального напряжения духовных и физических сил) выплескивает эмоции не только словами, но и на каком-то био-физио-энергетическом уровне. И очень мощные отпечатки этих эмоций, отпечатки психики остаются на телах погибших. И офицер медслужбы, работая с ними, волей-неволей принимает многое на себя. На него переходит психика других людей, умерших и живых. А что мы понимаем под психикой — электромагнитную волну? Ну перешла она на офицера и что? А то, что в его голове она будет "расшифровываться" в виде чужих снов, воспоминаний, образов, кошмаров... И психотерапия не всегда помогает от этого освободиться.

— Николай Васильевич, полковник медслужбы для того, чтобы освободиться от ночных кошмаров, "идет по пути воинов", как вы сказали, — "идет в себя"... А что вы посоветовали командиру воинского подразделения, бойцы которого не могли восстановиться после "операций"?

— Прежде всего надо понять одну простую вещь: о "послевоенном синдроме" надо думать до боя, а не после него, когда...

— Когда воины превращаются в алкоголиков или наркоманов, становятся пациентами психиатрических больниц или "просто" неуравновешенными людьми?

— Этого вполне можно избежать. Вспомним о мироощуще-

нии славян, о понятии "состояние духа". Быть может, кому-то мои исторические экскурсы покажутся странными, поскольку у нас сейчас культ "Личности", культ "Я"... А на Руси воин чувствовал себя звеном в цепи поколений. До него люди жили, воевали и после него будут стараться что-то делать. А он как воин не должен дать прерваться этой цепочке. Он — просто... связь времен. Не "Я", а "звено" в цепи поколений. Не больше, но и не меньше. Тронь звено — пошатнутся соседние. Причем с обеих сторон. Говоря современным языком, это означает, что каждое звено имеет обратную связь и поэтому нави — предки — могут посоветовать тебе что-то, помочь...

И в наш рациональный век отпадет от этих духовных традиций в подготовке воинов, как это ни парадоксально звучит... нерационален. Конечно, и у психологов, и у психиатров есть методы снятия стресса уже после боя, но это совсем другая тема. И она не возникнет, если не только физически, но психофизически подготовить воина к бою, обеспечить его психологическую устойчивость.

— *Если проводить параллель с тем монахом из Шаолина, его надо научить психофизическим приемам, а не просто "мордобою"?*

— А суть такой подготовки бойцов — использование психических ресурсов прошлых поколений, связь с опытом древних воинов. Речь идет о сознательном проникновении в генетическую память. Есть методы, которыми можно натренировать способ-

ность вызывать и удерживать во время боя связь с опытом предков, не теряя при этом сознательного контроля над ситуацией. Все то, о чем мы с вами беседуем, как раз и помогает воспользоваться силой предков, их психическими ресурсами. "Вытащить" из нашего подсознания их опыт помогают приемы самоуглубления (аутотренинг, медитация, самосозерцание...), песнопения, ритуальные движения. Они должны в какой-то мере отражать ключевые движения в бою, необходимое состояние психики. И, конечно, требуется то, что я назвал бы философско-нравственной позицией, разрешающей бой. Впрочем, об этом мы с вами уже говорили.

Что ж, наша беседа с Подхватилиным уже давно вышла за рамки обозначенной в начале темы. Оно и понятно: наши предки — не только воины, и их сила, их помощь и поддержка нужны нам не только "на поле брани"...

От сумы и от тюрьмы...

— ...К сожалению, все это не только трудно для понимания, но и многим очень не нравится. Мне кажется, многие люди не допускают и мысли, что некоторые вещи могут происходить "вдруг", помимо человеческой воли, независимо от каких-то расчетов. Но у нас есть очень хорошая поговорка — "человек предполагает, а Бог располагает".

Люди не хотят признавать существование генетической памяти потому, что тогда надо признать и нечто более "опасное" для нас. Тогда надо признать то, что за все свои поступки когда-то при-

дется отвечать. Что мало кому нравится...

— Не очень улавливаю логику...

— Вспомним Евангелие: "Свет пришел в мир, но люди возлюбили более тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Каждый, делающий злое, идет в темноту, чтобы не были явны дела его. А каждый, делающий добро, идет к свету, чтобы были явны дела его и чтобы показать, и похвалиться". Исходя из этого, если человек "переступает через людей", он старается про это забыть — ну, мол, сделал и сделал. Но тот, через кого он "переступил", все будет помнить.

— А память (психика) другого человека, получается, как бы это сказать... небезопасна? И придется отвечать?

— Задуматься придется. Когда человек вспомнит о том, что сделал, чужие эмоции, чужие ощущения будут всплывать в его душе... Поверьте мне как психологу, за все свои поступки мы расплачиваемся по полной программе.

— Но если действительно есть нечто вроде "канала" к предкам, то зачем его отрицать, вместо того, чтобы пользоваться им?

— Потому что на пути к опыту предков, как мы уже говорили, стоят наши собственные поступки. Чтобы открыть туда дверь, мы сначала должны пройти через осознание того, что мы творим в жизни, а мы не святые и думать об этом очень не хочется.

— Даже ради того, чтобы получить поддержку предков?

— Признаться самому себе в иных своих поступках настолько

трудно, этот процесс настолько болезнен, что легче отказаться от силы предков — не слышать, "не понимать" то, о чем мы с вами говорим.

Помощь предков предполагает осознание всего того, что ты совершил в жизни, а значит — и признание, что за все свои поступки надо отвечать. Конечно, мы интуитивно чувствуем это, не случайно же говорим: "Как аукнется, так и откликнется". Мы понимаем это, но надеемся на "авось пронесет", "авось сойдет с рук", забудется. Не случайно бандиты, уголовники не признаются в своих "деяниях", а придумывают себе истории, в которые сами начинают верить, что все произошло, мол, случайно, по стечению обстоятельств... (Я бы назвал это стихийными психотехниками уголовного мира, иначе их совесть замучит насмерть.) Преступник делает все, чтобы не думать о содеянном, не углубляться в свое подсознание (это безумно болезненно), то есть к правде. И нам признать свою ответственность за все, что мы делаем, не менее трудно и болезненно.

— Получается, признать наши собственные... не очень благовидные поступки и свою ответственность за них — непосильная задача для нас? И мы готовы жертвовать чем угодно, даже помощью предков — лишь бы не делать этого?

Повторяю и настаиваю: люди не хотят получать дополнительную силу предков только потому, что не хотят, боятся, а то и просто не в силах задуматься над тем, что натворили со своей жизнью. ■

А человека жалко...

Сергей Иванович Белов был филологом, в школе он преподавал русский язык и литературу. Литературу он любил и даже пробовал писать, но, сравнивая свои труды с Чеховым или Гоголем, Сергей Иванович только уныло вздыхал и откладывал свои писания в дальний угол. Но вот проходил год, другой, и он снова садился за сочинительство, потом брал томик Чехова и снова грустно вздыхал.

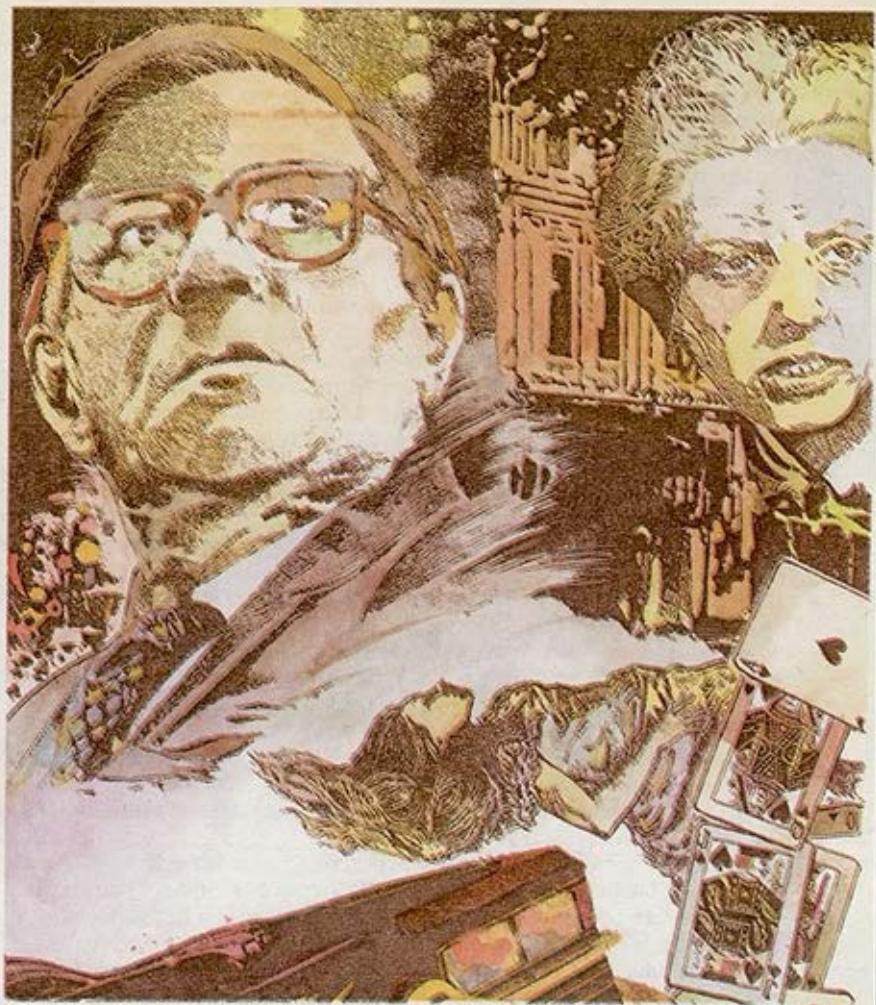
Белову было сорок пять; и по возрасту, и по причине принадлежности к мужскому полу ему, в общем-то, полагалось быть директором, но он все ходил в рядовых преподавателях. Правда, как-то раз, когда ему перевалило за сорок, Белову предложили возглавить одну из школ города. Школа была небольшая, запущенная, от дома, где жил Белов, далеко. Сергей Иванович подумал-подумал и отказался. Мягко так отказался, но настойчиво. И про него забыли, а может быть, обиделись, что, в общем-то, Белова не расстроило. Дело свое он хорошо знал и любил, а на высокие посты не претендовал. Каждый новый учебный год, входя в новый класс и окидывая своих подопечных опытным взглядом, он пытался заранее угадать, кому из этих удастся привить любовь к его любимому предмету — литературе. Дома у Белова тоже все было, как и должно было быть. Жена, которая когда-то ему очень нравилась и к которой он привык, сын, студент второго курса, дочь, вот уже два года как замужем.

Приходя домой, Белов готовился к занятиям на следующий день, ужинал и садился к телевизору, а если его не устраивала телепрограмма, доставал с полки книгу, иногда десять раз читанную, и уплывал в мир своих любимых героев. Впереди Белова ждала пенсия, а может, еще что-то. Что, он и сам не знал, но ему мечталось, чтобы в его скучной, вялотекущей жизни случилось что-нибудь яркое, интересное.

В пятницу, войдя в класс, он, спустя минуту, почувствовал какую-то неестественность: никто не шалил, не дергался, даже молчание подростков было каким-то угрюмым. Чувствовалось, что класс чем-то напряжен. У детей часто случаются какие-то свои проблемы, тем более когда им по тринадцать лет. Но не всегда же их спрашивать: "Что у вас случилось?" Не стал ни о чем спрашивать и Сергей Иванович. Он достал из портфеля классный журнал, не торопясь разложил на столе конспект, ручку, потом раскрыл журнал, что-то долго в нем пытался разглядеть, одновременно исподволь прислушиваясь к гнетущей тишине в классе. Потом, подняв глаза и обведя напряженные лица детей, неожиданно для себя спросил:

— Ну как ваши дела? Что-то случилось?

— Чернову Таню убили, — глядя ему в глаза, не мигая, вы-

палила рыженькая Оленька Пятакова, сидевшая на первой парте.

— Как это убили? — опешил Белов.

— А вот так, пьяненький дяденька ехал на машине и сбил Танию. — Пятакова как бы выплеснула эту фразу прямо в лицо Белову, то ли обвиняя его в безучастии к судьбе своей одноклассницы, то ли констатируя факт.

— А ты откуда знаешь, что водитель был пьян? — строго спросил растерявшийся Сергей Иванович.

— Знаю. — Пятакова, покраснев и отведя глаза, потупилась в парту, как будто бы укראה что-то.

— Жалко Чернову, — медленно выговорил Белов, оглядывая притихших учеников и усиленно пытаясь найти те слова, которые были бы наиболее подходящими в данную минуту. Слов этих он не находил. — Жалко, — повторил он и, как бы спохватившись и оправдываясь, добавил: — Я завтра же найду к Черновым и узнаю, в чем там дело. — Потом, покраснев, поправился: — Узнаю, как все это произошло.

Урок шел вяло. Смерть ученицы, казалось, витала в классе. Дети, впервые в жизни столкнувшиеся с гибелью такого же подростка, как и они, были потрясены этим несчастьем. Да и сам Сергей Иванович никак не мог свыкнуться с мыслью, что его лучшей ученицы нет в живых. Еще на прошлой неделе, прочитав домашнее сочинение девочки, он целый час потратил на то, чтобы понять, каким образом тринадцатилетний подросток мог с такой серьезностью смотреть на жизнь. Очевидно, у нее очень образованные родители, решил он, и девочка, несомненно, много читает. Но наличие высокого культурного уровня у родителей — явный факт. Странно, однако, что он их ни разу не видел на родительских собраниях. Очевидно, не считают нужным. Ну что ж, такое бывает. Ребенок хорошо учится. Что еще надо?

И вот Черновой не стало. Дико. А он все собирался посоветовать, какую литературу ей следует прочесть, пока голова не забита мальчишками и танцами. Он даже хотел поговорить с ней, чтобы она уже сейчас подумала о факультете журналистики. Девочка могла бы писать сочинения на заданную Беловым тему, а он мог бы помогать ей в этом, опираясь на свои знания литературы. Но Черновой не стало, и задумка повисла в воздухе. Может, оттого, что еще одно доброе намерение Белова перечеркнула судьба, смерть девочки особенно болезненно задела Сергея Ивановича, засев неприятной мыслью в голове.

Сергей Иванович понимал, что урока, как такового, быть не могло, что бы он ни говорил, о чем бы ни рассказывал. И он, и ученики думали об одном — что вот вчера на третьей парте слева сидела девочка, хорошая ученица, а теперь ее нет.

Когда раздался звонок, Белов вдруг вспомнил, что покорило его в словах Пятаковой.

— А ну, останься, — попросил он ученицу. Когда все вышли, Сергей Иванович, немного помявшись, спросил: — А ты с чего взяла, Оля, что водитель, сбивший Чернову, был пьян?

Пятакова долго и внимательно смотрела в глаза Белову, как бы удивляясь, зачем учителю все эти подробности. Затем, опустив глаза к полу, упрямо заявила:

— Знаю, и все.

— Оля, — заволновался Сергей Иванович. — Чернова, она ведь твоя подруга и одноклассница, и мы все, — он и сам не знал, кто эти все, — должны знать, как все случилось и кто виноват в смерти нашей с тобой, как это тебе сказать, нашей близкой знако-

мой. И если ты что-то знаешь, то скажи, пожалуйста, зачем скрывать.

Белов все больше нервничал. Ему все время казалось, что он никак не может донести важность своего вопроса до девочки. За ее ответом, как ему казалось, в эту минуту стоит разгадка некоей тайны. Но когда Пятакова исподлобья взглянула на него, Белов тотчас же понял, что ребенку хорошо понятен смысл этих слов и что она, одинаково с Беловым, а может, еще больше, понимает подоплеку вопроса.

— Мама видела, — и, немного погодя, добавила: — И отец тоже.

— А... — только и смог выговорить Сергей Иванович, плохо понимая, что же изменилось от того, что он узнал эту подробность. И вдруг Белов обнаружил, что сказать ему больше нечего, что ребенок мертв, а на какого-то негодяя следователь ГАИ уже наверняка завел дело. И что жизнь все так же течет своим чередом, только без Черновой Тани, маленькой робкой девочки, хорошо писавшей сочинения. А он, Белов, сегодня после уроков пойдет домой, съест свой суп и уткнется в телевизор. Ребенка не стало, но мир не перевернулся. Белову и раньше приходилось терять знакомых людей, но то были пожилые люди, а тут... Он знал, что когда-то и сам должен будет умереть, но это будет не скоро, по крайней мере, ему так думалось. И вопрос смерти стоял для него всегда как дискуссионный.

— Ну, спасибо, — непонятно за что, наверное, за откровенность, поблагодарил он ученицу.

А та, немного постояв в раздумье, как бы желая что-то еще сказать, но так ничего и не сказав, неохотно, или так показалось Белову, вышла из класса.

“Вот так жизнь ставит свои загадки. Жил человек и нету, вернее, и не жил, а только начал жить, — размышлял Сергей Иванович, собирая бумаги со стола в портфель. — Жил и погиб не в лесу в пасти тигра и не от акульих зубов. А от бездумности, нет, от безжалостной руки гомо сапиенс. Человек — царь природы — людоед, вампир. То, что не позволяет себе волк или какой-нибудь вонючий хорек, запросто может себе позволить сбесившийся с жиру гуманоид”.

Весь остаток дня и весь вечер нелепая смерть его ученицы не выходила из головы Сергея Ивановича. Жена, заметив в нем подозрительную задумчивость, спросила:

— Сережа, ты чего такой грустный, в школе что приключилось? — И, услышав от мужа о смерти ученицы, заметила: — Понакупили машин, вот и носятся как угорелые.

“Как все у нее просто, — подумал Сергей Иванович. — Машины понакупили и носятся”.

А ведь это не безразличие, это наша человеческая безжалостность, еще большая, чем у гиен, разрывающих на части живую антилопу. Только глядя на гибель антилопы, мы с гораздо боль-

шим пафосом ахаем и охаем, а потом организуем столь модные на Западе общества защиты животных. А кто защитит нас, людей? Разве отсутствие сострадания не есть соучастие в преступлении? А уклонившийся от помощи ближнему разве не преступник? Но нет, человек еще не дорос до мысли привлекать к суду за отсутствие сострадания. Этот правовой акт появится не раньше четвертого тысячелетия этой эры, если какая-нибудь всемирная Хиросима не прекратит стремительный бег человечества.

На следующий день, в субботу, освободившись после занятий, Сергей Иванович поспешил во двор, где жила Чернова. Еще в школе Пятакова, жившая в одном доме с Черновой, сообщила ему, что сегодня будут похороны. Белов надеялся успеть к выносу тела, ему хотелось сказать несколько добрых слов о девочке ее родителям, которых он до сих пор не видел, но, как выяснилось, он опоздал, покойницу уже отвезли на кладбище и похоронили, а в квартире Черновых шли поминки. Зайти в квартиру Белов постеснялся, хотя в день траура на Руси дверь открыта всякому. Глупая мысль, что незваный гость хуже татарина, никак не давала Белову покоя, да и то, что он припоздал, давало ему повод думать, что зайти в дом сейчас нехорошо. И он, не зная, куда себя деть, присел на лавочку напротив подъезда, полагая, что вот таким образом, молча посидев у дома покойной, он тем самым воздаст должное ее памяти.

Старухи-соседки, сидевшие невдалеке, не попавшие в квартиру, по всей видимости, ввиду тесноты, громко судачили между собой. Белов прислушался к их разговору.

— Вот ведь какая судьба. — Толстая старуха в сером платье победно обвела взглядом товарок. — Девочка-то с заскоком была.

“Что еще за глупость несет эта старуха?” — с раздражением подумал Белов.

— Все гороскопы читала, — продолжала старуха, — и на картах гадала.

— И на кофейной гуще, — поддакнула ей другая сухонькая старушка.

Старуха в сером платье сердито посмотрела на подсказчицу:

— Не знаю про кофейную гущу, врать не буду, а вот что число это, четырнадцатое сентября, красным карандашом обведено в календаре, это я сама видела точно. Мать Татьяны самолично мне показывала. Вот гадала-гадала и догадалась.

— Рано в ее-то возрасте еще гадать, — опять вставила свое сухонькая старушонка.

— Рано, — покосившись, согласилась та, что была в сером платье.

Тем временем к подъезду подкатила новенькая блестящая иномарка, и из нее вышел плотный, лет тридцати пяти, мужчина с брюшком. Он был одет в черную кожаную куртку и синие американские джинсы. “Фирмач”, — только и подумал Белов. Демонстративно, ни на кого не глядя, мужчина с деловым видом

прошел в подъезд. Смолкнувшие старухи пытливно следили за приезжим. Через пару минут мужчина вернулся и, подойдя к иномарке, что-то тихо сказал в салон через приоткрытое правое боковое стекло. Тотчас же двери машины распахнулись, и два дюжих молодца, выскочив из машины, принялись торопливо доставать из багажника и вносить в дом ящики, по-видимому, с водкой и продуктами. Потом мужчина на несколько минут снова нырнул в подъезд, затем вернулся, сел за руль, и машина вместе с молодцами укатила.

— Он, — заговорщически пояснила товаркам старуха в сером, кивнув в сторону уехавшей машины.

Белов, услышав последнюю фразу, насторожился.

— Он девочку-то сбил. — Старуха многозначительно обвела взглядом раскрывших рот слушательниц.

— Что ж он, окаянный, не в тюрьме сидит? — возмутилась сухонькая старушка.

— Такие всегда от милиции откупятся, — мудро заметила третья, до сих пор молчавшая.

— Да нет же, — рассердилась та, что была в сером платье. — Говорю вам, судьба такая девочке выпала. Она сама себе нагадала и в календарике красным карандашом этот день обвела. И вроде как карты ей беду накликали. Ее мать мне сама рассказывала. Ведь и знала, а вот бес ее толкнул. Выскочила в неполюженном месте на красный свет, а машина на зеленый шла. На шоссе ее... тут, недалеко от дома. Зря она гаданьем занималась, зря. И мамаша ее так говорит, судьба у нее такая, а от судьбы не уйдешь. Кому что предназначено, тому то и будет.

Дальнейшие разговоры старух Белов слушать не стал. Все услышанное, мистическое, ему, человеку образованному, казалось вполне реальным: и гаданье на картах, и дата, обведенная красным карандашом. Даже родная мать поведала, что это неспроста. А ведь верно, девочка была не от мира сего. Как же он раньше не замечал? Задумчивая, немногословная. Неужели что-то чувствовала? Воистину, неисповедимы пути Господни. Мир никем еще до конца не познан, или нет, не познан вообще. Рок, еще древние греки знали, что он неизбежен, от судьбы не уйти. Интересно, что девочке сказали карты в тот последний раз — неприятности, смерть? Календарь, красный карандаш, гороскопы. Как он далек от всего этого. А ведь оно рядом, вокруг него, может, и его ждет беда, вот за этим перекрестком? Сергей Иванович остановился на краю тротуара и внимательно взгляделся в поток машин, пытаясь угадать, не несет ли одна из них ему смерть или увечье. А тот новый русский мог запросто загреметь в тюрьму, но в календарике худенькая детская ручонка сделала пометку и тем самым спасла человека от беды. Что это, предвидение, гуманность детской нерасчлененной души?

Как правило, суды строги к шоферам, сбившим кого-нибудь на дороге насмерть. Оно и понятно. Как объяснить родителям

жертвы — “ваш ребенок мертв, а виновных нет”. Это трудно понять. Но тут произошло все по-другому. Предчувствуя беду, ребенок, не желая зла другому, спасал неизвестного ему человека. Вот она, высшая ступень гуманизма.

Весь вечер мысли о погибшей девочке не покидали Белова, но было еще что-то, что крутилось в мозгу, и никак ему не удавалось вспомнить. Какая-то деталь событий, ускользая, заставляла его настораживаться. Белов мысленно перебрал весь разговор, услышанный от старух у подъезда, вспомнил, как разгружали машину здоровущие парни, наконец сытое лицо самого виновника гибели девочки, но, промучившись и не вспомнив ничего, что его почему-то тревожило весь вечер, он с трудом заснул.

И только в понедельник в школе, увидев Пятакову, Белов вспомнил, что накануне не давало ему покоя. Ведь Оленька довольно-таки уверенно заявила, что водитель был пьян. Конечно, так уж устроена человеческая натура: если авария, то водитель должен быть пьян. А то с чего же тогда авария? Сам Белов вот уже больше десяти лет ездил на своем стареньком “жигуленке”, хотя и не часто, но и эти редкие поездки давали ему представление, что дорога все-таки непредсказуема. “Мало ли что сказали своей дочери Пятаковы в праведном гневе на водителя”, — успокаивал себя Белов. Однако к концу занятий у него появилось твердое намерение зайти к Пятаковым домой.

Мать Пятаковой, полная женщина лет тридцати пяти, с волевым и жестким лицом, очевидно, довольно красивая в молодости, но ничего не передавшая от этой красоты в наследство своей невидной худенькой дочери, разве что светлый цвет волос, узнав, что Белов — учитель ее дочери, сразу посуровев, пригласила его в комнату. Усадив в кресло, молча села напротив, внимательно и недружелюбно поглядывая на гостя и не ожидая от него ничего для себя хорошего. “Неласково же меня здесь принимают”, — грустно отметил про себя Белов. А вслух сказал:

— Вы знаете, я к вам не по поводу вашей дочери. Она, в общем-то, учится достаточно хорошо. Я, знаете ли, — Белов слегка помялся. — Ну, в общем... Ваша дочь сказала, что вы были свидетелями аварии. Вы же знаете, что погибла девочка — одноклассница вашей Оленьки.

— Чернова? — быстро спросила Пятакова.

— Да, Чернова.

— Петя, — неожиданно громко позвала Пятакова. В комнату не спеша вошел высокий худой мужчина, муж Пятаковой. — Вот учитель нашей Оли спрашивает, как сбили Таню Чернову.

Белов привстал с кресла и представился.

— А что вы, собственно, хотите узнать? — спросил Пятаков.

— Ваша дочь, — Белов снова замялся, — утверждает, очевидно, с ваших слов, что водитель был пьян.

— Конечно, в стельку, — хмуро подтвердила Пятакова.

— То есть как это в стельку? С чего это вы взяли?

— А чего тут брать? — возмутилась женщина. — Девочку он сбил, машину слегка занесло, она ударилась задним колесом о бордюр и заглохла.

— Почему заглохла? — спросил Белов и тут же понял, что сказал глупость.

— Не знаю, — пожалала плечами женщина и вопросительно глянула на мужа, но тот в ответ промолчал. — Водитель даже не понял, что сбил девочку. Вот скотина, мчался на красный свет, а Таня шла по переходу. — И Пятакова принялась рассказывать, как пьяный водитель, сбив подростка, еще и ругался с подъехавшими гаишниками, и что водитель сволочь, и как...

“Ясно, — думал Белов, слушая Пятакову. — Значит, водителю удалось за взятку утрясти дело в ГАИ”.

— Знаете, — перебил Белов разошедшуюся Пятакову, — а вы не могли бы выступить свидетелями, что водитель был пьян и девочку сбил на пешеходном перекрестке? Да и при этом машина шла на красный свет, ведь вас там было двое, наверное, были и еще какие-то свидетели?

— Да, были, — ответила, поскучнев, женщина. — Только зачем все это? — нерешительно спросила она Белова и удивленно посмотрела ему в глаза.

— Как зачем? — горячо возразил Белов. — Погиб ребенок. Разве можно оставлять такое безнаказанным? А если это случится с вами или, например, со мной? — Белов все говорил и говорил, но в глазах супругов он видел только одно желание — не ввязываться в это дело.

— Вы знаете, что родители Черновой взяли с водителя деньги? — неожиданно перебила его Пятакова.

— Вам это кто сказал? — строго поинтересовался Белов.

Пятакова, несколько растерявшись, взглянула на мужа, как бы ища подтверждения своим словам.

— Да так, во дворе болтают. Ведь вы знаете, Черновы живут в доме напротив.

— Знаю. — Белов сделал небольшую паузу. — Но вы-то понимаете, что говорите? Разве вы бы взяли деньги за жизнь своего ребенка?

Женщина инстинктивно оглянулась на дверь. Там, в другой комнате, находилась ее дочь.

— Нет, — твердо сказала она, глядя Белову в глаза.

— Значит, по-вашему, другим их дети не дороги? — спросил Белов.

— Не знаю, — медленно проговорила женщина.

— Хорошо, — неожиданно вмешался в разговор муж Пятаковой. — Если надо, мы с женой подтвердим, что водитель автомобиля, сбивший девочку, был пьян. Кстати, там рядом был еще один знакомый мне мужчина. Он, наверное, тоже согласится это подтвердить. Только вот поможет ли это девочке?

— Поможет, — твердо заверил Белов и, распроставшись с хозяевами, вышел на улицу.

Вырвавшись из душной, полной неприязни атмосферы квартиры Пятаковых, Белов все больше и больше утверждался в мысли, что дело это он так не оставит. “Пьяный новоявленный буржуйчик сбивает девочку, свидетели, как это водится на Руси, хотят остаться в стороне, поэтому водитель быстро сговаривается со следователем ГАИ. Вот и все правосудие. А что могут сделать родители Черновой? На месте происшествия их не было. Нет, этого я так не оставлю. Жизнь человека бесценна. В конце концов девочка была моей ученицей. Кто, если не я? Нельзя прожить жизнь, ни разу не высунувшись из окопа. Завтра же вечером пойду к Черновым. Завтра же”.

Серая непривлекательная стандартная дверь на первом этаже, справа звонок. Белов позвонил. Дверь открыла худая, среднего роста, с изможденным скуластым лицом и неприветливыми серыми бесцветными глазами, женщина. Она была некрасива. Некрасивым было ее лицо, худое, вытянутое и настороженное покрисиному, некрасивыми были ее сутулые плечи и низкая, маленькая, едва видимая под грязным мятым халатом грудь, и ноги в стареньких заношенных домашних тапочках. Белов видел, что его здесь не ждали и вряд ли обрадовались. Почему-то подумалось, что в этом доме никому не бывают рады. “Бедна”, — подумал Белов, мельком разглядывая весь неуют грязного коридора: как попало висевшие на вешалке вещи, разбросанную на полу старую нечищенную обувь. И еще раз подумал: “Бедна”. Чумазый, в грязной рубаше и таких же грязных штанишках мальчуган, с грустными и настороженными глазами, робко выглядывал из-за материнского халата. “Такая бедность, такая убогая мать и такая умная девочка, кто бы мог подумать? Может быть, развитие шло вопреки всей этой убогости?”

— Здравствуйте, — как можно приветливей обратился Белов к женщине.

— Здравствуйте, — ответила она, по всей видимости не разделяя его дружелюбия, и, отступив от порога, впустила гостя в квартиру.

— Я школьный учитель вашей дочери.

Женщина молчала, было видно, что это сообщение ее совсем не обрадовало.

— Мне очень жаль, что с Таней случилось такое несчастье, — продолжил Сергей Иванович.

И тут дверь в соседнюю комнату приоткрылась, и оттуда вынулса муж женщины. Маленький, худенький, с грустными глазами. И мужчина, и женщина молчали, ожидая, что же все-таки скажет интересного неожиданный гость.

— Это ваш сын? — несколько растерянно спросил Сергей Иванович, кивнув в сторону малыша.

— Да, — угрюмо ответила женщина и, положив руку на голову мальчугана, слегка прижала его к себе.

— Сколько ему?

— Десять.

Сергей Иванович помялся, не зная, с чего начать.

— С вашей дочерью, — он сделал паузу, — произошло несчастье. Вот. Ее сбил пьяный водитель, и ехал он на красный свет...

— Водитель был трезв, — перебила его женщина. Она быстро глянула в сторону молчавшего мужа и неприязненно посмотрела на Белова.

— Нет, нет, — заторопился Сергей Иванович, — это не совсем так. Он был пьян. У меня есть два свидетеля. И если их окажется мало, то мы, наверное, сумеем найти еще.

Белов употребил местоимение “мы”, подразумевая, что он и родители девочки должны составить одно целое, выступая на стороне погибшей девочки.

— Зачем? — холодно спросила женщина.

— Как зачем? — заволновался Белов. — Преступление должно быть наказано, ведь погиб ваш ребенок.

Женщина еще раз быстро взглянула в сторону мужа.

— Девочки нет, а человека жалко, — отрезала она.

Кровь бросилась в виски Белову, и краска залила его лицо. “Вы что несете? — хотелось закричать ему. — Ведь это ваш, ваш ребенок! Ведь ему тоже хотелось жить! А вы защищаете убийцу собственной дочери!” Но вместо этого он еще раз сиротливо окинул взглядом убогое имущество коридора, потом его взгляд нескромно скользнул в комнату, дверь которой так и осталась открытой после того, как муж, сделав шаг вперед, занял оборонительную позицию за спиной жены. В комнате Белов увидел на полу пустую коробку из-под телевизора, а сам телевизор, видно только что распакованный, стоял на столе рядом с новеньким видеоманитофоном японского происхождения. И он отчетливо понял, что слова о деньгах, прозвучавшие из уст Пятаковой, были не нелепостью мещанки, помешанной на деньгах, а реальностью, воплощенной вот в этот новенький телевизор и заморский видак, и, возможно, во что-то еще, чего он сейчас не видит. Женщина теперь уже не неприязненно, а с ненавистью смотрела на Белова.

Он молча повернулся и вышел. На улице было темно. Молодой месяц беззаботно гулял среди ярких звезд. Где-то там, на небе, был Бог, по крайней мере, должен был быть. И в эту минуту, окажись он рядом, ему нечего было бы сказать Белову в утешение, потому что люди еще не придумали тех слов, которые могли бы объяснить случившееся. По крайней мере, Белов их не знал. Наверное, их не было и у Бога. Одна яркая звезда горестно скатилась с небосвода. Белову можно было бы загадать желание, но то, что он хотел бы пожелать в эту минуту, сбыться уже не могло. А что-то другое желать ему не хотелось.

Любимый вопрос, который взрослый человек задает ребенку: "Нем ты хочешь быть, когда вырастешь?" Сoglаситесь, не всегда можно получить на этот вопрос вполне обдуманый ответ, но вопрос-то действительно ведь очень важен. Считается, что человек счастлив, если он правильно выбрал профессию и спутника жизни. Эти две сферы жизни человека — самые главные, за ошибку можно заплатить годами испорченной жизни. Про спутника жизни говорить не будем — это тема другой статьи, а вот работа занимает от 1/5 до 1/3 времени взрослого человека.

Идеальна, конечно, работа, о которой рассуждал маленький мальчик, отвечая на вежливый вопрос взрослого:

— Нем ты хочешь стать?

— Шофером, — грустно вздохнул. — Только нельзя.

— Почему?

— Жить будет не на что. Деньги платят за работу, а это не работа, а удовольствие.

Странно, но идея о том, что работа — это наказание, очень глубоко укоренена в сознании людей. Еще в Библии рассказано о том, как разгневанный Бог наказывает Адама, обрекая его добывать "хлеб свой в поте лица своего".

Но существует и хорошо обоснованная теория о том, что именно труд создал человека, выделил его из мира животных.

Какой бы точи зрения вы, уважаемый читатель, ни придерживались, но вопрос выбора профессии остается актуальным на протяжении всей жизни человека.

Еще совсем недавно, каких-то лет 10-15 назад, в нашей стране

считалась нормальной работа по определенной специальности на протяжении многих десятилетий и желательно на одном предприятии или в учреждении. Для этого существовала система распределения выпускников вузов и техникумов на работу по специальности. Отказаться было невозможно: тебя ждала испорченная трудовая книжка ("волчий билет") на всю оставшуюся жизнь. Люди, часто менявшие место работы, пренебрежительно назывались "летунами". То есть если человек ошибался в выборе профессии, то сильно портил себе жизнь. Кроме того, проверить на практике выбранную профессию было достаточно сложно.

Европейская, тем более американская традиция, наоборот, предполагает достаточную свободу в выборе и смене места работы. Считается, что если человек работает на одном месте в одной должности более 3-х лет без служебного роста, то он (если речь не идет о руководителе высшего звена) зауряден и ни на что большее не способен. Очень часто можно прочитать об известных людях: работал официантом, менеджером по продажам оргтехники, стал актером, и т. д. Кроме того, поощряется работа молодых людей, которые одновременно где-либо учатся (даже в школе). Это приучает к активности, самостоятельности и решает множество мелких материальных проблем.

Но оставим в стороне вопрос о том, что лучше: работать всю жизнь на одной работе или попробовать несколько. В современных условиях человек может сам это решить в зависимости от индивиду-

Выбирая пути

альных особенностей характера, темперамента и образа жизни.

Профессия — дело индивидуальное. Предположим, человек еще не сделал свой выбор. Вариант "институт был рядом с домом" достаточно рискован. Во-первых, можно иметь довольно смутное представление о предстоящей профессии, что породит массу трудностей. Профессия архитектора, например, чревата "подводными камнями": кроме истории искусств, истории архитектуры, дизайна интерьеров изучаются техническая механика, архитектурно-строительная физика, сопромат и другие не очень веселые дисциплины. А если отсутствуют способности к математике или инженерное мышление? Во-вторых, профессия может просто не понравиться, не подойти по характеру. Например, не всякий человек согласится иметь нестабильный заработок, как у людей "свободных" профессий: реставраторов, художников, рекламных агентов, агентов по продаже товаров.

Но даже привлекательная на первый взгляд профессия менеджера (контакты с людьми, презентации, выставки и т. п.) обернется изучением нудноватого для большинства людей хозяйственного права и бухгалтерского учета (даже поверхностное его освоение отнимет много нервных клеток у не очень усидчивых людей). А на практике, кроме составления различных не самых веселых хозяйственных документов, каждый день придется общаться с достаточно большим количеством людей. У каждого — свой характер, претензии и комплексы. Тут одним профессио-

нализмом не обойтись. Нужны терпение и крепкая нервная система.

Модная профессия бухгалтера тоже имеет свою оборотную сторону, как и любая другая. Да, гарантирован стабильный заработок, достаточно определенный круг работы и некоторая стабильность в будущем: в каждой организации должен быть бухгалтер, а организаций много. Для людей, любящих все упорядочивать и работать с документами больше, чем с людьми — рай. Но: это колоссальная ответственность вплоть до уголовной, каждые три месяца — невроз под названием "сдача квартального отчета", а каждый год — стресс под другим названием — "годовой отчет", плюс не очень мирные, но очень длинные очереди в различных фондах и инспекциях.

Или профессия юриста. Благодарное (защита справедливости) и прибыльное занятие. Потребность в юристах огромна. Но, пребывая все время в нервной атмосфере конфликтов и скандалов, достаточно быстро теряешь веру в человечество. Судятся между собой родители и дети, братья и сестры, супруги, прожившие вместе достаточно долго для того, чтобы стать родными и близкими людьми, теряя родного человека из-за амбиций или дележа имущества. Профессия юриста достаточно серьезно отражается на структуре личности, есть опасность стать везделивым и мелочным (знание нюансов и тонкостей законодательства, юридической казуистики необходимо для ведения дел, так как от мелочей зависит, например, квалификация преступления, а, следовательно, и сроки наказания), еще можно че-

ресчур увлечься установлением "правильных" норм поведения даже в свободном общении, стать просто занудой. Впрочем, все это достаточно индивидуально.

Короче говоря, сейчас, после летних каникул, когда человек серьезно задумывается о своих дальнейших шагах, хотим дать добрый совет: чтобы не ошибиться в выборе профессии, нужно знать, во-первых, особенности своей личности, во-вторых, особенности самой профессии.

Что касается личности, то здесь важно знать прежде всего, каков ваш темперамент: флегматик, сангвиник, холерик, меланхолик. Вряд ли меланхолик сможет работать, к примеру, коммивояжером (бродячим продавцом чего-либо), а вот библиотекарем или архивариусом — сможет. Полезно почитать книгу К.Г. Юнга "Психологические типы людей". Кроме того, определите, что вам нравится: любите ли вы общение с людьми, растения, животных, компьютер, музыку? Идеально, если работа будет соответствовать общей направленности личности, тогда любимое занятие будет еще и прибыльным.

Следует также учесть физиологические особенности своей личности: боязнь высоты и закрытых помещений (реставраторы, например, работают на колокольнях и в подвалах), аллергия (например, на шерсть животных у биолога), боязнь вида крови (для врача она недопустима), плохая переносимость транспорта.

Истати, если есть возможность без ущерба для здоровья и качества работы трудиться в двух местах, не упускайте такой шанс: ведь с одной из работ может что-то случиться (не понравился начальнику, за-

крыли фирму и т.д.), а у вас останется другая. Особенно это касается работы на полставки (как, например, у преподавателей).

Чтобы постигнуть особенности профессии, идеально было бы поработать год-два где-нибудь близко от специальности. Так, секретарем судебного заседания можно стать, имея всего лишь среднее образование (если не смог поступить на юридический факультет сразу после школы — это хороший вариант познакомиться с профессией). Неважна должность, важно оназаться в среде профессионалов и решить, подходит ли эта профессия лично вам. Да и наличие самостоятельного заработка положительно повлияет на развитие личности: повысится ответственность за свои поступки, улучшится самооценка, появится независимость.

Для определения возможного заработка необходимо четко представлять два объективных момента: каковы доходы людей, занятых в вашей сфере деятельности и какова ваша квалификация и перспективы. При учете, естественно, ваших запросов. Так, в сфере образования заработок в 2000 рублей считается неплохим. Правда, человек может работать в 2-3-х местах, заниматься репетиторством, чтобы получать больше. В среде библиотекарей и работников музеев — та же ситуация. Иная ситуация в сфере туристического бизнеса, где зарплата менеджеров (людей тоже с высшим образованием) колеблется от 200 до 800 долларов. В банковской сфере зарплата рядового служащего от 400 долларов и выше в зависимости от квалификации.

При устройстве на работу помните, что она должна быть надежной. Способов обмана тут множест-

во, один из них — заполнение анкет за деньги. Себестоимость этих бумажек — 5-7 рублей. С вас берут 50-100 руб. и говорят "ждите". В огромном мегаполисе всегда найдется достаточно таких бедолаг, что обеспечат не одному десятку фирм стабильный доход. Или: организация специализируется на наборе текстов для различных полиграфических целей. На потоке приглашаются девушки, желающие работать в офисе. Они бесплатно печатают "испытательные" тексты, которые после минимальной обработки сдаются заказчикам. Самим же кандидатам отказывают поодиночке, говоря каждой, что на работу принята другая. Предлагают также надомную работу и множество всяческих пирамид. Например, просят выслать конверт с обратным адресом плюс квитанцию об оплате определенной суммы в адрес п/я №... Затем человек получает письмо-инструкцию, в котором ему рекомендуют заниматься той же деятельностью (это гордо именуется "обработка корреспонденции") или, к примеру, собирать желчный камень крупного рогатого скота или лекарственные травы, сдавая их в различные приемные пункты. Штука полезная, но не стоящая тех денег, которые были перечислены. Эта информация есть в любой аптеке. "Пирамида" и уличная торговля, кроме моральных мук, имеют свои неудобства: крайние рыбные существование с жесткими правилами, за три-четыре года сильно "выжимающее" и изматывающее человека.

Поэтому если у вас уже есть хоть какая-то работа, дорожите ею. Если невозможен приработок на стороне, то лучше осторожно поискать новую, до поры не расставаясь

со старой. Устраиваясь на высокооплачиваемую работу, следует знать, за что платят такие деньги. Большие нагрузки, стрессы, неладно с законодательством, риск или высокая квалификация (аналитическая работа) и прибыльность бизнеса (нефть, турбизнес)? Человеку требуется определенный минимум свободного времени и средств для восстановления сил. Может получиться, что, зарабатывая достаточно много, человек будет тратить практически все на лечение: психологов, лекарей и т.п. Здоровье, потерянное на такой работе, не купишь ни за какие деньги.

Очень важно, как относятся к вашему выбору профессии родители. Либо они считают его правильным, либо навязывают свой, либо не проявляют видимого интереса. Помните, что они живые люди и могут ошибаться, хотя на их стороне жизненный опыт и знания. Прислушаться к совету, безусловно, стоит. Но не поддавайтесь нажиму, если вам совсем не нравится их выбор. В конце концов это ваша жизнь и ваше решение. У родителей есть совокупность наблюдений за вами, которая дает им основания говорить о ваших склонностях и способностях, но это не является истиной в последней инстанции. Умейте отстоять свой выбор. Это умение пригодится вам и тогда, когда вы приведете к родителям знакомить свою избранницу (или избранника). Не позволяйте никому испортить себе жизнь даже с самыми благими намерениями.

Конечно, впереди целая жизнь и никогда не поздно изменить свое решение. Но чем раньше вы задумаетесь о своей будущей профессии, тем более обдуманно и взвешенно будет ваш выбор. ■

Леонид ЛЕРНЕР

Погода стояла мрачная, ненастная, навеявая скучные сны. И тут позвонил Вадим Помещиков: "Приезжай в вечное лето". — "Неужто сотворил?" — обрадовался я. — "Сотворил, — скромно ответил Вадим. — Все, как в раю".

И, бросив дела, я поехал в Царицыно, где в краснонаменном екатерининском замке, в высоких залах, пылающих солнцами старинных люстр, царили Вера, Надежда и Любовь.

Райские яблоки

У входа в Рай стояла охрана: три ангела, вывезенные с русского Севера, в центре — архангел Михаил с грозным взглядом.

— Входи, — подбодрил Вадим. — Сюда и грешникам можно. Люди, создавшие этот рай, творили его для всех.

В первом зале росли деревья, которых никто никогда не видел. "И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла", — вспомнились мне слова Библии при входе в сад Эдемский, где под огромным красным яблоном, свисающим с ветки, стояли Адам и Ева — загорелые атлеты с волосами до плеч.

— Кажется, эти ребята еще не ели от запрещенного плода, — заметил я.

ВОЗВРАЩЕ

БАБИНА
ВЕРИТИНА

Елена Волнова. Сибирская красавица. (фрагмент)

НИЕ В РАЙ

Федор Максимов.
Адам и Ева.

— Но обязательно вкусят, — пообещал Вадим. — Видишь, какое яблоко — настоящее искушение. Плотник Федор Максимов, из Витебска, эти свои образы рубил топором по Дюреру, но яблоко сильно увеличил: вот, мол, сколько зла таит искушение. Он ведь свой рай из ада вынес — в лагерях сидел за инакомыслие. И до сих пор жизнь не устроена, в баране живет. Крошечная комнатка скульптурами уставлена, посреди крест — символ страданий, а с потолка ангелы трубят — благие вести несут. Я поразился: столько зла вынести — и так в добро верить.

— А в каком раю он своего Адама нашел — эдакого силача?

— Я его спрашивал. Так он мне напомнил: "И поселил Господь Бог человека в саду Эдемском, чтобы возделывать его и

хранить его". Понял? Адам был садовником: один во всем Эдеме! Хилому тут делать нечего. Вот он и вырубил собственный автопортрет.

Витебский плотник создал Адама (а под стать ему и ядреную Еву) по образу и подобию своему. Но, оглядевшись, я убедился, что в этих райских нущах трудился не только он. Дополняя Книгу Бытия, здесь росло еще одно древо познания, а под ним резвилась совсем другая первобытная пара — оба изящные, кудрявые и веселые. Судя по всему, они уже отведали запретных плодов, но на лицах не было и тени раскаяния. А древо, "возделанное" из папье-маше и фольги, увитое медными ветками, листьями и яблоками, сияло огоньками разноцветных лампочек.

— Это фантазии Наталии Северцовой-Габричевской, жены известного искусствоведа Александра Габричевского, — пояснил Вадим. — В их доме гостили поэты, художники, музыканты — Волошин, Фальк, Нейгауз... Смастерив Древо Познания в виде светильника, хозяйка ставила его на стол перед гостями, как образ Великого Разума, произносятся вещие слова: "В день, когда вы вкусите Их, откроются глаза ваши". И открывались. Наталия Северцова творила свой рай в дни "застоя", когда интеллигенция на кухнях "вкусала" запретные плоды, мечтая о свободе.

В те же годы, как "луч света в темном царстве", нам открыва-

Вероятно, подобные чувства (только на четверть века раньше, когда "наив" еще никто не принимал всерьез) испытал и Вадим Помещиков. С тех пор он побывал во многих "садах" и собрал такие плоды, что, выставив их в Царицынском музее-заповеднике, назвал "Райскими яблоками".

Исполнение желаний

Дома у меня живут ангелы сергиевопосадского

Наталья Северцова-Габричевская. Адам и Ева.

лось наивное искусство. Явившиеся из вечности (будто извлеченные из прабабушкиных сундуков), эти бесхитростные картины, скульптуры озаряли тихой улыбкой, радостными красками и верой в обыкновенное чудо, в то самое, в которое XX век, замученный суперчудесами, уже перестал верить. Когда я впервые увидел эти странные произведения с их сюжетами — земли и воды, исполненные красоты и плодородия, столы с обильными яствами, накрытые для всех, людей, похожих на богов, и зверей с человеческими глазами, — я подумал о том, что надежду убить невозможно. И больше всего поразило то, что люди, излучающие столь удивительный оптимизм, живут в глубокой провинции — там, где нынче не столько живут, сколько выживают.

резчика Александра Варганова. Выструганное из сосновой щепы, небесное воинство мастера давно уже бродит по свету: я встречал этих крылатых странников в итальянских, французских, английских домах...

Здесь, в царицынском раю, варгановские ангелы выступали в роли хозяев. Стоя на пороге второго зала, вели в землю обетованную. Пойдешь направо — попадешь на солнечную поляну, посреди которой девочка в платьице и мальчик в штанишках нормят голубей. Так Александра Тяп-

кина, читинская домохозяйка, представляла детство Адама и Евы. Изображая их на своих холстах, приговаривала: "Не сразу же они стали большими и голыми". Пойдешь налево, выйдешь к дивному озеру, окаймленному сназочными деревьями — райскому источнику наивного художника из заброшенной псковской деревни Звенковичи Николая Кололова, мечтавшего найти его, чтобы, искупавшись в нем, снова стать молодым.

— А ведь он и в самом деле в последние годы дальше соседней

деревни не выезжал, — сказал Помещиков. — Но канова фантазия: на его картинах — архитектура рая. В центре источник, вокруг древовидные папоротники, цветущие горки. И, согласно Писанию, именно отсюда проистекает река для орошения земли, река жизни.

Эта река, выпущенная деревенским мечтателем из им же сотворенного "Озера", здесь только начинала свой путь. Затем "перетекла" на висевший рядом расписной ковер белорусской мастерицы Алены Киш. И тут уже разливалась широко и вольно, покачивая на голубых волнах лодку, окруженную белыми лебедями. В лодке плыли жених и невеста, направляясь туда, где на живописнейшем берегу, среди берез, возле уютного красивого домика возлежали могучие добрые львы. Аленины ковры расходились по деревням и селам подарками к свадьбам. Их вешали над кроватями молодых, как символ райской жизни. И как бы ни складывалась потом жизнь земная, люди верили: не здесь, так там — все исполнится.

Впрочем, здесь, на выставке, все тут же исполнялось. Люди, вырастившие эти "райские яблоки", с самого детства ждали обещанного светлого будущего. И, видимо, устав ждать, создали свой мир, в котором жили так, как хотели: на своих цветущих землях, в своих красивых домах... И даже в таком дворце, который воздвигла в прекрасном саду литовская мастерица Ядвига Наливайкене. Все для человека: живи — не хочу. Но хозяйка и тут трудится — ловит рыбу в садовом пруду. Таков простой человек:

живет во дворце, а работы все равно не гнушается.

Чужие среди своих

— Скажи, — пытал я Помещикова, — много ли в народе подобных мечтателей?

— Много, — ответил Вадим. — Однако до таких вот выставок доживают единицы. Жизнь наивного художника коротка: во-первых, варятся в собственном соку, во-вторых, съедаются своей же средой. Одних раздражает — зачем эти чудачки (а в народе "чудак" — все равно что дурак) изображают совсем не то, что вокруг. Другие недоумевают, почему они не хотят жить, как все. Жены и вовсе третируют своих "фантазеров", считают их бездельниками и мотами: добро бы только болтал, а то ведь последнюю домашнюю копейку убивает на бумагу и краски. Родные ныне всемирно известного наивного художника Ивана Никифорова уничтожили десятки его рисунков. К счастью, не все.

— Вовремя заметили?

— Вот именно, вовремя. Начали выставлять, покупать, чем сильно удивили родных и соседей. А вот талантливую крестьянку Любу Майнову открыли, когда бабушке было уже 86! Василия Григорьева спас рынок: кто-то надумил его вынести на базар свои ярчайшие картинны на клеенках: попугаев, астры, ананасы... Вмиг все раскупили.

В размышлениях о парадоксах земного бытия я не сразу заметил, что вышел прямо к "Светлому будущему". На знаменитой картине старейшего наивного художника Павла Леонова, которая обошла не одну выставку, царст-

вовала научно-техническая революция. И вершил ее наш человек. Все, о чем мечтали и бредили доморощенные фантасты: летающие люди и луноходы, чудошары и (уж совсем необыкновенные для России) автобаны, сназочные сады, в которых веселились счастливые трудовые коллективы, — все, как писал классик, "смешалось в доме Облонских". То была чисто социальная утопия, близкая и родная для людей, почти век проживших в безбожном государстве. И если в картинах наивного рая трепетала и билась мечта о простом человеческом счастье, то у советского утописта из убогого ярославского села на первый план выступала идеология: над социально-научным хаосом светился космический экран, отражавший Кремль, Красную Площадь, Мавзолей Ленина.

— Вот почему, — заметил Помещиков, — Павел Леонов, в отличие от других мечтателей, полностью принят своей средой. И хотя критикует любимых народом Шишкина и Айвазовского — зачем, мол, рисовали то, что уже и так есть (себя же называет "художником-изобретателем" и "автором счастливых проектов"), его считают своим. Что ж, он прошел огонь, воду и медные трубы, даже в лагере сидел. А, став живописцем "Царства справедливости", явился и народным заступником. К нему до сих пор приходят за правдой обиженные, и он пишет гневные жалобы в инстанции. Раньше писал прямо в Политбюро, теперь, наверное, президенту.

— Мне кажется, мы сбились с пути, — сказал я. — Хочу снова в рай.

— Тогда пойдем в царство зверей.

И, сев в Ноев ковчег армянского художника Саняяна, мы поплыли через весь зал в псковскую деревеньку Татицево, где на домике бордового цвета колхозного фантазера Василия Дмитриева таращилась на белый свет резная дремучая сова, а под окнами собралась компания вырубленных из дерева "райских" зверей: белый слон с розовыми ушами, пестрые, как дятлы, пингвины, смеющийся крокодил... А навстречу им вытанцовывал хорвод керамических зверей украинской мастерицы Марии Галушко, зверей добрых, усыпанных множеством ярких цветов. Апофеозом этого праздника был кроткий "Пасхальный барашек" Нико Пиросмани, писавшего бессмертные вывески для духанов. Помню, как на его родине в Сигнахи древние старики рассказывали мне о своем знаменитом чуде: "Нико был очень странный. Ему заказывают вывеску под шашлык, а он рисует жертвенного агнца".

Деревенская Венера

— А вот и народная эротика, — объявил Вадим, указывая на белотелую полногрудую нупальщицу. Стоя не берегу реки, в лунном сиянии, эта крестьянская "ню" воскрешала народные представления о чувственности, красоте, плодородии. Как ни наивен был художник, а в свой рай привел не Еву — свою, деревенскую Венеру, которая будет и пахать, и сеять, и рожать.

— Люди хотят жить в раю, но — со всеми земными дара-

Алена Ниш. Расписной ковер "В раю".

ми, — размышлял Помещиков. — Потому и женщин изображают, как плод земли. И чтобы еды было вдоволь. Впрочем, тут важно и другое: еда должна быть красивой.

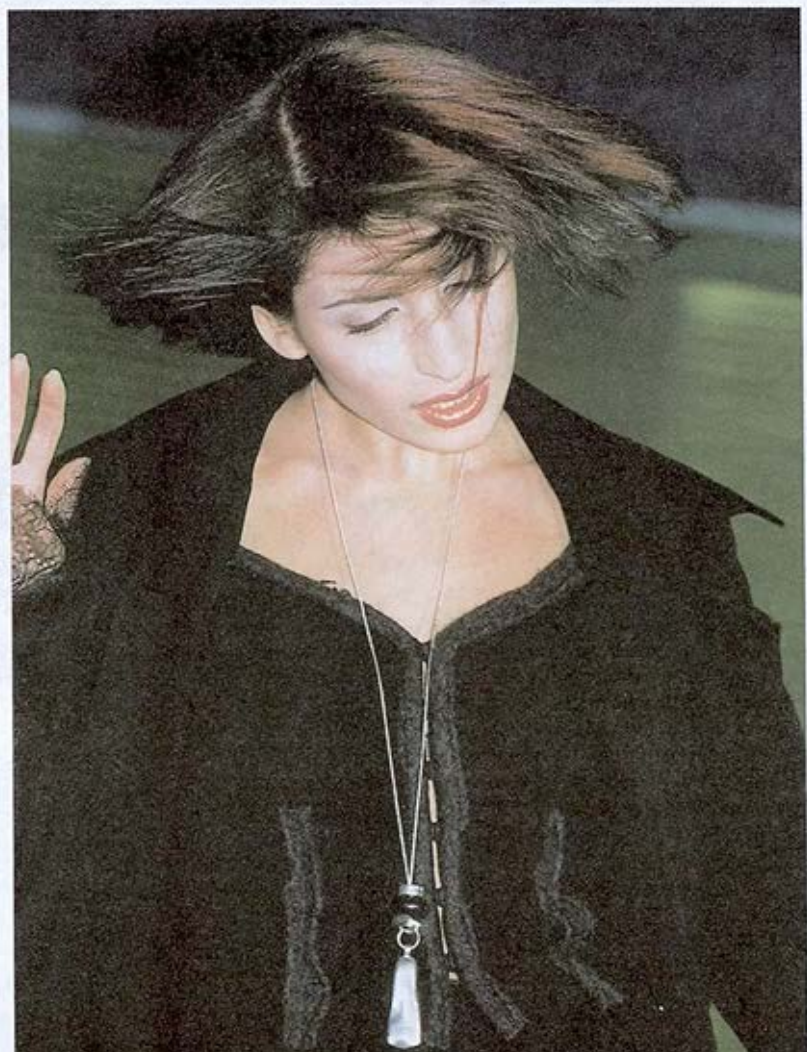
Зал изобилия, в который вели все дороги народного рая, наглядно подтверждал эту мечту. Курская крестьянка Ольга Лактионова, изобразив себя за столом, полным яств, наслаждалась невиданной клубникой — каждая ягода размером с яблоко!

Но самым прекрасным, желанным, загадочным райским яблоком был арбуз. Мы переходили от картины к картине, как от стола к столу, накрытых для всемирного пиршества, и всюду, как ве-

нец благополучия, сладости и красоты, медленно и вальяжно натились, светились и взрезались великолепные арбузы. Мы выбрали арбуз королевы "наива" Елены Волковой. Одним взмахом кисти художница рассекла упругую зеленую сферу, обнажив прозрачно-алую глубину. Благословенная плоть дохла прохладным нектаром — будто занялась утренняя заря.

То был образ Вечного Лета, живущий в нас со времен Адама и Евы, прошедший с нами сквозь долгие годы изгнания, и сохранивший в человеке надежду, что когда-нибудь мы заслужим возвращение в рай. ■

фото **Виктора Брея**

ЖАСМИН
ЖАСМИН

Первое же ее появление на эстраде сразу привлекло к себе внимание. Еще бы. Жгучая брюнетка с огромными глазами, европейский лоск в сочетании с восточной мягкостью и томностью, и загадочный сценический псевдоним — Жасмин. Поет она, конечно же, о любви. Нежной, романтической. Простые, бесхитростные песенки о том, как падал снег или о летних днях, когда с нетерпением ждешь встречи с любимым. Дебютный альбом Жасмин так и называется "Долгие дни", а еще за эту песню она получила премии — "Стопудовый хит" на радиостанции "Хит FM" и "Золотой граммофон" от "Русского радио". Сейчас Жасмин снимает в Швеции уже шестой клип, готовится к сольной программе.

— *Какая-то странная манера появилась на нашей эстраде. Все представляются только экзотическими именами. Вот и вы не исключение.*

— Это сценическое имя придумал мой друг Владимир Матецкий. Он посчитал, что оно звучит довольно мило, легко запоминается и очень мне подходит.

— *Вы, наверное, с детства, как многие девчонки, мечтали стать артисткой, певицей...*

— Представьте себе, нет. Хотя и выросла в музыкальной семье. У меня мама — дирижер, а папа — балетмейстер. Но они мечтали, что музыкантом станет мой старший брат. Его определили в музыкальную школу, где он промучился целых три года. Родители были страшно разочарованы, когда он заявил, что даже под страхом смертной казни никогда больше не подойдет к инструменту... И потому, рассудив, что "на детях природа отдыхает", они даже не предпринимали попыток приобщить меня к музыке профессионально.

— *Видимо, надо обладать достаточной смелостью, чтобы без специальной подготовки заявить о себе, как о певице?..*

— Главное — любить и чувствовать музыку. К тому же, я ведь все время жила в окружении "высокого искусства". И сколько себя помню — всегда пела.

— *Вы живете в Москве, это ваш родной город?*

— Нет. Я родилась и выросла в Дербенте, в прелестном городке на берегу Каспия. Люди там замечательные, со своим особым, спокойным и уравновешен-

с берегов Каспия

ным отношением к жизни, таким непохожим на московскую суету, с ее бешеным ритмом, равнодушием. По Дербенту я до сих пор скучаю. По палящему южному солнцу, пляжу, диному и запущенному, но такому родному. По нашему тесному дворику на несколько семей, а жили так дружно, весело... В Дербенте я окончила школу и медицинский колледж. До сих пор могу оказать пострадавшему вполне профессиональную помощь. Никогда не падала в обморок от вида крови, в отличие от многих моих сокурсниц. Потому, наверное, спокойно смотрю боевики с жестокими драками и льющейся кровью...

— А как в Москве оказались?

— У меня здесь живет подруга детства, она-то и заманила... Все уши прожужжала, что талантливым людям в Москве пробиться легче. Вот я и приехала, стала обивать пороги... Пыталась завязать знакомства с людьми из шоу-бизнеса. Знали бы вы, как это утомительно, а порой и унизительно — находиться в роли просителя. Слово милостью выпрашиваешь. Помогли и поддержали меня друзья и близкие люди, с ними я работаю и по сей день.

— Иногда в своих клипах вы представляетесь этаной роковой соблазнительницей, женщиной-вамп. Это как-то не вяжется с вашими лирическими песнями...

— Такой контраст я создаю специально. Быть на сцене всегда одинаковой, эксплуатировать один и тот же когда-то удачно найденный сценический образ — опасно для артиста, певца. Приедается, надоедает. Да, собст-

венно, как и по жизни. Ведь женщина всегда должна быть разной, чтобы — сохранить к себе интерес. Вот я и предстаю — то печальным ангелом, то стержневой злючкой, озлобленной на мужчин и жизнь. Но все это так, для разнообразия и взбадривания... А в основном я предпочитаю в своем репертуаре спокойные, задушевные песни, по которым меня знает, и, надеюсь, любит слушатель.

— Среди коллег у вас есть друзья?

— Я не верю в божественную дружбу. Мир шоу-бизнеса — жесток. Все основано на выживании, беспощадной конкуренции. Он мне не симпатичен, да и страшно, если честно говорить. У меня тесный круг общения. Все замыкается на моем продюсере, моих музыкантах. Вот с ними я дружу, мы в одной связке и нам не страшен серый волк. А свои сердечные тайны я поверяю бабушке и брату, благо он сейчас живет рядом со мной, в Москве. А вообще, многие мои друзья уже покинули страну и живут кто в Израиле, кто в Америке.

— Сами не собираетесь последовать их примеру?

— Никогда. На родине мне спокойно и уютно. У меня в роду много смешалось кровей — и кавказская, и русская, и еврейская... Но мой дом здесь, в России. Не поверите, когда выезжаю за рубеж, даже ненадолго, то чувствую себя беззащитной, чужой, просто болеваю физически.

— Чем объяснить, что вы мало гастролируете? В основном вас зритель знает по клипам и альбомам... А как же заработки,

ведь их наша попса имеет благодаря "чесам"?

— Все достаточно просто. О себе скажу — я довольно дисциплинированный человек, по жизни у меня должно быть все четко и идеально. Уже давно я для себя решила — чтобы начинать гастрольную поездку, должна показать себя зрителям со всех сторон, чтобы он знал, чего от меня можно ожидать, и не тратил деньги на концерт, который ему не понравится. Может, поэтому в своих клипах я стараюсь быть такой разнообразной... Наверное, интуитивно пытаюсь угодить всем пристрастиям и вкусам. Хотя невозможно нравиться поголовно всем. Но об этом я еще подумаю... В принципе считаю неправильным, когда певец записывает одну песню, по ней снимает клип и сразу же начинает ездить на гастроли. Ну и что? Не все же смотрят телевизор, где тебя крутят до одурения.

— Улицы Москвы пестрят рекламными щитами с вашим изображением. На них вы рекламируете одежду от французского кутюрье Жан-Клода Житруа. Как вам удалось стать его моделью?

— Чудеса в жизни иногда случаются. Моя подруга, обозреватель Высокой моды на телевиде-

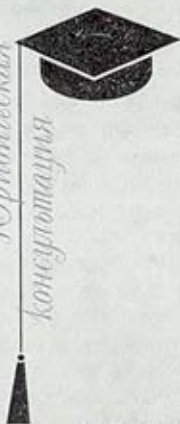
нии, предложила мне поехать в составе съемочной группы в Париж. Она готовила репортажи о жизни французской столицы, ведущих кутюрье. Побывали на показе кожаной коллекции Житруа. Никогда не думала, что из такого в общем-то грубого материала как кожа можно делать такие элегантные вещи. На следующий день отправилась в фирменный магазин мэтра. Денег на покупки, конечно, не было, но я все равно стала примерять все подряд. И неожиданно в зеркале увидела самого Житруа. Позже он сказал, что, увидев, как элегантно смотрятся его вещи на моей "точеной фигурке", он решил, "девушку с такой фантурной внешностью упускать нельзя".

— Может так случиться, что вы оставите эстраду ради модельного бизнеса?

— Распланировать всю жизнь заранее, считаю, невозможно. Но на данный момент могу с уверенностью сказать, что покидать сцену не собираюсь. Я люблю петь. А вообще я пою всегда и везде: в гостях, в ванной, в гримерке, в машине... Хотите, спою прямо сейчас... ■

Беседовали

Ольга БЫСТРЫХ
и Рамазан РАМАЗАНОВ.

Одинокая или самостоятельная?

"Моя дочь родила ребенка через семь месяцев после развода с мужем. В загсе указала отцом бывшего супруга. Воспитывает сына одна, он ей не помогает, с него взыскиваются мизерные алименты. Может ли моя дочь считаться матерью-одиноким и получать повышенное пособие на ребенка?"

О.Н.Киреева, Курск

Одиноким матерью в соответствии с действующим законодательством считается не каждая женщина, воспитывающая ребенка самостоятельно. Согласно п.41 Положения "О порядке назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей", утвержденного Постановлением Правительства РФ от 4.09.95 г., государственное пособие в двойном размере выплачивается в следующих случаях:

— если в свидетельстве о рождении отсутствует запись об отце ребенка или запись сделана в установленном порядке по указанию матери;

— при усыновлении ребенка женщиной, не состоящей в браке;

— при передаче в установленном порядке детей одинокой ма-

тери на воспитание опекуну или попечителю.

Несмотря на то, что запись об отце сделана по указанию вашей дочери, одинокой матерью по смыслу закона она не является, поскольку в данном случае отец ребенка известен, устанавливать его через суд не требуется, и он был бы записан в качестве отца даже в том случае, если бы дочь не указала его в органах загса. Дело в том, что в соответствии с ч.2 ст.48 Семейного кодекса РФ ребенок, родившийся в течение трехсот дней после расторжения брака, в силу закона считается ребенком бывшего супруга. Доказательством отцовства служит запись о браке в органах записи актов гражданского состояния. Поэтому одинокой матерью ваша дочь считаться не может.

Искусство под налоговым контролем

"В течение года я давала частные уроки музыки для маленьких детей. Недавно пришло извещение из налоговой инспекции. Грозит ли мне что-нибудь за то, что я не регистрировалась?"

А.Коробова, Саратовская обл.

Давая частные уроки, вы фактически занимались индивидуальным предпринимательством без образования юридического лица. Для того, чтобы заниматься такого рода работой, необходимо зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, встать на учет в налоговом органе и платить соответствующие налоги.

В соответствии с положениями Налогового кодекса РФ о на-

логовых правонарушениях, содержащихся в статьях 116-129.1, к вам могут быть применены следующие санкции: за непостановку на учет в налоговом органе — штраф в размере до 20 процентов полученных доходов; за неуплату налога — штраф в размере до 40 процентов от неуплаченной суммы; также могут быть наложены штрафы за непредставление декларации, непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля. Естественно, уплата указанных штрафов не освобождает от выплаты всех налогов.

Кроме вышеперечисленных мер административной ответственности, санкции за ведение предпринимательской деятельности без соответствующей регистрации предусмотрены Уголовным кодексом РФ в ст.171 (незаконное предпринимательство). Ответственность по данной статье (от штрафа до лишения свободы на срок до трех лет) наступает в том случае, если осуществление предпринимательской деятельности без регистрации причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. При этом доходом в крупном размере признается доход, сумма которого превышает двести минимальных размеров оплаты труда. Повышенная ответственность (от штрафа до лишения свободы на срок до пяти лет) предусмотрена за деятельность с извлечением дохода в особо крупном размере — если сумма дохода превышает пятьсот минимальных размеров оплаты труда.

Деньги уход не заменят

“Заключила с дальней родственницей договор ренты на свою квартиру. Она обещала каждый день приносить продукты, убирать квартиру и т.д. Вместо этого просто присылала деньги. Соседка советует расторгнуть договор. Я не против, но ведь придется возвращать полученные деньги, а их уже нет. Что я могу сделать?”

Н.Макарова, Екатеринбург

В данной ситуации необходимо уточнить, что именно было записано в договоре пожизненного содержания с иждивением (именно так он называется). Если плательщик ренты обязался предоставлять продукты, одежду, осуществлять уход, то перевод денег взамен содержания является существенным нарушением обязательств. Если же в договоре было предусмотрено пожизненное содержание в виде периодических платежей, то плательщик ренты свои обязанности не нарушает.

В том случае, когда по договору пожизненного содержания с иждивением на плательщике ренты лежит обязанность удовлетворять потребности получателя ренты в жилище, питании, одежде, уходе и т.д., а плательщик не выполняет эту обязанность, вы можете обратиться с требованием о возврате вам вашей квартиры. Таким образом, договор прекращается. При этом согласно ст.605 Гражданского кодекса РФ расходы, понесенные плательщиком на ваше содержание, ему возмещаться не должны.

Обратного действия не имеет

“Я проработал в районах Крайнего Севера более 9 лет, до конца

1990 года, после чего был вынужден уехать. С 1999 года вновь устроился на работу в районе Крайнего Севера. Администрация предприятия считает, что из-за перерыва в трудовом стаже мне не должна выплачиваться надбавка за стаж работы. Права ли администрация?"

Л.Тельнов,

Иркутская обл.

Администрация права, так как положение о том, что трудовой стаж работы на Крайнем Севере суммируется независимо от сроков перерыва в работе, установленное Постановлением Правительства РФ от 7.10.93 г., введено в действие только с 1 июня 1993 г. Это означает, что "Порядок установления и исчисления трудового стажа для получения процентной надбавки к заработной плате лицам, работающим в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и остальных районах Севера" применяется только к тем, кто работал на Крайнем Севере с 1 июня 1993 года и позже.

В соответствии с п.2 Разъяснения "О порядке установления и исчисления трудового стажа для получения процентных надбавок к заработной плате лицам, работающим в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях, в южных районах Дальнего Востока, Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Республики Бурятия, в Республике Тува, Республике Ханасия", утвержденного Постановлением Министерства труда РФ от 16.05.94 г., трудовой стаж для получения процентной надбавки суммируется, начиная с 1 июня 1993 года.

Если другая работа не ждет

"Давно работаю в одном учреждении, но неожиданно предложили другую работу. Приступить к ней нужно как можно быстрее, так как много желающих. Не хотел бы упускать возможность, но требуется проработать еще две недели на старой работе. Могут ли я как-нибудь этого избежать и уволиться сразу?"

М.Листов, *Алтайский край*

Согласно ст.31 Кодекса законов о труде РФ работник, желающий уволиться, обязан письменно предупредить администрацию за две недели до ухода с работы, то есть проработать две недели после подачи заявления об увольнении по своей инициативе.

Из этого правила законом предусмотрены исключения, когда работник может прекратить работу на данном предприятии в желаемый срок. Это возможно в случаях, когда заявление работника об увольнении по собственному желанию обусловлено невозможностью продолжения им работы (зачисление в учебное заведение, переход на пенсию и другие случаи). При этом на практике переход на другую работу такой уважительной причиной не считается.

КЗОТ РФ предоставляет возможность уволиться сразу же после подачи заявления еще в одном случае, который вы можете использовать — по договоренности с администрацией предприятия, которое хотите покинуть. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Вы звоните, а вас не слышат? Поможет НПО "Ремикон"

Кто не сталкивался с такими ситуациями: аппарат исправен, но не звонит, потому что устарела система телефонной станции, к линии подключился "браконьер" и т.д. Да разве все перечислишь! **Оказывается, НПО "Ремикон" уже несколько лет выпускает простые, недорогие устройства, упрощающие связь.** Что же это за устройства? Большая группа призвана оградить владельцев телефонов от посторонних подключений. Блокиратор междугородного номера не даст совершить звонок в другой город, а различные виды этого устройства могут включаться кнопкой или набором пароля на телефонном аппарате, могут запрещать выход не только на автоматическую междугородную связь, но и предотвратить заказ разговора и звонки в платные службы. Выпускается и блок защиты радиотелефона с паролем. Если злоумышленник и подключится к радиотелефону, то не сможет совершить даже звонок по городу. Телефонные линии на лестничных клетках легко доступны для посторонних. Чтобы защитить свою линию от подключений на участке от квартиры до телефонной станции, необходимо установить в своей квартире блок защиты линии "Антипират". Это устройство позволит производить звонки исключительно с квартирных телефонов.

Многие кнопочные аппараты, факсы и модемы не работают на существующих линиях. **Воспользуйтесь адаптерами линий АТС "Квант", спаренных линий и линий с АБУ. Установка этих адаптеров позволяет владельцам современной телефонной техники работать даже на таких нестандартных линиях. Для улучшения работы телефонных аппаратов на длинных линиях НПО "Ремикон" выпускает усилители телефонного и вызывного сигналов.**

Установка нескольких телефонов на одной телефонной линии порождает ряд проблем: от прослушивания до срыва набираемого номера. Большой ассортимент телефонных разветвителей и мини-АТС снимет практически все вопросы по обеспечению корректной работы нескольких телефонных аппаратов одновременно. Возможности таких устройств разнообразны. Если простые разветвители способны устранить прослушивание, подзвукивание и срыв набора номера, то мини-АТС способны обеспечить и переадресацию звонков, одновременный разговор нескольких абонентов, запрет выхода в город, перехват звонков с другого телефона, дозвон до конкретного аппарата. Эти устройства позволяют обеспечить более полное использование телефонных линий без увеличения их числа. НПО "Ремикон" работает по телефонной тематике уже 5 лет. **НПО производит мини-АТС, телефоны, АОНы, приставки с АОН, средства адаптации телефонных линий и защиты их от несанкционированного доступа (адаптеры, блокираторы, усилители, блоки защиты).** Уже 38 наименований продукции имеют сертификаты Госстандарта России и ГосКомСвязи России.

Подробную информацию можно получить по тел.:
(095) 534-22-77, (095) 455-19-77.
E-mail: remicon@orc.ru
<http://www.remicon.ru>

Saeco®

GAGGIA®

АВТОМАТИЧЕСКИЕ КОФЕМАШИНЫ

ДЛЯ ДОМА И ОФИСА

Встроенная кофемолка
Регулировка степени
помола кофе
Подогрев чашек,
таймер
Счетчик чашек

*Изумительный
эспрессо
и капучино*

**за 20
секунд**

10 сортов
вежеобжаренного
колумбийского кофе
Гарантия 12 месяцев

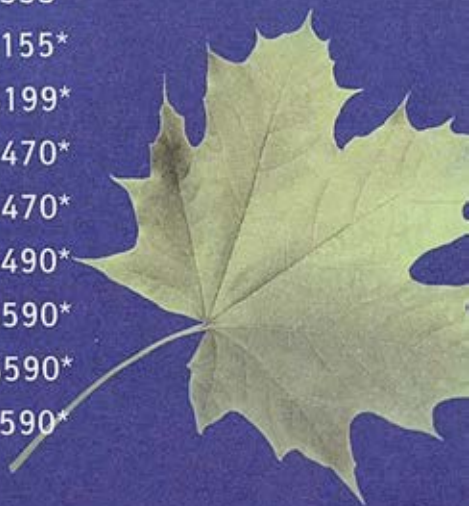
Дербеневская наб., дом 1/2, тел.: (095) 959-7887, т./ф.: 959-7898
Официальный представитель в РФ <http://www.ape.ru>

В Европу и Америку ОСЕНЬЮ

Швейцария	от \$299*
Бельгия	от \$299*
Англия	от \$240*
Италия	от \$320*
Голландия	от \$277*
Скандинавия	от \$229*
Германия	от \$299*
Прага	от \$299*
Мадрид	от \$333*
Хельсинки	от \$155*
Будапешт	от \$199*
Нью-Йорк	от \$470*
Вашингтон	от \$470*
Чикаго	от \$490*
Сан-Франциско	от \$590*
Сиэтл	от \$590*
Лос-Анджелес	от \$590*

И ВЕСНОЙ
скидка
на билет

Предложение действует с 18 октября по 30 ноября

*Без учета налогов

АЭРОФЛОТ
Российские авиалинии

Центр информации и бронирования авиабилетов
753-5555 круглосуточно

ЧИСТЕЙШАЯ ВОДА?

“ДЕЛЬФИН” СДЕЛАЕТ ЕЕ ДЛЯ ВАС!

В предыдущем номере «Смены» мы рассказали о бытовых фильтрах зеленоградской фирмы «Фильтр». Зеленоградцы выпускают также промышленные установки для очистки воды и в том числе — «Дельфин-1000».

Установка используется для очистки воды в коттеджах, детских садах, больницах, столовых, кафе, прачечных.

Ее отличают большая производительность (до 1000 л/час), удобство и простота в эксплуатации, надежность. «Дельфин-1000» обеспечивает превосходное качество очистки, — удаляет механические и органические загрязнения, железо, тяжелые металлы. По вкусу — это натуральная родниковая вода!

Систему можно организовать из одного, двух, трех или четырех модулей. Состав воды, поступающей на очистку, определяется:

- содержанием железа (превышение предельно допустимых концентраций в 2-10 раз — до 50 мг/л);
- наличием в воде таких исключительно вредных для здоровья тяжелых металлов как кадмий, стронций, свинец, ртуть, цинк, медь, а также органических загрязнений, в том числе фенолов, пестицидов и т.д.;
- наличием хлорорганических соединений, поверхностно-активных веществ.

Один модуль используют при расходе воды не более 200 л/час и в том случае, если загрязнение воды не превышает ПДК в 2-3 раза.

Два модуля устанавливают при превышении ПДК в 5 раз.

При степени загрязнений, превышающих предельно допустимую концентрацию в 10 и более раз, необходимо установить 3-4 модуля. Такая система обеспечит годовой ресурс эксплуатации при расходе 1000 л/час.

Замена фильтра производится фирмой через год, причем стоимость заказа снижается до 50 %.

«Дельфин-1000» — превосходный подарок для всей семьи. Он особенно нужен детям и старикам, ибо позволяет восстановить иммунитет (за счет серебра, имеющегося в воде на выходе из модуля), защитить от болезней.

Продукция МВП «Фильтр» имеет Международный знак Европейского качества, дипломы и золотые медали выставки «Лучшие товары и услуги на рынках России». Предприятие является победителем конкурса «1000 ЛУЧШИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ XXI ВЕКА».

Мы с удовольствием ответим на все ваши вопросы по телефонам: (095) 531-65-33, (095) 532-80-58.

 СОКОЛЬНИКИ

В 1999 году Лесопромышленная
академия Эвона
Созда выставки и ярмарки
СНГ и стран Балтии

ЛЕСТЕХ РОССИЯ ПРОДУКЦИЯ

МОСКВА

**5-я МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАКА
ЛЕСОПРОДУКЦИИ, МАШИН, ОБОРУДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЛЕСНОЙ,
ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОЙ И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

2001

4-7 декабря

Организаторы выстав

Культурно-выставочный центр
«Сокольники»

Министерство
промышленности, науки
и технологий РФ

Ассоциация предприятий
мебельной и
деревообрабатывающей
промышленности
России

Вниманию подписчиков!

В первом полугодии 2002-го года цена за один номер журнала — 36 руб., за три — 108 руб., полугодичная подписка — 216 рублей (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал
"СМЕНА"

70820

(индекс издания)

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ место ли-тер

на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Стоимость

подписки
пере-адресовки

руб.
руб.

Количество комплектов

на 2002 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ - МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
X международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

130. В. ШАНЬШИН
Киргизия

2

131. М. МАРАНДЮК
Украина

2

132. В. ДЯЧУК
Украина

Ca2-e8

2

133. Е. МАРНОВ
Саратов

3

134. А. СЫГУРОВ
с. Ср. Аверкино Самарской обл.

3

135. Г. ЗГЕРСКИЙ
Москва

3

136. Р. ПАРИН
Новосибирск

6) Ce2-f3 a) Kd4-f7 # 4

137. В. КОВАЛЕНКО
г. Большой Камень Приморского кр.

5

138. Н. ЗИНОВЬЕВ
Казахстан

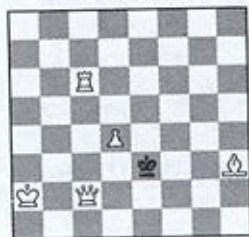

10

I приз
В. СОКОЛОВСКИЙ

II приз
Е. БОГДАНОВ

III приз
Л. ПРОНИН

Специальный приз
В. КОВАЛЕНКО

а) Лf1-h5

ТРЕХХОДОВКА-2000

В конкурсе трехходовок 2000-го года участвовало 107 задач 46 авторов, опубликовано 52 миниатюры. Из конкурса исключаются: №№ 23, 42, 82 — из-за предшественников, № 37 — как ранее опубликованная.

I приз — В. СОКОЛОВСКИЙ (Воронеж)

1. Kd7! — цугцванг! 1...Kpd7 2.Фе8 Kpd6 3. Фе6х, 1...Kpd6 2. Фе5 Kpd7 3.Фс7х, 1...Kpb7 2. Фа8 Кра8 3. Cd5х, 1... Kpb5 2. Фh1 Кра6 3. Сс4х

Четыре варианта с ходами черного короля на свободные поля завершаются правильными матами. Выделяются вариант с жертвой ферзя, правда, уже неоднократно встречавшейся, и с тихим его ходом в другой угол доски.

II приз — Е. БОГДАНОВ (Украина)

1.Фf5? Kpd2 2.Фf2, 1...Kpd4 2.Фf4, 1...Кре2!
1. Kpb3? Kpd4 2. Ле6, 1...Kpf3 2. Лс3, 1...Kpf4!
1.Фh2? Кре4 2.Фf2. 1... Kpd4 2Фf4, 1... Kpf3 2. Лс3, 1...Kpd3!

1. Лс5! Kpd4 2.Фf2 1...Kpf4 Фf2, 1...Kpf3 2. Лс3 Многократная перемена игры с элементами темы Рухмиса

III приз — А. ПРОНИН (Москва)

1. Лb1? Кре5 2. Cd7 Kpd5 3. Лb5х, 1...Кре6!
1. Ла1? Кре6 2. Кре4 Kpb6 3. Ла6х, 1...Кре5!
1. Кре2! Кре4 2. Се6 Kpd4 3. Лс4х

Очень симпатичная малютка с трехфазной эхо-игрой и прекрасными вступительными ходами! И еще два приятных нюанса: вариант действительной игры завершается правильным матом, а защита и опровержение ложных следов чередуются.

Специальный приз — В. КОВАЛЕНКО (Приморский кр.)

а) 1. Ла4? b6 2.Лfa1, 1...b5 2. Ла6, 1...Кра8!
1. Ла1! b6 2. Лha4, 1... b5 2. Лb4, 1...Кра8 2.Крb6.

б) 1. Ла5? b5 2. Лb4, 1...Кра8 2. Крb6, 1...b6!
1. Ла4! b6(b5) 2. Лb5, 1...Кра8 2.Крb6

Два близнеца с переменной игры в каждом. Жаль, что наиболее интересная игра с чередованием второго и третьего ходов проходит в ложном следе в близнеце а), а не в решении.

1-й почетный отзыв — Е. БОГДАНОВ (Украина)

1. Kpb7? f5 2. Фе4 Kpd6 3. Фd4х, 2...f4 3. Фе5х, 1...Kpd5!

1. Фс4? f5 2. Kpb7 Kpd6 3. Фd4х, 2...f4 3. Фе5х, 1...Kpd6!

1. Фb4! — цугцванг! 1...f5 2.f4 Kpd5 3.Ke7х, 1...Kpd5 2. Ke7 Кре5 3. f4х, 1...Kpf5, 2. Фе4 Kpg5 3. Фg4х

В ложных следах чередуются вступительные и вторые ходы, а в решении — вторые и третьи. Эти варианты завершаются правильными матами.

2-й почетный отзыв — С. ДЕМИДЮК (Беларусь)

1. Фf2! — цугцванг! 1...Кре4 2. Kpd6 С - 3. Сс2х, 2...Cd3 3. Cd5х, 2...Kpd3 3. Фе3х, 1...Ch7 2. d4 Кре4 3. Сс2х, 1...Cd3! 2. Cd5! С - 3. d4х, 2...Cf5! 3. Фd4х

Содержательная миниатюра с коррекцией в игре черного слона на первом и втором ходах!

1-й почетный отзыв
Е. БОГДАНОВ

2-й почетный отзыв
С. ДЕМИДЮК

3-й почетный отзыв
Н. КУЛИГИН

б) n.d5 - e5

3-й почетный отзыв — **Н. КУЛИГИН** (Украина)

а) 1. Кс7? Крб8 2. Кб5 Кра8 3. Ла7х, 1...Крб7!

1. Крf7? Крд7 2. Кс5 Крс8 3. Лh8х, 1...Крб7!

1. Лh6! 1...Крб7 2. Кс5 Кра7 3. Ла6х

б) 1. Кf4! Крб8 2. Кd5 Кра8 Кб6х
Тема распатования с переменной правильных матов.

1-й похвальный отзыв — **М. ЧЕРНУШКО** (Уссурийск)

1. Фд3! Кре6 2. Ке5, 1...Крс6 2. Ке5, 1...Крс8 2. Кб8, 1...Крс8 2. Кf8

“Звездочка” черного короля, но с симметричной игрой.

2-й похвальный отзыв — **А. ЛЕБЕДЕВ** (Беларусь)

а) 1. Л2f5! Кре4 2. Кре3 Крс3 3. Лfс5х, 1...Кре4 2. Крс3 Кре3 3. Лбе5х

б) 1. Лf1! Кре4 2. Лfb1 g4 3. Л1b4х, 1...Кре4 2. Лg5 2. Крд4 3. Лf4х

Близнецы с переменной линейных правильных матов.

3-й похвальный отзыв — **Е. РАКОВ** (Ленинградская обл.)

1. Ла4 Крб5 2. Лее4 е5 3. Леб4х, 1...Крд5 2. Лh4 е5 3. Лd3х, 2...Крс5 3. Лебх

Игра ладейной батареи украшена “борговыми” ходами другой ладьи.

Специальный почетный отзыв — **Е. БОГДАНОВ** (Украина)

Кра1, Фh3, Сg8, Кd5 — Кре5

1. Фh4? Крf5 2. Cf7, 1...Кd6!;

1. Cf7? Кре4 2. Фе3, 1... Крд6 2. Фе3, 1...Крд4!;

1. Се6! Крд4 2. Фе3, 1...Крд6 2. Фе3

Сложные вариации на тему Рухлиса.

Специальный похвальный отзыв — **Д. БАКЧИ** и **Л. ЗЛОТАН** (Венгрия)

Крh4, Фа1, п.е2 — Крh2; б) Фа1-d1

а) 1. Фg7!, Крh1 2. Крг3 Крг1 3. Фа1х

б) 1. Фd5 Крг1 2. Крг3 Крf1 3. Фd1х

В двух близнецах всего при четырех фигурах осуществлена тема возврата ферзя при различных правильных матах! К сожалению, позиция а) уже не раз встречалась.

В. ЧЕПИЖНЫЙ,

международный арбитр

1-й похвальный отзыв
М. ЧЕРНУШКО

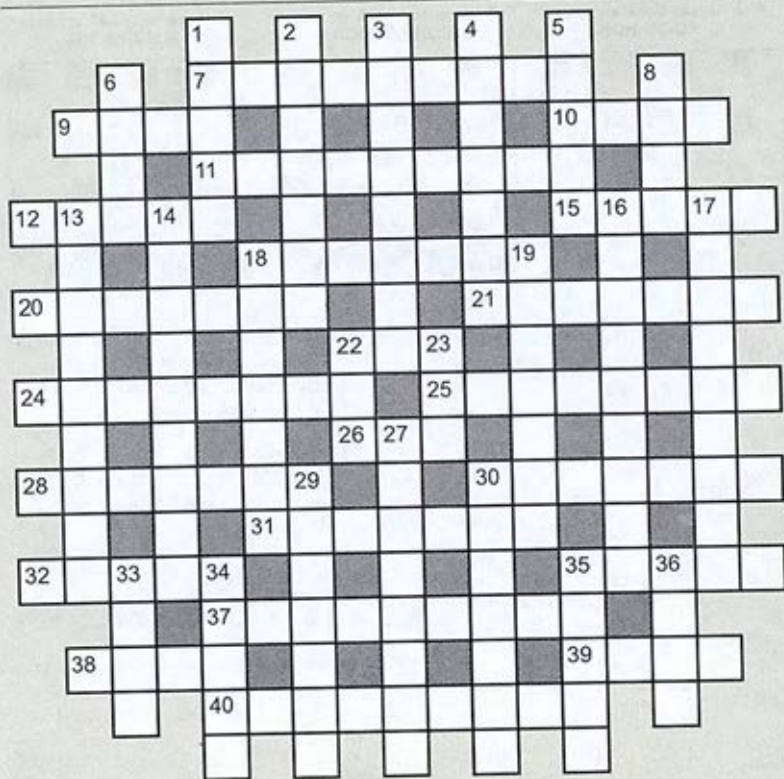
2-й похвальный отзыв
Л. ЛЕБЕДЕВ

3-й похвальный отзыв
Е. РАКОВ

б) n.g7 - g6

КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Знаменитый средневековый итальянский сборник рассказов, чьи сюжеты стали "бродячими". 9. Портрет солнечного зайчика на живописном полотне. 10. Дистанция с палочкой. 11. Совокупность свойств и качеств жизни на Западе (Старый Свет). 12. Устройство, оставляющее сбоку сеялки след на пашне как ориентир для трактора. 15. "Зазывала" в театр. 18. Композитор, автор песни "Натюша". 20. Знаменитый немецкий композитор, в 1727 году принявший английское подданство. 21. Самая пестрая домашняя птица. 22. Девушка по вызову для выполнения сказочных желаний. 24. В "Сказке о царе Салтане" добрый, а в "Руслане и Людмиле" злой персонаж. 25. Состояние стола после упойного банкета. 26. Восклицание, выражающее сетование, сожаление. 28. Макушка, выбритая с Божьей помощью.

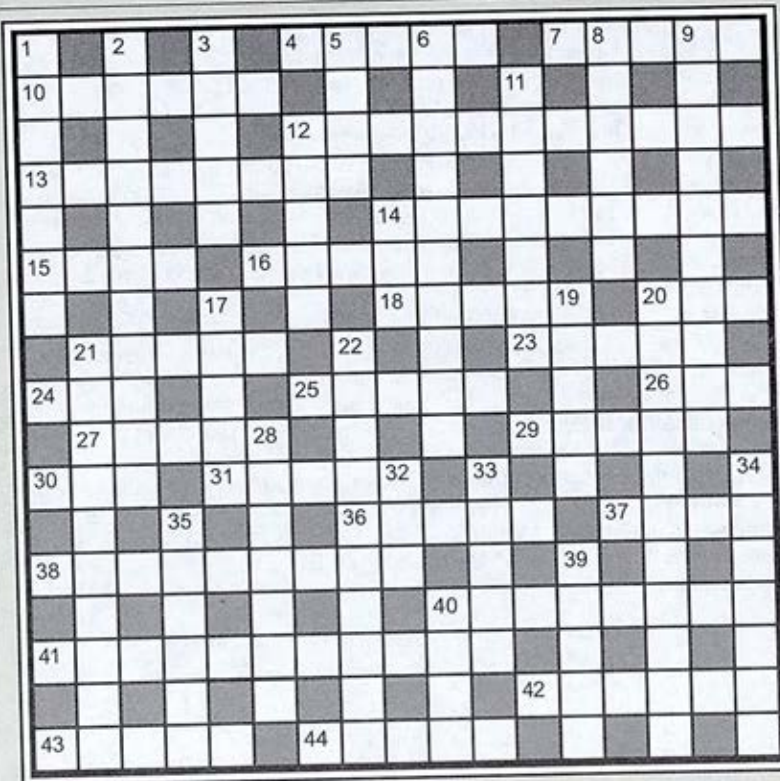
30. Французский ученый, первым измеривший скорость звука в воздухе. 31. Кинострашилка, обычно бессмысленная. 32. Старое название хлебных посевов, погибших от сильного мороза. 35. Поперечный срез. 37. Чужая женщина в постели. 38. Поле для веснушек. 39. Кумир публики в сказке про Снегурочку. 40. Безоговорочность, строгость.

По вертикали. 1. Каждый из героев в автобиографическом романе А. Куприна. 2. Музыкальный инструмент Пана. 3. Аплодисменты. 4. Палец для оценки ничтожных людей. 5. "Красный бычок" М. Цветаевой по жанру. 6. Простейшее приспособление, заставляющее проглотить язык. 8. Знаменитый испанский художник XX века, больше всего думавший об ангелах. 13. В песне про Нарьян-Мар "у Печоры у рени, где живут ... и рыбачат рыбаки". 14. Государство на семнадцати с половиной тысячах островов. 16. Имя Гойи. 17. Показное купание в росы. 18. Голландский живописец, чьи пейзажи отмечены влиянием итальянского маньеризма. 19. Технический сосуд для скапливания газа или пара. 22. Мадам в Швеции. 23. Русское название алан — предков осетин. 27. Одна из водорослей, делающих водоем зеленым. 29. Поза классического танца с поднятой и вытянутой назад ногой. 30. Лимонная мята. 33. Жительница серпентария. 34. Дурь, руководящая человеком, не знающим, что он во власти дури. 35. Пудра тяжелоатлета перед свиданием со штангой. 36. Электронический эконом-распорядитель. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 7. Изразец. 8. Органик. 11. Польшание. 12. Счисление. 13. Чернавна. 14. Хастелой. 15. Нюнна. 18. Шишна. 21. "Пышка". 22. Металлист. 24. Завистник. 26. Цахес. 28. Адрес. 31. Рыбак. 34. Балерина. 35. Убогость. 36. Пессимист. 37. Нулинария. 38. Либерия. 39. Яковлев.

По вертикали. 1. Взрывник. 2. Санаева. 3. Левитан. 4. Гречиха. 5. Тансист. 6. ... лицемеры. 9. Холерик. 10. Щитовна. 16. Юнагиры. 17. Жилетна. 19. Бенас. 20. Эсхил. 23. Фарадей. 25. Вестник. 27. Ешевский. 29. Дромадер. 30. Ниамеец. 31. Райский. 32. Кукушка. 33. Молитва.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 4. "...любви"— первый фильм в карьере Б.Бардо, где ее партнер Бурвиль предсказал ей судьбу кинозвезды. 7. Церковный антидогматизм, рассадником которого в средние века считали Богемию. 10. Царица Лидии, наряжавшая Геркала в женские одежды. 12. Горная порода, возникшая из диабазы при высоких температуре и давлении. 13. Интервал между самым низким и самым высоким звуком певческого голоса. 14. Артист и педагог, преобразивший грузинский национальный балет. 15. Дерево, которым А.Чехов любовался на Сахалине. 16. Величина в кубических метрах. 18. Стадо ржущих. 20. Иллюзионист, выезжавший на гастроли в восьми вагонах. 21. "... Мильтон и Паниновский" — "великие слепые" в устах Остапа Бендера. 23. Грусть на струнах скрипки. 24. Заоблачное селение в Средней Азии. 25. Каждый из ирландских революционеров-республиканцев (один из них — Баррет — стал последним публично назначенным в Англии человеком). 26. ...ван Винкль — герой одноименного фантастического рассказа В.Ирвинга, первый путешественник во времени. 27. Самый опасный

враг камня. 29. Заключительная часть древнегреческого представления, когда актеры и хор покидали сцену. 30. Китайско-американский физик, получивший Нобелевскую премию совместно со своим однокашником и другом Ли. 31. Архитектурное перенкрытие, стоящее на парусах и тропках. 36. Недоросль, начавший государственную службу. 37. Вторая жена Дантона, вышедшая за него пятнадцатилетней по воле родителей. 38. Артиллерийская наводка, регулирована прицела и целика в цифрах. 40. "Свинцовая земля". 41. Польский любитель приключений, написавший первую правдивую повесть о маори, а его рассказ "Невидимка" появился задолго до "Человеческой невидимки" Г.Уэллса. 42. Город, где японцы устроили "австралийский Перл-Харбор". 43. Шелковый платок с благожелательной символикой в юрте монгольских новобрачных. 44. Гавайские негли.

По вертикали. 1. Американский прозаик-негр, живший и писавший в Париже. 2. Специалист, всегда готовый посмотреть вам в глаза. 3. Молодой певец, дружащий с Н. Мордюковой. 5. Неудержимое стремление древнего грена к всевозможным состязаниям. 6. "Худая молва", которой в средние века было достаточно, чтобы возбудить уголовное дело. 8. Рядовой воин при царе Горохе. 9. Древнеримский сибарит, который, по легенде, не мог заснуть, если хотя бы один из розовых лепестков, которыми усыпали его постель, был несвежим. 11. У древних армян — Кари, у византийцев — Теодосиополис, у арабов — Каликала, у турок — ... 12. Еда Балды. 14. Два, четыре или шесть. 17. Маленькая собачка даже в старости, согласно поговорке. 19. Где тонко, там она и рвется. 20. Тонга как государство. 21. Вид спорта, где преуспевал в молодости философ Платон. 22. Движение, во время которого христиане в городе Гранада сожгли больше 80 тысяч арабских и других книг. 28. Народное название дантиста. 32. Единственная река, пересекающая пустыню Атакама. 33. Диалог Платона о материальном космосе в его соотношении с умом. 34. Сочетание двух гласных в немецком и других языках. 35. Дерево, на плоту из семи бревен которого одиночка У.Уиллис в 1954 году пересек Тихий океан. 39. Немецкий композитор, чей отец Август первым в мире начал выпускать дешевые карманные издания классиков. 40. Металл, по которому называют свадьбу после шести с половиной лет брака. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 3. Крижанич. 10. "Оттон". 11. Айван. 12. Светофор. 13. Эльбрус. 14. Дронт. 16. Пиза. 17. Зигун. 18. Фагот. 19. Шванк. 24. Угнетение. 25. Иоланта. 27. Алхимия. 28. Триклиний. 30. Отщеп. 33. Хлыст. 34. Гладь. 35. Раль. 37. Тутти. 39. Кровать. 40. Империял. 41. Донос. 42. Весло. 43. Кокошник.

По вертикали. 1. Стиллингфлит. 2. Бомбоубежище. 4. Ривс. 5. Жете. 6. Нефрит. 7. Чардаш. 8. Европа. 9. Знаток. 12. ...суд... 15. Малик. 16. Поп. 20. Владиславлев. 21. Нотоиздатель. 22. Целий. 23. Ложки. 26. Пруст. 29. Юль. 30. Остаде. 31. Щетина. 32. Прииск. 33. Хлопок. 36. Ярл. 38. Грош. 39. Кали.

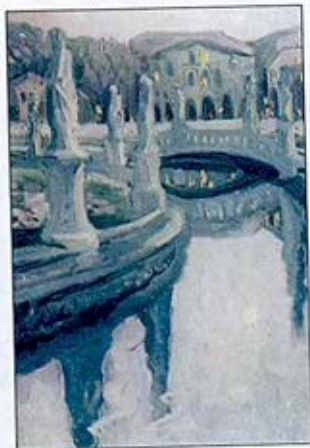

Она создала удивительный мир: уединенный, тихий, созерцательный. В нем не бушуют страсти, не взрываются эмоции, жизнь течет плавно и размеренно. Наталья Близняк словно бы воскрешает потерянный рай, в котором когда-то человек жил в гармонии с природой, в ладу с собственной душой. Она пишет в основном уединенные парки, сады, заброшенные старинные усадьбы. Особенно хороши ее виды Петербурга, а также сады, парки и фонтаны Ораниенбаума, Петергофа, Павловска. Хотя художница изображает вполне конкретные места, с ходу узнаваемые, тем не менее в них присутствует некий собирательный образ, рожденный ее фантазией, поэтичный и подчас грустный.

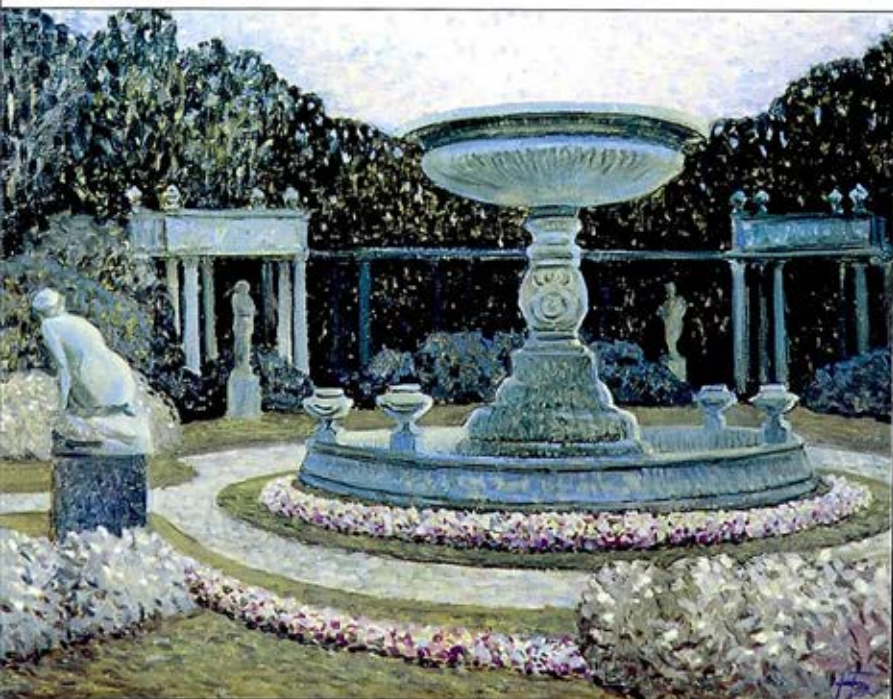
Наталья часто приезжает в Петербург — писать этюды, делать зарисовки с натуры, и, как правило, в свои любимые белые ночи. Уверяет, что в сумеречном состоянии природа окрашивается в необыкновенные цвета, приобретает таинственность и загадочность. Одно из ее полотен так и называется — «Белые ночи». Заросший темно-зелеными деревьями парк и фонтан, в котором нет воды. Здесь царит лишь грустное запустение. Да и вообще, Наталья предпочитает писать спойные, уютные местечки. Лесное озеро, застывшее среди огромных деревьев, ночное небо с легкими облаками слабо отражается на его гладкой поверхности. Или анжуратный летний домик, одиноко стоящий на берегу пруда, деревья в багровом убранстве сбрасывают листву, лодка плавно покачивается на воде...

Наталья Близняк родилась в Ярославле, там же окончила художественное училище. Учебу продолжила в Москве, в Суриновском институте, на факультете графики. Но неожиданно для себя серьезно увлеклась живописью, потому диплом делала не только в офортах, но и представила живописные работы — изображение старинных русских городов. Видимо, с тех пор одним из любимых мотивов в творчестве художницы и стал архитектурный пейзаж. На эту тему у нее уже создано много серий. Отечественные виды написаны в строгих, несколько темноватых тонах, а вот итальянские города — Венеция, Падуя, Равенна, куда она выезжала в творческие командировки — искрятся яркими, сочными красками, что вполне понятно, ведь северная природа более сдержанна. И только южное небо имеет бездонную синь, а палящее солнце весело скользит по средневековым дворцам дождей, площадям и соборам...

Наталья часто выставляется. Уже состоялось несколько ее персональных выставок. Последняя — с поэтическим названием «Безмолвие диких берегов» — прошла в марте этого года в Центральном доме художников. «Такое название неслучайно, — говорит Наталья. — Меня всегда привлекали безлюдные места, тишина и уедине-

Падуя.

ние. Даже в городских парках я выбираю самые отдаленные, глухие аллеи. В дали от шума и суеты города я настраиваю себя на лирический лад и создаю свой мир...” ■

Людмила КАНДАЛОВА

Лесное озеро.

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТО

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02
факс:(3412) 78-58

АКСИОН ТНП

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru